РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ХРЕСТОМАТІЯ

СОСТАВЛЕННАЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

для низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

Иллюстрированная 25 портретами русскихъ писателей

и

многими рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. Тарнавскій,

ДИРЕКТОРЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Въ третьемъ изданіи одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* для учебныхъ заведеній, низшихъ и среднихъ, Юго-Западнаго края. (Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ, стр. 22,—въ среднихъ, стр. 25).

Цѣна 60 копѣекъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова.

Лештуковъ переулокъ, д. № 2.

1901.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ХРЕСТОМАТІЯ

СОСТАВЛЕННАЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

для низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

Иллюстрированная 25 портретами русскихъ писателей

и

многими рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. Тарнавскій,

ДИРЕКТОРЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Въ третьемъ изданіи одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* для учебныхъ заведеній, низшихъ и среднихъ классовъ учебныхъ заведеній Юго-Западнаго края. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ, стр. 22,—въ среднихъ, стр. 25.

Цѣна 60 копѣекъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова.

Лештуковъ переулокъ д. № 2.

1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 августа 1900 г.

Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая., № 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудясь надъ составленіемъ предлагаемой хрестоматіи, составитель намѣревался издать такую книгу, которая была бы пригодна не только для учебныхъ заведеній великороссійскихъ губерній, но, главнѣйшимъ образомъ, для училищъ нашихъ окраинъ, напр. Юго-Западнаго края, и которая представила бы учащимся образцы русскаго языка, взятые изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей, и чрезъ то помогла бы учащимся усвоить себѣ русскій языкъ и полюбить его, какъ отечественный, государственный и прекрасный языкъ.

Учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ окраинъ состоятъ изъ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ дѣтей, напр. учащіеся Юго-Западнаго края состоятъ изъ малороссовъ, поляковъ и евреевъ. Каждый изъ нихъ вноситъ въ русскую рѣчь, при разговорѣ, письмѣ и даже чтеніи, особенности своего семейнаго говора.

Чтобы видно было, съ какими трудностями приходится бороться учителю русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ юго-западныхъ губерній, представляемъ въ примѣръ тѣ провинціализмы *), которыми изобилуетъ русская рѣчь православныхъ учениковъ мѣстныхъ училищъ.

1) Неправильная постановка удареній, напр. чайни́къ, сто́ляръ, бо́льница, барха́тъ, колы́бель, хлѣбе́цъ, медвѣди́ца, о́лень, у́сы, по́стель, ли́ловый, двѣнадцати́, ше́стьдесятъ, семьдеся́тъ, са́ма, ша́литъ, могу́тъ, сзади́ и проч.

2) Выговоръ: *о* произносится чисто, а также и окончанія: *аго, яго, ого* и пр.: впрочемъ учащіеся скоро привыкаютъ къ произношенію *о* какъ *а*.

3) Измѣненіе окончаній, напр. декаб*ръ*, богаты*ръ*, тепе*ръ*, дяте*лъ*, молебе*нъ*, сель*ской*, стекля*ной*, мо*гти*, пе*кти*, *жыю*, па*хаю*, суд*ою*, туд*ою*, оче*нъ*, на*шъ*, наш*ая*, наш*ое*, эт*ое* и пр.

4) Согласованіе словъ, напр. бѣл*ая* гусь, сѣр*ый* собака, хорош*ая* путь и пр.

5) Пропускъ *ъ* и *ь*, напр. дере*вя*, се*мя*, лис*тя*, *пе*шь, объявленіе и пр.

6) Вставка *ъ* и *ь*, а также *н*, напр. *опъ*ять, знам*ья*, *мня*со, *мня*гкій и пр.

7) Пропускъ *н* и удвоеніе этой же буквы, напр. плѣ*ни*къ, подли*но*, уче*нный*, сказа*нно*, выбра*нн*ъ и пр.

8) Замѣна буквъ, напр. *а* вмѣсто *я*: гор*а*чій, тр*а*пка, гр*а*зь, говор*а*тъ; *о* вмѣсто *ё*: бер*о*за, ор*о*лъ, серодка, впер*о*дъ; *о* вмѣсто *е* послѣ шипящихъ: подлежащ*ое*, пе*що*ра, училищ*о*мъ, о ваш*о*мъ; *я* вмѣсто *а*: стр*я*хъ, р*я*дъ; *у* вмѣсто *ю*: гор*у*чій; *ё* вмѣсто *о*; огрёмный; *и* вмѣсто *ы*: стар*і*й, котор*і*й, бар*и*ня; *ы* вмѣсто *и*: говор*ы*тъ, гор*ы*тъ и проч.

9) Вставка *л* передъ *ятъ*, напр. сла*влятъ*, сп*лятъ*, благосло*влятъ*, лю*блятъ* и пр.

10) Смѣшеніе винит. пад. женск. р. ед. ч. съ твор. падеж., напр.: купили бѣл*ою* лошадь, нашли хорош*ею* вещь и пр.

11) Замѣна опредѣленнаго или полнаго окончанія имени прилагательнаго неопредѣленнымъ или краткимъ, и наоборотъ, напр.: Богъ доб*ръ*, *щодрый* до насъ, у насъ былъ вчера хоро*шъ* человѣкъ и пр.

12) Неправильное употребленіе личныхъ мѣстоименій 3-го лица послѣ предлоговъ и глаголовъ, напр.: человѣкъ сидѣлъ *съ ими*, обе*з*я*нна* на́чалъ вертѣть *ними* (очками) и пр.

13) Неправильная постановка отрицательныхъ мѣстоименій, напр.: тепе*ръ* хлѣбъ *по ни чомъ*; *за ни что о ни комъ* не буду хлопотать и пр.

14) Неправильное употребленіе вин. пад. обоихъ чиселъ им. сущ. одушевл. и неодушевл. предметовъ, напр.. пастухъ пасъ крестьян*скія* ов*цы*; когда за ними прислали лошад*и*, я надѣвалъ сапо*га* и пр.

---

*) Записаны въ Волынской губерніи и отчасти въ Кіевѣ.

15) Неправильное употребленіе предлоговъ, напр.: отецъ вынулъ *съ* кармана деньги, когда былъ *у* Кіевѣ; *въ* крестьянскихъ дѣтей много суевѣрій и пр.

16) Неправильное составленіе вопросит. предложеній, напр.: *или* вы *вдома*? куд*ою* вы идете (вмѣсто *гдѣ*)? *гдѣ* вы идете (вмѣсто куда)? *или* были вы *въ дяди*? и пр.

17) Употребленіе словъ съ своеобразнымъ значеніемъ, напр.: *болото* (грязь), *станція* (комната), *служащій* (работникъ), *служеніе* (обѣдня, вообще, богослуженіе въ церкви), *недѣля* (воскресенье), *сидятъ* (живутъ) *въ домѣ*, *шалѣлъ* (шалилъ), и пр.

18) Искаженіе словъ, напр.: *обовязанъ* (обязанъ), *подчинить* (починить), *содовлятъ* (садятъ), *девять десять* (девяносто) и пр.

19) Употребленіе иностранныхъ словъ въ польской передѣлкѣ напр.: *конфитýры* (варенье), *трибутóнъ* (пробочникъ), *цезбрикъ* (перочинный ножикъ), *пѣ́нзлыкъ* (кисточка), *рóндель* (кастрюля) и пр.

20) Употребленіе такого рода оборотовъ, какъ напр.: «*Добрый день* (здраствуйте)!» «*До свиданія съ вами*». «*Я не имѣю денегъ*». «*Я не къ вамъ говорю, а до него*». «*Его товарищъ смѣется* (иногда: *кпится*) *съ него, а онъ, дурный* (дурень), *плачетъ за нимъ*». «*Я смерзъ въ руки, и мнѣ руки болятъ*». «*Сестра моя больна на глаза и ходитъ на очкахъ*». «*Крестьянинъ ѣдетъ санками по такому страшному болоту* (грязи)». «*Мы съѣли обѣдъ, а вы не видали его на свои глаза*». «*Я имѣю вамъ что-то сказать*». «*Дайте мнѣ тамъ-тое перо*». «*У бѣдныхъ часто нѣтъ чего кушать*». «*Мѣшки ложатъ на вѣсы*». «*Полъ вымыли съ мыломъ*». «*Насъ двоихъ было, и мы ожидали на нихъ*». «*Сильнѣйшаго звѣра отъ льва нѣтъ*». «*Входя въ костелъ, намъ играла музыка* (т. е. когда мы входили)». «*Бывшій волкъ голодный, такъ онъ прійшолъ до лисы*». «*Служанка поприбираетъ въ первой комнатѣ* (гостиной), *подольетъ вазоны* (цвѣты), *зальетъ чай, наведетъ часы, сниметъ бѣлизну* (бѣлье) *съ горы* (чердака) *и пойдетъ въ городъ* (на базаръ, въ лавки)». «*Что вы говорите на это?*». «*Откогда жыю, не слыхалъ на свои уши*».

Такія и подобныя имъ особенности вносятъ въ русскую рѣчь учащіеся православнаго исповѣданія; еще бо́льшія особенности слышатся въ рѣчи католиковъ и евреевъ; а вторыхъ и третьихъ не мало обучается въ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западнаго края. Естественно, что для тамошнихъ училищъ нужна нарочито приноровленная къ мѣстнымъ потребностямъ книга, прежде всего съ удареніями, потомъ съ обозначеніемъ отличныхъ въ произношеніи и правописаніи буквъ особеннымъ шрифтомъ, и наконецъ не изъ самодѣльныхъ статей, написанныхъ составителемъ, а изъ отрывковъ или цѣльныхъ произведеній, принадлежащихъ лучшимъ писателямъ.

Эту задачу взялъ на себя составитель настоящей хрестоматіи и старался выполнить ее по мѣрѣ своего знанія и умѣнья, въ надеждѣ, что его ошибки и недосмотры будутъ указаны критикою. Надежда эта оправдалась. Пользуясь замѣчаніями періодической печати и въ особенности указаніями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (Журн. М. Н. П., 1885 г., № 3, стр. 31—32), составитель исправилъ хрестоматію, исключивъ изъ нея нѣкоторыя статьи, признанныя неудобными для школьнаго употребленія. Въ то же время, желая, чтобы хрестоматія была полна, составитель добавилъ болѣе 60 новыхъ статей, выбранныхъ изъ сочиненій лучшихъ писателей. Въ дополненіе къ 25 портретамъ русскихъ писателей (нѣкоторые портреты замѣнены новыми, болѣе схожими), издатель прибавилъ болѣе ста разныхъ рисунковъ. Улучшивъ такимъ образомъ хрестоматію, издатель, по просьбѣ составителя, уменьшилъ цѣну книги до 60 коп. Не смотря на это, составитель признаетъ, что и теперь, въ его обновленной хрестоматіи, не смотря на исправленія, есть недостатки. За указаніе этихъ недостатковъ онъ будетъ искренно признателенъ всѣмъ, кто почтитъ его книжку болѣе или менѣе обстоятельнымъ разборомъ.

А. Тарнавскій.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.
ХРЕСТОМАТІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. *Карамзинъ.*

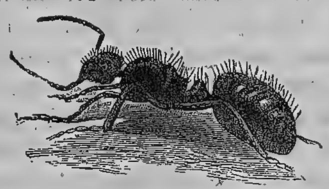
2. Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ. *Тургеневъ.*

3. Добро за добро.

Нищій пришёлъ въ домъ къ бѣдному мужику. У жены́ мужика́ былъ то́лько оди́нъ хлѣбъ. Она́ отдала́ полови́ну хлѣба ни́щему, пото́мъ вы́шла на дворъ. На столбѣ́ у воро́тъ увидѣла она́ рой пчёлъ. Ба́ба его́ огребла́. Съ той поры́ у нея́ повели́сь пчёлы.

Графъ Л. Н. Толстой.

4. Захотѣлъ муравей пить. Вотъ и спусти́лся онъ къ ручью. Вдругъ подхвати́ла его́ волна́. Мураве́й утопа́лъ. Въ э́ту ми-



нуту пролетала надъ ручьёмъ голу́бка. Она́ несла́ вѣтку. Сжа́лилась голу́бка надъ утопа́вшимъ муравьёмъ. Вотъ она́ и бро́сила ему́ вѣтку. Мураве́й спа́сся. О́коло рѣки́ сидѣлъ охо́тникъ. Онъ сѣтью лови́лъ птицъ. Голу́бка то́же вошла́ подъ сѣть поклева́ть зёренъ. Охо́тникъ уже хотѣлъ захлопнуть сѣтью голу́бку. Мураве́й замѣтилъ э́то. Въ ту же мину́ту укуси́лъ онъ охо́тника за́ ногу. Гро́мко вскри́кнулъ охо́тникъ отъ бо́ли. Голу́бка вмигъ улетѣла.

5. Богачъ и бѣднякъ.

Въ подва́лѣ жилъ бѣ́дный сапо́жникъ. Надъ подва́ломъ жилъ бога́тый ба́ринъ. Сапо́жникъ мѣша́лъ спать ба́рину. Онъ беззабо́тно пѣлъ пѣ́сни. Баринъ подари́лъ сапо́жнику мѣшо́къ де́негъ. Сапо́жникъ сталъ бога́тъ и съ тѣхъ поръ переста́лъ пѣть: онъ всё карау́лилъ свои́ де́ньги.

6. Птичка.

Пти́чка лета́етъ,
Пти́чка игра́етъ,
Пти́чка поётъ.
Пти́чка лета́ла,
Пти́чка игра́ла,
Пти́чки ужъ нѣтъ.
Гдѣ же ты, пти́чка?
Гдѣ ты, пѣви́чка?
Въ да́льнемъ краю
Гнѣздышко вьёшь ты;
Тамъ и поёшь ты
Пѣ́сню свою́. *Жуко́вскій.*

7. Въ чужби́нѣ свя́то наблюда́ю
Родно́й обы́чай стари́ны:
На во́лю пти́чку выпуска́ю
При свѣ́тломъ пра́здникѣ весны́ [1]).
Я сталъ досту́пенъ утѣше́нью;
За что на Бо́га мнѣ ропта́ть,
Когда́ хоть одному́ творе́нью
Я могъ свобо́ду дарова́ть? *Пу́шкинъ.*

[1]) *Свѣтлый праздникъ весны*—Благовѣщенье.

Я. П. Полонскій.

8. Нищій.

Знава́лъ я ни́щаго: какъ тѣнь,
Съ утра́, быва́ло, цѣлый день
Стари́къ подъ о́кнами броди́лъ
И подая́нія проси́лъ;
Но всё, что въ день ни собира́лъ,
Быва́ло, къ но́чи раздава́лъ
Больны́мъ, калѣ́камъ и слѣпца́мъ,
Таки́мъ же ни́щимъ, какъ и самъ.

Як. Поло́нскій.

9. Дѣло мастера боится.

Разъ черепа́ха проси́ла орла́: «вы́учи ты меня́ лета́ть». Орёлъ и говори́тъ черепа́хѣ: «ты не мо́жешь лета́ть».—«Я всё могу́ дѣ́лать», отвѣ́тила черепа́ха. — «Ты говори́шь непра́вду: ты не мо́жешь лета́ть». А черепа́ха не унима́ется, все бо́лѣе и бо́лѣе пристаётъ къ орлу́. «Я согла́сенъ», сказа́лъ наконе́цъ орёлъ. Вотъ и взялъ онъ черепа́ху въ свои́ ко́гти. Высоко́-высоко́ взлетѣ́лъ орёлъ надъ землёю. «Пусти́-ка ты тепе́рь меня́», говори́тъ черепа́ха орлу́, «я сама́ полечу́». Орёлъ вы́пустилъ её. Съ стра́шною си́лою уда́рилась черепа́ха о зе́млю. И оста́лись отъ черепа́хи однѣ́ то́лько ко́сти.

---

10. У вся́каго тала́нтъ есть свой;
Но ча́сто, на успѣ́хъ прельща́яся чужо́й,
Хвата́ется за то́ ино́й,
Въ чёмъ онъ совсѣ́мъ не го́денъ.
А мой совѣ́тъ тако́й:
Бери́сь за то́, къ чему́ ты сро́денъ,
Коль хо́чешь, чтобъ въ дѣла́хъ успѣ́шный былъ коне́цъ.

---

11. Примѣ́чено стокра́тъ,
Что, кто за ремесло́ чужо́е бра́ться лю́битъ,
Тотъ завсегда́ други́хъ упря́мѣй и вздорнѣ́й:
Онъ лу́чше дѣ́ло всё погу́битъ,
И радъ скорѣ́й
Посмѣ́шищемъ стать свѣ́та,
Чѣмъ у че́стныхъ и зна́ющихъ люде́й
Спроси́ть иль вы́слушать разу́мнаго совѣ́та.

Крыло́въ

12. Что посѣешь, то и пожнешь.

Жилъ-былъ въ дере́внѣ ма́льчикъ-подро́стокъ. Онъ былъ сирота́. Мать его́ была́ бѣ́дная же́нщина. Крестья́не на́няли сироту́ пасти́ ста́до ове́цъ. Въ ста́дѣ находи́лась пастухо́ва овца́. Ра́зъ всѣ крестья́не бы́ли ва́ полѣ. Они́ рабо́тали. Вдругъ слы́шатъ крестья́не крикъ: «волкъ бѣжи́тъ! волкъ бѣжи́тъ!». Крестья́не бро́сились бѣжа́ть къ ста́ду. И ви́дятъ они́: нѣтъ никако́го во́лка. Пасту́хъ обману́лъ ихъ. Таки́мъ о́бразомъ обма́нывалъ пасту́хъ нѣ́сколько разъ. Одна́жды волкъ и въ са́момъ дѣ́лѣ прибѣжа́лъ къ ста́ду. Вотъ и кричи́тъ пасту́хъ изъ всей си́лы: «волкъ прибѣжа́лъ! волкъ прибѣжа́лъ!».—«Онъ лжётъ!» заговори́ли крестья́не. И они́ не пошли́ на по́мощь. Волкъ же въ э́то вре́мя успѣ́лъ зарѣ́зать пастухо́ву овцу́. Го́рько запла́калъ пасту́хъ. «Самъ винова́тъ!» говори́ли ему́ крестья́не.

---

13. Слыха́лъ я мно́го разъ,
Что, лёгкіе просту́пки ста́вя въ ма́лость,
Въ нихъ извини́ть себя́ хотя́тъ
И говоря́тъ:
За что вини́ть тутъ? Это ша́лость.
Но эта ша́лость намъ къ паде́нью пе́рвый шагъ:
Она́ стано́вится привы́чкой, по́слѣ—стра́стью,

И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даётъ опомниться никакъ.
Крыловъ.

14. Вечеръ на сѣнокосѣ.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ,
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.
Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ.
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.
Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведёнъ костёръ.
Вотъ, ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой;
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой,
Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ, присядаетъ,
Соловьёмъ свиститъ.
Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ;
Пѣсня замираетъ
Далеко въ лѣсахъ.
Никитинъ.

15. Кто за большимъ гоняется, тотъ и малое теряетъ.

Чрезъ ручей лежитъ перекладина. Разъ бѣжала по ней собака. Во рту ея находился большой кусокъ мяса. Добѣжала собака до половины ручья. Вдругъ увидѣла она въ водѣ собаку съ мясомъ. «Отниму-ка я у нея мясо!» думаетъ собака. Своё мясо собака бросила. Вода и унесла его. Не нашла собака и другаго мяса. Такъ и осталась она ни при чёмъ.

16. Ну, какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться!
Я буду всё твердить своё:
Что впереди—Богъ вѣсть, а что моё—моё!
Крыловъ.

17. Не красиво, да спасибо.

По долинѣ протекаетъ ручей. Вода въ нёмъ всегда была очень чистая. Пришёлъ къ ручью молодой олень. Онъ хотѣлъ напиться. Видитъ олень въ водѣ своё изображеніе. Вотъ и говоритъ онъ: «Какъ хороши мои рога! какъ они красивы! какъ развѣсисты! А ноги плохи! ужъ очень тонки онѣ!». Вдругъ выскочили волки. Они бросились къ оленю. Олень сталъ уходить отъ нихъ. Быстро бѣжалъ онъ по чистому полю. Далеко за собою оставилъ онъ волковъ. Вотъ олень добѣжалъ до густаго лѣса. Вскочилъ онъ въ лѣсъ. А волки всё-таки гонятся за оленемъ. Вотъ они догнали оленя. Онъ запутался въ сучьяхъ деревьевъ своими вѣтвистыми рогами. Волки со всѣхъ сторонъ окружили оленя. Въ эту минуту онъ говорилъ самому себѣ слѣдующее: «некрасивыя ноги спасали меня отъ смерти, а красивые рога погубили».

18. Зима.

Гдѣ сладкій шёпотъ
Моихъ лѣсовъ,
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
* * *
Деревья голы,
Ковёръ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
* * *
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Всё цѣпенѣетъ.
* * *
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.
Баратынскій.

19. Левъ, медвѣдь и лисица.

Левъ и медвѣдь добыли себѣ большой кусокъ мяса. Не могутъ они раздѣлить его на равныя части. Медвѣдь не хотѣлъ уступить, и левъ не уступалъ. Вотъ и стали

они́ дра́тся. Левъ не побѣди́лъ медвѣ́дя. Одна́ко о́ба они́ ослабѣ́ли отъ дра́ки. Э́то замѣ́тила лиси́ца. «А вѣдь я могу́ отня́ть у нихъ мя́со! Тепе́рь они́ обезсилѣли. Они́ ничего́ не сдѣ́лаютъ со мно́й!» — такъ ду́мала хи́трая лиси́ца. Такъ она́ и сдѣ́лала. Ѣстъ лиса́ мя́со, а медвѣ́дь со львомъ то́лько смо́трятъ на неё.

20. Въ дѣла́хъ, кото́рыя гора́здо пова́жнѣ́й,
Нерѣ́дко оттого́ поги́бель всѣмъ быва́етъ,
Что, чѣмъ бы о́бщую бѣду́ встрѣча́ть дружнѣ́й,
Вся́къ спо́ры затѣва́етъ
О вы́годѣ свое́й.

Крыло́въ.

21. Ворона и голуби.

«Какъ хорошо́ живу́тъ го́луби!» говори́ла сама́ себѣ́ воро́на. «Сдѣ́лаюсь-ка я го́лубемъ!» поду́мала воро́на. Вы́бѣлилась воро́на. «Вотъ и я го́лубь!» говори́тъ воро́на. Полетѣ́ла воро́на въ голубя́тню. Го́луби впусти́ли воро́ну къ себѣ́. Въ э́то вре́мя го́луби клева́ли зёрна. Ѣстъ и воро́на. На́ѣлись го́луби, ста́ли они́ воркова́ть. «И я поворку́ю!» ду́маетъ воро́на. Вотъ и ка́ркнула она́ поворо́ньи. Го́луби и узна́ли воро́ну. Че́резъ мину́ту прогна́ли они́ воро́ну изъ голубя́тни. Полетѣ́ла воро́на къ свои́мъ. Воро́ны то́же прогна́ли её.

22. Няня.

По́мню я, быва́ло, ня́ня,
До́лго си́дя за чулко́мъ,

Мо́лвитъ: «Ба́ловень ты, Ва́ня!
Все дура́чишься съ кото́мъ.
Встань, пода́й мою́ шубе́йку,
Что-то хо́лодно... дрожу́...
Да прися́дь вотъ на скаме́йку,
Ска́зку чу́дную скажу́».
И стару́шка съ разстано́вкой
До полно́чи говори́тъ.
Съ приподня́тою голо́вкой
Я сижу́. Свѣча́ гори́тъ.
Пѣтухи́ давно́ пропѣ́ли.
По́здно. Тя́нешься ко сну...
Гдѣ-то дро́жки прогремѣ́ли.
И подъ го́воръ я засну́.

Ники́тинъ.

23. Олень и виноградникъ.

За оле́немъ гна́лись охо́тники. Оле́нь спря́тался въ виногра́дникъ. Охо́тники проскака́ли ми́мо. Вотъ оле́нь и ду́маетъ: «бѣда́ прошла́». Сталъ онъ ѣсть виногра́дные ли́стья. Ли́стья зашевели́лись. Охо́тники замѣ́тили э́то. Оди́нъ изъ нихъ говори́тъ друго́му: «А вѣдь оле́нь спря́тался въ виногра́дникъ. Вы́стрѣлимъ-ка вотъ сюда́!». Охо́тникъ указа́лъ мѣ́сто. Оди́нъ охо́тникъ вы́стрѣлилъ. Повали́лся на зе́млю ра́неный оле́нь. Умира́ючи, говори́лъ оле́нь самому́ себѣ́: «Я э́того сто́ю... Ли́стья спаса́ли меня́... А я ѣлъ ихъ... Я былъ неблагода́рное живо́тное...».

24. Украинская ночь.

Тиха́ укра́инская ночь.
Прозра́чно не́бо. Звѣ́зды бле́щутъ.
Свое́й дремо́ты превозмо́чь
Не хо́четъ во́здухъ. Чуть трепе́щутъ
Сребри́стыхъ то́полей листы́.

Пу́шкинъ.

25. Перепёлка и перепелята.

Мужики́ коси́ли сѣ́но. Подъ одно́й лугово́й ко́чкой бы́ло перепели́ное гнѣздо́. Перепёлка полетѣ́ла за ко́рмомъ для свои́хъ дѣ́токъ. По возвраще́нiи она́ уви́дѣла ско́шенный лугъ. «Бѣда́ пришла́! Тепе́рь вы должны́ сидѣ́ть въ гнѣздѣ́ тихо́хонько.

Люди не должны васъ видѣть. Вечеромъ я переведу васъ!»—такъ говорила перепёлка-мать своимъ дѣткамъ-перепеляткамъ. Перепелята были ещё глупы. Они радовались. «Какъ хорошо солнце свѣтитъ! Лугъ такъ чистъ! Мы не должны прятаться и молчать!.. Наша мать стара... Это она отъ старости боится... Пусть она и не веселится... Мы будемъ веселиться!»—такъ говорили неразумные перепелята. Одинъ маленькій перепелъ запищалъ, маленькая перепёлочка вылѣзла изъ гнѣзда. Вотъ и всѣ они наконецъ запищали, всѣ они покинули гнѣздо.

Въ это время крестьянскія дѣтки принесли обѣдать своимъ семейнымъ. Взрослые крестьяне обѣдаютъ, дѣтки ихъ бѣгаютъ по лугу. «Гдѣ-то здѣсь перепелята пищатъ!» говоритъ одинъ мальчикъ другому. И пошли они искать перепелятъ. Пискъ перепелятъ указалъ дѣтямъ мѣсто гнѣзда. Скоро отыскали дѣти гнѣздо, скоро переловили они всѣхъ перепелятъ.

26. Вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ.
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова.
Тихо всё. Часъ ночи не далёкъ.
Подымался и улёгся снова
На закатѣ лёгкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ. Лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай. Промолвятъ голоса.
Пыль слеглась. Остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились.
Встрѣтить ночь готовится природа.

Ив. Аксаковъ.

27. Цыганскій таборъ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Между колёсами телѣгъ
Горитъ огонь. Семья кругомъ
Готовитъ ужинъ. Въ чистомъ полѣ

Пасутся кони. За шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье.
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены.
Спокойно всё. Луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

Пушкинъ.

28. Два друга.

Шли по лѣсу два друга. Вдругъ бросился на нихъ медвѣдь. Одинъ другъ влѣзъ на дерево; другой бросился на землю, притворился мёртвымъ. Обнюхиваетъ медвѣдь лежащаго на землѣ, а онъ и не дышетъ. «Мертвецъ лежитъ», подумалъ медвѣдь и пошёлъ прочь. Только въ это время слѣзъ первый другъ съ дерева. «Что тебѣ говорилъ медвѣдь на ухо?» спрашиваетъ онъ у лежавшаго.

— Приказалъ не дружитъ съ тобою, отвѣтилъ тотъ.

29. На языкѣ легка и ласка, и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.

Крыловъ.

30. Дружба.

На гордыхъ высотахъ Ливана [1])
Растётъ могильный кипарисъ [2]).
И вѣтки плюща обвились
Вокругъ его прямаго стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій,—

---

[1]) *Ливанъ* — Ливанскія горы въ Азіи. [2]) *Кипарисъ*—употребляютъ на доски для иконъ.

Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!

Лермонтовъ.

31. Обиженный козёлъ.

У одной старухи была корова и козёлъ. Корова съ козломъ вмѣстѣ ходили въ стадо. Оба вмѣстѣ приходили домой. По приходѣ коровы хозяйка кормила её, потомъ усаживалась доить. Корова никогда не стояла смирно во время доенья молока. Старуха просила корову стоять смирно. Корова не слушалась. Наконецъ придумала старуха средство; вздумала она задабривать корову кускомъ хлѣба съ солью. Выноситъ старуха хлѣбъ, даётъ коровѣ и говоритъ: «стой-же смирно, ещё тебѣ дамъ». Всё это слышалъ козёлъ. И сильно захотѣлъ онъ хлѣба. На другой день козёлъ постарался придти домой раньше коровы. Старуха уже сидитъ, поджидаетъ корову. Козёлъ подошёлъ къ старухѣ, сталъ передъ ней, стоитъ—не шелохнется. «Вотъ и мнѣ хозяйка дастъ хлѣба», думаетъ козёлъ. А козёлъ уже надоѣлъ старухѣ, и замахнулась она на него. «Пошёлъ прочь!» кричитъ. А козёлъ ещё смирнѣе стоитъ. Онъ хорошо запомнилъ слова старухи о хлѣбѣ съ солью. А старуха всё громче да громче кричитъ на козла. «Что жъ это она?» думаетъ козёлъ. Наконецъ прогнала старуха козла палкой. Въ эту самую пору пришла корова. Старуха дала ей хлѣба и стала доить. Смотритъ козёлъ, и сильно онъ опечалился. Нѣтъ у людей правды!» думаетъ онъ. «Я стоялъ смирнѣе коровы, а меня хозяйка прибила».

Отошёлъ козёлъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко, повалилъ на землю старуху и зашибъ её своими длинными рогами.

32. Появленіе утра.

Въ полѣ тихо. Чуть-чуть вѣетъ
Перелётный вѣтерокъ.
Тѣнь полночная рѣдѣетъ.
Золотитъ заря востокъ.
Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся,
Звѣзды гаснутъ въ небесахъ.
Надъ рѣкой туманъ сгустился.
Роса блещетъ на лугахъ.
Съ вѣтки бабочка слетѣла,
Къ верху рѣзвая взвилась.
Въ рощѣ птичка ужъ запѣла,
Заря ярче занялась,
Будто огненной рѣкою
Разлилась она. И вотъ
За той пышною зарёю
Солнце ясное встаётъ.

Загоскинъ.

33. Обезсилѣвшая удочка.

Къ празднику Рождества Христова подарили родители своей маленькой дочкѣ Сашѣ красивую игрушку. Она состояла изъ прехорошенькаго ящичка; въ нёмъ лежала удочка и рыбки. Смотритъ Саша на игрушку и думаетъ: «Что же я буду дѣлать съ ними?». А ея мать принесла уже глубокую тарелку съ водою. «Пусти, Саша, рыбокъ въ воду», говоритъ мать своей дѣвочкѣ. Саша пустила. Рыбки стали плавать. «Закинь теперь удочку». Саша закинула. «Мамочка, мамочка! смотри-ка!» закричала Саша. «Рыбки берутся на удочку. Какъ это хорошо! какъ хорошо!». Цѣлый день Саша играла со своими рыбками. Вечеромъ только попросила Саша отца разсказать устройство ея игрушки. Отецъ съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе дочери.—«Удочка намагничена», говорилъ онъ ей, «магнитъ [1]) же имѣетъ свойство притягивать къ себѣ желѣзо». Съ тѣхъ поръ каждый почти день забавлялась Саша новою игрушкою. Но вотъ пришёлъ день рожденія Саши. Ей надарили много новыхъ игрушекъ. И забыла Саша про удочку и рыбокъ.

Прошёлъ цѣлый годъ. Разъ пришли къ Сашѣ въ гости дѣти. Они всѣ принялись играть. Шумное веселье царило между дѣтьми. Но вотъ наступило затишье: всѣ игры были переиграны всѣ игрушки пересмотрѣны. Вдругъ Саша вспомнила о своей удочкѣ и рыбкахъ, съ воодушевленіемъ разсказываетъ дѣтямъ о забытой игрушкѣ. Разсказъ Саши о свойствахъ

[1]) *Магнитъ*—минералъ, имѣющій свойство притягивать къ себѣ желѣзо, сообщать ему свою силу и свойство направляться къ сѣверу.

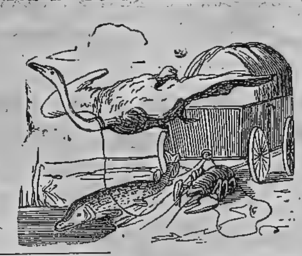
чу́дной у́дочки заинтересова́лъ [1]) дѣте́й. Са́ша бѣжи́тъ за свое́й игру́шкой. Дѣ́ти съ величайшимъ нетерпѣнiемъ ожида́ютъ Са́шу. Прихо́дитъ Са́ша съ игру́шкой, опуска́етъ ры́бокъ въ во́ду, заки́дываетъ у́дочку... Не клюю́тъ ры́бки... Нѣ́которыя дѣ́ти разсмѣя́лись... Са́ша онѣмѣ́ла... Со слеза́ми на глаза́хъ бро́силась Са́ша къ отцу́. «Па́па, па́па! у́дочка не дѣ́йствуетъ!.. ры́бки не клюю́тъ... Дѣ́ти смѣю́тся на́до мно́ю... Па́па, голу́бчикъ, помоги́ мнѣ! иди́, па́па, иди́!..». Такъ проси́ла Са́ша своего́ отца́. На глаза́хъ ея́ стоя́ли слёзы. Сжа́лился оте́цъ, пошёлъ съ не́ю. Хохота́вшія дѣ́ти присмирѣ́ли. «Са́ша пра́вду говори́ла вамъ», на́чалъ оте́цъ, «у́дочка притя́гиваетъ къ себѣ́ ры́бокъ. Это вы сейча́съ уви́дите». Оте́цъ взялъ иглу́, потёръ е́ю у́дочку, игла́ приста́ла къ у́дочкѣ. Дѣ́ти удивля́лись. Вотъ оте́цъ бро́силъ у́дочку въ во́ду, и ры́бки ки́нулись къ у́дочкѣ, приста́ли къ ней. Дѣ́ти со внима́нiемъ смотрѣ́ли на тако́е чу́до. Чёрные гла́зки Са́ши блестѣ́ли, ли́чико горѣ́ло, на губа́хъ заигра́ла улы́бка. Наконе́цъ дѣ́ти успоко́ились и Са́шинъ оте́цъ сталъ объясня́ть имъ сво́йства ма́гнита, наконе́цъ приба́вилъ: «цѣ́лый годъ у́дочка лежа́ла безъ употребле́нія, и ея́ спосо́бности ослабѣ́ли отъ бездѣ́йствія».

---

34. Лебедь, щука и ракъ.

Одна́жды ле́бедь, ракъ да щу́ка
Везти́ съ покла́жей возъ взяли́сь,
И вмѣ́стѣ тро́е всѣ въ него́ впрягли́сь,
Изъ ко́жи лѣ́зутъ вонъ [2]), а во́зу всё нѣтъ хо́ду!
Покла́жа бы для нихъ, каза́лось, и легка́,
Да ле́бедь рвётся въ облака́,
Ракъ пя́тится наза́дъ, а щу́ка тя́нетъ въ во́ду.
Кто винова́тъ изъ нихъ, кто правъ — суди́ть не намъ;
Да то́лько возъ и ны́нѣ тамъ.

Крыло́въ.



Однажды лебедь, ракъ и щука взялись везти возъ съ поклажей, и всѣ трое вмѣстѣ впряглись въ него; они лѣзутъ вонъ изъ кожи, а возъ все-таки не двигается. Казалось, поклажа была для нихъ и легка; но лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду. Намъ не судить, кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ; а только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

35. Левъ и лисица.

Лиса́, не ви́дя съ ро́ду [1]) льва,
Съ нимъ встрѣ́тясь, со страсте́й [2]) оста́лась
чуть жива́.
Вотъ, нѣ́сколько спустя́, опя́ть ей левъ попа́лся,
Но ужъ не такъ ей стра́шенъ показа́лся,
А въ тре́тій разъ пото́мъ
Лиса́ и въ разгово́ръ пусти́лася со львомъ.

Крыло́въ.

Лиса отъ роду не видѣла льва и, встрѣтясь съ нимъ, отъ страха осталась чуть живою. Вотъ, спустя нѣсколько времени, опять левъ попался ей (на дорогѣ), но ужъ не показался ей такимъ страшнымъ. А потомъ (встрѣтясь), въ третій разъ, лиса начала разговаривать со львомъ.

---

[1]) *Интересовать* — возбуждать участіе, вниманіе.
[2]) *Изъ кожи лѣзутъ вонъ* — употребляютъ всѣ силы.

[1]) *Съ-роду* — отъ рожденія. [2]) *Со страстей* — со страху.

36. Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навóзну кýчу разрывáя,
Пѣтýхъ нашёлъ жемчýжное зернó [1])
И говоритъ: «Кудá онó?
Какáя вещь пустáя!
Не глýпо-ль, что егó высóко такъ цѣнятъ?
А я бы, прáво, былъ горáздо болѣ радъ
Зернý ячмéнному: онó не столь хоть вúдно,
Да сытно».

Невѣжи сýдятъ тóчно такъ:
Въ чёмъ тóлку не поймýтъ, тó всё у нихъ
пустякъ.

Крыловъ.

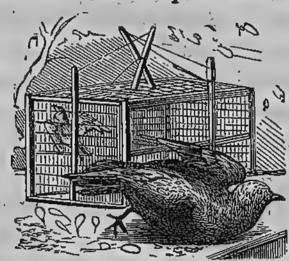
Пѣтухъ, разрывая навозную кучу, нашелъ жемчужину и говоритъ: «Куда она годна? Какая пустая вещь! Не глупо-ль, что его такъ высоко (дорого) цѣнятъ? Право, я былъ бы гораздо болѣе радъ ячменному зерну: хотя оно не такъ видно (красиво), да сытно». Такъ точно судятъ невѣжды: все то у нихъ пустяки, въ чемъ они не понимаютъ толку.

37. Чижъ и голубь.

Чижá захлóпнула злодѣйка-западня;
Бѣдняжка въ ней и рвáлся, и метáлся [2]);
А гóлубь молодóй надъ нимъ-же издѣвáлся [3]).
«Не стыдно-ль», говорúтъ: «средь бѣла дня
Попáлся!
Не провелú [4]) бы такъ меня—
За это я ручáюсь смѣло».
Анъ [5]), смóтришь, тутъ-же самъ запýтался въ
силóкъ [6]).
И дѣло!
Вперёдъ чужóй бѣдѣ не смѣйся, голубóкъ!

Крыловъ.

Злодѣйка-западня захлопнула чижа; бѣдняжка рвался и метался въ ней (желая вырваться на волю), а молодой голубь насмѣхался надъ чижомъ и говорилъ: «Не стыдно ли тебѣ! Ты попался среди бѣлаго дня! Я смѣло ручаюсь за то, что меня не провели бы такъ». Напротивъ—смотришь,



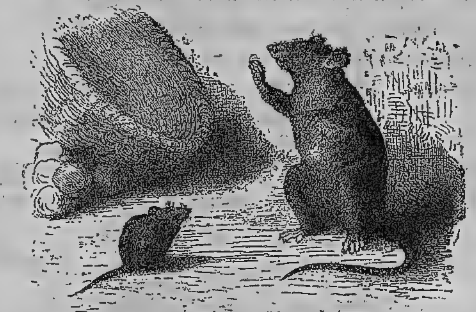
самъ тутъ же запутался въ силокъ. Подѣломъ! Впередъ, голубокъ, не смѣйся надъ чужой бѣдой.

38. Мышь и крыса.

«Сосѣдка, слышала-ль ты дóбрую молвý [1])?»
Вбѣжáвши, крысѣ мышь сказáла:
«Вѣдь кóшка, говорятъ, попáлась въ кóгти
льву!
Вотъ отдохнýть и намъ порá настáла!».
—«Не рáдуйся, мой свѣтъ,
Ей крыса говорúтъ въ отвѣтъ:
«И не надѣйся по-пустóму!
Коль до когтéй у нихъ дойдётъ,
То, вѣрно, льву не быть живóму:
Сильнѣе кóшки звѣря нѣтъ!».

Крыловъ.

Мышь вбѣжала къ крысѣ и сказала ей: «Сосѣдка, слышала-ли ты пріятное извѣстіе? Говорятъ, что кошка попалась въ когти ко льву. Вотъ и намъ настала пора отдохнуть!».



Крыса такъ отвѣтила мыши: «Мой свѣтъ! не радуйся и не надѣйся напрасно! Если у нихъ дѣло дойдетъ до когтей (до драки), то, вѣрно, льву не быть въ живыхъ: нѣтъ звѣря сильнѣе кошки!».

[1]) *Жемчужное зерно*—жемчужина; бѣлые или съ малою желтизною шарики, находимые въ раковинахъ, доставаемыхъ со дна моря. [2]) *Метаться*—бросаться куда-либо, прибѣгать къ разнымъ безполезнымъ средствамъ. [3]) *Издѣваться*—насмѣхаться. [4]) *Провели, провести*—обмануть. [5]) *Анъ*—а, напротивъ. [6]) *Силокъ, силки*—волосяныя петли, дѣлаемыя для ловли дикихъ птицъ.

[1]) *Молва*—народный, общій разговоръ.

39. Бочка.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ [1]).
Услуга въ дружбѣ—вещь святая!
Вотъ если бъ дѣло шло о деньгахъ—рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И всё бы хорошо; да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ [2]),
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ отъ ней пошёлъ во всёмъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаритъ [3]), то ей провѣтриться даётъ:
Но чѣмъ ту бочку ни нальётъ,
А винный духъ всё вонъ нейдётъ,
И съ бочкой, наконецъ, онъ принуждёнъ разстаться.

Крыловъ.

Пріятель просилъ своего пріятеля, чтобы онъ далъ ему на три дня бочку. Услуга въ дружбѣ—святое дѣло! Вотъ если бы дѣло шло о деньгахъ (если бы пріятель просилъ денегъ взаймы), то (тутъ пошла бы) иная рѣчь: тутъ дружба въ сторону, и можно (было) бы отказать; а бочки для чего не дать? Когда она возвратилась, тогда опять стали возить въ ней воду. И все (было) бы хорошо, но худо только то, что та бочка (была) брана откупщикомъ для вина, и она въ два дня такъ настоялась виномъ, что винный духъ пошелъ отъ нея во всемъ (все пропитывалось виннымъ запахомъ): квасъ, пиво-ли сварятъ, даже и въ съѣстномъ (слышался винный запахъ). Хозяинъ бился съ нею почти цѣлый годъ: выпаривалъ, провѣтривалъ ее, но чѣмъ ту бочку ни наливалъ, а винный духъ все не выходилъ изъ нея. Наконецъ, онъ принужденъ былъ разстаться съ бочкою.

[1]) *Ссудить*—давать заимообразно, снабжать на время. [2]) *Откупщикъ, откупъ*—право на временное пользованіе чѣмъ-нибудь, или право на продажу чего-либо изъ однѣхъ рукъ; здѣсь разумѣется откупщикъ питейныхъ сборовъ; винный откупъ уничтоженъ въ царствованіе блаженной памяти Царя Освободителя. [3]) *Выпарить*—паромъ, пареньемъ выводить дурной запахъ, грязь, пятна.

40. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ [1])
Наѣлась жолудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ:
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,
Ей съ дуба воронъ говоритъ:
«Коль [2]) корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ нёмъ проку [3]) мало вижу я,
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю,
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.
— «Неблагодарная!» промолвилъ дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.

Крыловъ.

41. Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась:
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по-уши досыта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньёй.
«Ну что жъ, хавронья, ты тамъ видѣла такого?
Свинью спросилъ пастухъ:

«Вѣдь ходитъ слухъ,
Что всё у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другаго?».
Хавронья хрюкаетъ: «Ну, право, порютъ вздоръ;

[1]) *Вѣковой*—столѣтній. [2]) *Коль*—если. [3]) *Прокъ*—польза, выгода.

Я не примѣтила богатства никакого:
Всё только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Крыловъ.

42. Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижмётъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.

«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Всё про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Крыловъ.

43. Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, напоказъ:—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;—
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ [1]) ходили.
Отколь ни возьмись, на встрѣчу моська [2]) имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

[1]) *Зѣвака, зѣвать*—смотрѣть на что-либо съ пустымъ любопытствомъ. [2]) *Моська*—такъ называется собака изъ породы тупорылыхъ собакъ.

«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идётъ
Впередъ
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—«Эхъ-эхъ!» ей моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаётъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки [1]):
Пускай-же говорятъ собаки:
«Ай, моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона».

Крыловъ.

44. Стрекоза и муравей.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Всё прошло! Съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаётъ;
Стрекоза ужъ не поётъ:
И кому-же въ умъ пойдётъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена [2]),
Къ муравью ползётъ она.

—«Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ [3]) только дней
Прокорми и обогрѣй!».
—«Кумушка, мнѣ странно это!

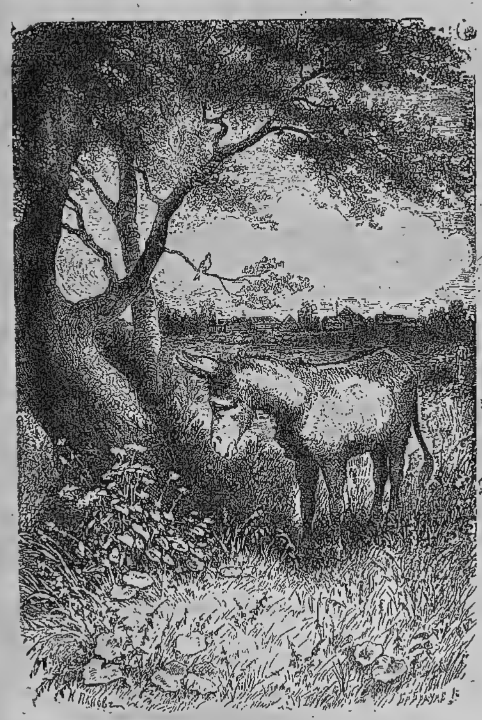
[1]) *Забіяка*—склонный къ дракѣ, драчунъ. [2]) *Удручена, удручить*—угнетать, утѣснять, приводить въ изнеможеніе. [3]) *Вешній*—весенній.

Да работала-ль ты лѣто?»
Говоритъ ей муравей.
—«До того-ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ [1]) у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило».
—«А, такъ ты...»—«Я безъ души
Лѣто цѣлое всё пѣла».
—«Ты всё пѣла—это дѣло:
Такъ поди же, попляши!».

Крыловъ.

45. Оселъ и соловей.

Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твоё услышавъ пѣнье,
Велико-ль, подлинно, твоё умѣнье?...
Тутъ соловей являть своё искусство сталъ:
Защёлкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;



То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью [2]) отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

[1]) *Мурава*—зеленая молодая трава. [2]) *Свирѣль*—дудка изъ тростника или древесной коры.

Внимало всё тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры [1]);
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещё бъ ты болѣ навострился [2]),
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

Крыловъ.

46. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть [3])!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ, знаками, сталъ волкъ его манить
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть [4]), и съ трудностью большею
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный [5]):
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унёсъ!
Поди жъ, пріятель, убирайся!
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!».

Крыловъ.

47. Роща и огонь.

Зимою огонёкъ подъ рощей тлился [6]);
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными [7]) забытъ.
Часъ-отъ-часу огонь слабѣе становился;

[1]) *Аврора*—по вѣрованію древнихъ грековъ, богиня, переносно—утренняя заря. [2]) *Навостриться*—получать въ чемъ-либо навыкъ, способность, ловкость. [3]) *Протянуть ноги*—умереть. [4]) *Пасть*—зѣвъ, ротъ. [5]) *Коварный*—лукавый, хитрый. [6]) *Тлился*, *тлиться*—горѣть безъ пламени. [7]) *Дорожный*—находящійся въ дорогѣ.

Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка
И мёрзнешь ты совсѣмъ нагая?».
—«Затѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу».
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
—«Бездѣлица!» огонь ей продолжаетъ:
«Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю,
Спроси въ теплицахъ [1]) объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,

Тамъ всё или цвѣтётъ, иль зрѣетъ:
А всё за всё спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво [2]) ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!».
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонёкъ
Становится огнёмъ! Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами чёрный дымъ несётся къ облакамъ;
И пламя лютое [3]) всю рощу вдругъ обьемлетъ.
Погибло всё въ конецъ, — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки [4]) стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнёмъ дружиться?

Крыловъ.

---

[1]) *Теплица*—зданіе съ печами, устроенное для сохраненія растеній. [2]) *Спѣсивый*—гордый. [3]) *Лютый*—жестокій, свирѣпый. [4]) *Пень, пенекъ*—остатокъ и корень срубленнаго дерева.

48. Охотникъ.

Охотникъ, взявъ ружьё, патронницу [1]), суму,
И друга вѣрнаго по нраву и обычью,
Собаку,—въ лѣсъ пошёлъ за дичью,
Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружьё онъ дома.
«Вотъ вздоръ!» онъ говоритъ: «дорога мнѣ знакома,
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь;
До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить ещё успѣю я сто разъ».
Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила [2])
(Какъ будто бы надъ нимъ фортуна [3]) подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ,
И нашему бъ тогда стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить,
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки [4]):
Пока съ ружьёмъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились и—за лѣса верёвкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу стрѣлокъ потомъ таскался,—
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ ещё бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
И такъ охотникъ мой,
Измокши весь, пришёлъ домой
Съ пустой сумой;
А всё-таки пенялъ [5]) не на себя,—на счастье.

Крыловъ.

49. Два мужика.

—«Здорово, кумъ Θаддей!».—«Здорово, кумъ Егоръ!».
—«Ну, каково, пріятель, поживаешь?».
—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!

---

[1]) *Патронъ*—зарядъ для огнестрѣльнаго оружія; *патронница*—сумка для патроновъ. [2]) *Жило*—жилое мѣсто, селище. [3]) *Фортуна*—по вѣрованію древнихъ грековъ, богиня счастья; ее изображали съ завязанными глазами; счастье. [4]) *Чуткій*—имѣющій тонкое чутье. [5]) *Пенять*—выговаривать, укорять.

Богъ посѣти́лъ меня́: я сжёгъ до́ тла свой дворъ
И по́ мі́ру пошёлъ съ тѣхъ поръ».
—«Какъ такъ? Плоха́я, кумъ, игру́шка!».
—«Да такъ! О Рождествѣ была́ у насъ пиру́шка,
Я со свѣчёй пошёлъ дать корму лошадя́мъ:
Призна́ться, въ головѣ шумѣ́ло;
Я ка́къ-то и́скру зарони́лъ, насилу спа́сся самъ;
А дворъ и всё добро́ сгорѣ́ло.
у, ты какъ?».—«Охъ, Ѳадде́й, худо́е дѣ́ло!
на меня́ прогнѣ́вался, знать, Богъ:
Ты ви́дишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ оста́лся живъ, счита́ю, пра́во, ди́вомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошёлъ въ ледни́къ за пи́вомъ,

И то́же че́резъ-чуръ, призна́ться, я хлебну́лъ
Съ друзья́ми полуга́ру [1]);
А чтобъ въ хмѣлю́ не сдѣлать мнѣ пожа́ру,
Такъ я свѣчу́ совсѣ́мъ заду́лъ,
Анъ бѣсъ меня́ въ потьма́хъ такъ съ лѣ́стницы толкну́лъ,

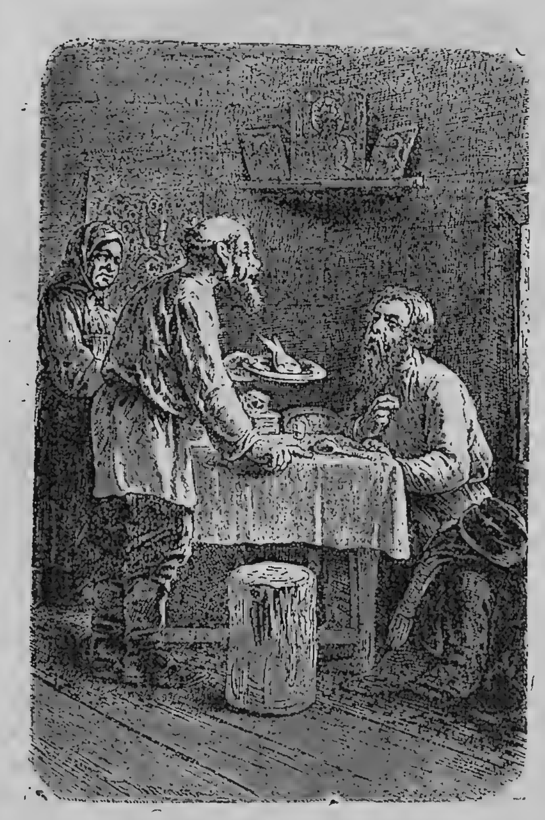
¹) *Полуга́ръ*—хлѣбное вино, водка.

Что сдѣлалъ изъ меня́ совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры́ калѣка».
—«Пеня́йте на себя́, друзья́!»
Сказа́лъ имъ сватъ Степа́нъ: «коль мо́лвить пра́вду, я
Совсѣмъ не чту за чу́до,
Что ты сожёгъ свой дворъ, а ты на костыля́хъ:
Для пья́наго и со свѣчёю ху́до,
Да вря́дъ не ху́же ль и въ потьма́хъ».

Крыло́въ.

50. Демьянова уха [1]).

—«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожа́луйста, поку́шай».
—«Сосѣдушка, я сытъ по го́рло».—«Ну́жды нѣтъ!



Ещё таре́лочку; послу́шай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена́!».
—«Я три таре́лки съѣлъ».—«И, по́лно, что за счёты!
Лишь ста́ло бы охо́ты,
А то во здра́вье ѣшь до дна!

¹) *Уха*—отваръ изъ свѣжей рыбы.

Что за уха́! да какъ жирна́!
Какъ бу́дто янтарёмъ [1]) подёрнулась она́.
Поте́шь-же, ми́ленькій дружо́чекъ!
Вотъ лещикъ [2]), потроха́ [3]), вотъ сте́рляди [4]) [кусо́чекъ!
Ещё хоть ло́жечку! Да кла́няйся, жена́!»:
Такъ по́дчивалъ сосе́дъ-Демья́нъ сосе́да-[Фо́ку
И не дава́лъ ему́ ни о́тдыху, ни сро́ку;
А съ Фо́ки ужъ давно́ кати́лся гра́домъ потъ.
Одна́ко же ещё таре́лку онъ берётъ,
Сбира́ется съ после́дней си́лой
И очища́етъ всю. «Вотъ дру́га я люблю́!»
Вскрича́лъ Демья́нъ: «за то ужъ чва́нныхъ [5]) [не терплю́.
Ну ску́шай-же ещё таре́лочку, мой ми́лой!»
Тутъ бе́дный Фо́ка мой,
Какъ ни люби́лъ уху́, но отъ беды́ тако́й,
Схватя́ въ оха́пку [6])
Куша́къ [7]) и ша́пку,
Скоре́й безъ па́мяти домо́й,
И съ той поры́ къ Демья́ну ни ного́й.

Крыло́въ.

51. Правда и кривда.

Въ не́которомъ ца́рстве, въ не́которомъ госуда́рстве жи́ли-бы́ли въ одно́й дере́вне два сосе́да—о́ба портны́е. Разъ согласи́лись они́ и пошли́ вме́сте въ ины́я во́лости промышля́ть свои́мъ мастерство́мъ. Пришли́ въ село́, на́чали бабъ да мужико́въ обшива́ть и зарабо́тали по двадцати́ рубле́й на бра́та. Собра́лись и пошли́ въ другу́ю во́лость; те́—други́е разгово́ры и заспо́рили, че́мъ лу́чше жить: пра́вдою или кри́вдою; «Дура́къ ты!» забрани́лся криводу́шный; «ви́дишь: ба́ре, купцы́ да торго́вые лю́ди уме́ютъ криви́ть—они́ за то и въ сапога́хъ хо́дятъ; а у насъ на дере́вне, чай, зна́ешь старика́ Абра́ма: весь ве́къ про́жилъ пра́вдою, а хоро́шаго пла́тья съ ро́ду не на́шивалъ!». Правди́вый стои́тъ на своёмъ, не соглаша́ется. Вотъ и удари́лись они́ объ закла́дъ, а угово́ръ былъ тако́й: дойти́ до пе́рваго села́ и спроси́ть у люде́й, че́мъ лу́чше жить. Ко́ли ска́жутъ: пра́вдою, то криводу́шный отдастъ правди́вому свои́ два́дцать рубле́й; а ко́ли ска́жутъ: кри́вдою, то наоборо́тъ—пусть правди́вый распла́чивается. Пришли́ въ село́ и ста́ли ходи́ть по и́збамъ да спра́шивать: «скажи́те, лю́ди Бо́жіи, че́мъ лу́чше жить: пра́вдою или кри́вдою?». То́лько кого́ ни пыта́ютъ [1]), все́ въ одно́ сло́во говоря́тъ: «нашли́ о чёмъ спра́шивать! кри́вда везде́ лу́чше, кри́вда въ сапога́хъ хо́дитъ, а пра́вда въ лаптя́хъ!». Отда́лъ правди́вый криводу́шному свои́ де́ньги и приняли́сь по пре́жнему рабо́тать, бабъ, мужико́въ обшива́ть; зарабо́тали по тридцати́ рубле́й на бра́та и пошли́ въ тре́тью во́лость. Доро́гою те́ же разгово́ры; оди́нъ говори́тъ: пра́вда лу́чше, друго́й говори́тъ: не́тъ, кри́вда лу́чше! Поспо́рили и удари́лись объ закла́дъ на три́дцать рубле́й. Дошли́ до села́; кого́ ни спро́сятъ—вся́къ одно́ тверди́тъ: «где́ ужъ ны́нче пра́вдою жить? пра́вда-то въ лаптя́хъ хо́дитъ, а кри́вда въ сапога́хъ!». Проспо́рилъ правди́вый криводу́шному весь зарабо́токъ. Въ тре́тій разъ вы́работали они́ по пяти́десяти рубле́й на бра́та и опя́ть заспо́рили. Заспо́рили и ре́шили на томъ: е́сли кто тепе́рь проспо́ритъ, у того́ и де́ньги взять, и глаза́ ему́ вы́колоть. Изве́стное де́ло, правди́вый проспо́рилъ; криводу́шный взялъ у него́ пятьдеся́тъ рубле́й, вы́кололъ ему́ глаза́, оста́вилъ одного́ на доро́ге, а самъ ушёлъ домо́й.

«Ви́дно, и въ само́мъ де́ле не́тъ на земле́ пра́вды!» сказа́лъ сле́пой; «кри́вда меня́ перемогла́. Какъ мне́ быть невиду́щему?». Побрёлъ о́щупью и попа́лъ на тропи́нку; э́та тропи́нка привела́ его́ въ ле́съ. Тутъ взле́зъ онъ на то́лстое де́рево и проси́де́лъ до по́здняго ве́чера. Какъ стемне́ло, пришёлъ на то ме́сто ста́рецъ, принёсъ вяза́нку дровъ, сбро́силъ съ плечъ и сказа́лъ: «Го́споди, благослови́!» Немно́го погодя́, пришёлъ друго́й ста́рецъ, а тамъ тре́тій: сбро́сили съ плечъ по вяза́нке дровъ и та́кже промол-

1) *Янтарь*—твердое, смолистое, прозрачное и горючее ископаемое вещество желтаго цвѣта; янтарь добывается у насъ изъ Балтійскаго моря; *янтарный цвѣтъ*—желтый. 2) *Лещъ*—рыба. 3) *Потроха*—внутреннія части животныхъ, рыбъ и птицъ. 4) *Стерлядь*—рыба, ловится преимущественно въ Волгѣ. 5) *Чванство*—безразсудная гордость, спѣсь. 6) *Охапка*—охватъ руками, объемъ; количество чего-нибудь, обхватываемое руками; ноша, напр. *охапка сѣна*. 7) *Кушакъ*—узкая длинная ткань, служащая опояскою.

1) *Пытать*—спрашивать, развѣдывать.

вили: «Господи, благослови!». Потомъ развели они огонь, сѣли возлѣ костра и стали разговаривать. Одинъ говоритъ: «у нашего царя дочь больна, кто её вылѣчитъ, за того и царь отдастъ её замужъ». Другой говоритъ: «Вылѣчить царевну можно. Подъ этимъ деревомъ лежитъ животворный крестъ; этимъ крестомъ надо благословить царевну, и она выздоровѣетъ». На другое утро стали старцы росой умываться и говорятъ между собою: какая сегодня славная роса! стоитъ ею разъ-другой помочить глаза, и слѣпота пройдётъ!». Послѣ того старцы ушли, а слѣпой спустился съ дерева, умылся росой,— и въ ту же минуту сталъ видѣть лучше прежняго, словно никогда и глазъ не терялъ. Прославилъ онъ Господа Бога за Его милость; потомъ досталъ крестъ и пошёлъ въ городъ, гдѣ была больная царевна. Вотъ допустили правдиваго къ царю, вотъ ввели его въ комнату къ больной царевнѣ. «Молись Богу!» сказалъ правдивый царевнѣ и благословилъ её три раза животворнымъ крестомъ. Въ одинъ мигъ царевна совсѣмъ исцѣлѣла. Царь на радостяхъ отдалъ за правдиваго дочь свою и много земель, много городовъ и сёлъ въ приданое.

Народная сказка.

---

52. Несмѣяна-царевна.

Какъ подумаешь, куда великъ Божій свѣтъ! живутъ въ нёмъ люди богатые и бѣдные, и всѣмъ имъ просторно, и всѣхъ ихъ призираетъ и разсуждаетъ Господь. Живутъ роскошные—и празднуютъ; живутъ горемычные—и трудятся; каждому своя доля.

Въ царскихъ палатахъ, въ княжьихъ чертогахъ, въ высокомъ терему красовалась Несмѣяна-царевна. Какое ей было житьё, какое привольё, какое роскошьё! всего много; всё есть, чего душа хочетъ; а никогда она не улыбалась, никогда не смѣялась, словно сердце ея ничему не радовалось. Горько было царю отцу глядѣть на печальную дочь. Открываетъ онъ свои царскія палаты для всѣхъ, кто пожелаетъ быть его гостемъ. «Пускай», говоритъ, «пытаются развеселить Несмѣяну-царевну; кому удастся, тому она будетъ женою». «Только это онъ вымолвилъ, какъ закипѣлъ народъ у княжьихъ воротъ! со всѣхъ сторонъ ѣдутъ идутъ—и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды — царевна всё не смѣётся.

На другомъ концѣ, въ своёмъ уголкѣ жилъ честный работникъ: по утрамъ онъ дворъ убиралъ, вечерами скотъ пасалъ, въ безпрерывныхъ былъ трудахъ. Хозяинъ его, человѣкъ богатый, правдивый, платою не обижалъ. Только покончился годъ, онъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «бери», говоритъ, «сколько хочешь!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ подошёлъ къ столу и думаетъ: «какъ бы передъ Богомъ не согрѣшить, за труды лишняго не положить? выбралъ онъ одну только денежку, зажалъ её въ горсть, да вздумалъ водицы напиться, нагнулся въ колодезь—денежка у него выкатилась и потонула на дно. Остался бѣднякъ ни при чёмъ. Другой бы на его мѣстѣ заплакалъ, затужилъ и съ досады бы руки сложилъ, а онъ нѣтъ: «всё», говоритъ, «Богъ посылаетъ; Господь знаетъ, кому что давать; кого деньгами надѣляетъ, у кого послѣднія отнимаетъ! Видно, я худо работалъ, мало трудился, теперь стану усерднѣй». И снова за работу. Каждое дѣло въ его рукахъ огнёмъ горитъ!

Кончился срокъ, минулъ ещё годъ, хозяинъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «бери», говоритъ, «сколько душа хочетъ», а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ опять думаетъ, чтобъ Бога не прогнѣвать, за трудъ лишняго не положить; взялъ денежку, пошёлъ напиться и выпустилъ невзначай изъ рукъ—денежка въ колодезь и утонула. Ещё усерднѣе принялся онъ за работу: ночь не досыпаетъ, день не доѣдаетъ. Поглядишь: у кого хлѣбъ сохнетъ, желтѣетъ, а у его хозяина всё бутѣетъ; чья скотина ноги завиваетъ, а его по улицѣ брыкаетъ; чьихъ коней подъ гору тащатъ, а его и въ поводу

не сдержать. Хозяинъ разумѣлъ, кого благодарить, кому спасибо говорить.

Кончился срокъ, миновалъ третій годъ, хозяинъ кучу денегъ на столъ: «бери, работничекъ, сколько душа хочетъ; твой трудъ, твоя и деньга!», а самъ вышелъ вонъ. Берётъ работникъ опять одну денежку, идётъ къ колодезю воды испить—глядь: послѣдняя деньга цѣла и прежнія двѣ наверхъ выплыли. Подобралъ онъ ихъ, догадался, что Богъ его за труды наградилъ, обрадовался и думаетъ: «пора бы мнѣ бѣлъ-свѣтъ поглядѣть, людей распознать». Подумалъ и пошёлъ, куда глаза глядятъ.

Идётъ онъ полемъ, бѣжитъ мышь: «ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ сама пригожусь!». Далъ ей денежку. Идётъ лѣсомъ, ползётъ жукъ: «ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ самъ пригожусь!». Далъ и ему денежку. Поплылъ рѣкой, встрѣтился сомъ: «ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку, я тебѣ самъ пригожусь!». Онъ и тому не отказалъ, послѣднюю отдалъ. Самъ пришёлъ въ городъ: тамъ людей, тамъ дверей! заглядѣлся, завертѣлся работникъ на всѣ стороны, куда идти, не знаетъ. А передъ нимъ стоятъ царскія палаты, серебромъ-золотомъ убраны, у окна Несмѣяна-царевна сидитъ и прямо на него глядитъ. Куда дѣваться? затуманилось у него въ глазахъ, нашёлъ на него сонъ и упалъ онъ прямо въ грязь.

Откуда ни взялся сомъ съ большимъ усомъ, за нимъ жучокъ-старичокъ, мышка-стрижка, всѣ прибѣжали. Ухаживаютъ, ублаживаютъ: мышка платьице снимаетъ, жукъ сапожки очищаетъ, сомъ мухъ отгоняетъ. Глядѣла-глядѣла на ихъ услуги Несмѣяна-царевна и—засмѣялась. «Кто, кто развеселилъ мою дочь?» спрашиваетъ царь. Тотъ говоритъ: «я»; другой: «я!». «Нѣтъ!», сказала Несмѣяна-царевна—«вонъ этотъ человѣкъ» и указала на работника. Тотчасъ его во дворецъ, и сталъ работникъ предъ царскимъ лицомъ молодецъ-молодцомъ! Царь сдержалъ своё царское слово: что обѣщалъ, то и даровалъ.

Я говорю: не во снѣ-ли это работнику снилось?, Завѣряютъ, что нѣтъ, истинная правда была—такъ надо вѣрить.

Народная сказка.

---

53. Чудесная дудка.

Жилъ да былъ старикъ со старухой. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочки. Вышелъ старикъ на улицу, сжалъ комочекъ снѣгу, положилъ на печку подъ шубу, — и стала дѣвочка Снѣжевиночка. Пошла она съ дѣвушками въ лѣсъ по ягоды. Кто больше всѣхъ соберётъ—той красный сарафанъ сошьютъ; ту прежде другихъ замужъ отдадутъ. Снѣжевиночка больше всѣхъ набрала ягодокъ; подружки взяли её да и убили, подъ сосенкой схоронили, катышкомъ укатали, блюдечкомъ утрепали. Воротились въ деревню. Старикъ спрашиваетъ: «гдѣ же моя дочка?»—«Она пошла иной дорогой; мы её искали-искали, кликали-кликали, не могли дозваться; ужъ солнце сѣло, а ея всё нѣтъ! не ночевать же намъ въ лѣсу!..». Поплакали старикъ со старухой. Тѣмъ временемъ на могилѣ Снѣжевиночки выросъ камышъ. Шли бурлаки [1]), да и срѣзали и сдѣлали дудочку; зашли они по пути къ старику, отцу Снѣжевиночки, да и заиграли; дудочка и говоритъ: «ду-ду-ду-ду, свѣтъ родной! ты не знаешъ моего горя великаго: какъ меня дѣвушки убили изъ-за блюдечка, изъ-за ягодокъ. Онѣ меня убили, подъ сосенкой схоронили, катышкомъ укатали, блюдечкомъ утрепали!». Старикъ говоритъ: «что за диво: дудочка, какъ живой человѣкъ, слова выговариваетъ». Вотъ онъ напоилъ-накормилъ бурлаковъ и проситъ: «отдайте мнѣ эту дудочку». Бурлаки отдали. Говоритъ старикъ старухѣ: «давай-ка разломимъ дудочку да посмотримъ, что тамъ въ середкѣ есть». Только разрѣзали—выпалъ изъ дудочки розовый цвѣтокъ. Старуха положила

---

[1]) *Бурлакъ*—работникъ на рѣчныхъ водоходныхъ судахъ, которыя подпимаются вверхъ противъ теченія съ помощью веревокъ.

его́ въ во́ду—и вдругъ изъ цвѣтка́ яви́лась ея́ ма́ленькая до́чка, жива́я и здоро́вая, какъ пре́жде. Узна́ли объ э́томъ въ дере́внѣ, всѣ прибѣжа́ли и уби́йцъ привели; хотѣ́ли было́ уже́ казни́ть, да Снѣжеви́ночка упроси́ла поми́ловать ихъ. Стари́къ и стару́ха обра́довались, ста́ли съ Снѣжеви́ночкою жи́ть, пожива́ть да добра́ нажива́ть.

Наро́дная ска́зка.

54. Два мороза.

Гуля́ли по чи́стому по́лю два моро́за, два родны́е бра́та, съ ноги́ на́ ногу поска́кивали, руко́й объ-руку покола́чивали. Гово́ритъ оди́нъ моро́зъ другому: «Бра́тецъ, моро́зъ Багро́вый носъ! какъ бы намъ позаба́виться, люде́й поморо́зить?». Отвѣча́етъ другой: «Бра́тецъ, моро́зъ Си́ній носъ! коль люде́й моро́зить, не по чи́стому намъ по́лю гуля́ть. По́ле всё снѣгомъ занесло́, всѣ проѣзжія доро́ги замело́; никто́ не пройдётъ, не проѣдетъ. Побѣжи́мъ-ка лу́чше къ чи́стому бо́ру [1]). Тамъ хоть и ме́ньше просто́ру, да за то заба́вы бу́детъ бо́льше. Всё нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибу́дь и встрѣ́тится на доро́гѣ». Ска́зано—сдѣ́лано. Побѣжа́ли два моро́за, два родны́е бра́та въ чи́стый боръ. Бѣгу́тъ, доро́гой тѣ́шатся: съ ноги́ на́ ногу попры́гиваютъ, по ёлкамъ, по со́сенкамъ пощёлкиваютъ. Ста́рый е́льникъ трещи́тъ, молодо́й соснякъ поскри́пываетъ. По ры́хлому ль снѣ́гу пробѣгу́тъ—кора́ ледяна́я, были́нка ль изъ-подъ снѣ́гу выгля́дываетъ, ду́нутъ—сло́вно би́серомъ [2]) её всю уни́жутъ. Послы́шали они́ съ одно́й стороны́ колоко́льчикъ, а съ друго́й—бубе́нчикъ; съ колоко́льчикомъ ба́ринъ ѣ́детъ, съ бубе́нчикомъ—мужичёкъ. Ста́ли моро́зы суди́ть да ряди́ть, кому́ за кѣмъ бѣжа́ть, кому́ кого́ моро́зить. Моро́зъ Си́ній носъ, какъ былъ помоло́же, говори́тъ: «Мнѣ бы лу́чше за мужико́мъ погна́ться. Его́ скорѣ́й дойму́: на нёмъ полушу́бокъ ста́рый, запла́танный, ша́пка вся въ дыра́хъ, на нога́хъ, кромѣ лапти́шекъ [3]), ничего́. Онъ же ника́къ дрова́ руби́ть ѣдетъ. А ужъ ты, бра́тецъ, какъ поси́льнѣе меня́, за ба́риномъ бѣги. Ви́дишь, на нёмъ шу́ба медвѣ́жья, ша́пка ли́сья, сапоги́ во́лчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совлада́ю». Моро́зъ Багро́вый носъ то́лько посмѣ́ивается.—«Мо́лодъ ещё ты», говори́тъ, «бра́тецъ! ну да ужъ быть по твое́му: бѣги́ за мужико́мъ, а я побѣгу́ за ба́риномъ. Какъ сойдёмся подъ ве́черъ, узна́емъ, кому́ была́ легка́ рабо́та, кому́ тяжела́. Проща́й пока́мѣстъ!»—«Проща́й, бра́тецъ!». Сви́стнули, щёлкнули, побѣжа́ли.

То́лько со́лнышко закати́лось, сошли́сь они́ опя́ть на чи́стомъ по́лѣ, спра́шиваютъ другъ дру́га: что?—«То-то, я ду́маю, нама́ялся [1]) ты, бра́тецъ, съ ба́риномъ-то», говори́тъ мла́дшій: «а то́лку, гляди́шь, не вы́шло никако́го. Гдѣ его́ было́ проня́ть!». Ста́ршій посмѣ́ивается себѣ.—«Эхъ», говори́тъ, «бра́тецъ, моро́зъ Си́ній носъ, мо́лодъ ты и простъ. Я его́ такъ уважи́лъ, что онъ часъ бу́детъ грѣ́ться, не отогрѣ́ется».

—А ка́кже шу́ба-то, да ша́пка-то, да сапоги́-то?

—Не помогли́. Забра́лся я къ нему́ и въ шу́бу, и въ ша́пку, и въ сапоги́, да какъ на́чалъ зноби́ть [2])... Онъ-то ёжится, онъ-то жмётся да ку́тается; ду́маетъ: дай-ка я ни одни́мъ суста́вомъ не шевельну́сь, аво́сь меня́ тутъ моро́зъ не одолѣ́етъ. Анъ не ту́тъ-то было́. Мнѣ́-то э́то и съ руки́. Какъ приня́лся я за него́, чуть живо́го въ го́родѣ изъ киби́тки [3]) вы́пустилъ. Ну, а ты что со свои́мъ мужичко́мъ сдѣ́лалъ?

—Эхъ, бра́тецъ, моро́зъ Багро́вый носъ! плоху́ю ты со мно́й шту́ку сшути́лъ, что во́ вре́мя не образу́милъ. Ду́малъ, заморо́жу мужика́; а вы́шло, онъ же мнѣ отлома́лъ бока́

—Какъ такъ?

—Да вотъ какъ. Ѣ́халъ онъ, самъ ты ви́дѣлъ, дрова́ руби́ть. Доро́гой на́чалъ было́ я его́ пронима́ть; то́лько онъ всё не ро́бѣетъ, ещё руга́ется: тако́й, говори́тъ, ся-

---

[1]) *Боръ*—крупный сосновый и еловый лѣсъ на сухомъ возвышенномъ мѣстѣ. [2]) *Бисеръ*—мелкіе стеклянные разноцвѣтные шарики, употребляемые для низанья. [3]) *Лапти*—обувь, сплетенная изъ лыкъ, бересты или пеньки (волоконъ конопли).

[1]) *Намаяться* — утомиться, изнуриться, измучиться, изнемочь. [2]) *Знобить* — подвергать стужѣ, морозу, холодить. [3]) *Кибитка*—телѣга или сани съ кибиткою; собственно *кибитка*—нѣсколько соединенныхъ дугъ, покрытыхъ рогожами, кожею или клеенкою; ставится надъ задкомъ саней.

кой этотъ морозъ. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Пріѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю: тутъ мнѣ сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки кругомъ летятъ; сталъ даже потъ его прошибать. Вижу: плохо! не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ: чѣмъ бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу—скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди-же, говорю, вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрёхонекъ. Я въ него и забрался, вездѣ и заморозилъ, такъ, что онъ сталъ лубокъ-лубкомъ [1]). Надѣвай-ка теперь, попробуй! Какъ кончилъ мужикъ своё дѣло, да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить и ругать на-чёмъ-свѣтъ-стоитъ. Ругайся! говорю я себѣ, ругайся! а меня всё-таки не выживешь! Такъ онъ бранью не удовольствовался; выбралъ полѣно подлиннѣе да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! по полушубку бьётъ, а меня всё бранитъ. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбратъся не могу. А онъ-то колотитъ, онъ-то колотитъ! Насилу я ушёлъ, думалъ, костей не соберу; до сихъ поръ бока ноютъ. Закаялся и мужиковъ морозить.

—То-то.

Народная сказка.

55. Нужда.

Жили по разнымъ деревнямъ два брата: одинъ былъ богатый, а другой бѣдный. Вотъ у богатаго насталъ праздникъ, бѣдный и пошёлъ къ нему въ гости, пришёлъ и говоритъ: «бра-ецъ! у тебя сегодня праздникъ; хоть бы ты меня бражкой [2]) угостилъ».—«Бражкой! говоритъ богатый: вотъ въ кадкѣ—пей, сколько хочешь!»—а въ кадкѣ-то была вода; бѣдный братъ-то и напился воды. Пошёлъ онъ назадъ домой да и поётъ пѣсни, и слышитъ: съ нимъ кто-то поётъ; онъ и спрашиваетъ: «кто же это поётъ?»—Да я, говоритъ.—«Да ты кто?»—Я, говоритъ, Нужда.—«А ты куда идёшь?»—Я, говоритъ, съ тобою.—«Какъ со мною?»—Да я всё съ тобою хожу.—«Да я, говоритъ бѣдный, домой пришедши, буду умирать».—Ну и я съ тобою.—Пришедши домой, онъ сталъ дѣлать гробъ; сдѣлалъ гробъ и говоритъ: «Нужда, а Нужда! полѣзай въ гробъ». Ну, онъ её и спрашиваетъ: «Нужда, а Нужда! влѣзла, что-ль?». Да, я уже тутъ.—И онъ понёсъ её на кладбище, закопалъ её и сталъ съ той поры богатѣть. Богатый братъ узналъ объ этомъ и позавидовалъ ему: «что, говоритъ, такое? отчего это онъ разбогатѣлъ?». Вотъ онъ приходитъ къ нему и говоритъ: «отчего это ты, братъ, разбогатѣлъ?»—«Помнишь, говоритъ, я былъ у тебя на праздникѣ; ты меня водой-то угостилъ; я воды-то напился и охмѣлѣлъ съ той воды; пошёлъ домой, сталъ пѣсни пѣть, слышу—со мной кто-то поётъ-подпѣваетъ. Вотъ я и спросилъ: кто со мною поётъ? Она отвѣчаетъ: я!—Да ты кто?—Я—Нужда».—Тутъ богатый и спрашиваетъ его: «да куда жь ты её дѣлъ?».—«Я посадилъ её въ гробъ да и закопалъ».—Богатаго-то зависть и взяла, и пошёлъ онъ на кладбище, откопалъ Нужду да и говоритъ: «Нужда, а Нужда! ты тута?»—«Ту-у-то, чуть жи-и-ва!» пропищала она. Вотъ онъ и говоритъ: «пойдёмъ къ брату; онъ теперь разбогатѣлъ». Она говоритъ ему: «нѣтъ, я лучше съ тобой пойду. а то онъ меня совсѣмъ заморилъ». И ушла съ нимъ съ богатымъ-то. Богатый и обѣднѣлъ. А этотъ, который закопалъ Нужду, по милости Божьей, хорошо живётъ и теперь.

Народная сказка.

56. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря; они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года. Старикъ ловилъ неводомъ [1]) рыбу, старуха

---

[1]) *Лубъ* — кора, снятая съ липы и нѣкоторыхъ другихъ деревъ; *лубъ-лубомъ*—плотнымъ, какъ лубъ.
[2]) *Брага*—напитокъ, приготовленный изъ проса; на винокуренныхъ заводахъ: растворъ муки, приготовленный для выгонки хлѣбнаго вина; заторъ.

[1]) *Неводъ*—рыболовная сѣть.

пряла свою пряжу. Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, пришёлъ неводъ съ одной тиной [1]); онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, пришолъ неводъ съ травой морской; въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, пришёлъ неводъ съ непростою рыбкой,—съ непростою рыбкой, золотою. Какъ взмолится золотая рыбка, голосомъ молвитъ [2]) человѣчьимъ: «Отпусти ты, старче, меня въ море, дорогой за себя дамъ откупъ [3]): откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь». Удивился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобы рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: «Богъ съ тобою, золотая рыбка! Твоего мнѣ откупа не надо: ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ».

Воротился старикъ ко старухѣ, разсказалъ ей великое чудо: «Я сегодня поймалъ было рыбку, золотую рыбку, не простую; по нашему говорила рыбка, домой въ море синее просилась, дорогою цѣною откупалась: откупалась, чѣмъ только пожелаю. Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ, такъ пустилъ её въ синее море». Старика старуха забранила: «дурачина ты, простофиля [4]): не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! Хоть бы взялъ ты съ нея корыто [1]): наше-то совсѣмъ раскололось!». Вотъ пошёлъ онъ къ синему морю; видитъ: море слегка разыгралось. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «чего тебѣ надобно, старче?». Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка! разбранила меня моя старуха, не даётъ старику мнѣ покою: надобно ей новое корыто: наше-то совсѣмъ раскололось». Отвѣчаетъ золотая рыбка: «не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! будетъ вамъ новое корыто».

Воротился старикъ ко старухѣ; у старухи новое корыто. Ещё пуще старуха бранится: «Дурачина ты, простофиля! Выпросилъ, дурачина, корыто! Въ корытѣ много ли корысти [2])? Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ; поклонись ей, выпроси ужъ избу». Вотъ пошёлъ онъ къ синему морю (помутилося синее море); сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «чего тебѣ надобно, старче?». Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка, ещё пуще старуха бранится, не даётъ старику мнѣ покою: избу проситъ

[1]) *Тина*—всякія земляныя части въ водѣ, илъ. [2]) *Молвить*—сказать, произнести слово. [3]) *Откупъ*—выкупъ. [4]) *Простофиля*—глуповатый человѣчекъ; простакъ.

[1]) *Корыто*—толстая плаха, выдолбленная съ расколотой стороны на подобіе колоды; въ *корытѣ* моютъ бѣлье. [2]) *Корысть*—польза, прибыль.

варли́вая ба́ба». Отвѣча́етъ золота́я ры́бка:

«не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ! такъ и быть: изба́ вамъ ужъ бу́детъ».

Пошёлъ онъ ко свое́й земля́нкѣ; а земля́нки нѣтъ ужъ и слѣ́да: пе́редъ нимъ изба́ со свѣтёлкой [1], съ кирпи́чною бѣлёною трубо́ю, съ дубо́выми тесо́выми [2] воро́ты. Стару́ха сиди́тъ подъ око́шкомъ, на чёмъ-свѣтъ-стои́тъ му́жа руга́етъ: «дурачи́на ты, прямо́й простофи́ля! Выпросилъ, простофи́ля, избу́! вороти́сь, поклони́сь ры́бкѣ: не хочу́ быть чёрной крестья́нкой, хочу́ быть столбово́ю [3] дворя́нкой?». Пошёлъ стари́къ къ си́нему мо́рю (не споко́йно си́нее мо́ре). Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку;

[1]) *Свѣтелка*—особая въ домѣ горница, свѣтлая, чистая. [2]) *Тесъ, тесовый*—тесаныя или пильныя доски. [3]) *Столбовой дворянинъ*—дворянинъ древняго рода.

приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла: «Чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?». Ей съ покло́номъ стари́къ отвѣча́етъ: «Сми́луйся, госуда́рыня ры́бка! пу́ще пре́жняго стару́ха вздури́лась,

не даётъ старику́ мнѣ поко́ю: ужъ не хо́четъ быть она́ крестья́нкой, хо́четъ быть столбово́ю дворя́нкой». Отвѣча́етъ золота́я ры́бка: «не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ».

Вороти́лся стари́къ ко стару́хѣ,—что жъ онъ ви́дитъ? Высо́кій те́ремъ [1], на крыльцѣ́ стои́тъ его́ стару́ха въ дорого́й собо́льей душегрѣ́йкѣ [2], парчева́я [3] на ма́ковкѣ [4] ки́чка [5], жемчуги́ окружи́ли ше́ю, на рука́хъ золоты́е перстни́ [6], на нога́хъ кра́сные сапо́жки. Пе́редъ не́ю усе́рдные слу́ги; она́ бьётъ ихъ, за чупру́нъ [7] таска́етъ. Говори́тъ стари́къ свое́й стару́хѣ: «Здра́вствуй, ба́рыня-суда́рыня—дворя́нка! Чай [8], тепе́рь твоя́ душе́нька дово́льна?». На него́ прикри́кнула стару́ха, на коню́шню служи́ть его́ посла́ла. Вотъ недѣ́ля—друга́я прохо́дитъ: ещё пу́ще стару́ха вздури́лась: опя́ть къ ры́бкѣ старика́ посыла́етъ. «Вороти́сь, поклони́ся

[1]) *Теремъ*—комната, построенная на возвышеніи, или въ связи съ зданіемъ, или на верху его. [2]) *Душегрѣйка*—простонародная женская одежда безъ рукавовъ, надѣваемая на туловище. [3]) *Парчевая, парча*—ткань, сдѣланная изъ шелка съ примѣсью серебра и золота, употребляемая на ризы для священнослужителей. [4]) *Маковка*—верхняя часть головы. [5]) *Кичка*—головной уборъ. [6]) *Перстень*—кольцо съ бляшкою, или со вставленнымъ камнемъ. [7]) *Чупрунъ*—длинные передніе волосы на головѣ. *Чай*—повидимому, какъ чаять (ожидать) или думать можно.

рыбкѣ: не хочу́ быть столбово́ю дворя́нкой, а хочу́ быть во́льною цари́цей!». Испуга́лся стари́къ, взмоли́лся: «Что ты, ба́ба, бѣлены́ [1]) объѣ́лась? Ни ступи́ть, ни мо́лвить не умѣ́ешь,—насмѣши́шь ты цѣ́лое ца́рство». Осерди́лася пу́ще стару́ха, по щекѣ́ уда́рила му́жа. «Какъ ты смѣ́ешь, мужи́къ, спо́рить со мно́ю, со мно́ю, дворя́нкой столбово́ю? Ступа́й къ мо́рю, говоря́тъ тебѣ́ че́стью; не пойдёшь, поведу́тъ по нево́лѣ». Стари́къ отпра́вился къ мо́рю (почернѣ́ло си́нее мо́ре). Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку; приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла: «чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?». Ей съ покло́номъ стари́къ отвѣча́етъ: «Смилу́йся, госуда́рыня ры́бка! опя́ть моя́ стару́ха бунту́етъ: ужъ не хо́четъ быть она́ дворя́нкой, хо́четъ быть во́льною цари́цей!». Отвѣча́етъ золота́я ры́бка: «Не печа́лься, ступа́й себѣ́ съ Бо́гомъ! Добро́! бу́детъ стару́ха цари́цей!».

Старичёкъ къ стару́хѣ вороти́лся. Что-жъ? Пе́редъ нимъ ца́рскія пала́ты, въ пала́тахъ ви́дитъ онъ свою́ стару́ху; за столо́мъ сиди́тъ она́ цари́цей, слу́жатъ ей бо́яре [2]) да дворя́не; налива́ютъ ей замо́рскія ви́на, заѣда́етъ она́ пря́никомъ [3]) печа́тнымъ; вокру́гъ стои́тъ ея́ гро́зная стра́жа, на плеча́хъ топо́рики де́ржатъ. Какъ увидѣ́лъ стари́къ,— испуга́лся, въ но́ги онъ стару́хѣ поклони́лся, мо́лвилъ: «здра́вствуй, гро́зная цари́ца! ну, тепе́рь твоя́ ду́шенька дово́льна?». На него́ стару́ха не взгляну́ла, лишь съ оче́й прогна́ть его́ велѣ́ла. Подбѣжа́ли боя́ре и дворя́не, старика́ въ заше́и затолка́ли; а въ дверя́хъ-то стра́жа подбѣжа́ла, топора́ми чуть не изруби́ла; а наро́дъ-то надъ нимъ насмѣя́лся: «По дѣло́мъ тебѣ́, ста́рый невѣ́жа! Впередъ тебѣ́, невѣ́жа, нау́ка: не сади́ся не въ свои́ са́ни!».

Вотъ недѣ́ля-друга́я прохо́дитъ, ещё пу́ще стару́ха вздури́лась: царедво́рцевъ за му́жемъ посыла́етъ. Отыска́ли старика́, привели́ къ ней. Говори́тъ старику́ стару́ха: «вороти́сь, поклони́ся ры́бкѣ: не хочу́ быть во́льною цари́цей, хочу́ быть влады́чицей морско́ю, чтобъ жить мнѣ въ окія́нѣ-мо́рѣ, чтобъ служи́ла мнѣ ры́бка золота́я и была́-бъ у меня́ на посы́лкахъ». Стари́къ не осмѣ́лился пере́чить [1]), не дерзну́лъ поперёкъ сло́ва мо́лвить. Вотъ идётъ онъ къ си́нему мо́рю; ви́дитъ: на мо́рѣ чёрная бу́ря—такъ и взду́-

лись серди́тыя во́лны, такъ и хо́дятъ, такъ во́емъ и во́ютъ. Сталъ онъ кли́кать золоту́ю ры́бку; приплыла́ къ нему́ ры́бка, спроси́ла: «чего́ тебѣ́ на́добно, ста́рче?». Ей стари́къ съ покло́номъ отвѣча́етъ: «смилу́йся, госуда́рыня-ры́бка! что мнѣ дѣ́лать съ прокля́тою ба́бой? ужъ не хо́четъ быть она́ цари́-

---

[1]) *Бѣлена*—ядовитое растеніе. [2]) *Бояринъ, бояре*—знатнѣйшій сановникъ въ государствѣ; вельможа. [3]) *Пряникъ*—родъ пирожнаго, приготовленнаго изъ муки съ примѣсью меду и пряностей

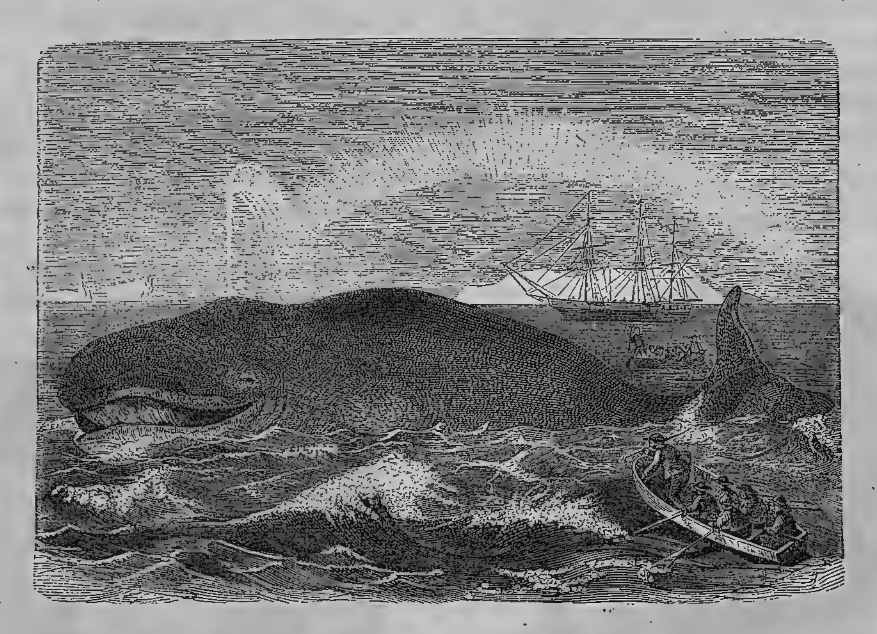
[1]) *Перечить*—говорить или дѣйствовать вопреки кому-нибудь.

цей, хо́четъ быть влады́чицей морско́ю, что́бы жить ей въ *окія́нѣ-мо́рѣ*, что́бы ты сама́ ей служи́ла и была́ бы у нея́ на посы́лкахъ». Ничего́ не сказа́ла ры́бка, лишь хвосто́мъ по водѣ́ плесну́ла и ушла́ въ глубо́кое мо́ре. До́лго у мо́ря ждалъ онъ отвѣ́та, не дожда́лся—къ стару́хѣ вороти́лся... Глядь: опя́ть пе́редъ нимъ земля́нка; на поро́гѣ сиди́тъ его́ стару́ха, а пе́редъ не́ю разби́тое коры́то.

Пу́шкинъ.

57. Поѣздка Ивана за кольцомъ.

Ѣ́детъ нашъ Ива́нъ за кольцо́мъ на *окія́нъ*; горбуно́къ лети́тъ, какъ вѣ́теръ, и ещё на пе́рвый ве́черъ вёрстъ сто ты́сячъ отмаха́лъ и нигдѣ́ не *отдыха́лъ*. Подъѣзжа́я къ *окія́ну*, говори́тъ конёкъ Ива́ну: «Ты, Ива́нушка, смотри́, вотъ мину́тки че́резъ три мы пріѣ́демъ на поля́ну, пря́мо къ мо́рю-*окія́ну*; поперёкъ его́ лежи́тъ чу́до-ю́до, ры́ба-китъ [1]). Де́сять лѣтъ ужъ онъ страда́етъ, а досе́лева не зна́етъ, чѣмъ проще́нье полу́чи́тъ. Онъ учнётъ тебя́ проси́ть, чтобъ ты въ со́лнцевомъ селе́ньѣ вы́просилъ ему́ проще́нье. Ты испо́лнить обѣща́й, да смотри́ жъ, не забыва́й!». Вотъ въѣзжа́ютъ на поля́ну, пря́мо къ мо́рю-*окія́ну*; поперёкъ его́ лежи́тъ чу́до-ю́до, ры́ба-китъ. Всѣ бока́ его́ изры́ты, частоко́лы [1]) въ рёбра вби́ты, на хвостѣ́ сыръ-боръ шуми́тъ, на спинѣ́ село́ стои́тъ, мужички́ на губѣ́ па́шутъ, ме́жду глазъ мальчи́шки пля́шутъ и въ дубро́вѣ [2]), межъ усо́въ, и́щутъ дѣ́вушки грибо́въ. Вотъ конёкъ бѣжи́тъ по киту́, по костя́мъ стучи́тъ копы́томъ. Чу́до-ю́до, ры́ба-китъ такъ проѣ́зжимъ говори́тъ, ротъ широ́кій отворя́я, тя́жко, го́рько воздыха́я: «Путь-доро́га, господа́! вы отку́да и куда́?». — «Мы посла́нники цари́цы, ѣ́демъ о́ба изъ столи́цы (говори́тъ киту́ конёкъ), къ со́лнцу пря́мо на восто́къ, во хоро́мы [3]) золоты́я». — «Такъ



нельзя́-ль, отцы́ родны́е, вамъ у со́лнышка спроси́ть: до́лго ль мнѣ въ опа́лѣ [4]) быть, и како́е повелѣ́нье мнѣ испо́лнить для проще́нья?» — «Ла́дно, ла́дно, ры́ба-китъ», нашъ Ива́нъ ему́ кричи́тъ. — «Будь оте́цъ мой милосе́рдный! вишь! какъ му́чуся я бѣ́дный; де́сять лѣтъ ужъ здѣсь лежу́... я и самъ те услужу́...». (Китъ Ива́на умоля́етъ, самъ же тя́жко воздыха́етъ). — «Ла́дно, ла́д-

[1]) *Китъ*—морское млекопитающее животное; простой народъ называетъ его рыбой.

[1]) *Частоколъ*—заборъ изъ кольевъ, вбитыхъ въ землю одинъ подлѣ другого. [2]) *Дуброва*—густой дремучій лѣсъ. [3]) *Хоромы*—большое жилое деревянное зданіе, состоящее изъ многихъ покоевъ. [4]) *Опала*—немилость, гнѣвъ.

но, рыба-китъ!», нашъ Ива́нъ ему́ кричи́тъ. Тутъ конёкъ подъ нимъ забился и по бе́регу пусти́лся: то́лько ви́дно, какъ песо́къ вьёт-ся ви́хоремъ у ногъ, бу́дто сдѣлалась по-го́дка [1]).

Ѣдутъ до́лго ли, коротко, и увидѣли-ль кого́,—я не зна́ю ничего́. Ско́ро ска́зка говори́тся, дѣло мѣшкотно твори́тся. То́лько, бра́тцы, я узна́лъ, что конёкъ туда́ вбѣжалъ, гдѣ (я слышалъ сторонóю) не́бо схо́дится съ землёю, гдѣ крестья́нки лёнъ пряду́тъ, пря́лки на́ небо кладу́тъ. Тутъ Ива́нъ на не́бо въѣхалъ, да по не́бу и поѣхалъ, избоче́нясь [2]), бу́дто князь, ша́пку на́ бокъ, подбодря́сь: «Эко ди́во! э́ко ди́во! на́ше ца́рство хоть краси́во (говори́тъ коньку́ Ива́нъ средь лазо́ревыхъ [3]) поля́нъ), а какъ съ не́бомъ-то сравни́тъся, такъ подъ сте́льку [4]) не годи́тся. Вѣдь у насъ земля́ черна́, и темна́-то, и грязна́; здѣсь земля́-то голуба́я, а ужъ свѣтлая кака́я!.. Посмотри́-ка, горбуно́къ? ви́дишь, вонъ гдѣ, на восто́кѣ, сло́вно свѣтится гнилу́шка [5])! чай крестья́нская избу́шка! что-то бо́льно высока́!» (такъ спроси́лъ Ива́нъ конька́). — «Это те́ремъ Царь-Дѣвицы, на́шей бу́дущей цари́цы», горбуно́къ ему́ кричи́тъ: «по ноча́мъ здѣсь со́лнце спитъ; а какъ день-деньско́й прохо́дитъ, то сюда́ и мѣсяцъ вхо́дитъ». — Подъѣзжа́ютъ къ ворота́мъ; сто столбо́въ по сторона́мъ; всѣ столбы-то голубые, а верху́шки золотыя; на верху́шкахъ три звѣзды; вокру́гъ те́рема сады; на серебря́ныхъ тамъ вѣткахъ, въ раззоло́ченныхъ во клѣтвахъ пти́цы ра́йскія живу́тъ, пѣсни ца́рскія поютъ. А вѣдь те́ремъ съ терема́ми, бу́дто го́родъ съ дере́внями; а на те́ремѣ изъ звѣздъ правосла́вный ру́сскій крестъ.

Вотъ конёкъ во дворъ въѣзжа́етъ; нашъ Ива́нъ съ него́ слѣза́етъ, въ те́ремъ къ мѣсяцу идётъ и таку́ю рѣчь ведётъ: «Здра́вствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцо́вичъ! я — Ива́нушка Петро́вичъ... изъ далёкихъ я сторо́нъ и привёзъ тебѣ покло́нъ». — «Сядь, Ива́нушка Петро́вичъ! (мо́лвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцо́вичъ) и повѣдай мнѣ вину́ [1]) въ на́шу свѣтлую страну́ твоего́ съ земли́ прихо́да; изъ како́го ты наро́да, какъ яви́лся въ сей странѣ; всё вполнѣ повѣдай мнѣ». — «Я съ земли́ пришёлъ земля́нской, изъ страны́ вѣдь христіа́нской (говори́тъ ему Ива́нъ), переѣхалъ оки́янъ съ поруче́ньемъ отъ дѣви́цы, на́шей бу́дущей цари́цы, чтобъ тебя отъ ней спроша́ть, послѣ ей пересказа́ть: для чего́, де́скать [2]) три но́чи не пока́зывалъ ты о́чи, и зачѣмъ-де три ужъ дня со́лнце скрыло́сь отъ меня?». — «А кака́я то цари́ца?». — «Это, зна́ешь, Царь-Дѣвица».. — «Царь-Дѣвица?.. Такъ она́ — что-ль тобо́й увезена́?» — вскрикну́лъ Мѣсяцъ-Мѣсяцо́вичъ. — Тутъ Ива́нушка Петро́вичъ говори́тъ: «Извѣстно, мной! Вишь, я ца́рскій стремя́нно́й [3])».

Тутъ Ива́нушка подня́лся, въ путь доро́женьку собра́лся .. Вдругъ онъ два́жды привскочи́лъ: «Эхъ! немно́жко не забы́лъ! Есть къ тебѣ, родно́й, проще́нье — то о ки́товомъ проще́ньѣ... Есть, вишь, мо́ре: чу́до-китъ поперёкъ его́ лежи́тъ, всѣ бока́ его́ изры́ты, частоко́лы въ рёбра вби́ты. Онъ, бѣдня́къ, меня́ проша́лъ, чтобы я тебѣ сказа́лъ: ско́ро-ль ко́нчится муче́нье? чѣмъ сыска́ть ему проще́нье? и за что онъ тутъ лежи́тъ?». — Мѣсяцъ я́сный говори́тъ: «Онъ за то несётъ муче́нье, что безъ Бо́жія велѣнья проглоти́лъ онъ средь море́й три деся́тка корабле́й. Если да́стъ онъ имъ свобо́ду, то сниму́ съ него́ невзго́ду [4])». — Поклони́вшись какъ умѣлъ, на конька́ Ива́нъ тутъ сѣлъ, сви́стнулъ, бу́дто ви́тязь [5]) зна́тной, и пусти́лся въ путь обра́тной.

---

[1]) *Погода, погодка* — состояніе атмосферы, т. е. воздуха, окружающаго землю; здѣсь: вѣтеръ, буря. [2]) *Избочениться* — выставить одинъ бокъ впередъ. [3]) *Лазоревый* — свѣтлосиній; *лазурь* — краска свѣтлосиняго цвѣта. [4]) *Стелька* — лоскутокъ кожи, вырѣзанный по мѣрѣ подошвы; къ стелькѣ пришиваются переды сапогъ или башмаковъ. [5]) *Гнилушка свѣтится* — гнилое дерево въ темнотѣ свѣтится.

[1]) *Вина* — начало, причина; проступокъ, преступленіе. [2]) *Дескать* — присловье; *де* — тоже присловье. [3]) *Стремянной* — конюхъ, сопровождающій ѣдущаго верхомъ господина; въ старину: чиновникъ царскаго двора, имѣвшій обязанностью подавать и принимать коня, на которомъ ѣздилъ царь, ходить при стремени около саней и каретъ въ всѣхъ царскихъ поѣздкахъ. [4]) *Невзгода* — несчастье, неблагопріятное время. [5]) *Витязь* — храбрый, мужественный воинъ.

На другой день нашъ Иванъ вновь пришёлъ на окіянъ. Вотъ конёкъ бѣжитъ по киту, по костямъ стучитъ копытомъ. Чудо-юдо, рыба-китъ такъ, вздохнувши, говоритъ: «Что, отецъ мой? въ небѣ былъ ли? мнѣ прощенье испросилъ-ли?». Тутъ конёкъ ему кричитъ: «Погоди ты, рыба-китъ!». Вотъ въ селенье прибѣгаетъ, мужиковъ къ себѣ сзываетъ, чёрной гривкою трясётъ и такую рѣчь ведётъ: «Эй! послушайте, міряне! православны христіане! коль не хочетъ кто изъ васъ къ водяному сѣсть въ приказъ [1]), убирайся вмигъ отсюда! вдѣсь тотчасъ случится чудо: море сильно закипитъ, повернётся рыба-китъ»... Тутъ крестьяне и міряне, православны христіане, закричали: «быть бѣдамъ!» и пустились по домамъ. Всѣ телѣги собирали; въ нихъ, не мѣшкая, поклали всё, что было живота [2]), и оставили кита. Лишь на небѣ засмеркалось, то на китѣ не осталось ни одной души живой, будто шёлъ Мамай [3]) войной!

Тутъ конёкъ на хвостъ вбѣгаетъ, къ перьямъ скоро прилегаетъ и, что мочи [4]) есть, кричитъ: «Чудо-юдо, рыба-китъ! оттого твоё мученье, что безъ Божія велѣнья проглотилъ ты средь морей три десятка кораблей. Если дашъ ты имъ свободу,—не потерпишъ ужъ невзгоду». И, окончивъ это, вмигъ горбунокъ на берегъ прыгъ и на нёмъ остановился. Чудо-китъ поворотился, началъ море волновать и изъ челюстей [5]) бросать корабли за кораблями съ парусами и гребцами... Тутъ поднялся шумъ такой, что проснулся царь морской: въ пушки мѣдныя палили, въ трубы кованы трубили, флагъ [6]) на мачтѣ [7]) развился, бѣлый парусъ [8]) поднялся, а гребцовъ весёлый рядь грянулъ пѣсню на подхватъ. Волны моря заклубились, корабли изъ глазъ сокрылись!

Чудо-юдо рыба-китъ громкимъ голосомъ кричитъ, ротъ широкій отворяя, плескомъ [1]) волны разбивая: «Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить? чѣмъ за службу наградить? надоль-ль раковинъ [2]) цвѣтистыхъ, надо-ль рыбокъ золотистыхъ, надо-ль крупныхъ жемчуговъ,—всё достать тебѣ готовъ!»—«Нѣтъ, китъ-рыба; мнѣ не надо крупныхъ жемчуговъ въ награду (говоритъ ему Иванъ), лучше перстень мнѣ достань, перстень красной Царь-Дѣвицы, нашей будущей царицы».—«Ладно, ладно (рыба-китъ стремянному говоритъ), отыщу я до зарницы [3]) перстень красной Царь-Дѣвицы». Такъ китъ-чудо отвѣчалъ и, всплеснувъ, на дно упалъ. Вотъ онъ плескомъ ударяетъ, громкимъ голосомъ сзываетъ осетриный весь народъ и такую рѣчь ведётъ: «Вы достаньте до зарницы перстень красной Царь-Дѣвицы, скрытый въ ящикѣ на днѣ. Кто его достанетъ мнѣ, награжу того я чиномъ: будетъ думнымъ [4]) дворяниномъ. Если жъ умный мой приказъ не исполните ..я васъ!». Осетры тутъ поклонились и въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ двое бѣлыхъ осетровъ къ киту медленно подплыли и смиренно говорили: «Царь великій! не гнѣвись! мы всё море ужъ, кажись, ваша милость, обыскали, а всё перстня не видали. Только ёршъ одинъ изъ насъ могъ исполнить твой приказъ: онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ, такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ; но его, какъ бы на зло, ужъ куда-то унесло».—«Отыскать его въ минуту и послать въ мою каюту!», китъ во гнѣвѣ закричалъ и усами закачалъ. Осетры тутъ поклонились, въ земскій судъ потомъ пустились, и велѣли въ тотъ-же часъ отъ кита писать указъ, чтобь гонцовъ скорѣй

П[1]) *риказъ*—въ старину такимъ словомъ обозначали присутственное мѣсто, напр. приказъ большого дворца, приказъ посольскій, приказъ разбойный. [2]) *Животъ, животы, овъ*—пожитки, имѣніе. [3]) *Мамай*—татарскій ханъ, разбитый великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ [4]) *Мочь*—сила. [5]) *Челюсть*—каждая изъ двухъ головныхъ костей, въ которыхъ утверждены зубы. [6]) *Флагъ*—морское знамя, поднимаемое на мачтѣ. [7]) *Мачта*—высокое бревно, укрѣпленное среди корабля, служащее для подниманія парусовъ. [8]) *Парусъ*—большой кусокъ холста, приводящій при помощи вѣтра въ движеніе судно.

[1]) *Плескъ*—хвостъ съ перьями у большихъ рыбъ. [2]) *Раковина* — черепъ, служащій жилищемъ для слизней, напр. улитки (слимака). [3]) *Зарница*—блистаніе въ воздухѣ, подобное молніи безъ грома; бываетъ вечеромъ. [4]) *Дума*—собраніе чиновъ для производства государственныхъ или гражданскихъ дѣлъ.

послáли и ершá скорѣй поймáли. Лéщъ, услыша сей прикáзъ, именнóй писáлъ укáзъ; сомъ (исправникомъ онъ звáлся) подъ укáзомъ подписáлся; чёрный ракъ укáзъ сложилъ и печáти приложилъ; двухъ дельфиновъ тутъ призвáли и, отдáвъ укáзъ, сказáли, чтобъ отъ имени царя всѣ объѣхали моря, и тогó ершá гуляку, крикунá и забiяку, гдѣ бы ни было нашли, къ государю привели.

Тутъ дельфины поклонились и ершá искáть пустились. Ищутъ часъ онй въ моряхъ, ищутъ часъ онй въ рѣкáхъ, всѣ озёра исходили, всѣ проливы переплыли,— не могли ершá сыскáть и вернулися назáдь, чуть не плáча отъ печáли. Вдругъ дельфины услыхáли недалёко на прудѣ крикъ неслыханный въ водѣ. Въ прудъ дельфины завернули и на дно егó нырнули. Глядь: въ прудѣ подъ камышёмъ ёршъ дерётся съ карасёмъ! «Смирно! черти бъ васъ побрáли! вишь, содóмъ [1]) какóй подняли, слóвно вáжные бойцы!», закричáли имъ гонцы— «Ну, а вамъ какóе дѣло (ёршъ кричитъ дельфинамъ смѣло)! Я шутить вѣдь не люблю, рáзомъ всѣхъ переколю!».—«Охъ, ты, вѣчная гуляка и крикунъ, и забiяка! всё бы, дрянь, тебѣ гулять, всё бы дрáться да кричáть! дóма, нѣтъ вѣдь,—не сидится... ну, да что съ тобóй рядиться [2])? вотъ тебѣ царёвъ укáзъ, чтобъ ты плылъ къ нему тотчáсъ». Тутъ прокáзника [3]) дельфины подхватили за щетины и отпрáвились назáдъ. Ершъ ну рвáться и кричáть: «Будьте милостивы брáтцы! дáйте чуточку подрáться: распроклятый тотъ карáсь поносилъ [4]) меня вчерáсь, при честнóмъ, при всёмъ собрáньѣ, басурмáнской [5]) рáзной брáнью»... Дóлго ёршъ ещё кричáлъ, наконéцъ и замолчáлъ; а прокáзника дельфины всё тащили за щетины, ничегó не говоря,—и явились предъ царя.

«Что ты дóлго не являлся? гдѣ ты, врáжiй сынъ, шатáлся?» (китъ со гнѣвомъ закричáлъ). На колѣни ёршъ упáлъ и, признáвшись въ преступлéньѣ, онъ испрашивалъ прощéнье.—«Ну, ужъ Богъ тебя простúтъ (китъ держáвный говоритъ), но за это преступлéнье ты исполни повелѣнье».— Всё исполню, слáвный китъ!» (на колѣняхъ ёршъ пищитъ).—«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь, такъ ужъ вѣрно пéрстень знáешь Царь-Дѣвицы?...» — «Какъ не знать? мóжемъ рáзомъ отыскáть».—«Такъ ступáй же поскорѣе, да неси егó живѣе». Тутъ, отдáвъ царю поклóнъ, ёршъ пошёлъ оттуда вонъ; съ пол минуты порѣзвился, въ чёрный óмутъ [1]) опустился и, разрывъ на днѣ песóкъ, вырылъ крáсный сундучёкъ—пудъ по крáйней мѣрѣ во сто. «Здѣсь, братъ, дѣло-то не прóсто!» и давáй изъ всѣхъ морей ёршъ скликáть къ себѣ сельдей. Сéльди рáзомъ собрáлися, сундучёкъ тащить взялися, тóлько слышно и всегó, что у-у да о-о-о! но сколь сильно ни кричáли, сундучкá всё не подняли. Ершъ, не трáтя мнóго словъ, крикнулъ дéсять осетрóвъ. Вотъ десятокъ приплывáетъ и безъ крика поднимáетъ крѣпко вязнувшiй въ песóкъ съ пéрстнемъ крáсный сундучёкъ. «Ну, ребятушки, смотрите, вы къ царю тепéрь плывите; я пойду тепéрь ко дну, да немнóжко отдохну: что-то сонъ одолѣвáетъ, такъ глазá вотъ и смыкáетъ»... Осетры къ царю плывутъ; ёршъ-гуляка прямо въ прудъ (изъ котóраго дельфины утащили за щетины), чай, подрáться съ карасёмъ,—я не вѣдаю о томъ.

Но тепéрь мы съ нимъ простимся и къ Ивáну возвратимся. Тихо мóре-окiянъ, на пескѣ сидитъ Ивáнъ, ждётъ китá изъ синя мóря и мурлыкаетъ отъ гóря; повалившись на песóкъ, дрéмлетъ вѣрный горбунóкъ. Врéмя къ вéчеру склонилось; вотъ ужъ сóлнышко спустилось; тихимъ плáменемъ горя, развернулася заря. А китá не тутъ-то было. «Чтобъ те вóра задавило! вишь, какóй морскóй шайтáнъ [2]) (говоритъ себѣ Ивáнъ), обѣщáлся до зарницы вынесть

[1]) *Содомъ*—шумъ, возня, безпорядокъ. [2]) *Рядиться*—договариваться, сговариваться. [3]) *Проказникъ*—производящiй шалости, дурачества. [4]) *Поносить*—бранить съ осужденiемъ. [5]) *Басурманъ, бусурманъ*—магометанинъ, вѣрующiй въ Магомета, который назвалъ себя пророкомъ и выдумалъ новую религiю; ее исповѣдуютъ турки и татары.

[1]) *Омутъ*—глубокое мѣсто, яма подъ водою. [2]) *Шайтанъ*—такъ сибиряки называютъ чёрта.

перстень Царь-Дѣвицы, а доселѣ не сыскалъ, окаянный зубоскалъ [1])! а ужъ солнышко-то сѣло, и...». Тутъ море закипѣло: появился чудо-китъ и къ Ивану говоритъ: «за твоё благодѣянье я исполнилъ обѣщанье». Съ этимъ словомъ сундучёкъ брякнулъ крѣпко на песокъ, только берегъ закачался. «Если-жъ нуженъ буду я, позови опять меня; твоего благодѣянья не забыть мнѣ... До свиданья!». Тутъ китъ-чудо замолчалъ и, всплеснувъ, на дно упалъ.

Ершовъ.

58. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.

Царь съ царицею простился, въ путь-дорогу снарядился, и царица у окна сѣла ждать его одна. Ждётъ-пождётъ съ утра до ночи, смотритъ въ поле, инда [2]) очи разболѣлись глядючи съ бѣлой зори до ночи: не видать милаго друга! только видитъ: вьётся вьюга, снѣгъ валится на поля, вся бѣлёшенька земля. Девять мѣсяцевъ проходитъ, съ поля глазъ она не сводитъ. Вотъ въ сочельникъ [3]) въ самый, въ ночь, Богъ даётъ царицѣ дочь. Рано утромъ гость желанный, день и ночь такъ долго жданный, издалёка, наконецъ, воротился царь-отецъ. На него она взглянула, восхищенья не снесла, тяжелёшенько вздохнула и къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ; но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ; годъ прошёлъ, какъ сонъ пустой, царь женился на другой. Правду молвить, молодица ужъ и впрямь была царица: высока, стройна, бѣла, и умомъ, и всѣмъ взяла; но за то горда, ломлива, своенравна и ревнива. Ей въ приданое дано было зеркальце одно; свойство зеркальце имѣло: говорить оно умѣло. Съ нимъ однимъ она была добродушна, весела; съ нимъ привѣтливо шутила и, красуясь, говорила: «Свѣтъ мой, зеркальце! скажи, да всю правду доложи: я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе, всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?». И ей зеркальце въ отвѣтъ: «Ты, конечно, спору нѣтъ: ты, царица, всѣхъ милѣе, всѣхъ румянѣй и бѣлѣе». И царица хохотать, и плечами пожимать, и подмигивать глазами, и прищёлкивать перстами, и вертѣться подбочась, гордо въ зеркальце смотрясь.

Но царевна молодая, тихомолкомъ расцвѣтая, между тѣмъ росла, росла, поднялась—и расцвѣла. Бѣлолица, черноброва, нраву кроткаго такого. И женихъ сыскался ей, королевичъ Елисей. Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово, а приданое готово: семь торговыхъ городовъ, да сто сорокъ теремовъ. На дѣвичникъ [1]) собираясь, вотъ, царица, наряжаясь передъ зеркальцемъ своимъ, перемолвилася съ нимъ: Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе, всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?». Что же зеркальце въ отвѣтъ. «Ты прекрасна, спору нѣтъ; но царевна всѣхъ милѣе, всѣхъ румянѣй и бѣлѣе». Какъ царица отпрыгнётъ, да какъ ручку замахнётъ, да по зеркальцу какъ хлопнетъ, каблучкомъ-то какъ притопнетъ!.. «Ахъ, ты, мерзкое стекло! это врёшь ты мнѣ на зло. Какъ тягаться ей со мною? я въ ней дурь, то успокою. Вишь какая подросла! и не диво, что бѣла—она очень молода! Но скажи-какъ можно ей быть во всёмъ меня милѣй-признавайся: всѣхъ я краше, обойди всё царство наше, хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ. Такъ ли?». Зеркальце въ отвѣтъ: «А царевна всё жъ милѣе, всё румянѣй и бѣлѣе». Дѣлать нечего. Она, чёрной зависти полна, бросивъ зеркальце подъ лавку, по-

[1]) *Зубоскалъ*—насмѣшникъ. [2]) *Инда*—такъ что. [3]) *Сочельникъ*—вечеръ передъ Рождествомъ Христовымъ.

[1]) *Дѣвичникъ*—обрядъ, отправляемый наканунѣ брака въ домѣ невѣсты, гдѣ приглашенныя дѣвицы прощаются съ своей подругой при пѣніи свадебныхъ пѣсенъ.

звала́ къ себѣ́ Черна́вку [1]) и нака́зываетъ ей, *сѣ́нной* [2]) дѣ́вушкѣ свое́й, весть царе́вну въ глушь лѣсну́ю и, связа́въ её, живу́ю подъ сосно́й оста́вить тамъ на съѣде́нiе волка́мъ.

Чёртъ ли сла́дитъ съ ба́бой гнѣ́вной? спо́рить не́чего. Съ царе́вной вотъ Черна́вка въ лѣсъ пошла́ и въ таку́ю даль свела́, что царе́вна догада́лась, и до сме́рти испуга́лась, и взмоли́лась: «Жизнь моя́! въ чёмъ, скажи́, вино́вна я? не губи́ меня́, дѣви́ца! а какъ бу́ду я цари́ца, я пожа́лую тебя́». Та, въ душѣ́ её любя́, не уби́ла, не связа́ла, отпусти́ла и сказа́ла: «Не кручи́нься. Богъ съ

тобо́й», а сама́ пришла́ домо́й. «Что?» сказа́ла ей цари́ца: «гдѣ краса́вица-дѣви́ца?».— «Тамъ, въ лѣсу́, стои́тъ одна́», отвѣча́етъ ей она́; «крѣ́пко свя́заны ей ло́кти; попадётся звѣрю въ ко́гти; ме́ньше бу́детъ ей терпѣ́ть, ле́гче бу́детъ умере́ть. И молва́ трезво́нить ста́ла: до́чка ца́рская пропа́ла! Ту́житъ бѣ́дный царь по ней. Короле́вичъ Елисе́й, помоля́сь усе́рдно Бо́гу, отправля́ется въ доро́гу за краса́вицей-душо́й, за невѣ́стой молодо́й.

Но невѣ́ста молода́я, до зари́ въ лѣсу́ блужда́я, ме́жду тѣмъ всё шла́ да шла́ и на те́ремъ набре́ла. Ей навстрѣ́чу пёсъ, зала́я, прибѣжа́лъ и смолкъ, игра́я; въ воро́та вошла́ она́. На подво́рьѣ тишина́. Пёсъ бѣжи́тъ за ней, ласка́ясь, а царе́вна, подбира́ясь [1]), подняла́ся на крыльцо́ и взяла́ся за кольцо́; дверь тихо́нько отвори́лась, и царе́вна очути́лась въ свѣ́тлой го́рницѣ; круго́мъ ла́вки, кры́тыя ковро́мъ, подъ свя́тыми столъ дубо́вый, печь съ лежа́нкой [3]) изразцо́вой [2]). Ви́дитъ дѣви́ца, что тутъ лю́ди до́брые живу́тъ; знать, не бу́детъ ей оби́дно. Никого́ межъ тѣмъ не ви́дно. Домъ царе́вна обошла́, всё поря́дкомъ убрала́, засвѣти́ла Бо́гу свѣ́чку, затопи́ла жа́рко пе́чку, на пола́ти [4]) взобрала́сь и тихо́нько улегла́сь.

Часъ обѣ́да приближа́лся; то́потъ по двору́ разда́лся. Вхо́дятъ семь богаты́рей, семь румя́ныхъ усаче́й. Ста́ршiй мо́лвилъ: «Что за ди́во! всё такъ чи́сто и краси́во. Кто́-то те́ремъ прибира́лъ, да хозя́евъ поджида́лъ. Кто́-же? вы́дь и покажи́ся, съ на́ми че́стно подружи́ся: коль ты ста́рый человѣ́къ, бу́дешь дя́дей намъ на вѣкъ; ко́ли па́рень ты румя́ный, бра́тецъ бу́дешь намъ назва́ный; коль стару́шка, будь намъ мать, такъ и ста́немъ велича́ть; ко́ли кра́сная дѣви́ца, будь намъ ми́лая сестри́ца». И царе́вна къ нимъ сошла́, честь хозя́мъ отдала́, въ по́ясъ ни́зко поклони́лась, закраснѣ́вшись, извини́лась, что́-де въ го́сти къ нимъ зашла́, хоть звана́ и не была́. Вмигъ по рѣ́чи тѣ спозна́ли, что царе́вну принима́ли; усади́ли въ уголо́къ, подноси́ли пирожо́къ, рю́мку по́лну налива́ли, на подно́съ подава́ли. Отъ зелёнаго вина́ отрека́лася она́; пирожо́къ лишь разломи́ла, да кусо́чекъ прикуси́ла, и съ доро́ги отдыха́ть отпроси́лась на крова́ть. Отвели́ они́ дѣви́цу вверхъ во свѣ́тлую свѣтли́цу, и оста́вили одну́, отходя́щую ко сну́.

День за днёмъ идётъ ме́лькая, а царе́вна молода́я всё въ лѣсу́; не ску́чно ей у семи́ богаты́рей. Пе́редъ у́треннею заре́ю бра́тья дру́жною толпо́ю вы́ѣзжаютъ погуля́ть, сѣ-

---

[1]) *Чернавка* — женщина или дѣвица, имѣющая черные волосы и брови. [2]) *Сѣнная женщина*—живущая въ сѣняхъ (передней), дѣвушка, взятая изъ деревни въ господскій домъ.

[1]) *Подбираться*—приподнимать, оправлять платье, чтобы не загрязнить его. [2]) *Лежанка*—низкая и продолговатая печка, на которой можно лежать. [3]) *Изразецъ, изразцы*—глиняное издѣлье, съ одной стороны коробочкою, а съ другой гладкое, служащее для обкладки печей. [4]) *Полати*—помостъ близъ потолка въ крестьянскихъ избахъ.

рыхъ у́токъ пострѣля́ть, ру́ку пра́вую потѣ́шить, сарочи́на [1]) въ по́лѣ спѣ́шить, иль башку́ [2]) съ широ́кихъ плечъ у Тата́рина отсѣ́чь, или вы́травить изъ лѣса пятиго́рскаго Черке́са [3]). А хозя́юшкой она́ въ терему́ межъ тѣмъ одна́, приберётъ и пригото́витъ. Имъ она́ не прекосло́витъ, не перечатъ ей они́. Такъ идутъ за дня́ми дни. Бра́тья ми́лую дѣви́цу полюби́ли. Къ ней въ свѣтли́цу разъ, лишь то́лько разсвѣло́, всѣхъ ихъ се́меро вошло́. Ста́ршій мо́лвилъ ей: «Дѣви́ца, зна́ешь: всѣмъ ты намъ сестри́ца, всѣхъ насъ се́меро, тебя́ всѣ мы любимъ, за себя́ взять тебя́ мы всѣ бы ра́-

ды, да нельзя́; такъ, Бо́га ра́ди, помири́ насъ какъ нибу́дь: одному́ жено́ю будь, про́чимъ ла́сковой сестро́ю. Что-жъ кача́ешь голово́ю? Аль отка́зываешь намъ? Аль това́ръ не по купца́мъ?». — «Ой вы, мо́лодцы че́стные, бра́тцы вы мои́ родны́е», имъ царе́вна говори́тъ; «ко́ли лгу, пусть Богъ вели́тъ не сойти́ живо́й мнѣ съ мѣ́ста. Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣ́ста. Для меня́ вы всѣ равны́, всѣ уда́лы, всѣ умны́, всѣхъ я васъ люблю́ серде́чно; но другому я навѣ́чно отдана́. Мнѣ всѣхъ милѣ́й короле́вичъ Елисе́й». Бра́тья мо́лча постоя́ли, да въ заты́лкѣ [4]) почеса́ли. «Спросъ не грѣхъ. Прости́ ты насъ», ста́ршій мо́лвилъ поклоня́сь, «ко́ли такъ, не заикну́ся ужъ о томъ». — «Я не сержу́ся», ти́хо мо́лвила она́, «и отка́зъ мой не вина́». Женихи́ ей поклони́лись, потихо́ньку удали́лись, и согла́сно всѣ опя́ть ста́ли жить да пожива́ть.

---

[1]) *Сарочинъ, сарацинъ, сарацины* — арабъ. [2]) *Башка* — голова. [3]) *Пятигорскій черкесъ* — мѣстный житель Кавказа. [4]) *Затылокъ* — задняя часть головы надъ шеею.

Между́ тѣмъ цари́ца зла́я, про царе́вну вспомина́я, не могла́ прости́ть её; а на зе́ркальце своё до́лго ду́лась и серди́лась; наконе́цъ объ нёмъ хвати́лась и пошла́ за нимъ, и сѣвъ пе́редъ нимъ, забы́ла гнѣвъ, красова́ться сно́ва ста́ла, и съ улы́бкою сказа́ла: «Здра́вствуй, зе́ркальце! скажи́, да всю пра́вду доложи́: я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣ́е, всѣхъ румя́нѣй и бѣлѣ́е?». И ей зе́ркальце въ отвѣ́тъ: «Ты прекра́сна, спо́ру нѣтъ; но живётъ безъ вся́кой сла́вы, средь зелёныя дубра́вы, у семи́ богатыре́й та, что всё жъ тебя́ милѣ́й». И цари́ца налетѣ́ла на Черна́вку: «Какъ ты смѣ́ла обману́ть меня́? и въ чёмъ?...». Та призна́лася во всёмъ, такъ и такъ. Цари́ца зла́я, ей рога́ткой [1]) угрожа́я, положи́ла иль не жить, иль царе́вну погуби́ть.

Разъ царе́вна молода́я, ми́лыхъ бра́тьевъ поджида́я, пря́ла, си́дя подъ окно́мъ. Вдругъ серди́то подъ крыльцо́мъ пёсъ зала́ялъ, и дѣви́ца ви́дитъ: ни́щая черни́ца хо́дитъ по́ двору, клюко́й [2]) отгоня́я пса. «Посто́й, ба́бушка, посто́й немно́жко», ей кричи́тъ она́ въ око́шко, «пригрожу́ сама́ я псу и кой-что́ тебѣ́ снесу́». Отвѣча́етъ ей черни́ца: «Охъ ты, дитя́тко дѣви́ца! пёсъ прокля́тый одолѣ́лъ, чуть до сме́рти не заѣ́лъ. Посмотри́, какъ онъ хлопо́четъ! вы́дь ко мнѣ!». Царе́вна хо́четъ вы́йти къ ней и хлѣбъ взяла́, но съ крыле́чка лишь сошла́, пёсъ ей по́дъ ноги — и ла́етъ, и къ стару́хѣ не пуска́етъ; лишь пойдётъ стару́ха къ ней, онъ, лѣсна́го звѣ́ря злѣй на стару́ху. «Что за чу́до? Ви́дно, вы́спался онъ ху́до», ей царе́вна говори́тъ, «на жъ, лови́!» и хлѣбъ лети́тъ. Старушёнка хлѣбъ пойма́ла. «Благода́рствую!» сказа́ла. «Богъ тебя́ благослови́! Вотъ за то тебѣ́, лови́!». И къ царе́внѣ нали́вное, молодо́е, золото́е пря́мо я́блочко лети́тъ... Пёсъ бѣжи́тъ и ей въ лицо́ жа́лко смо́тритъ, гро́зно во́етъ, сло́вно се́рдце пёсье но́етъ, сло́вно хо́четъ ей сказа́ть: брось! Она́ его́ ласка́ть, тре́плетъ нѣ́жною руко́й. «Что, Соко́лка, что съ то-

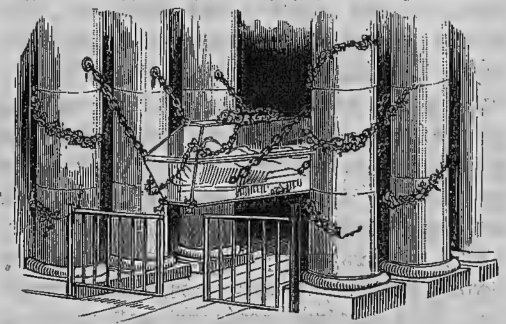
---

[1]) *Рогатка* — желѣзный ошейникъ съ длинными остріями, надѣваемый на шею людямъ и животнымъ. [2]) *Клюка* — палка съ загнутымъ верхнимъ концомъ.

бою? лягъ!». И въ комнату вошла́, дверь тихо́нько заперла́, подъ окно́ за пряжу сѣ́ла ждать хозяе́въ, а глядѣ́ла всё на я́блоко. Оно́, со́ку спѣ́лаго полно́, такъ свѣжо́ и такъ души́сто, такъ румя́но, золоти́сто, бу́дто мё́домъ налило́сь! видны сѣ́мечки насквозь. Подожда́ть она́ хотѣ́ла до обѣ́да, не

стерпѣ́ла, въ ру́ки я́блочко взяла́, къ а́лымъ [1]) гу́бкамъ поднесла́, потихо́ньку прокуси́ла и кусо́чекъ проглоти́ла... Вдругъ она́, моя́ душа́, пошатну́лась не дыша́, бѣ́лы ру́ки опусти́ла, плодъ румя́ный урони́ла, закати́лися глаза́, и она́ подъ обра́за голово́й на ла́вку па́ла, и тиха́, недви́жна ста́ла...

Бра́тья въ ту по́ру домо́й возвраща́лися толпо́й съ молоде́цкаго разбо́я. Имъ на встрѣ́чу, гро́мко во́я, пёсъ бѣжи́тъ, и ко двору́ путь имъ ка́жетъ. «Не къ добру́!», бра́тья мо́лвили, «печа́ли не мину́емъ». Приска́кали, вхо́дятъ, а́хнули. Вбѣжа́въ, пёсъ на я́блоко стремгла́въ [2]) съ ла́емъ ки́нулся, озли́лся, проглоти́лъ его́, свали́лся и издо́хъ. Напоено́ было я́домъ знать оно́. Передъ мёртвою царе́вной бра́тья въ го́рести душе́вной всѣ пони́кли голово́й, и съ моли́твою свято́й съ ла́вки по́дняли, одѣ́ли, хорони́ть её хотѣ́ли и разду́мали. Она́, какъ подъ кры́лышкомъ у сна́, такъ тиха́, свѣжа́ лежа́ла, что лишь то́лько не дыша́ла. Жда́ли три́ дня, но она́ не возста́ла ото сна́. Сотвори́въ обря́дъ печа́льный, вотъ они́ во гробъ хруста́льный трупъ царе́вны молодо́й положи́ли, и толпо́й понесли́ въ пусту́ю го́ру, и въ полу́ночную по́ру гробъ ея́ къ шести́ столба́мъ на цѣпя́хъ чугу́нныхъ тамъ осторо́жно привинти́ли и рѣшёткой огради́ли; и предъ мёртвою сестро́й сотвори́въ покло́нъ земно́й, ста́ршій мо́лвилъ: «Спи во гробѣ́; вдругъ пога́сла, же́ртвой зло́бы, на землѣ́ твоя́ краса́; духъ твой при́мутъ небеса́. Нами ты была́ люби́ма и для ми́лаго храни́ма — не доста́лась никому́, то́лько



гробу одному́». Въ тотъ же день цари́ца зла́я, до́брой вѣ́сти ожида́я, вта́йнѣ зе́ркальце взяла́ и вопро́съ свой задала́: «Я-ль, скажи́ мнѣ, всѣхъ миле́е, всѣхъ румя́нѣй и бѣле́е?» и услы́шала въ отвѣ́тъ: «Ты, цари́ца, спо́ру нѣ́тъ, ты на свѣ́тѣ всѣхъ миле́е, всѣхъ румя́нѣй и бѣле́е».

За невѣ́стою своей королеви́чъ Елисе́й ме́жду тѣмъ по свѣ́ту ска́четъ. Нѣтъ, какъ нѣтъ. Онъ го́рько пла́четъ, у кого́ ни спро́ситъ онъ, всѣ́мъ вопро́съ его мудрёнъ; кто въ глаза́ ему́ смѣётся, кто скорѣ́е отвернётся; къ кра́сну со́лнцу наконе́цъ обрати́лся моло́децъ. «Свѣ́тъ нашъ со́лнышко! ты хо́дишь кру́глый годъ по не́бу, сво́дишь зиму съ тё́плою весно́й, всѣхъ насъ ви́дишь подъ собо́й. Аль отка́жешь мнѣ въ отвѣ́тѣ? не вида́ло ль гдѣ на свѣ́тѣ ты царе́вны молодо́й? я жени́хъ ей». — «Свѣ́тъ ты мой», кра́сно со́лнце отвѣча́ло: «я царе́вны не вида́ло. Знать её въ живы́хъ ужъ нѣтъ. Ра́звѣ мѣ́сяцъ, мой сосѣ́дъ, гдѣ-нибу́дь её да встрѣ́тилъ, или слѣдъ ея́ замѣ́тилъ». Тё́мной но́чки Елисе́й дожда́лся въ тоскѣ́ свое́й. То́лько мѣ́сяцъ показа́лся, онъ за нимъ съ мольбо́й погна́лся. «Мѣ́сяцъ, мѣ́сяцъ, мой дружо́къ, позоло́ченный рожо́къ, ты встаёшь во тьмѣ́ глубо́кой, круглоли́цый, свѣтлоо́кой, и обы́чай твой любя́, звѣ́зды смо́трятъ на тебя́. Аль отка́жешь мнѣ въ отвѣ́тѣ? не вида́лъ ли гдѣ на свѣ-

[1]) *Алый*—свѣтло-красный. [2]) *Стремглавъ*—внизъ головою.

тѣ ты царéвны молодóй? я женúхъ ей».— «Брáтецъ мой», отвѣчáетъ мѣсяцъ ясной, «не видáлъ я дѣвы крáсной. На сторóжѣ я стою тóлько въ óчередь мою. Безъ меня царéвна вúдно пробѣжáла».—«Какъ обúдно!» королéвичъ отвѣчáлъ. Ясный мѣсяцъ продолжáлъ: «погодú; объ ней, быть мóжетъ, вѣтеръ знáетъ, онъ помóжетъ. Ты къ нему тепéрь ступáй, не печáлься же, прощáй». Елисéй, не унывáя, къ вѣтру кúнулся, взывáя: «Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могýчъ, ты гоняешь стáи тучъ, ты волнуешь сúне мóре, всюду вѣешь на простóрѣ, не боúшься никогó. Аль откáжешь мнѣ въ отвѣтѣ? не видáлъ ли гдѣ на свѣтѣ ты царéвны молодóй? я женúхъ ея».—«Постóй», отвѣчáетъ вѣтеръ бýйный, «тамъ за рѣчкой тихострýйной есть высóкая горá; въ ней глубóкая норá; въ той норѣ, во тьмѣ печáльной, гробъ качáется хрустáльной на цѣпяхъ между столбóвъ. Не видáть ничьúхъ слѣдóвъ вкругъ тогó пустáго мѣста: въ томъ гробý твоя невѣста». Вѣтеръ дáлѣ побѣжáлъ.

Королéвичъ зарыдáлъ и пошёлъ къ пустóму мѣсту, на прекрáсную невѣсту посмотрѣть ещё хоть разъ. Вотъ идётъ и поднялáсь пéредъ нимъ горá крутáя; вкругъ нея странá пустáя; подъ горóю тёмный входъ. Онъ тудá скорѣй идётъ. Пéредъ нимъ во мглѣ печáльной, гробъ качáется хрустáльной, и въ хрустáльномъ гробѣ томъ спитъ царéвна мёртвымъ сномъ. И о гробъ невѣсты мúлой онъ удáрился всей сúлой. Гробъ разбúлся. Дѣва вдругъ ожилá. Глядúтъ вокругъ изумлёнными глазáми, и, качáясь надъ цѣпями, привздохнýвъ, произнеслá: «Какъ же дóлго я спалá!» И встаётъ онá изъ грóба... Ахъ!... и зарыдáли óба. Въ рýки онъ её берётъ и на свѣтъ её несётъ, и, бесѣдуя прiятно, въ путь пускáется обрáтно, и трубúтъ ужé молвá: дóчка цáрская живá!

Дóма въ ту порý безъ дѣла злáя мáчиха сидѣла пéредъ зéркальцемъ своúмъ и бесѣдовала съ нимъ, говоря: «Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе, всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?» и услышала въ отвѣтъ: «Ты прекрáсна, спóру нѣтъ, но царéвна всё жъ милѣе, всё румянѣй и бѣлѣе». Злáя мáчиха, вскочúвъ объ подъ зéркальце разбúвъ, въ двéри прямо

побѣжáла и царéвну повстрѣчáла. Тутъ её тоскá взялá, и царúца умерлá. Лишь её похоронúли, свáдьбу тóтчасъ учинúли, и съ невѣстою своéй обвѣнчáлся Елисéй; и никтó съ начáла мiра не видáлъ такóго пúра.

Пýшкинъ.

---

59. Нищiе.

Въ удýшливый зной, по дорóгѣ
Обóрванный мáльчикъ идётъ.
Изрѣзаны кáмнями нóги,
Струúтся съ лицá егó потъ.
Въ похóдкѣ, въ движéньяхъ, во взорѣ
Нѣтъ рѣзвости дѣтской слѣда.
Сквозúтъ въ нихъ тяжёлое гóре,
Какъ въ рýбищѣ вéтхомъ нуждá.
Одúнъ онъ... Свезлú на клáдбище
Вчерá егó стáрую мать.
Съ сумóю, подъ óкнами пúщу
Прихóдится, вúдно, сбирáть!
Устáлый и знóемъ томúмый,
Онъ въ рóщѣ дубóвой прилёгъ,—
И вúдитъ: съ котóмкою, мúмо
Плетётся сѣдóй старичóкъ.
«Здорóво, парнúшка? Откýда?
Умáялся! Хвóренькiй, знать!».
—Изъ гóрода, дѣдушка. Хýдо
Мнѣ, бóльно.—«Не хлѣбца ли дать?
Немнóго набрáлъ я сегóдня,
Да нáдо тебя пожалѣть.
Мнѣ съ гóлоду мúлость Госпóдня
Не дáстъ, слóвно псу, околѣть».
И съ брáтомъ голóднымъ, чтó было
Въ котóмкѣ, онъ всё раздѣлúлъ.
Собрáвъ свои дряхлыя сúлы,

На ключъ за водицей сходилъ.
И горе пока позабыто;
И дружно беседа идётъ... *Плещеевъ.*

60. Нищій.

Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинковая сума чрезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая: — «Сотворите святую милостыню». Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнажённая загорѣлая рука съ краюхою хлѣба. — «Прими Христа ради!» говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идётъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ; предъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: «прими Христа ради», загорѣлая рука не устаётъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму. *Гончаровъ.*

61. Наказанная заносчивость.

Сынъ, учившійся въ городѣ, пріѣхалъ къ отцу въ деревню. Пора была рабочая. Отецъ собрался на покосъ и зовётъ съ собою сына: «Возьми», говоритъ, «грабли, да и поѣдемъ сѣно копнить! Ты мнѣ поможешь и себѣ удовольствіе доставишь!» — «А что такое грабли? Что значитъ копнить? Я не понимаю ни этихъ мужицкихъ словъ, ни удовольствій!» отвѣчалъ учёный сынъ, продолжая важно прохаживаться по двору, заложивъ руки за спину и задравъ голову. Не замѣчая, что у него подъ ногами, онъ наступилъ на грабли и получилъ ударъ въ лобъ. «И что за дуракъ тутъ бросилъ грабли!» вскричалъ учёный сынъ, хватаясь за лобъ. *Гр. Л. Толстой.*

62. Родное.

Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломаный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.
Пушкинъ.

63. Вурдалакъ [1]).

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный. Разъ онъ позднею порой, весь въ поту, отъ страха блѣдный, чрезъ кладбище шёлъ домой. Бѣдный Ваня еле дышетъ; спотыкаясь, чуть бредётъ по могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —кто-то кость, ворча, грызётъ. Ваня сталъ —шагнуть не можетъ. «Боже!» думаетъ

бѣднякъ: «это вѣрно кости гложетъ красногубый Вурдалакъ. Горе! Малый я не сильный: съѣстъ меня упырь совсѣмъ, если самъ земли могильной я съ молитвою не съѣмъ». Что же? вмѣсто Вурдалака (вы представьте Вани злость!) въ темнотѣ предъ нимъ—собака на могилѣ гложетъ кость.
Пушкинъ.

64. Расторопный мальчикъ.

Была у какой-то хозяйки заморская вещь: хрустальный судокъ бочёночкомъ, а въ срединѣ разгороженъ пополамъ: въ одну половину наливается уксусъ, въ другую масло, да такъ и подаётся на столъ. Послала хозяйка сына своего въ лавочку съ судкомъ этимъ, велѣла купить масла прованскаго, да уксусу. Мальчикъ пришёлъ въ лавку, заплатилъ деньги, подставилъ судокъ однимъ концомъ: «Лей масла!» потомъ, не заткнувши пробкой, перевернулъ. «Лей

[1]) *Вурдалакъ* — оборотень, по народному повѣрью высасывающій кровь у людей и у скота.

*

уксусъ!» и пошёлъ домой. Мать увидала, что въ исподней половинѣ ничего нѣтъ, да и спрашиваетъ: «Гриша, да гдѣ же у тебя уксусъ?».—А вотъ онъ, говоритъ, сверху.—«Ну, а масло-то гдѣ-же?»—А вотъ оно, отвѣтилъ Гриша и снова перевернулъ судокъ. Прежде вытекло масло, а теперь и уксусъ. *Владимиръ Даль.*

65. Смѣтливый мужикъ.

Жилъ-былъ *бѣдный* мужикъ; дѣтей много, а добра—всего *одинъ* гусь. Долго берёгъ онъ *этого* гуся, да *голодъ* не тётка: до того дошло, что ѣсть *нечего*. Вотъ мужикъ и зарѣзалъ гуся; зарѣзалъ, зажарилъ и на столъ поставилъ. Всё бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говоритъ хозяинъ своей женѣ: «Какъ станемъ мы ѣсть безъ соли, безъ хлѣба? *Лучше* я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба». — «Ну, что *жъ*? съ Богомъ!».—Приходитъ къ барину.—«Принёсъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ

богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй [1]), родимый!».—Спасибо, мужичёкъ, спасибо! Раздѣли *жъ* ты гуся промежъ насъ безъ обиды».— А у того барина была жена, да два сына, да двѣ дочери—всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить [2]), гуся дѣлить. *Отрѣзалъ* голову и даётъ барину. «Ты, говоритъ, всему въ домѣ голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ». *Отрѣзалъ* гузку [3]), даётъ барынѣ: «тебѣ дома сидѣть, за домомъ смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!». *Отрѣзалъ* ноги, даётъ сыновьямъ: «а вамъ по ножкѣ, топтать отцовскія дорожки!». Дочерямъ далъ по крылышку: «вамъ съ отцомъ, съ матерью не жить, выростете—прочь улетите». А я, говоритъ мужикъ, глупъ, мнѣ и глодать хлупъ!» [1]). Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся: напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой.

Услыхалъ про то богатый мужикъ и позавидовалъ бѣдному, взялъ—зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понёсъ къ барину.— «Что тебѣ, мужичёкъ?» спрашиваетъ баринъ. — Да вотъ принёсъ вашей милости пять гуськовъ.—«Спасибо, братецъ. Ну-ка, раздѣли промежъ насъ безъ обиды».—Мужикъ и такъ, и сякъ, нѣтъ, не раздѣлишь поровну; стоитъ да въ затылкѣ почёсываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней и говоритъ: «вы теперь самъ-третей! [2])». Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго—двумъ дочерямъ: «и вы теперь самъ-третей!». Остальную пару гусей взялъ себѣ: «вотъ и я самъ-тре-

тей!». Баринъ говоритъ: «вотъ молодецъ, такъ молодецъ! съумѣлъ всѣмъ поровну раздѣлить, и себя не забылъ». Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналъ вонъ. *Народный разсказъ.*

66. Мщеніе.

Измѣнной слуга паладина [3]) убилъ;
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря [4]) былъ;
Свершилось убійство ночною порой,

[1]) *Брезгать* — пренебрегать пищею, по причинѣ какого-нибудь качества, возбуждающаго отвращеніе. [2]) *Кроить*—рѣзать. [3]) *Гузка*—у птицъ клинообразная часть, въ которой укрѣплены хвостовыя перья.

[1]) *Хлупъ*—все туловище птицы. [2]) *Самъ-третей*—трое. [3]) *Паладинъ*—странствующій рыцарь. [4]) *Рыцарь*—собственно всадникъ. Рыцарями назывались люди высокаго происхожденія, обязанные защищать съ помощью своей силы, искусства и оружія все доброе, истинное и прекрасное. Санъ рыцаря давался послѣ долгаго искуса.

И трупъ поглощёнъ былъ глубокой рѣкой.
И шпоры, и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.
Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока —
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь[1]) тяжёлый его утопилъ.

Жуковскій.

67. Гдѣ горе, тамъ и смѣхъ.

Послѣ славной бородинской битвы, гдѣ войско русское залило и затопило полчище непріятелей и русскою и французскою кровью, было раненыхъ безъ счёту; но ни одинъ не горевалъ о горѣ своёмъ, а благодарилъ Господа за дарованную побѣду. Раненые, сидя и лёжа въ кучахъ на чистомъ полѣ, перешучивались и посмѣивались по-пріятельски другъ надъ другомъ. Солдатъ, которому ядромъ оторвало ногу, увидалъ фельдфебеля своего, который былъ раненъ пулею на-вылетъ въ челюсть. — «Что молчите, Иванъ Петровичъ?» — сказалъ безногій, — «наряжай косолапую команду свою за дровами, да за соломой!» Фельдфебель покачалъ головой и молчалъ, потому что не могъ говорить. — «То-то, Иванъ Петровичъ», продолжалъ солдатъ, покрякивая, — «миновалось, знать, царство наше; Государь насъ съ тобой пожаловалъ, а непріятель разжаловалъ: тебѣ не скомандовать, а мнѣ не пройтись!».

В. Даль.

68. Милосердный воинъ.

Донскаго войска сотникъ Бѣлоусовичъ былъ съ полкомъ въ 1829 году подъ Шумлой, когда велѣно было сбить непріятельскихъ фуражировъ[2]). Драка пошла разсыпная, одиночная, и сотникъ, какъ хорошій, доброконный казакъ, славно работалъ въ дѣлѣ этомъ и человѣкъ двухъ или трёхъ срубилъ лично. Подъ конецъ и самъ онъ былъ раненъ пистолетною пулею въ ладонь на вылетъ, да покончивъ всё и воротившись въ станъ, поѣхалъ въ подвижной госпиталь [1]) на перевязку. Тѣмъ часомъ привели туда же и раненыхъ турокъ. Перевязавшись, Бѣлоусовичъ заглянулъ мимоходомъ подъ намётъ, гдѣ сидѣли раненые турки, да и опозналъ того самаго, съ которымъ онъ дрался и котораго онъ ранилъ въ голову и сбилъ съ лошади. Бѣлоусовичъ обрадовался ему, что старому пріятелю, и тотъ узналъ его и кланялся ему низко. Сотникъ вынулъ изъ кармана двугривенный, да и подалъ раненому, сказавъ ещё: «не прогнѣвайся, братъ, больше нѣтъ; да не помяни меня лихомъ: въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются; билъ я тебя по службѣ, а дарю по дружбѣ».

В. Даль.

69. Делибашъ [2]).

Перестрѣлка за холмами,
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьётся красный делибашъ.
Делибашъ, не суйся къ лавѣ [3])!
Пожалѣй своё житьё!
Вмигъ аминь лихой забавѣ,
Попадёшься на копьё.
Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всёмъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите: каковы?
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Пушкинъ.

70. Матросъ Семенъ Удалой.

Во время Крымской войны 1854 года нѣсколько французскихъ кораблей напали на самую отдалённую часть нашего отечества — Камчатку. Здѣсь французамъ удалось взять въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ русскихъ матросовъ. Въ числѣ плѣнныхъ матросовъ былъ и Семёнъ Удалой, весельчакъ, шутникъ, острякъ, забавникъ, однимъ словомъ — малый лихой, отчего и получилъ

[1]) *Панцырь* — броня, металлическое одѣяніе. [2]) *Фуражиры* — солдаты, добывающіе съѣстное для людей и лошадей.

[1]) *Госпиталь* — больница. [2]) *Делибашъ* — собственно сумасшедшій; такъ назывался одинъ отрядъ отчаянныхъ воиновъ. [3]) *Лава* — особое построеніе казачьяго отряда, дугою, для удобства нападенія.

прозванiе Удалого. Гдѣ, бывало, Удалой, тамъ и смѣхъ, и шумъ, и весёлье. Удалой нашёлся и въ плѣну: онъ выучился кой-что говорить по-французски, прiобрѣлъ любовь своихъ новыхъ начальниковъ и часто забавлялъ ихъ своими неистощимыми выдумками. Такъ Удалой съ своими товарищами прожилъ въ плѣну около года.

На весну французы снарядили опять корабли въ Камчатку и намѣревались взять тамъ Петропавловскую крѣпость. «Ну, Семёнъ, мы идёмъ брать вашу крѣпость и заставимъ тебя стрѣлять по своимъ». Удалой послѣ такихъ словъ вдругъ перемѣнился: утихъ, замолчалъ, прiунылъ, сталъ другимъ человѣкомъ — мрачнымъ, угрюмымъ. Никто не могъ успокоить его; ничто его не развлекало.

По прибытiи кораблей въ Камчатку, Удалой дѣйствительно былъ назначенъ на службу къ пушкѣ. Но онъ сталъ отказываться отъ этой службы. Когда же французы за такой отказъ пригрозили ему смертью, то онъ забрался на самый верхъ мачты, перекрестился и, закричавъ товарищамъ: «не поднимайте руки на отечество!» стремглавъ бросился въ море. *М. Погодинъ.*

71. Филипокъ.

Былъ мальчикъ, звали его Филиппъ. Пошли разъ всѣ ребята въ школу. Филиппъ взялъ шапку и хотѣлъ тоже идти. Но мать сказала ему: «куда ты, Филипокъ, собрался?»—Въ школу. «Ты ещё малъ, не ходи,— и мать оставила его дома. Ребята ушли въ школу. Отецъ ещё съ утра уѣхалъ въ лѣсъ, мать ушла на подённую работу. Остались въ избѣ Филипокъ да бабушка на печкѣ. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а онъ сталъ искать шапку. Своей не нашёлъ, взялъ старую отцовскую и пошёлъ въ школу. Школа была за селомъ у церкви. Когда Филиппъ шёлъ по своей слободѣ[1]), собаки не трогали: онѣ его знали. Но когда онъ вышелъ къ чужимъ дворамъ, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчёкъ. Филипокъ бросился бѣжать, собаки—за нимъ. Филипокъ сталъ кричать, споткнулся и упалъ. Вышелъ мужикъ, отогналъ собакъ и сказалъ: «куда ты, пострѣлёнокъ, одинъ бѣжишь?» Филипокъ ничего не сказалъ, подобралъ полы и пустился бѣжать во весь духъ. Прибѣжалъ онъ къ школѣ. На крыльцѣ никого нѣтъ, а въ школѣ слышны голоса ребятъ. На Филипка нашёлъ страхъ, «что какъ учитель меня прогонитъ?» И сталъ онъ думать, что ему дѣлать. Назадъ идти, опять собака заѣстъ, въ школу идти—учителя боится. Шла мимо школы баба съ ведромъ и говоритъ: «всѣ учатся, а ты что тутъ стоишь?» Филипокъ и пошёлъ въ школу. Въ сѣнцахъ снялъ шапку и отворилъ дверь. Школа вся была полна ребятъ. Всѣ кричали что-то такое, а учитель стоялъ по серединѣ класса.

—Ты что?—спросилъ онъ у Филипка. Филипокъ ухватился за шапку и ничего не говорилъ.—Да ты кто?—Филипокъ молчалъ. —Или ты нѣмой?—Филипокъ такъ напугался, что говорить не могъ.—Ну, такъ иди домой, коли говорить не хочешь.—А Филипокъ и радъ бы что сказать, да въ горлѣ у него отъ страха пересохло. Онъ посмотрѣлъ на учителя и заплакалъ. Тогда учителю жалко его стало. Онъ погладилъ его по головѣ и спросилъ у ребятъ, кто этотъ мальчикъ.

— Это Филипокъ, Костюшкинъ братъ... Онъ давно просится въ школу... Его мать не пускаетъ... Это онъ украдкой пришёлъ въ школу... заговорили разомъ дѣти.

— Ну, садись на лавку возлѣ брата, а я твою мать попрошу, чтобъ пускала тебя въ школу.

Учитель сталъ показывать Филипку буквы, а Филипокъ ужъ зналъ и немножко читать умѣлъ.

— Ну-ка, сложи своё имя!—говоритъ учитель Филипку.

Филипокъ сказалъ: «хве-и-хви,-ле-и-ли,-пеокъ-покъ.

Всѣ засмѣялись.

— Молодецъ!—сказалъ учитель.—Кто же тебя училъ читать?

Филипокъ осмѣлился и сказалъ: «Ко-

[1]) *Слобода*—многолюдное подгородное селенiе, построенное улицею.

стю́шка. Я бѣдо́вый, я сра́зу всё по́нялъ. Я стра́сть како́й ло́вкiй!». Учи́тель засмѣя́лся и сказа́лъ: «а моли́твы ты зна́ешь?» Филипо́къ сказа́лъ: «зна́ю!» и на́чалъ говори́ть Богоро́дицу, но вся́кое сло́во говори́лъ не такъ. Учи́тель останови́лъ его́ и сказа́лъ: «ты погоди́ хвали́ться, а поучи́сь».

Съ тѣхъ поръ Филипо́къ сталъ ходи́ть съ ребя́тами въ шко́лу. *Графъ Л. Толстой.*

72. На своихъ не пойду.

Лѣ́томъ 1835 го́да, ура́льскаго во́йска каза́къ Затво́рниковъ былъ на Каспі́йскомъ мо́рѣ захва́ченъ въ плѣнъ та́мошними морски́ми разбо́йниками, Кирги́зъ-Кайса́ками. Взявъ его́ на своё су́дно, Кайса́ки сно́ва отпра́вились на разбо́й въ мо́ре и хотѣ́ли заста́вить Затво́рникова отклика́ться при встрѣ́чѣ съ ру́сскими рыболо́вными суда́ми по ру́сски, что́бы поду́мали они́: э́то де не разбо́йничье, а тако́е же ру́сское рыба́цкое су́дно. На э́то Затво́рниковъ отвѣча́лъ разбо́йникамъ: «хоть сейча́съ зарѣ́жьте, а души́ свое́й не прода́мъ; на свои́хъ не пойду́». Кирги́зы му́чили его́, би́ли, да съ тѣмъ и отста́ли. При э́томъ бы́ли свидѣ́телями други́е плѣ́нники на́ши. *В. Даль.*

73. Черкесская пѣсня.

Въ рѣкѣ́ бѣжи́тъ грему́чiй валъ;
Въ гора́хъ безмо́лвiе ночно́е;
Каза́къ, уста́лый, задрема́лъ,
Склоня́сь на ко́пiе стально́е.

Не спи, каза́къ, во тьмѣ ночно́й
Чече́нецъ хо́дитъ за рѣко́й.
Каза́къ плывётъ на челнокѣ́,
Влача́ по дну рѣчно́му сѣ́ти.
Каза́къ, уто́нешь ты въ рѣкѣ́,
Какъ то́нутъ ма́ленькiя дѣ́ти,
Купа́ясь жа́ркою поро́й:
Чече́нецъ хо́дитъ за рѣко́й.
На берегу́ завѣ́тныхъ водъ
Цвѣту́тъ бога́тыя стани́цы [1]);
Весёлый пля́шетъ хорово́дъ.
Бѣги́те, Ру́сскiя пѣви́цы,
Спѣши́те, кра́сныя, домо́й:
Чече́нецъ хо́дитъ за рѣко́й. *Пу́шкинъ.*

74. Бомбардиръ [2]) Рудаченко.

Въ 1828 году́ на́ши во́йска́ стоя́ли подъ туре́цкою крѣ́постью Сили́стрiею. Молоды́е солда́ты, не привы́чные къ артиллерíйскому [3]) огню́, то и дѣ́ло огля́дывались, когда́ рва́ло по бли́зости бо́мбы [4]) и грана́ты [5]). Туре́цкая пудо́вая бо́мба упа́ла пря́мо въ серёдку батаре́и, и тру́бка ея горѣ́ла я́ркимъ огнёмъ. Солда́ты отшатну́лись и жда́ли разры́ва: кого́ Богъ поми́луетъ, кого́ нѣтъ. Въ э́то вре́мя бомбарди́ръ Рудаче́нко подошёлъ споко́йно къ горя́щей бо́мбѣ, ухвати́лъ её на́ руки, подошёлъ къ амбразу́рѣ [6]) и вы́кинулъ въ ровъ; тамъ её ра́зорва́ло и вски́нуло черепья на во́здухъ. Рудаче́нко сказа́лъ солда́тамъ: «кабы́ вы поме́ньше зѣва́ли, да побо́льше дѣла дѣ́лали, такъ бы и бѣды́ у насъ бы́ло ме́ньше», и скома́ндовалъ пу́шкѣ свое́й: «пли!» Вслѣ́дъ за тѣмъ упа́ла ещё въ батаре́ю полупудо́вая грана́та: Рудаче́нко та́кже споко́йно вы́кинулъ её въ ровъ, и она никого́ не пора́нила. *Вл. Даль.*

75. Флоръ Силинъ.

По сiё вре́мя не могу́ я безъ серде́чнаго содрога́нiя вспо́мнить того́ стра́шнаго го́да, кото́рый живётъ въ па́мяти у Ни́зовыхъ жи́телей [7]) подъ и́менемъ голо́днаго, того́ лѣ́та, въ кото́рое отъ долговре́менной за́сухи пожелтѣ́вшiя поля́ ороша́емы бы́ли

---

[1]) *Станица*—казачье селенiе; *станица*—станица птицъ. [2]) *Бомбардиръ*—солдатъ, служащiй при пушкахъ. [3]) *Артиллерiйскому*—пушечному. [4]) *Бомба*—большой чугунный шаръ, начиняемый порохомъ. [5]) *Граната*—чугунный шаръ съ плоскимъ дномъ и отверстiемъ. [6]) *Амбразура*—отверстiе въ стѣнѣ для помѣщенiя дула пушки. [7])—*Низовые жители*—такъ называютъ жителей губернiй Симбирской, Саратовской лежащихъ по нижнему теченiю Волги.

однѣми слезами крестьянъ, той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ весёлыхъ пѣсенъ, раздавались въ сёлахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ [1]) и житницахъ своихъ, и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домъ свой, просили милостыни на дорогахъ, и, не смотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи, подъ открытымъ небомъ, на снѣгу проводили.

Я жилъ тогда въ деревнѣ близъ Симбирска; былъ ещё ребёнкомъ, но умѣлъ уже чувствовать и понимать, видя страданіе моихъ ближнихъ.

Въ одной изъ сосѣднихъ деревень жилъ Флоръ Силинъ, трудолюбивый крестьянинъ, который всегда лучше другихъ собиралъ хлѣбъ, и никогда не продавалъ всего, что собиралъ, почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ.

Пришёлъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали, всѣ, кромѣ осторожнаго Флора Силина.

Но осторожность была не единственною его добродѣтелью.

Вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ и, пользуясь, разбогатѣть, Флоръ Силинъ вдругъ созвалъ беднѣйшихъ жителей своей деревни и сказалъ: «послушайте, братцы! вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдёмъ на гумно, пособите мнѣ обмолотить скирда четыре и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ». Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія и радости

Слухъ о сёмъ благодѣяніи Флора Силина разнёсся въ окрестности.

Бѣдные и изъ другихъ жительствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Добрый Флоръ Силинъ называлъ ихъ братьями своими и ни одному не отказывалъ.

—Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой,—говорила ему жена.

— Богъ велѣлъ давать просящимъ!—отвѣчалъ онъ и продолжалъ надѣлять хлѣбомъ приходившихъ къ нему бѣдняковъ.

Господь услышалъ молитву людей и благословилъ слѣдующій годъ плодородіемъ.

Крестьяне, одолжённые Флоромъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою [1]).

—Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти,—говорили они;—одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло; а мы возвращаемъ съ благодарностью то, что у тебя заняли.

— Мнѣ ничего не надобно,—отвѣчалъ Флоръ,—у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога: не я,—Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ.

Напрасно приступали къ нему должники его.

—Нѣтъ,братцы,—говорилъ онъ,—нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, то раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсѣять полей своихъ и теперь нуждаются: въ нашемъ околоткѣ не мало такихъ найдется. Поможемъ имъ,—и Богъ благословитъ насъ!

— Хорошо, — сказали крестьяне, — хорошо! Будь по твоему! Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши также будутъ молиться за тебя.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло четырнадцать дворовъ; Флоръ Силинъ послалъ на каждый дворъ по два рубля денегъ и по косѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того сгорѣла другая деревня. Крестьяне, лишённые почти всего имущества своего, прибѣгнули къ извѣстному великодушію Флора Силина. На тотъ разъ не было у него денегъ. «У меня есть лишняя лошадь, сказалъ онъ, возьмите и продайте её...».

Карамзинъ.

---

76. Жилище священника.

Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,

[1]) *Гумно*—огороженное мѣсто, гдѣ ставится сжатый хлѣбъ, сѣно и солома.

[1]) *Лихва*—корысть, прибыль, пріобрѣтаемая отъ отдачи денегъ въ займы.

Какой-то святости полна.
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ,
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ задёрнутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахромой
Виситъ на вербѣ восковой. *Козловъ.*

77. Каннитферштанъ.

День былъ ясенъ и тёпелъ; къ закату сходящее солнце ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ. Спокойно дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ, глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ въ воздушномъ пространствѣ, вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки; лёгкимъ кольцомъ дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись, въ нёмъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали, и тонкой струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ; а Енни, вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шавкой. Всѣ молчали: какъ будто тихій ангелъ повѣялъ. «Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ? Разскажи намъ сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело будетъ слушать».—Сказку! старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки пепелъ; всё бы вамъ сказки! не лучше ль послушать вамъ были! Быль разскажу вамъ.... Постойте, я кое-что вспомнилъ, что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ. Слушайте. Часто мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь, какъ всё на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе опытъ такой достаётся, иному лёгче. И вотъ какъ разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался бѣдный нѣмецкій ремесленникъ [1]).

[1]) *Ремесленникъ*—общее названіе портныхъ, сапожниковъ и иныхъ мастеровыхъ.

Былъ по какому-то дѣлу онъ въ Амстердамѣ [1]), голландскомъ городѣ. Городъ богатый, пышный, зданья огромныя, тьма кораблей. Заглядѣлся бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота—съ добрый сарай—удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ перваго встрѣчнаго: «чей это домъ, въ которомъ такъ много въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?» Но видно прохожій или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки, сколько тотъ по-голландски, то есть не зналъ ни полслова; какъ бы то ни было, Каннитферштанъ! отвѣчалъ онъ. А это Каннитферштанъ есть голландское слово, иль лучше четыре слова, и значитъ оно: не могу васъ понять. Простодушный нѣмецъ, напротивъ, вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ дома, о комъ онъ спрашивалъ. «Видно, богатъ не на шутку этотъ Каннитферштанъ», сказалъ про себя онъ, любуясь домомъ; потомъ отправился далѣ.

Приходитъ на пристань [2])—новое диво! тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова и сначала онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ; но, наконецъ, на огромный корабль обратилъ онъ вниманье. Этотъ корабль недавно пришёлъ изъ Остъ-Индіи [3]); много вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарачинскимъ [4]). Разинувъ ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ, и свѣдать крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса, нёсшаго тюкъ [5]) огромный, спросилъ онъ: «какъ назывался тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ разомъ прислало?» Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ: Каннитферштанъ: «Опять! смотри, пожалуй! какой же этотъ Каннитферштанъ

[1]) *Амстердамъ*—столица Голландіи. [2]) *Пристань*—мѣсто, гдѣ останавливаются суда, напр. пароходы, корабли; гавань [3]) *Остъ-Индія*—страна въ Азіи. [4]) *Пшено сарачинское*—рисъ. [5]) *Тюкъ*—кипа, связка.

молодецъ! Мудрено ли построить домъ съ богатствомъ такимъ и разставить въ горшкахъ золочёныхъ столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?»

Пошёлъ медленнымъ шагомъ назадъ и задумался; горе взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ на свѣтѣ, и какъ онъ бѣденъ. Но только-что началъ съ собою онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ предъ нимъ погребенье, видитъ: четыре лошади въ чёрныхъ, длинныхъ попонахъ [1]), гробъ на дрогахъ [2]) везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто зная, что мёртваго съ гробомъ въ могилу на вѣки отвозятъ; вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча, въ траурѣ [3]) идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной, доброй душѣ, при видѣ мёртваго тѣла; и снявши набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами ходъ погребальный; потомъ подошёлъ къ одному изъ послѣднихъ шедшихъ за гробомъ, который въ ту минуту былъ занятъ важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой будетъ отъ продажи корицы и перцу; тихонько дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: «Конечно, покойникъ былъ вашъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?» —«Каннитферштанъ!» былъ короткій отвѣтъ.

Покатилися слёзы градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко сердцу его, а потомъ и легко, и, вздохнувши, сказалъ онъ: «Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такого богатства что сталось тебѣ? Не то же ль, что рано иль поздно мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный гробъ». И въ мысляхъ такихъ побрёлъ онъ за тѣломъ, какъ будто самъ былъ роднёю покойнику; въ церковь вошёлъ за другими; тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова, выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ, потомъ, когда опустили Каннитферштана въ землю, заплакалъ, потомъ съ облегчённымъ сердцемъ пошёлъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро грусть посѣщала его, и ему становилось досадно видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался, вспомнивъ о Каннитферштанѣ, о его несмѣтномъ богатствѣ, пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣсной могилѣ.

В. Жуковскій.

---

78. Воробей.

Я возвращался съ охоты и шёлъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ предъ собою дичь.

Я оглянулся вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ берёзы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, растопыривъ едва пророставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему; какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой—и весь взерошенный, съ

---

[1]) *Попона*—шерстяное или холстинное покрывало для лошадей. [2]) *Дроги*—особаго рода повозка, употребляемая при погребеніи покойниковъ. [3]) *Трауръ*—черное одѣяніе, служащее знакомъ печали.

отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти собаки.

Воробей кинулся спасать, онъ заслонилъ собою своё дѣтище... но всё его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ,—онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была воробью казаться собака! И всё-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился. Видно, и онъ призналъ эту силу. Я поспѣшилъ отозвать смущённаго пса—и удалился, благоговѣя. Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. *Тургеневъ.*

---

79. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята!
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣжъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мёртвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мёртвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошёлъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу».

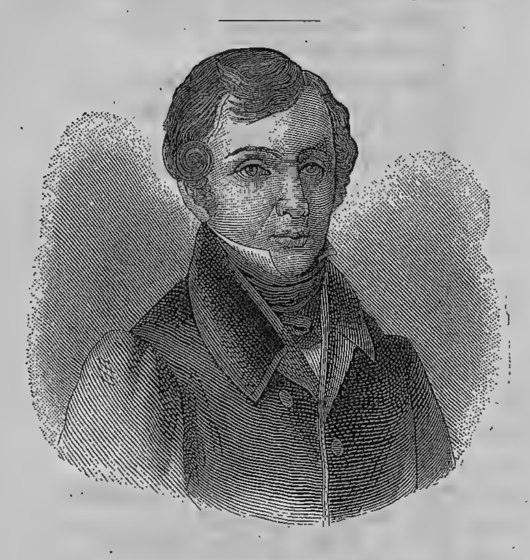
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ [1] мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ!
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чёртъ занёсъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.—
Изъ-за тучъ луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ;
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Всё въ нёмъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки чёрные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ нёмъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ;
И до утра всё стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ,

[1] *Полати*—помостъ вблизи потолка, находящійся въ крестьянскихъ избахъ.

И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Пушкинъ.



Баратынскій.

80. Мадонна [1].

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ),
Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.
Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,—
А всё-таки голодъ имъ часто знакомъ.
И дочка порою душой унывала,
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.
«Не плачь, не крушися ты, солнце моё!»
Тогда утѣшала старушка её.
«Не плачь! перемѣнится доля крутая:
Придётъ къ намъ на помощь Мадонна святая,
Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ!
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ».
Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,
И съ тёплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она, съ умилённымъ и кроткимъ лицомъ,
На живопись тёмную взоръ подымала,
Что уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.
Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ;
Дочь плачетъ, старушка своё говоритъ.

[1]) *Мадонна*—такъ итальянцы называютъ Божію Матерь.

Съ утра по руинамъ [1]) бродилъ любопытный;
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный;
Кровъ [2]) нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей;
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.
На лавку садится пришлецъ утомлённый
И вспрянулъ, картиною вдругъ поражённый.
«Божественный образъ! Чья кисть это? чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій [3]), твоя?
И въ хижинѣ этой твореньe таится,
Которымъ и царскій дворецъ возгордится!
Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за неё сто піастровъ даю».
—Сеньоръ! я бѣдна, но душой не торгую:
Продать не могу я икону святую.
—«Я двѣсти даю, согласися продать».
—Сеньоръ, сеньоръ! бѣдность грѣшно искушать.
Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.
Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.
За входъ она малую плату берётъ
И съ дочкой своею безбѣдно живётъ!

Прекрасно и чудно, о вѣра живая,
Тебя оправдала Мадонна святая!

Баратынскій.

81. Три пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли. Родникъ [4]) между ними изъ почвы бесплодной, журча, пробивался волною холодной, хранимый подъ сѣнью зелёныхъ листовъ отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ. И многіе годы неслышно прошли; но странникъ усталый, изъ чуждой земли, пылающей грудью ко влагѣ студёной ещё не склонялся подъ кущей [5]) зелёной, и стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей роскошные листья и звуч-

[1]) *Руины*—развалины. [2]) *Кровъ*—крыша. [3]) *Корреджій*—знаменитый живописецъ. [4]) *Родникъ*—ключъ воды, бьющій изъ земли. [5]) *Куща*—сѣнь, наметъ, палатка, шатеръ.

ный ручей. И стали три пальмы на Бога роптать: «На то ль мы родились, чтоб здѣсь увядать? Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы, колеблемы вихремъ [1]) и зноемъ палимы, ничей благосклонный не радуя взоръ?.. Неправъ твой, о небо, святой приговоръ!».

И только замолкли — въ дали голубой столбомъ ужъ крутился песокъ золотой, звонковъ раздавались нестройные звуки, пестрѣли коврами покрытые вьюки, и шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ, верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ. Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ узорныя полы походныхъ шатровъ; ихъ смуглыя ручки порой подымали, и черныя очи оттуда сверкали... И, станъ худощавый къ лукѣ [2]) наклоня, арабъ горячилъ вороного коня. И конь на дыбы подымался порой, и прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой; и бѣлой одежды красивыя складки по плечамъ фариса [3]) вились въ безпорядкѣ; и, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку, бросалъ и ловилъ онъ копьё на скаку.

---

[1]) *Вихрь*—сильный вѣтеръ. [2]) *Лука*—деревянныя изгибины сѣдла, выдавшіяся спереди и сзади. [3]) *Фарисъ*—искусный наѣздникъ.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ [1]); въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ. Кувшины, звуча, налилися водою, и, гордо кивая махровой [2]) главою, привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей, и щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ, по корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, и пали безъ жизни питомцы столѣтій! Одежду ихъ сорвали малыя дѣти, изрублены были тѣла ихъ потомъ, и медленно жгли ихъ до утра огнемъ. Когда же на западъ умчался

туманъ, урочный [3]) свой путь совершалъ караванъ; и слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной; и солнце остатки сухіе дожгло, а вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло. И нынѣ всё дико и пусто кругомъ. — Не шепчутся листія съ гремучимъ ключомъ: напрасно пророка [4]) о тѣни онъ проситъ — его лишь песокъ раскаленный заноситъ, да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ, добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

М. Лермонтовъ.

[1]) *Караванъ* — множество верблюдовъ, нагруженныхъ товарами. [2]) *Махровый*—увѣшанный кистями; такъ, вершина пальмы унизана листьями и имѣетъ видъ головы, обремененной кистями. [3]) *Урочный*—опредѣленный. [4]) *Пророкъ*—Магометъ.

82. Капитанъ Боппъ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь *экипажъ* [1])
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ, и капитану бъ
Не сдобровать; но Богъ судилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблёмъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ [2]); экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ,
Безъ помощи издохъ, какъ заражённый
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дня четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобъ хотя каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить.
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?»—То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребёнокъ лѣтъ двѣнадцати, ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: «Тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!»
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошёлъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?»—«Ты это, Робертъ?»
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.
«Я, капитанъ».—Ахъ Робертъ! я страдалъ
Всю ночь.—«Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это, можетъ,
Немного освѣжитъ». Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» Это также было
Ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши,
Сказалъ: «теперь я напою васъ чаемъ».
И капитанъ спокойно соглашался
На всё; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. «Лучше умереть сто разъ»,
Онъ думалъ, «чѣмъ отъ нихъ принять услугу».
Но милая заботливость ребёнка
Всю внутренность его поколебала:
Непримиримая его душа
Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слёзы.

Жуковскій.

[1]) *Экипажъ*—служащіе на кораблѣ люди [2]) *Каюта*—комната на кораблѣ.

83. Что такое отчизна?

Отчизна, отечество—это родная земля наша, гдѣ отцы и дѣды жили и умирали, гдѣ родились и сами мы, живёмъ и хотимъ умереть.

Она—земля отцовъ нашихъ и за это зовутъ её отчизною, отечествомъ. Мы родилися на ней, за это зовёмъ её родною землёю, родимой.

Кому же не люба земля отцовъ и дѣдовъ, кому не мила родная земля? Кто не постоитъ за родину свою, за землю русскую, которую завѣщали намъ въ духовной своей дѣды и прадѣды наши, а мы завѣщать должны дѣтямъ и внукамъ своимъ, чтобы было имъ гдѣ жить и тужить, веселиться и радоваться, а подъ-часъ и поплакать, коли лиха бѣда одолѣетъ, да утѣшиться? Развѣ жить имъ на чужой землѣ, въ подёнщикахъ у чужаго народа, и какъ придётъ послѣдній часъ,—кости положить на чужбинѣ!

Земля Русская, отечество наше, обширнѣе и сильнѣе другихъ земель. Гордись тѣмъ и величайся, что родился ты русскимъ, что Господь сподобилъ тебя быть ратникомъ, воиномъ Русской земли.

Царство Русское велико: отъ Финскаго моря до Чёрнаго будетъ слишкомъ тысяча пятьсотъ вёрстъ; отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго—безъ малаго двѣ тысячи пятьсотъ; а въ длину отъ Польши до самаго конца Сибири будетъ болѣе двѣнадцати тысячъ вёрстъ. Въ Россіи болѣе семидесяти губерній и много областей, а иная губернія

болѣе цѣлой нѣмецкой, либо французской земли. Народу у бѣлаго царя всего болѣе русскаго; а есть, кромѣ того, много народовъ другихъ, которые говорятъ не русскимъ языкомъ и исповѣдуютъ иную вѣру. Такъ, напримѣръ, есть христіане неправославные: поляки, армяне, грузины, нѣмцы, латыши, чудь или финны; есть мусульманскіе народы: татары, башкиры, киргизы-кайсаки и много сибирскихъ и кавказскихъ племёнъ; есть ещё и кумирники, идолопоклонники: калмыки, буряты, самоѣды, вотяки, черемисы, чуваши и много другихъ; многіе изъ кумирниковъ этихъ приняли нынѣ уже православную вѣру, хотя на это всякому дана своя воля, а принуждать никого не принуждаютъ, потому что каждый изъ насъ будетъ за то, во что вѣровалъ, отвѣтъ держать Отцу небесному.

Всѣ эти губерніи, области и народы разноязычные составляютъ Русскую землю; всѣхъ ихъ бережётъ царь Русскій въ десницѣ своей, а потому всѣ подданные Бѣлаго царя должны стоять другъ за друга, за землю, за родину свою и за своего Государя, какъ односемьяне стоятъ за избу свою, за нажи́вное добро, за себя и за старшаго въ семьѣ—за отца, либо за дѣда. Поколѣ всѣ дружно стоятъ за одно, никто ихъ не осилитъ, никто не обидитъ; а вмѣстѣ стоять всѣмъ за одно безъ головы нельзя; сказано слово: и пѣсня безъ запѣвалы не поётся, а дѣло безъ головы подавно не спорится. Вотъ для чего Богъ далъ намъ одного царя государя, чтобы всѣ мы держались за него на землѣ, какъ за Бога на небеси.

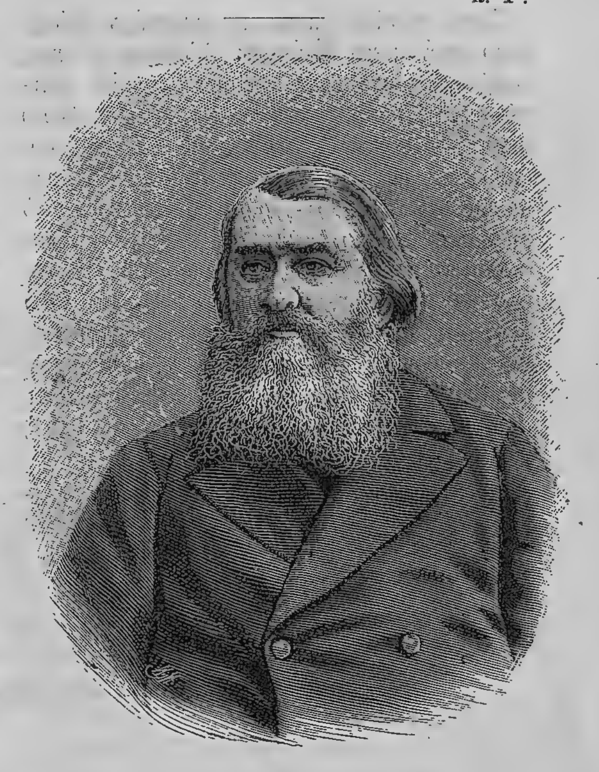
Отстаивай, ребята, родину свою, отчизну: это зыбка твоя, колыбель твоя и могила; это домъ и домовина, хлѣбъ насущный, вода животворная; русская земля тебѣ отецъ и мать, она же тебѣ церковь православная, она и престолъ царскій; она жильё отцовъ и дѣдовъ твоихъ, жильё твоё и дѣтей твоихъ; она же миръ и пріютъ дѣтямъ твоимъ и всѣмъ добрымъ русскимъ людямъ, всѣмъ православнымъ потомкамъ нашимъ.

В. Даль.

84. Сѣверъ.

Обыкновенная картина:
Кой-гдѣ берёзовый лѣсокъ,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песокъ.
Пускай всё это и уныло,
И некрасиво, и бѣдно,
Пусть хорошо всё это было
Знакомо намъ давнымъ-давно,—
Налюбоваться не могли мы
На эти ровныя поля.
О сѣверъ, сѣверъ мой родимый,
О сѣверъ, родина моя!

Б. Р.



Плещеевъ.

85. Савва Иванычъ Бѣляевъ.

Въ 1812 году, въ октябрѣ, французы подступили подъ Малоярославецъ; тутъ рѣка Лужа, а по рѣкѣ мостъ. Казаки Иловайскаго подоспѣли со стороны города и сожгли мостъ, а сами отступили. Французы стали наводить понтоны [1]). Работа кипѣла; всё было тихо; ни пальбы, ни со-

[1]) *Понтоны*—лодки для наведенія мостовъ во время похода.

противленія; только стукъ раздавался, да клики и команда на вновь наводимомъ мосту. Въ городѣ войскъ не было; жители не ожидали такъ скоро непріятеля и не успѣли уйти; теперь же всѣ стали выглядывать изъ угловъ и переулковъ на подходящія по ту сторону рѣки колонны [1]) и на работу французовъ. Мало-по-малу народъ сдѣлался смѣлѣе и высыпалъ большими толпами на возвышенный крутой берегъ рѣки и съ любопытствомъ смотрѣлъ на подступающаго во множествѣ непріятеля.

Тутъ стоялъ также и секретарь уѣзднаго суда Савва Иванычъ Бѣляевъ. А что, подумалъ онъ, если разорить теперь плотину у мельницы, что стоитъ повыше этого мѣста?—Идёмъ!—Выискались ребята посмѣлѣе, спустились съ горы, и Бѣляевъ началъ свою работу: поднялъ сначала всѣ заставки на плотинѣ: вода хлынула; тамъ стали ломать шлюзъ [2]), раскопали самую плотину, указавши водѣ дорогу—и скоро плотины не стало, разнесло её прорвавшеюся водой. Прудъ за мельницей былъ огромный, верстъ на семь, вода высока; она—съ такою силою понеслась въ атаку [3]) на непріятельскій мостъ, что его въ одинъ мигъ какъ не бывало: понтоны разорвало, разнесло; французы едва сами успѣли выскочить на берегъ, и вода вскорѣ залила всю окрестность, весь низменный берегъ, гдѣ расположились было французы. Такимъ образомъ, отъ сопротивленія одного человѣка, секретаря Бѣляева, на этотъ разъ въ городъ они не попали.

В. Даль.

[1]) *Колонна* — сомкнутая изъ нѣсколькихъ рядовъ часть войска. [2]) *Шлюзъ*—сооруженіе для задержанія воды, состоящее изъ плотины и нѣсколькихъ воротъ и оконъ. [3]) *Атака*—нападеніе.

86. Любовь къ родинѣ.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки.
Вонъ въ дали—соломой крытыя избушки,
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя берёзы, жидкія осины,
Пашни да овраги—грустныя картины;
Не пройдёшь безъ думы, безъ тяжёлой, мимо.
Что же къ нимъ всё тянетъ такъ неодолимо?
Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно;
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни берёзъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ, сѣренькихъ, какъ тучи;
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило?
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

Плещеевъ.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Царица-гусляръ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; пожилъ онъ съ нею не малое время и задумалъ ѣхать въ ту чужедальную землю, гдѣ евреи Христа распяли. Отдалъ приказы министрамъ, попрощался съ женою и отправился въ дорогу. Долго-ли, коротко-ли, пріѣхалъ онъ въ чужедальную землю, гдѣ евреи Христа распяли; а въ той землѣ правилъ тогда проклятый король. Увидалъ этотъ король царя, велѣлъ схватить его и посадить въ темницу. Много у него въ темницѣ всякихъ невольниковъ; по ночамъ въ цѣпяхъ сидятъ, а по утрамъ надѣваетъ на нихъ проклятый король хомуты и пашетъ пашню до вечера. Вотъ въ такой-то мукѣ прожилъ царь цѣлые три года и не знаетъ, какъ ему оттуда выбраться, какъ дать о себѣ царицѣ вѣсточку. И выискалъ-таки случай, написалъ къ ней письмецо: «продавай», пишетъ, «все наше имѣніе, да пріѣзжай выкупать меня изъ неволи». Получила царица письмо, прочитала и заплакала: «какъ мнѣ выкупить царя: если сама поѣду, — увидитъ меня проклятый король и возьметъ къ себѣ вмѣсто жены; если министровъ пошлю, — на нихъ надежды нѣтъ». И что-жъ она вздумала? Остригла свои косы русыя, нарядилась музыкантомъ, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась въ путь-дорогу дальнюю. Приходитъ къ проклятому королю на дворъ и заиграла въ гусли, да такъ хорошо, что вѣкъ бы слушалъ — не наслушался. Король, какъ услыхалъ такую славную музыку, тотчасъ велѣлъ позвать гусляра во дворецъ. «Здравствуй, гусляръ! изъ которой земли ты, изъ котораго царства?» Отвѣчаетъ ему гусляръ: «съ-измала хожу, ваше величество, по бѣлому свѣту, людей веселю и тѣмъ свою голову кормлю».—Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третій; а я тебя щедро награжу». Гусляръ остался; день-деньской передъ королемъ играетъ, а тотъ все досыта не наслушается. «Экая славная музыка! всякую скуку, всякую тоску какъ рукой снимаетъ». Прожилъ гусляръ у короля три дня и приходитъ прощаться. «Что-же тебѣ за труды пожаловать?» спрашиваетъ король. «А пожалуй, государь, мнѣ единаго невольника; у тебя много въ темницѣ насажено; а мнѣ нуженъ товарищъ въ дорогѣ. Хожу я по чужедальнымъ государствамъ; иной разъ не съ кѣмъ слово вымолвить».—«Изволь, выбирай себѣ любого!» сказалъ король и повелъ гусляра въ темницу.

Гусляръ оглянулъ заключенныхъ, выбралъ себѣ царя-невольника, и пошли они вмѣстѣ странствовать. Подходятъ къ своему государству, царь и говоритъ: «отпусти меня, добрый человѣкъ! я вѣдь не простой невольникъ, я самъ царь; сколько хочешь бери выкупу: ни денегъ, ни крестьянъ не пожалѣю».—Тутъ они распрощались и пошли каждый своею дорогою. Царица побѣжала окольною дорогою, прежде мужа домой поспѣла, сняла съ себя гуслярское платье и нарядилась какъ быть слѣдуетъ. Черезъ часъ времени закричали, забѣгали по двору придворные: царь пришелъ! Царица къ нему

на встрѣчу бросилась, и онъ со всѣми здоровается, а на нее и смотрѣть не хочетъ. Поздоровался съ министрами и говоритъ: «вотъ, господа, какова у меня жена! теперь на шею бросается, а какъ сидѣлъ въ неволѣ, да писалъ къ ней, чтобъ все добро продавала, да меня выкупала,—небось ничего не сдѣлала. О чемъ-же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «ваше величество! какъ только царица получила ваше письмо, въ тотъ-же самый день неизвѣстно куда скрылася и все это время пропадала; во дворецъ только сегодня явилась». Царь сильно разгнѣвался и приказываетъ: «Господа министры! судите мою невѣрную жену по правдѣ по истинной. Гдѣ она по бѣлу-свѣту таскалася? зачѣмъ не хотѣла меня выкупать? Не видать бы вамъ своего царя вѣки-вѣчные, еслибы не молодой гусляръ; за него стану Бога молить, ему половину царства не пожалѣю отдать». Тѣмъ временемъ царица успѣла нарядиться гусляромъ, вышла на дворъ и заиграла въ гусли. Царь услыхалъ, побѣжалъ на встрѣчу, схватилъ музыканта за руку, проводилъ во дворецъ и говоритъ своимъ придворнымъ: «вотъ тотъ гусляръ, что меня изъ неволи выручилъ!» Гусляръ сбросилъ съ себя верхнюю одежду,—всѣ тотчасъ узнали царицу. Тутъ царь возрадовался; началъ на радостяхъ пиръ пировать, да такъ цѣлую недѣлю и веселился. *Народная сказка.*

---

2. Сказка о царѣ Берендеѣ.

Жилъ былъ царь Берендей, до колѣнъ борода. Ужъ три года былъ онъ женатъ и жилъ въ согласіи съ женою; но все имъ Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно. Нужда случилась царю осмотрѣть свое государство; онъ простился съ царицей и восемь мѣсяцевъ ровно пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ, къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ, въ знойный день, отдохнуть разсудилъ; разбили палатку, душно стало царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось выпить студеной воды. Но поле было безводно... Какъ быть? Что дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ рѣшился самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье гдѣ-нибудь ключъ. Подъѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно спрянувъ съ коня заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—не тутъ-то было: ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку царь съ нетерпѣньемъ то правой рукою, то лѣвой хватаетъ ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо, и влѣво, только-что дразнитъ царя и никакъ не дается. Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ сталъ на мѣсто, хвать его разомъ и справа, и слѣва; какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка, нырнулъ онъ прямо на дно колодца и снова потомъ на поверхность выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. «Постой же (подумалъ царь Берендей!) я напьюсь безъ тебя»,—и, недолго собираясь, жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ и струю ключевую началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула вся его борода.

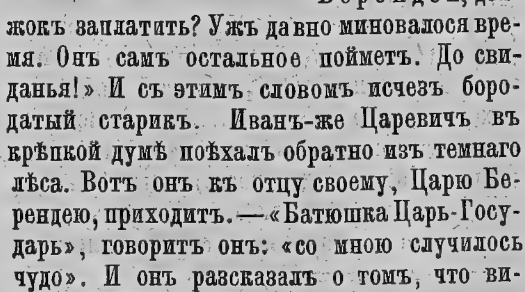
Напившись вдоволь, поднять онъ голову хочетъ... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ, и кто-то царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца, силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою; держатъ его, да и только. «Кто тамъ? пустите!» кричитъ онъ. Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина; два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда [1]); ротъ разинутый чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сиповатый голосъ сказалъ изъ воды: «Не трудися, царь, понапрасну: я тебя не пущу. Если-же хочешь на волю, дай мнѣ то, что есть у тебя и чего ты не знаешь». Царь подумалъ: «чего-жъ я не знаю? я, кажется, знаю все». И онъ отвѣчалъ образинѣ: «изволь, я согласенъ». «Ладно!» опять сипо-

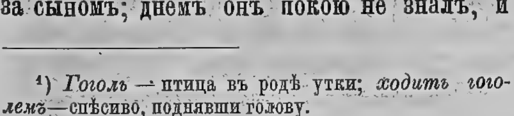
[1]) *Изумрудъ*—драгоцѣнный камень зеленаго цвѣта.

ватый послышался голосъ: «смотри-же, слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа». Съ этимъ словомъ исчезли клешни, образина пропала. Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся какъ гоголь[1]; сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ, и долго-ли, мало-ли ѣхалъ, только ужъ вотъ онъ близко столицы; на встрѣчу толпами сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ; тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ, и съ царицей рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ своихъ парчевую держитъ подушку, на ней-же младенецъ прекрасный, какъ свѣтлый мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ: «Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ. Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца на руки взявши, Царь Берендей любовался имъ долго, самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку и, горе скрывъ про себя, по прежнему царствовать началъ. О тайнѣ царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко царь былъ печаленъ, — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ; днемъ онъ покою не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью. Время однако текло, а никто не являлся.

Жуковскій.

Царевичъ росъ не по днямъ — по часамъ и сдѣлался чудо красавецъ. Вотъ наконецъ и Царь Берендей о томъ, что случилось, вовсе забылъ... но другіе не такъ забывчивы были. Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико... поляна... черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа. Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ[1]; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами также зелеными. «Здравствуй, Иванъ Царевичъ», сказалъ онъ: «долго тебя дожидалися мы; пора бы насъ вспомнить». — «Кто ты?» царевичъ спросилъ. — «Объ этомъ послѣ; теперь-же вотъ что ты сдѣлай: отцу своему Царю Берендею мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора-ли, Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалося время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья!» И съ этимъ словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ-же Царевичъ въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса. Вотъ онъ къ отцу своему, Царю Берендею, приходитъ. — «Батюшка Царь-Государь», говоритъ онъ: «со мною случилось чудо». И онъ разсказалъ о томъ, что ви-





[1]) *Гоголь* — птица въ родѣ утки; *ходить гоголемъ* — спесиво, поднявши голову.

[1]) *Дупло* — пустота въ серединѣ дерева.

дѣлъ и слышалъ. Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.—«Бѣда, мой сердечный другъ, Иванъ Царевичъ!» воскликнулъ онъ, горько заплакавъ: «видно, пришло намъ разстаться!» И страшную тайну о данной клятвѣ сыну открылъ онъ.—«Не плачь, не крушися, родитель!» такъ отвѣчалъ Иванъ Царевичъ: «бѣда не велика. Дай мнѣ коня; я поѣду, а ты меня дожидайся; тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ, даже сама государыня-матушка. Если-жъ назадъ я къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня». Снарядили, какъ должно, въ путь Ивана Царевича. Далъ ему царь золотыя латы, мечъ и коня вороного; царица съ мощами[1]) крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ; нѣжно потомъ обнялися, поплакали... съ Богомъ поѣхалъ въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ?

Ужъ ѣдетъ день онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго, солнце только успѣло зайти, подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко озеро то, какъ стекло; вода наравнѣ съ берегами; все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый берегъ и чистый тростникъ, и все какъ будто бы дремлетъ: воздухъ не вѣетъ, тростинка не тронется, шороха въ струйкахъ свѣтлыхъ не слышно. Иванъ Царевичъ смотритъ, и что-же видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ сѣренькихъ уточекъ подлѣ берега плаваютъ; рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль слѣзъ Иванъ Царевичъ съ коня; высокой травой скрытый, подползъ и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько взялъ, потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что будетъ. Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ... Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкою къ бѣлымъ сорочкамъ, о земь ударились, всѣ обратились въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли. Только тридцатая уточка, на берегъ выйти не смѣя, взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку, смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ... Жалко стало Ивану Царевичу. Вотъ онъ выходитъ къ ней изъ-за кустика, глядь, а она ему человѣчьимъ голосомъ вслухъ говоритъ: «Иванъ Царевичъ, отдай мнѣ платье мое, я сама тебѣ пригожуся». Онъ съ ней спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку и, скромно прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ Царевичъ? Дѣвица въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и, краснѣя, руку ему подаетъ и, потупивъ стыдливыя очи, голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: «Благодарствуй, добрый Иванъ Царевичъ, за то, что меня ты послушалъ; тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ будешь: я дочь Кощея Безсмертнаго, Марья Царевна. Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ въ гости и очень сердитъ: но ты не пекись, не заботься, сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай: только завидишь Кощея Царя, упади на колѣни, прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ—не пугайся; станетъ ругаться—не слушай, ползи да и только; что послѣ будетъ, увидишь; теперь пора намъ». И Марья Царевна въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.

Видятъ дворецъ Кощея Безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ весь изъ карбункула[1]) камня, и ярче небеснаго солнца все подъ землей освѣщалъ. Иванъ Царевичъ отважно входитъ. Кощей сидитъ на престолѣ, въ свѣтлой коронѣ; блещутъ глаза, какъ два изумруда; руки съ клешнями.

[1]) *Мощи*—нетлѣнное тѣло угодника Божія.

[1]) Драгоцѣнный камень краснаго цвѣта—рубинъ.

Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни сталъ Иванъ Царевичъ. Кощей-же затопалъ, сверкнуло страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи Царевны вспомня, поползъ на карачкахъ [1]) Иванъ Царевичъ къ престолу; Царь шумитъ, а Царевичъ ползетъ да ползетъ. Напослѣдокъ стало Царю и смѣшно: «добро, ты проказникъ» [2]), сказалъ онъ, «если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое ослушанье долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся мы завтра; нынѣ ужъ поздно; поди». Тутъ два придворныхъ проворно подъ руки взяли Ивана Царевича очень учтиво, съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили дверь, поклонились Царевичу въ поясъ, ушли и остался тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постелю и скоро сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано поутру Царь Кощей къ себѣ Ивана Царевича крикнулъ: «Ну, Иванъ Царевичъ», сказалъ онъ, «теперь мы посмотримъ, что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ построить нынѣшней ночью дворецъ, чтобъ кровля была золотая, стѣны изъ мрамора [3]), окна хрустальныя [4]), вкругъ регулярный садъ [5]) и въ саду пруды съ карасями. Если построишь этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь; если-же нѣтъ, то прошу не пенять...головы не удержишь!».—«Ахъ, ты, Кощей окаянный», Иванъ Царевичъ подумалъ: «вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй!».—Съ тяжелой кручиной онъ возвратился къ себѣ и сидитъ, пригорюнясь.

Ужъ вечеръ; вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку, бьется объ стекла, и слышитъ онъ голосъ: «впусти!». Отворилъ онъ дверку окошка; пчелка влетѣла и вдругъ обернулась Марьей Царевной. «Здравствуй, Иванъ Царевичъ! О чемъ ты такъ призадумался?».—«Нехотя будешь задумчивъ», сказалъ онъ: «батюшка твой до моей головы добирается».—«Что-же сдѣлать рѣшился ты?»—«Что? Ничего. Пускай его сниметъ голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь».—«Нѣтъ, мой милый Иванъ Царевичъ, не должно терять намъ бодрости. То-ли бѣда? Бѣда впереди; не печалься: утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе. Ложися спать, а завтра поранѣе встань; ужъ дворецъ твой построенъ будетъ; ты-жь только ходи съ молоткомъ, да постукивай въ стѣну». Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ-ни заря, изъ коморки вышелъ Иванъ Царевичъ... глядитъ, а дворецъ ужъ построенъ; чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился, вѣрить не хочетъ глазамъ. «Да ты хитрецъ не на шутку!» такъ онъ сказалъ Ивану Царевичу; «вижу, ты ловокъ на руку; вотъ мы посмотримъ, такъ-же-ли ты будешь догадливъ. Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ. Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю и долженъ ты будешь три раза мимо пройти и въ третій мнѣ разъ безъ ошибки младшую дочь мою, Марью Царевну, узнать; не узнаешь, съ плечъ голова. Поди!».—«Ужъ выдумалъ, чучело, мудрость!» думалъ Иванъ Царевичъ, сидя подъ окномъ. «Не узнать мнѣ Марью Царевну... какая-жъ тутъ трудность?»—«А трудность такая», молвила Марья Царевна, пчелкой влетѣвши,—«что если я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ насъ тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лицо; и такое сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только по платью можетъ насъ различать».—«Ну что-же мнѣ дѣлать?»—«А вотъ что: буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь мошку. Смотри-же, будь остороженъ, вглядись хорошенько. Сдѣлать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла. Вотъ на другой день опять Ивана Царевича кличетъ Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одинаковомъ платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. «Ну, искусникъ», молвилъ Кощей, «изволь-ка пройтиться три раза мимо этихъ

---

[1]) *На карачкахъ*—на колѣнахъ. [2]) *Проказникъ*,—шутникъ, забавникъ. [3]) *Мраморъ*—твердый, плотный камень известковой породы, красивыхъ цвѣтовъ, принимающій полировку. [4]) *Хрусталь, кристаллъ*—самое чистое, бѣлое стекло. [5]) *Регулярный садъ*—садъ съ прямыми дорожками.

красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ Марью Царевну». Пошелъ Иванъ Царевичъ; глядитъ онъ въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ проходитъ въ первый разъ—мошки нѣтъ; проходитъ въ третій и видитъ—крадется мошка чуть замѣтно по свѣжей щекѣ, а щека та подъ нею такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ: «Вотъ она, Марья Царевна!» сказалъ онъ Кощею, подавши руку красавицѣ съ мошкой.—«Э! э! да тутъ, примѣчаю, что-то не чисто», Кощей проворчалъ, на Царевича съ сердцемъ выпучивъ оба зеленые глаза. «Правда, узналъ ты Марью Царевну; но какъ узналъ? вотъ тутъ-то и хитрость; вѣрно, съ грѣхомъ пополамъ. Погоди-же, теперь доберуся я до тебя. Часа черезъ три, ты опять къ намъ пожалуй; рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ здѣсь покажи: зажгу я соломинку; ты-же, покуда будетъ горѣть та соломинка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста, сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво, да только знай напередъ: не сошьешь—долой голова; до свиданья».

Золъ возвратился къ себѣ Иванъ Царевичъ, а пчелка Марья Царевна ужъ тамъ. «Отчего опять такъ задумчивъ, милый Иванъ Царевичъ?» спросила она.—«Поневолѣ будешь задумчивъ», онъ ей отвѣтилъ. «Отецъ твой затѣялъ новую штуку: шей я ему сапоги съ оторочкой. Развѣ какой я сапожникъ? я царскій сынъ; я не хуже родомъ его. Кощей онъ Безсмертный! видали мы много этихъ безсмертныхъ!».—«Иванъ Царевичъ, да что-же ты будешь дѣлать?»—«Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану. Сниметъ онъ голову—чортъ съ нимъ, съ собакой! какая мнѣ нужда!».—«Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы теперь женихъ и невѣста; я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся, иль вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другого способа нѣтъ». Такъ сказавъ, на окошко Марья Царевна плюнула, слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ коморки вышла она потомъ съ Иваномъ Царевичемъ вмѣстѣ, двери ключемъ заперла и ключъ далеко зашвырнула. За руки взявшись потомъ, они поднялися и мигомъ тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство. То-же озеро, низкій берегъ, муравчатый[1]) свѣжій лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро гуляетъ конь Ивана Царевича. Только почуялъ могучій конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ и помчался прямо къ нему и, примчавшись, какъ вкопанный въ землю, сталъ передъ нимъ. Иванъ Царевичъ, не думая долго, сѣлъ на коня, Царевна съ нимъ—и пустились стрѣлою. Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ слугъ доложить Ивану Царевичу: «Что-де такъ долго мѣшкать изволите? Царь дожидается». Слуги приходятъ; заперты двери. Стукъ! стукъ! И вотъ изъ-за двери имъ слюнки, словно какъ самъ Иванъ Царевичъ, отвѣтствуютъ: «буду». Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею; ждать-подождать, Царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ тѣхъ-же пословъ разсерженный Кощей,—и та-же все пѣсня: «буду», а нѣтъ никого. Взбѣсился Кощей. «Насмѣхаться, что-ли, онъ вздумалъ? Бѣгите-же! дверь разломать и въ минуту за воротъ къ намъ притащить неучтивца!». Бросились слуги... двери разломаны... вотъ тебѣ разъ! никого тамъ, а слюнки такъ и хохочутъ... Кощей едва отъ злости не лопнулъ. «Ахъ, онъ воръ, окаянный! люди! люди! скорѣе всѣ въ погоню за нимъ! Я всѣхъ перевѣшаю, если онъ убѣжитъ!»..

Помчалась погоня. «Мнѣ слышится топотъ», шепчетъ Ивану Царевичу Марья Царевна, прижавшись жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: «скачутъ и близко».—«Такъ медлить нечего!». Марья Царевна сказала. И въ ту-же минуту сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ Царевичъ желѣзнымъ мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога на три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня скачетъ по свѣжему слѣду; но, къ рѣчкѣ примчавшися, стали въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мо-

[1]) *Муравчатый*—покрытый зеленою, молодою, съ цвѣтами, травою.

стика виденъ, далѣ-жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дорога. Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Страшно Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ. «Черти, вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно здѣсь онъ!». Опять помчалась погоня. «Мнѣ слышится топотъ», шепчетъ опять Ивану Царевицу Марья Царевна. Слѣзъ онъ съ сѣдла и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: «скачутъ и близко». И въ туже минуту Марья Царевна вмѣстѣ съ Иваномъ Царевичемъ, съ ними и конь ихъ дремучимъ [1]) сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ числа нѣтъ; по лѣсу-жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками несется. Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ лѣсу, видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились въ догонку за ними, лѣсъ-же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево царство. Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ да скачетъ; кажется близко; ну только бъ схватить; анъ нѣтъ, не дается. Глядь! очутились они у входа въ Кощеево царство, въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню. Скрылось все: ни коня, ни дремучаго лѣса. Съ пустыми руками снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная собака, началъ метаться Кощей. «Вотъ я-жъ его, плута! коня мнѣ! самъ поѣду! увидимъ мы, какъ отъ меня отвертится!» Снова Ивану Царевичу Марья Царевна тихонько шепчетъ: «Мнѣ слышится топотъ»; и снова онъ ей отвѣчаетъ: «скачутъ и близко».— «Бѣда намъ! вѣдь это Кощей, мой родитель, самъ; но у первой церкви граница его государства; далѣе-жь церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ. Подай мнѣ крестъ твой съ мощами». Послушавшись Марьи Царавны, снимаетъ съ шеи свой крестъ золотой Иванъ Царевичъ и въ руки ей подаетъ, и въ минуту она обратилась въ церковь, онъ въ монаха, а конь въ колокольню; и въ ту-же минуту съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. «Не видалъ ли проѣзжихъ, старецъ честной? онъ спросилъ у монаха.—«Сейчасъ проѣзжали здѣсь Иванъ Царевичъ съ Марьей Царевной; входили въ церковь они, святымъ помолились, да мнѣ приказали свѣчку поставить за здоровье твое и тебѣ поклониться, если ко мнѣ ты заѣдешь».— «Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!» крикнулъ Кощей и, коня повернувъ, какъ безумный помчался съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно всѣхъ до единаго слугъ.

Иванъ-же Царевичъ съ своею Марьей Царевною поѣхали далѣ, уже не боясь болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними городъ прекрасный. Ивану Царевичу смерть захотѣлось въ этотъ городъ заѣхать. «Иванъ Царевичъ!» сказала Марья Царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее [2]) сердце ноетъ во мнѣ: бѣда приключится».—«Чего ты боишься, Марья Царевна? Заѣдемъ туда на минуту, посмотримъ городъ, потомъ и назадъ».—Заѣхать не трудно, да трудно выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри-же, мой милый, будь остороженъ: царь и царица и дочь ихъ царевна выдутъ на встрѣчу тебѣ, и съ ними прекрасный младенецъ будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ: съ горя умру и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги буду тебя дожидаться я три дня; когда-же на третій день не придешь... Но прости, поѣзжай!». И въ городъ поѣхалъ, съ нею простяся, Иванъ Царевичъ одинъ. У дороги бѣлымъ камнемъ осталася Марья Царевна. Проходитъ день, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій,—нѣтъ Ивана Царевича. Бѣдная Марья Царевна! Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли встрѣтить его и царь, и царица, и дочь ихъ царевна; выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка, живчикъ, глазенки, какъ ясныя звѣзды, и бросился прямо въ руки Ивану Царевичу; онъ-же его красотою такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки на-

[1]) *Дремучій*—часто ростущій, имѣющій густыя вѣтви.

[2]) *Вѣщій*—предсказывающій.

чалъ его цѣловать; и въ эту минуту затмилась память его, и онъ позабылъ о Марьѣ Царевнѣ. Горе взяло ее: «ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ не за чѣмъ болѣ!». И въ то-же мгновенье изъ бѣлаго камня Марья Царевна въ лазоревый [1]) цвѣтъ полевой превратилась. «Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ кто-нибудь въ землю меня», сказала она, и росинки слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали.

Дорогой въ то время шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ; нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытцо тамъ посадилъ, и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ началъ ухаживать. Что-же случилось? Съ той самой минуты все не по старому стало въ избушкѣ: чудесное что-то начало дѣяться въ ней: проснется старикъ, а въ избушкѣ все ужъ, какъ надобно, прибрано; нѣтъ нигдѣ ни пылинки. Въ полдень придетъ онъ домой, а обѣдъ ужъ состряпанъ, и чистой скатертью столъ ужъ накрытъ: садися и ѣшь на здоровье. Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему напослѣдокъ стало и страшно, и онъ у одной ворожейки-старушки началъ совѣта просить, что дѣлать. «А вотъ что ты сдѣлай“, такъ отвѣчала ему ворожейка: «встань ты до первой ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться, то ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ—увидишь». Цѣлую ночь напролетъ старикъ пролежалъ на постели, глазъ не смыкая. Заря занялася, и стало въ избушкѣ видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся, съ тонкаго стебля спорхнулъ и началъ летать по избушкѣ; все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели прянулъ [2]) старикъ и накрылъ цвѣточекъ платкомъ,— и явилась вдругъ передъ глазами его красавица Марья Царевна. «Что ты сдѣлалъ?» сказала она: «зачѣмъ возвратилъ ты жизнь мнѣ мою? Женихъ мой Иванъ Царевичъ прекрасный бросилъ меня, и я имъ забыта».—Иванъ твой Царевичъ женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ, и гости съѣхались всѣ». Заплакала только Марья Царевна. Слезы потомъ отерла; потомъ, въ сарафанъ нарядившись, въ городъ крестьянкой пошла.

Приходитъ въ царскую кухню; бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ; шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья Царевна, приблизясь къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ и сладкимъ, какъ флейта, голосомъ молвила: «поваръ, голубчикъ, послушай, позволь мнѣ свадебный спечь пирогъ для Ивана Царевича!». Поваръ, занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ Марью Царевну, и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ: «въ добрый часъ, дѣвица-красавица: все, что угодно, дѣлай; Ивану Царевичу самъ поднесу я пирогъ твой». Вотъ пирогъ испеченъ, и званые гости, какъ должно, всѣ ужъ сидятъ за огромнымъ столомъ и пируютъ. Услужливый поваръ важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ ставитъ на столъ предъ самымъ Иваномъ Царевичемъ; гости всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку срѣзалъ съ него Иванъ Царевичъ—новое чудо! Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда. Голубь по столу ходитъ, голубка за нимъ воркуетъ: «голубь, мой голубь, постой, не бѣги! обо мнѣ ты забудешь такъ, какъ Иванъ Царевичъ забылъ о Марьѣ Царевнѣ». Ахнулъ Иванъ Царевичъ, то слово голубки услышавъ; онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью Марья Царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца-же конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный пляшетъ. Нечего медлить! Поѣхалъ Иванъ Царевичъ съ своею Марьей Царевной; ѣдутъ да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ въ царство Царя Берендея они. И царь, и царица приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали

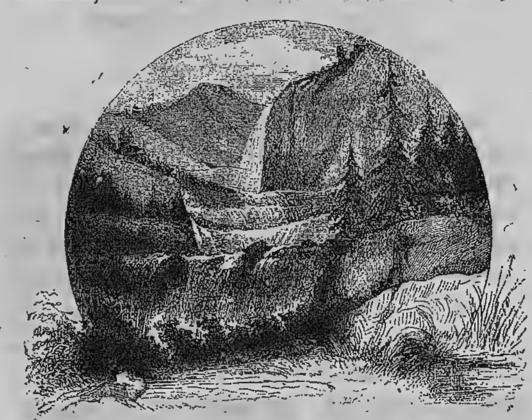
[1]) *Лазоревый* — свѣтло-синій. [2]) *Прянуть* — вскочить.

думать: честнымъ пиркомъ да за свадебку; съѣхались гости, свадьбу сыграли. Я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

Жуковскій.

3. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ, цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ (который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ, но силой славился лѣчебною своей):



«Не странно-ль это? ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ, а у тебя всегда премножество гостей! Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться; къ тебѣ зачѣмъ идутъ?». — «Лѣчиться», смиренно прожурчалъ ручей.

Крыловъ.

4. Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой [1]), медвѣдя звѣри изловили: на чистомъ полѣ уложили— и дѣлятъ межъ собой, кто что себѣ достанетъ. А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ-же тянетъ. «Ба! ты косой!» кричатъ ему, «пожаловалъ отколь? Тебя никто на ловлѣ не видалъ». — «Вотъ, братцы!» заяцъ отвѣчалъ, «да изъ лѣсу-то кто-жъ?—все я его пугалъ и къ вамъ поставилъ въ поле сердечнаго дружка!». Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно, но показалось такъ забавно, что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка.—Надъ хвастунами хоть смѣются, а часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Крыловъ.

[1]) *Гурьба*—толпа, вереница.

5. Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой и дѣльный разговоръ вели между собой. Какъ вдругъ изъ подворотни дворняшка тявкнула на нихъ, за ней другая... тамъ еще двѣ-три—и вмигъ со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни. Одинъ, было, уже прохожій камень взялъ.—«И полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ: «собакъ ты не уймешь отъ лаю, лишь пуще всю раздразнишь стаю. Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю». И подлинно: прошли шаговъ десятковъ пять,—собаки начали помалу затихать... И стало наконецъ совсѣмъ ихъ не слыхать.—Завистники, на что ни взглянутъ, подымутъ вѣчно лай; а ты себѣ своей дорогою ступай: полаютъ, да отстанутъ.

Крыловъ.

6. Хозяинъ и мыши.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики [1]) вору,
То берегись клепать [2]),
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь;
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

Купчина выстроилъ амбары
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары;
А чтобъ мышиный родъ ему не повредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ мышей купчина:
По кладовымъ и день, и ночь дозоръ,
И все бы хорошо; да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ, и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ купчина мой.
А мыши лишь того и ждали, и хотѣли:

[1]) *Прилика, улика*—доказательство вины. [2]) *Клепать*—ложно обвинять.

Лишь кошки вонъ,—онѣ въ амбаръ,
И въ двѣ, иль въ три недѣли
Поѣли весь товаръ.

Крыловъ.

7. Лошадь и оселъ.

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ, въ добро послужитъ намъ самимъ, и въ нуждѣ надобно другъ другу всегда оказывать услугу. Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ, и лошадь шла порожнякомъ, а на ослѣ поклажи столько было, что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило. «Нѣтъ мочи!» говоритъ: «я, право, упаду, «до мѣста не дойду», и проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье, — хоть часть поклажи снять съ него. «Тебѣ не стоитъ ничего, а мнѣ-бъ ты сдѣлала большое облегченье», онъ лошади сказалъ.—«Вотъ!.. чтобъ съ ношей я ослиною таскалась?» сказала лошадь — и помчалась. Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ. И лошадь тутъ узнала, что ношу раздѣлить напрасно отказала, когда ее нести одна, съ ослиной кожею, была принуждена.

Хемницеръ.

8. Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой надъ полосой своей трудился; трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился: мужикъ работникъ былъ прямой. За то, кто мимо ни проходитъ, отъ всѣхъ ему: «спасибо! исполать [1])!» Мартышку это въ

завистъ вводитъ. Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать! Мартышка вздумала трудиться. Нашла чурбанъ [1])—и ну надъ нимъ возиться. Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесетъ, то такъ, то сякъ его охватитъ, то поволочетъ, то покатитъ; рѣкой съ бѣдняжки льется потъ. И наконецъ она, пыхтя, насилу дышетъ, а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.— И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

9. Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жила, лиса у проруби пила въ большой морозъ. Межъ тѣмъ, — оплошность-ли, судьба-ль (не въ этомъ сила)—но кончикъ хвостика лисица замочила, и ко льду онъ примерзъ. Бѣда не велика, легко бъ ее поправить: рвануться только посильнѣй и волосковъ десятка два оставить, но до людей домой убраться поскорѣй; да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый, раскидистый и золотистый! Нѣтъ, лучше подождать,— вѣдь спитъ еще народъ; а между тѣмъ авось и оттепель придетъ,—такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ. Вотъ ждетъ—пождетъ, а хвостъ все болѣ примерзаетъ. Народъ шевелится, и слышны голоса. Тутъ бѣдная моя лиса туда, сюда метаться, но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться. По счастью, волкъ бѣжитъ. «Другъ милый! кумъ, отецъ!» кричитъ лиса: «спаси! пришелъ совсѣмъ конецъ!». Вотъ кумъ остановился и во спасеніе лисы вступился. Пріемъ его былъ очень простъ: онъ начисто отгрызъ ей хвостъ. Тутъ, безъ хвоста, домой моя пустилась дура, ужь рада, что на ней цѣла осталась шкура.—Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей: щепотки волосковъ лиса не пожалѣй, остался-бъ хвостъ у ней.

Крыловъ.

10. Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами, ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ (а дуги

[1]) *Исполать*—на многія лѣта.

[1]) *Чурбанъ*—короткій отрубокъ бревна.

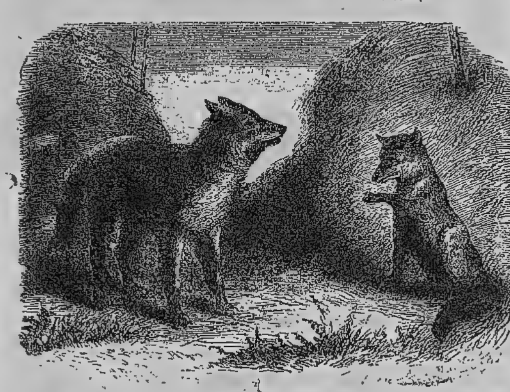
гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ), медвѣдь задумалъ жить такими-же трудами. Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу [1]). Орѣшника, березника и вязу мой мишка погубилъ несмѣтное число, а не дается ремесло! Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта и говоритъ: «Сосѣдъ! что за причина эта? Деревья таки я ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?».—«Въ томъ», отвѣчалъ сосѣдъ, «чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ: въ терпѣньѣ».

Крыловъ.

11. Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись до-сыта
И добрый ворошо̀къ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.



«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и морйтъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ:
Пришло хоть удавиться!»
«Неужли!»—Право такъ».—«Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ—цѣлый стогъ!
Я куму услужить готова».
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного —
Да про запасъ лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Крыловъ.

12. Крестьянинъ и змѣя.

Къ крестьянину вползла змѣя
И говоритъ: «Сосѣдъ! начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно:
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила».
Однако мужика змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ [1])
И говоритъ: «Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же».
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Крыловъ.

13. Орелъ и Пчела.

Увидя, что пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ однажды ей орелъ съ презрѣньемъ:
Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка́
Со всей твоей работой и умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто-же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ и что-жь имѣть въ виду?.
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крыла́ми,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться!».
Пчела отвѣтствуетъ: «Тебѣ хвала и честь.
Да про̀длитъ надъ тобой Зевесъ [2]) свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Крыловъ.

14. Левъ состарѣвшійся.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ, постйгнутъ [3]) старостью, лишился силы: нѣтъ крѣпости

[1]) *Проказа, проказникъ*— шалость, — баловникъ. *Проказа*— болѣзнь.

[1]) *Обухъ* – тылъ, задняя часть топора. [2]) *Зевесъ*— имя главнаго бога грековъ, бывшихъ язычниками. [3]) *Постигнутъ*—употреблено вмѣсто *постигнутый.*

въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ, чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ, и самогѡ едва таскаютъ ноги хилы. А что всего больнѣй, не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей, но всякъ за старыя обиды льва въ отмщенье наперерывъ ему наноситъ оскорбленья: то гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ, то зубомъ волкъ рванетъ, то острымъ рогомъ волъ боднетъ. Левъ бѣдный въ горѣ столь великомъ, сжавъ

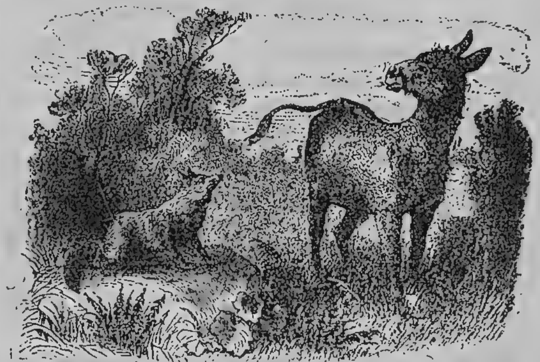
сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой, лишь изъявляя ропотъ свой глухимъ и томнымъ рыкомъ [1]), какъ видитъ, что оселъ туда-жь, натужа грудь, сбирается его лягнуть и смотритъ мѣсто лишь, гдѣ-бъ было побольнѣе. «О боги!» возопилъ, стеная, левъ тогда: «чтобъ не дожить до этого стыда, пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе! Какъ смерть моя ни зла, все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла!».

Крыловъ.

[1]) *Рыкомъ*—рычаньемъ.

15. Лисица и Оселъ.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?»
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
—«Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?
Бывало, зарычитъ—такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости, и дряхлъ, и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода [1]).
Повѣришь-ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами!



Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами»...
—«Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса осла перерываетъ.
—«Вотъ-на!» оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь съ высоты,
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

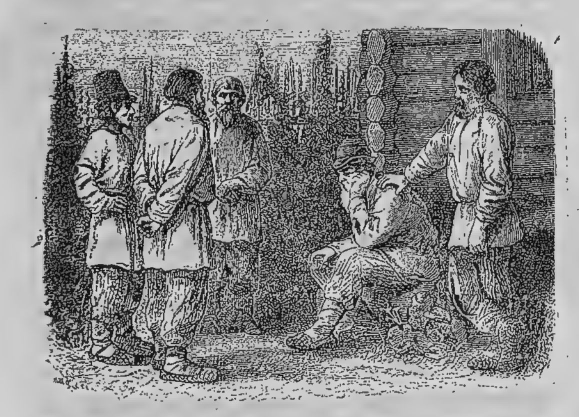
Крыловъ.

16. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть [2]) и на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.

[1]) *Колода*—большой и толстый обрубокъ бревна.
[2]) *Клѣть*—кладовая, холодная изба, гдѣ хранится имущество.

И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ-бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру пойди съ сумою.
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей:
«Нельзя ли», говоритъ, «помочь бѣдѣ моей?».
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ: «Впередъ, мой милый сватъ,



Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить».
— «Эхъ, братцы, это все не такъ!»
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далеко,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить».
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково-жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь,
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

Крыловъ.

---

17. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла въ дородствѣ [1]) съ нимъ сравняться
(Она завистлива была)—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что? буду-ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!».
—«Гляди-же, какъ теперь раздуюсь я широко...

Ну, каково?
Пополнилась-ли я?».—«Почти что ничего».
—«Ну, такъ теперь?»—«Все то-жъ». Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги [2]) лопнула и—околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ.
Не диво-ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка [3]) мелкая, какъ знатный дворянинъ?

Крыловъ.

---

18. Добрая лисица.

Стрѣлокъ лѣсной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое,
Но нѣтъ, за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя,
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»
Лисица птицамъ говоритъ.
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
«Не киньте, милые, безъ помощи дѣтей;

---

[1]) *Дородство* — полнота. [2]) *Натуга* — сильное напряженіе. [3]) *Сошка мелкая* — бѣдный помѣщикъ.

Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите.
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.
Что дѣла добраго святѣй?
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь;
Не лучше-ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку имъ устлать?
Вѣдь попусту-жь его ты растеряешь.
Ты, жавронокъ,—чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка,—твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милый соловей,—
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ,—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ [1]) ихъ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня, докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ лисѣ на низъ.
Что-жъ кумушка?.. Тотчасъ ихъ съѣла
И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись:
Кто добръ по истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ,
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ-же почти такіе люди всѣ
Съ-родни моей лисѣ.

Крыловъ.

---

19. Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратная пора дѣтства!

Набѣгавшись до-сыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно; давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Мамаша говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу. Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она вся сдѣлалась маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился, и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло. — «Ты опять заснешь, Николинька», говоритъ мнѣ мамаша:—«ты бы лучше шелъ на верхъ».

— «Я не хочу спать, мамаша», отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣчка горитъ въ гостиной; мамаша сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной, нѣжной ручкой провела по волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ: —«Вставай, моя душечка, пора идти спать».

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.—«Вставай же, мой ангелъ!»

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ

---

[1]) *Зефиръ*—легкій вѣтерокъ.

меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— «Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!»

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— «Такъ ты меня очень любишь?». Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: «Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николинька?»

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня...

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душенька моя! вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытаешь, говоря: «спаси, Господи, папеньку и маменьку!» Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно: однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: «Дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему; облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать». Потомъ любимую фарфоровую игрушку, зайчика или собачку, уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ. *Гр. Л. Толстой.*

---

20. Дѣтство.

Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила,
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой.
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая;
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный: ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ, дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ:
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою»...
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я.. лампадка горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Никитинъ.

---

21. Классная комната.

Карлъ Ивановичъ (гувернеръ) [1], съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна — наша, дѣтская, другая Карла Ивановича — *собственная*. На ней были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и не учебныя: однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Исторіи путешествій, въ красивыхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну, а потомъ и пошли длинныя, тол-

[1] *Гувернеръ* — человѣкъ, живущій въ домѣ для обученія дѣтей и надзора за ними.

стыя, большія и маленькія книги, — корочки безъ книгъ, и книги безъ корочекъ; все туда-же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей [1]), привести въ порядокъ библіотеку [2]), какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку.

Коллекція [3]) книгъ на *собственной* если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты [4]), всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ срединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна изрѣзанная, наша, другая, новенькая, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линованія; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками — маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ тотъ уголъ!

Помню заслонку [5]) въ печи, отдушникъ [6]) въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Ивановичъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою книгу, — а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ срединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись

[1]) *Рекреація*—свободное отъ ученья время. [2]) *Библіотека* собраніе книгъ, мѣсто для храненія книгъ. [3]) *Коллекція*—собраніе предметовъ. [4]) *Ландкарта*—географическая карта. [5]) *Заслонка*—дверцы, служащія для закрыванія печей. [6]) *Отдушникъ* — небольшое отверстіе въ печахъ для выпусканія тепла.

края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрасивыхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ [1]) табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина [2]), каждый камешекъ, каждая колея [3]) давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженная липовая аллея [4]), изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно [5]), а напротивъ—лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа.

Гр. Л. Н. Толстой.

---

22. Злыя дѣти.

Рядомъ съ нами жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи, всѣмъ наукамъ,—какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно бы было, если бы и я стала учиться. Матушка съ радостью согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться. Жилъ онъ скромно, смирно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша безпрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ вдобавокъ былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жа-

[1]) *Залакированныхъ*—покрытыхъ лакомъ, составомъ изъ смолистаго вещества. [2]) *Выбоина*—яма, ложбинка, выбитая отъ ѣзды на дорогѣ. [3]) *Колея*—желобина вдоль дороги, выбитая колесами. [4]) *Аллея*—дорога, по обѣимъ сторонамъ усаженная деревьями. [5]) *Гумно*—огороженное мѣсто, гдѣ ставится сжатый хлѣбъ, сѣно и солома.

ловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный уходилъ въ свою комнату. У себя-же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ коегдѣ еще училъ, получалъ кое-какую плату, такъ что чуть, бывало, у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала.

Сначала я шалила за одно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломали головы, какъ бы раздразнить и вывесть его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно, какъ онъ прошепталъ: «злыя дѣти»...

Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно, и горько, и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была для меня нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ; намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть, мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывесть; стало быть, мы насильно заставили его, несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютомъ жребіи вспомнить. Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянія.

Достоевскій.

23. Отправленіе въ гимназію.

Курсъ ученія начинался въ гимназіи съ 15, а пріемъ съ 1 августа, и такъ было рѣшено въ исходѣ іюля отправиться въ Казань. Такое рѣшеніе принялъ я почти спокойно... Но когда сборы были кончены, назначенъ часъ отъѣзда, мнѣ стало такъ жаль Аксаково (село), что вдругъ все въ немъ получило въ глазахъ моихъ прежнюю цѣну и прелесть, даже можетъ быть бо́льшую. Мнѣ казалось, что я никогда его не увижу, и потому я прощался съ каждымъ строеніемъ, съ каждымъ деревомъ и кустикомъ, и прощался со слезами.

Я раздарилъ все мое богатство: голубей отдалъ я повару Степану и его сыну, кошку подарилъ Сергѣевнѣ, женѣ нашего слѣпого повѣреннаго Пантелѣя Григорьевича, необыкновеннаго дѣльца и знатока въ законахъ; мои удочки и поста́вушки [1]) роздалъ дворовымъ мальчикамъ [2]), а книжки, сухіе цвѣты, картинки и проч. отдалъ моей сестрицѣ.

Какъ я завидовалъ каждому деревенскому мальчику, которому никуда не надо было ѣхать, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ разлучаться, который оставался дома и могъ теперь съ своей удочкой сѣсть гдѣ-нибудь на плотинѣ и подъ густою тѣнью ольхи удить беззаботно окуней и плотву! Онъ оставался полнымъ спокойнымъ хозяиномъ широкаго пруда, на этотъ годъ незаросшаго камышами и травами, потому что былъ съ весны долго спущенъ. Фыркали и горячились застоявшіеся кони, но сильныя, привычныя руки кучера осаживали ихъ и долго заставляли итти шагомъ. Въ каретѣ всѣ казались печальны и молчали. Я высунулся изъ окна и глядѣлъ на милое Аксаково до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось изъ глазъ, и тихія слезы катились по моимъ щекамъ.

С. Аксаковъ.

24. Самоотверженіе матери.

Моя мать, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Казани, заставила моего дядьку [3]) Евсеича побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ давно намѣревался исполнить свое обѣщаніе и рѣшился дѣйствовать, не спрашиваясь никого: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ, безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ паду-

[1]) *Поставушка*—снарядъ для ловли рыбы. [2]) *Дворовый мальчикъ*—сынъ лакея, повара, скотника и проч. [3]) *Дядька*—пожилой человѣкъ, приставленный присматривать за мальчикомъ.

чею болѣзнію и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцомъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы [1]); дорога прорывалась на каждомъ шагу и во всякомъ долочкѣ была зажора, т. е. снѣгъ, насыщенный водою; ѣхать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала тотъ-же день въ Казань съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея, Өедоромъ; ѣхала день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ, не подкованныхъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ въ одну лошадь; всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло

С. Аксаковъ.

по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками [2]), которые на этотъ разъ продолжались, къ счастью, до половины апрѣля.

Въ десять дней мать моя дотащилась до большого села Мурзихи на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, и потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможности; но за то изъ Мурзихи надобно было переѣхать черезъ Каму, чтобъ попасть въ село Шуранъ, находящееся, кажется, въ 80-ти верстахъ отъ Казани. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь, и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ въ Мурзихѣ; боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце, которые обѣщались ей, что если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака, и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ льдочкомъ затянулъ лужи. На зарѣ шестеро молодцовъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камѣ и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ [1]), привязавъ за спину не тяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руку женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Өедору, поручивъ ему тащить чуманъ, т. е. широкій лубокъ, загнутый спереди кверху и привязанный на веревкѣ, взятый на тотъ случай, что неравно барыня устанетъ,—и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось и надобно было пройти около трехъ верстъ.

Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Өедоръ

[1]) *Распутица*—очень плохая дорога. [2]) *Утренникъ*—морозъ, бывающій утромъ.

[1]) *Багоръ*—длинный шестъ съ желѣзнымъ на концѣ крюкомъ.

и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ итти впередъ, но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и даже веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи [1]), перебираться, по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ, черезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла сѣсть на чуманъ; и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самаго берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчасъ постлали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ; въ такомъ положенiи дотащили ее до ямского [2]) двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, т. е. половину своихъ наличныхъ денегъ, но честные люди не захотѣли ими воспользоваться; они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнацiями). Съ изумленiемъ слушая изъявленiя горячей благодарности и благословенiя моей матери, они сказали ей на прощанье: «дай вамъ Богъ благополучно доѣхать», и немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: — рѣка прошла на другой день.

С. Аксаковъ.

25. Мать.

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ;
Все ему неловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ...
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ-съ-пальчикъ...
Нѣтъ! не хочешь?.. сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ...
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ темномъ бору...
Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...
«Во сыромъ бору» поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ —
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И неразъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, стрепенется—
«*Во темномъ-сыромъ бору*»
Снова раздается...
Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душей своею
Жизни чудный огонекъ.
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало,
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

А. Майковъ.

26. Казачка провожаетъ сыновей на войну.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель, мы будемъ спать на дворѣ» (говорилъ Тарасъ Бульба женѣ наканунѣ отъѣзда съ сыновьями, Остапомъ и Андреемъ, въ Запорожскую Сѣчь).

Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, а за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала

[1]) *Полынья*—не замерзшее мѣсто въ рѣкѣ, покрытой льдомъ. [2]) *Ямской*—принадлежащаго ямщику.

гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью, она возростила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! «Сыны мои, сыны мои милые! Что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея.

Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея—берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: «авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. «Ну, хлопцы, полно спать! пора! пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (Такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, путь лежитъ великій!». Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные, красивые, съ серебряными подковами; шаравары, шириною съ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ[1]); къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки, казакинъ [2]) алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились на глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать», произнесъ, наконецъ, Бульба. «Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогой всѣмъ присѣсть».

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!» сказалъ Бульба: «моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ!».

Мать, слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. «Пусть хранитъ васъ...

[1]) *Очкуръ*—шнурокъ. [2]) *Казакинъ*—кафтанъ особаго покроя.

Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ»... Далѣе она не могла говорить. «Ну, пойдемъ, дѣти!» сказалъ Бульба. У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Тарасъ былъ ужасно тяжелъ и толстъ. Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипла къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразно лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Гоголь.

27. Слезы матери.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы, утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Некрасовъ.

28. Любовь матери.

Не измѣняетъ и не охладѣваетъ любовь матери, ее ни уменьшить, ни подкупить ничѣмъ нельзя. Вѣкъ свой одна и та-же. Мать любитъ безъ толку и безъ разбору. Велики вы, славны, красивы, горды, переходитъ имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту—голова старушки трясется отъ радости, она плачетъ, смѣется и шепчетъ: «это мой!». А тамъ затеплитъ лампадку передъ образомъ Спасителя и молится долго и жарко. А сынокъ, большею частью, и не думаетъ подѣлиться славою съ родительницею. Нищи ли вы духомъ и умомъ, отмѣтила ли васъ природа клеймомъ безобразія, точитъ ли жало недуга ваше сердце или тѣло, наконецъ, тяготѣетъ ли надъ вами общее презрѣніе, отталкиваютъ васъ отъ себя люди и нѣтъ вамъ мѣста между ними,—тѣмъ болѣе мѣста въ сердцѣ матери. Она сильнѣе прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

Гончаровъ.

29. Къ дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно [1]) нашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!
Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!
О, дѣти! въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

А. Хомяковъ.

30. Мать и сынъ.

Яркое предвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ налѣво, куда Тушаръ отвелъ меня еще годъ назадъ отъ графскихъ и сенаторскихъ дѣтей, сидитъ гостья. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя

[1]) *Умиленно* — съ сердечнымъ ощущеніемъ, которое возбуждено чѣмъ-нибудь трогательнымъ.

съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, а голубокъ пролетѣлъ черезъ куполъ, я, воспитывавшійся въ чужомъ домѣ, не видалъ ужъ ея ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, ужъ много лѣтъ спустя, я узналъ, что она тогда прибыла въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Она сидѣла подлѣ меня, и, помню, я даже удивлялся, что она мало такъ говоритъ. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣтилъ, что здѣсь у насъ пища «очень хорошая и намъ каждый день даютъ къ чаю по цѣлой французской булкѣ».

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ, по простотѣ подумала: «можетъ, ихъ тамъ, въ школѣ-то, худо кормятъ», не взыщи, родной.

— И Антонинѣ Васильевнѣ [1]) обидно станетъ-съ. Товарищи тоже будутъ надо мной смѣяться...

— Не примешь, что-ли? Можетъ и скушаешь?..

— Пожалуй, оставьте-съ.

А къ гостинцамъ я даже и не притронулся; апельсины и пряники лежали предо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ [2]) ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдитъ; хоть капельку показать ей это, чтобъ поняла: «вотъ, дескать, ты меня срамищь и даже сама не понимаешь того». Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчишекъ насмѣшекъ, только-что она уйдетъ, и ни малѣйшаго добраго чувства не было къ ней въ моемъ сердцѣ. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ ужъ грубые ея башмаки, сильно похудѣвшее лицо; морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу.

Такъ мы сидѣли, и вдругъ меня позвали къ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетрадки и книги и показать мамѣ, «чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы пріобрѣсти въ моемъ заведеніи».

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ дожидавшейся мамѣ, мимо столпившихся въ классной и подглядывавшихъ насъ съ мамой графскихъ и сенаторскихъ дѣтей. И вотъ, мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности! «Вотъ, это—уроки изъ французской грамматики, вотъ это—упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ по географіи—описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта и т. д. и т. д.». Я съ полчаса или больше объяснялъ ровнымъ, тоненькимъ голоскомъ, благонравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ быть, даже писать не умѣетъ, но тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не смогъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому, наконецъ, наскучило, и яересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ грустный и что-то жалкое было въ ея лицѣ.

Она поднялась, наконецъ, уходить; вдругъ вошелъ самъ Тушаръ, подошла и Антонина Васильевна. Мама стала просить ихъ обоихъ «не оставить сиротки, все равно, онъ что сиротка теперь, окажите благодѣяніе ваше»... и она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому отдѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, именно, какъ кланяются «изъ простыхъ», когда приходятъ просить о чемъ-нибудь важныхъ господъ. Тушары этого даже не ожидали, и Тушаръ отвѣтилъ, что онъ дѣтей не рознитъ, что всѣ здѣсь—его дѣти, а онъ—ихъ отецъ, что я у него почти на одной ногѣ съ сенаторскими и графскими дѣтьми и пр. и пр. Мама только кланялась, но, впрочемъ, конфузилась; наконецъ, обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: «прощай, голубчикъ!».

[1]) Женѣ Тушара, содержателя пансіона, частнаго учебнаго заведенія. [2]) *Визитъ*—посѣщеніе.

И поцѣловала меня, т. е. я позволилъ себя поцѣловать. Ей, видимо, хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать; но совѣстно-ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого горько, или ужъ догадалась она, что я ея устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ.

— Проводите-же свою маму!—проговорила Антонина Васильевна,—нѣтъ сердца у этого дитяти!

Тушаръ въ отвѣтъ пожалъ плечами.

Я поспѣшно спустился за мамой; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ея вздрагивали, густой колоколъ звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и—не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она вскинулась и заторопилась:

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай Угодникъ... Господи, Господи!—скороговоркой повторяла она, все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестовъ:—голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчикъ...

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій, клѣтчатый платочекъ съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался...

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ; четыре двугривенныхъ тутъ: можетъ, понадобятся; прости, голубчикъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ!

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ «отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе, и мы ни въ чемъ не нуждаемся», но удержался и взялъ платочекъ.

Она, наконецъ, ушла. Апельсины и пряники поѣли еще до моего прихода сенаторскія и графскія дѣти, а четыре двугривенныхъ у меня тотчасъ-же отнялъ товарищъ, тоже не изъ простыхъ, Ламбертъ; на нихъ накупили они въ кондитерской пирожковъ и шоколаду и даже меня не попотчивали.

Прошли цѣлые полгода, и наступилъ уже вѣтрянный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ. И вотъ, тогда какъ-то разъ, въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я, однажды, перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ, и вдругъ, въ уголку, увидалъ синенькій батистовый платочекъ ея; онъ тамъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его тогда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ; кончикъ платка сохранялъ еще вполнѣ слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатавшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ, и загудѣлъ колоколъ ко всенощной. Воспитанники уже послѣ обѣда разъѣхались по домамъ. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ: я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только-что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать: «мама, мама», шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрывалъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, и я говорилъ ей: «стыдно, смотрятъ». «Мамочка, мама! гдѣ ты теперь, гостья ты моя далекая? Помнишь-ли ты теперь своего бѣднаго мальчика, къ которому приходила... Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я могъ сказать тебѣ, какъ люблю тебя, только чтобъ обнять мнѣ тебя и поцѣловать твои синенькіе глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любилъ... Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь?»...

Достоевскій.

31. Основаніе Руси.

(Изъ лѣтописи Преподобнаго Нестора, на древне-русскомъ языкѣ).

Изгнаша Славяне Варяги за море, и не даше имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на роды, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идоша за море къ Варягомъ къ Руси. Рѣша Руси Чудь, Словѣни и Кривичи: «вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изъборстѣ Труворъ.

32. Грамота у славянъ.

На Руси Славяне оставались еще язычниками, когда крещены были Славяне придунайскіе. Принявъ крещеніе, ихъ князья послали пословъ къ греческому императору Михаилу съ такою просьбою: «Земля наша крещена, а нѣтъ у насъ учителя, который бы наставилъ насъ и протолковалъ намъ святыя книги; мы не понимаемъ ни по-гречески, ни по-латыни: одни учатъ насъ такъ, а другіе иначе, и мы не можемъ взять въ толкъ того, что написано въ книгахъ. Пошлите-же къ намъ учителя, который бы объяснилъ намъ смыслъ всякаго книжнаго слова». Михаилъ созвалъ своихъ ученыхъ и разсказалъ имъ о просьбѣ славянскихъ князей. Ученые отвѣчали: «Есть въ Солуни мужъ, по имени Левъ; у него два сына, Меѳодій и Кириллъ, — два хитро обученныхъ сына: они знаютъ и славянскій языкъ». Императоръ тотчасъ-же послалъ за ними и упросилъ ихъ отправиться въ славянскія земли. Кириллъ и Меѳодій поѣхали въ Болгарію и Моравію, составили славянскія азбучныя письмена и перевели съ греческаго языка на славянскій сначала Евангеліе и Апостолъ, а потомъ Псалтирь и другія книги. Меѳодій поставленъ былъ епископомъ, посадилъ двухъ священниковъ-скорописцевъ и въ шесть мѣсяцевъ окончилъ весь трудъ. И рады были Славяне, слыша на своемъ родномъ языкѣ чтеніе Священнаго Писанія.

Водовозовъ.

33. Маленькій герой.

Пришли въ первый разъ Печенѣги на Русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать. Народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Вступили тогда жители города и говорили: «нѣтъ-ли кого, кто бы могъ дойти на ту сторону и сказать имъ: если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся Печенѣгамъ». Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: «я перейду». — «Иди», отвѣчали ему. Онъ и пошелъ съ уздою изъ города и ходилъ между Печенѣгами, спрашивая: «не видалъ-ли кто его лошади?» (Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, такъ что всѣ Печенѣги приняли его за своего). Когда-же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье и бросился въ Днѣпръ и поплылъ. Увидавъ это, Печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять; но не могли уже ему ничего сдѣлать, потому что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. На другой день, на разсвѣтѣ, сѣвши въ лодки, воины начали громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, и побѣжали въ разныя стороны отъ города.

Соловьевъ.

34. Крещеніе россіянъ.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило приготовле-

ніемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ. Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данью суевѣрія: ибо Владимиръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься, и народъ устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владимиръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и

по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ рѣкѣ по грудь и по шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителю. Когда-же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіанами, тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ, дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго, утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощью въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!». Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Карамзинъ.

А. А. Фетъ.

35. Осень.

Ласточки пропали,
А вчера, зарей,
Все грачи летали
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.
Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу,
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь по неволѣ,
Тяжело—хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле [1])
Прыгаетъ, какъ мячъ.

Фетъ (Шеншинъ).

36. Осень въ деревнѣ.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста—ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячейпечкѣ продрогшіе члены. Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло.

Григоровичъ.

37. Осенняя слякоть.

Въ половинѣ октября я стоялъ у окна моей комнаты, во второмъ этажѣ нашего дома—и, ни о чемъ не помышляя, уныло посматривалъ на дворъ и на пролегавшую за нимъ дорогу. Погода ужъ пятый день

[1]) *Перекати-поле*—полевая трава, верхушка которой, будучи сорвана вѣтромъ, катается по полю взадъ и впередъ.

стояла отвратительная, все живое попряталось; даже воробьи притихли и грачи давно пропали. Вѣтеръ то глухо завывалъ, то свисталъ порывисто; низкое, безъ всякаго просвѣта, небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта переходило въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ,—и дождь, который лилъ, лилъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становился еще крупнѣе, еще косѣе—и съ визгомъ расплывался по стекламъ. Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что было съ нихъ взять—а вѣтеръ, нѣтъ-нѣтъ, да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стояли засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возрождаясь, вскакивали и скользили по нимъ. Грязь по дорогамъ стояла невылазная; холодъ проникалъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгала по тѣлу и ужъ какъ становилось дурно на душѣ! Именно дурно—не грустно. Казалось, уже никогда не будетъ ни свѣта, ни солнца, ни блеска, ни красокъ, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть и слизь, и сѣрая мокрота, и сырость кислая—и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть!

Тургеневъ.

---

38. Перелетная птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ;
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

---

39. Осеннее вёдро [1].

На другой день я опять, съ ружьемъ и съ собакой, отправился въ Еськовскую рощу. День выдался чудесный: я думаю, кромѣ Россіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ нигдѣ подобныхъ дней и не бываетъ. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по сухой листвѣ, какъ оторвавшійся сучекъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтви и падалъ наконецъ въ мягкую траву,—падалъ навсегда: онъ уже не шелохнется, пока не истлѣетъ. Воздухъ, ни теплый, ни свѣжій, а только пахучій и словно кисленькій, чуть-чуть пріятно щипалъ глаза и щеки; тонкая, какъ шелковинка, съ бѣлымъ клубочкомъ по срединѣ, длинная паутина плавно взлетала и, прильнувъ къ стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху—знакъ постоянной теплой погоды! Солнце свѣтило, но такъ кротко, хоть бы лунѣ.

Тургеневъ.

[1]) *Вёдро*—ясная и тихая погода.

---

40. Гришуха.

Рожь сняли,—полегче тутъ стало.
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки;
Свекровь ея тутъ-же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ,
Савраска глядитъ на своихъ.
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ снопов золотыхъ.
— Богъ помочь! А гдѣ-же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
— Въ горохахъ! сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ.
На небо взглянулъ.—Чай, не рано..
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана [1])
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался;
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
— Бѣжитъ!.. у!.. бѣжитъ пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черёнъ, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ),

[1]) *Жбанъ*—кувшинъ.

Поподчивалъ бабушку, матку,
Сестренку, вертится вьюномъ;
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно [1]) жуетъ
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ.

Некрасовъ.

41. Въ деревнѣ осенью.

Вотъ по распаханной черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне,
Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ.
Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота: [2])
Легкая дружно спорится [3]) работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: «поскорѣй, поскорѣй!»
Звукъ благодатный! кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!
Только-что шумное стадо прогнали:
Какъ на промерзлой грязи натоптали
Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,
За нагружённой снопами телѣгой
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой; [4])
Паръ изъ отворенной риги [5]) валитъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ;
А на гумнѣ только руки мелькаютъ
Да высоко молотила [6]) взлетаютъ.

Некрасовъ.

42. Осеннiе вечера.

Наступила осень; одно удовольствіе исчезало вслѣдъ за другимъ; дни стали коротки и сумрачны; дожди, холодъ загнали всѣхъ въ комнаты; больше сталъ я проводить время съ матерью, больше сталъ я учиться, то есть писать и читать вслухъ. Впрочемъ, въ долгіе вечера читалъ отецъ и даже мать,—читала-же она необыкновенно хорошо. Хотя отецъ не былъ пріученъ къ чтенію смолоду въ своемъ семействѣ, но у него была природная склонность къ чтенію, чему доказательствомъ служитъ огромное собраніе пѣсенъ и разныхъ тогдашнихъ стишковъ, переписанныхъ съ печатнаго его собственною рукою, сохраняющееся у меня и теперь. Моя мать успѣла развить въ немъ эту склонность, и потому чтенія по вечерамъ производились ежедневно съ общимъ интересомъ. Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаю эти вечера, при которыхъ всегда присутствовала и тетушка Евгенія Степановна; литературное удовольствіе подкрѣплялось кедровыми и калёными русскими орѣхами, которые были очень вредны для моей матери, но которые она очень любила; являлся на сцену мѣдный ларецъ съ лакомствомъ и приносились щипчики и пестики[6]) для раздавливанія орѣховъ. Какъ только чтеніе возбуждало мое любопытство, но это надбавочное удовольствіе становилось мнѣ очень непріятно, потому что развлекало и мѣшало слушать.

С. Аксаковъ.

43. Осень.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ:
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора —
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И, въ часъ полуденный, въ кружокъ

[1]) *Аппетитно, аппетитъ*—желаніе ѣсть. [2]) *Обмолотъ*—время, когда молотятъ хлѣбъ. [3]) *Спориться*—имѣть успѣхъ; идетъ успѣшно. [4]) *Пѣгій*—бѣлый съ крупными пятнами другого цвѣта. [5]) *Рига*—овинъ съ сараемъ для молотьбы хлѣба. [6]) *Молотила*—цѣпы.

[1]) *Пестикъ*—желѣзное орудіе.

Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

Пушкинъ.

рѣ нашего приближенія,—и вдругъ затихъ. Евсеичъ опять разсмѣялся, сказавъ: «а, увидѣли, сороки!». На одной изъ десятинъ былъ расчищенъ токъ, гладко выметенный;

44. Молотьба.

«А хочешь посмотрѣть, Сережа, какъ бабы молотятъ дикушу (гречу)?» спросилъ отецъ. Разумѣется, я отвѣчалъ, что очень хочу, и мы поѣхали. Еще издали заслышали мы глухой шумъ, похожій на топотъ многихъ ногъ, который вскорѣ заглушился звуками крикливыхъ жечскихъ голосовъ. «Вишь орутъ, сказалъ смѣясь Евсеичъ,—ровно наслѣдство дѣлютъ! Вотъ оно, бабье-то царство!». Шумъ и крикъ увеличивался, по мѣ-

на немъ, высокою грядой, лежала гречневая солома, по которой ходили взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Я долго съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную мною работу. Стройность и ловкость мѣрныхъ и быстрыхъ ударовъ привели меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, взлетая и падая другъ возлѣ друга, и ни одинъ не зацѣплялъ за другой, между тѣмъ какъ бабы не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались впередъ, то отступали назадъ. Такое искусство каза-

лось мнѣ непостижимымъ! Чтобъ не перерывать работы, отецъ не здоровался, покуда не кончили полосы или ряда. Подошедшій къ намъ десятникъ сказалъ: «Послѣдній проходъ идутъ, батюшка Алексѣй Степановичъ. И давеча [1]) была почитай чиста солома, да я велѣлъ еще разокъ пройти; теперь ни зернышка не останется». Когда дошли до края, мы оба съ отцомъ сказали: «Богъ помочь!» и получили обыкновенный благодарственный отвѣтъ многихъ женскихъ голосовъ. На другомъ току [2])двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолоченной гречи; вѣтерокъ далеко относилъ всякую дрянь и тощія, легкія зерна, а полныя и тяжелыя косымъ дождемъ падали на землю; другой крестьянинъ сметалъ метлою ухвостье и всякій соръ.

С. Аксаковъ.

---

45. Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ;
Бѣлъ, какъ лунь, [3]) на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ;
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.
Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Никитинъ.

---

[1]) *Давеча* — за нѣсколько часовъ до настоящаго времени. [2]) *Токъ*—на гумнѣ гладкое ровное мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ. [3]) *Лунь*—ястребъ; *бѣлъ, какъ лунь*—говорится о человѣкѣ, совершенно посѣдѣвшемъ

46. Усобицы.

Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію [1]) кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, раздоръ и мщенье были славой;
Отъ русскихъ русскихъ кровь текла;
Губилъ половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха,
И Русь бѣдою поросла...
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха.

Жуковскій.

---

47. Изъ поученія Владиміра Мономаха къ дѣтямъ.

Первое Бога дѣля [2]) и душа своея: страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ, и милостыню творя не оскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покорятися, съ точными [3]) и меньшими любовь имѣти, не сверѣповати словомъ, необильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, долу очи имѣйте, а душу горѣ. Научися по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрыя дѣла Господа ради; лишаемъ не мсти; ненавидимъ, либо гонимъ, терпи; хулимъ, моли; умертви грѣхъ; избавите обидима; судите сиротѣ; оправдайте вдовицю. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью; въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящій и къ вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему. Болѣе чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо злымъ. Больного присѣтите, надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы; и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите; жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы (вамъ) конецъ всему: страхъ Божій имѣйте выше всего.

---

[1]) *Хоругвь*—военное знамя, въ древности подобное церковной хоругви. [2]) *Дѣля*—ради. [3]) *Точный*—равный.

48. Татары.

Ѣздилъ Нѣздила Прокшичъ съ князь Ѳеодоромъ, и съ ними Рязанскіе вершники[1]), шестеро, въ станъ Батыевъ. Проѣхали островомъ подгороднымъ, проѣхали далѣе... Лугъ и рѣчка, за рѣчкой раскинуты сплошь и рядомъ шатры полосатые—станъ, и станъ неоглядный. Кишма-кишатъ люди-не-люди: нѣтъ на нихъ образа Божія, и какое-то племя проклятое, какъ звѣрьё окаянное. Кто въ гунѣ [2]) просмоленной, кто въ панцырѣ, кто въ верблюжію шкуру закутался... Шумъ и гамъ! Всѣ лепечутъ по своему. Гдѣ заржетъ жеребецъ отреноженный, гдѣ верблюдъ всею пастью порявкаетъ; тутъ кобылу доятъ, тамъ маханину [3]) пожираютъ, что волки несытые; а другіе ковшами да чашами тянутъ что-то похмѣльное и хохочутъ, другъ друга подталкивая... Вдоль по рѣчкѣ топливо навалено, и пылаютъ костры неугасные. Сторожа въ камышахъ притаилися. Обоклйкнули князя и съ Нѣздилой; отозвались они и поѣхали черезъ весь станъ къ намѣту [4]) Батыеву. Всполошилась орда некрещеная: сотенъ съ пять побѣжало у стремени... Князь съ бояриномъ ѣдутъ—не морщатся, межъ кибитокъ распряженныхъ войлочныхъ; стремянной [5]) Ополоница сердится, а другіе дружинные вершники только крестятся, въ сторону сплевывая: на Руси экой нечести съ роду не видано... Закраснѣлась и ставка Батыева: багрецовыя[1]) ткани натянуты вкругъ столба весь какъ есть золоченаго. Одаль ставки, а кто и при пологѣ, стали цѣлой гурьбой улусники [2]); всѣ въ кольчугахъ [3]) и шлемахъ [4]) съ ковыль-травой; за плечами колчаны [5]), за поясомъ заткнутъ ножъ, закаленный, съ отравою. Князя въ ставку пустили и съ Нѣздилой. Ханъ сидитъ на коврѣ; ноги скрещены; на плечахъ у него пестрый роспашень [6]), а на темени самомъ скуфейка парчевая [7]); по бокамъ, знать, вельможи ордынскіе, всѣ въ такихъ-же скуфейкахъ и роспашняхъ.

Мей.

Татаринъ.

[1]) *Вершникъ*—верховой, ѣдущій верхомъ. [2]) *Гуня*—ветхое платье, рубище. [3]) *Маханина*—мясо. [4]) *Наметъ*—шатеръ. [5]) *Стремянной*—конюхъ, сопровождающій ѣдущаго верхомъ господина.

49. Татарскій погромъ.

(1237 годъ).

Въ это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную
И пошелъ прямо къ стольному [8]) городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ, и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ;
И кровавую чашу съ татарами роспили.
Одолѣли бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по-сту Татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить—изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились—умаялись
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ билися, всѣ до единаго;
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня [9]) свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе...
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль татарскую,—
Преисполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь, и грабить и рѣзать безъ милости
Всѣхъ, отъ стараго даже до малаго,
Благо ихъ боронить было некому...
И нахлынули орды поганыя
На рязанскую землю изгономъ [10]) неслыханнымъ.

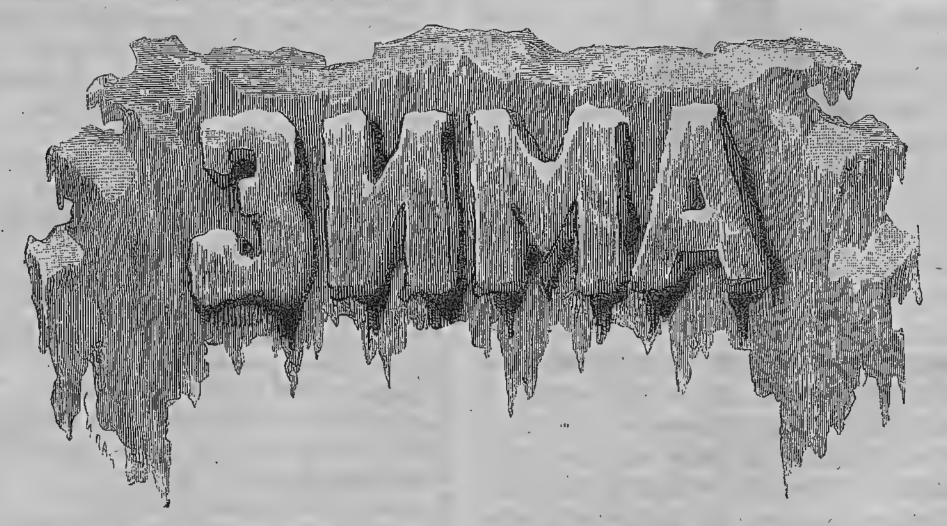
[1]) *Багрецовый* — густокрасный. [2]) *Улусникъ*—*улусъ*—собраніе многихъ кибитокъ, жилищъ кочующаго народа. [3]) *Кольчуга*—броня съ рукавицами, сдѣланная изъ мелкихъ колецъ. [4]) *Шлемъ*—желѣзная шапка. [5]) *Колчанъ*—помѣщеніе для стрѣлъ. [6]) *Роспашенъ*—халатъ. [7]) *Парчевый*—сдѣланный изъ шелка съ золотомъ. [8]) *Стольный*—столичный. [9]) *Бороня*—охраняя, защищая. [10]) *Изгономъ*—набѣгомъ.

Взяли Пронскъ, Ижеславецъ, и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятыя сутки Ордынцы проклятые
Ворвались таки въ городъ по лѣстницамъ,
Сквозь проломы кремлевской стѣны, и сквозь полымя
Ворвалися и въ церковь соборную.
Тамъ убили княгиню великую,
Со снохами [1]) ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ [2]),
Всенародно дѣвицъ осквернили и инокинь.
Храмы Божьи, дворы монастырскіе—
Все пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечемъ все живущее,—
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося.
Плакать некому было и не по комъ.
Все богатство рязанское было разграблено.
И свалило къ Коломнѣ Ордынское полчище,
По зимѣ Игорь—князь изъ Чернигова—
Прибылъ въ отчину, въ землю Рязанскую,
И очистить весь городъ; а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Ѳеодора Юрьича
Перенесъ къ чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію, съ сыномъ ихъ княжичемъ,
Схоронилъ въ одно мѣсто и три креста каменныхъ
Надъ могилой поставилъ. *Мей.*

50. Убіеніе князя Михаила Черниговскаго въ татарской ордѣ.

Шатеръ, дорогой, златотканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ..
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей..
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой..
Молятъ бояре горячей мольбой...
«Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ», онъ твердитъ...
Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его...
Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...

А. Майковъ.



И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ, обнажены, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные князя, и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Игорь немедленно;
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи

[1]) *Сноха*—сестра мужа, невѣстка. [2]) *Инокъ*—монахъ.

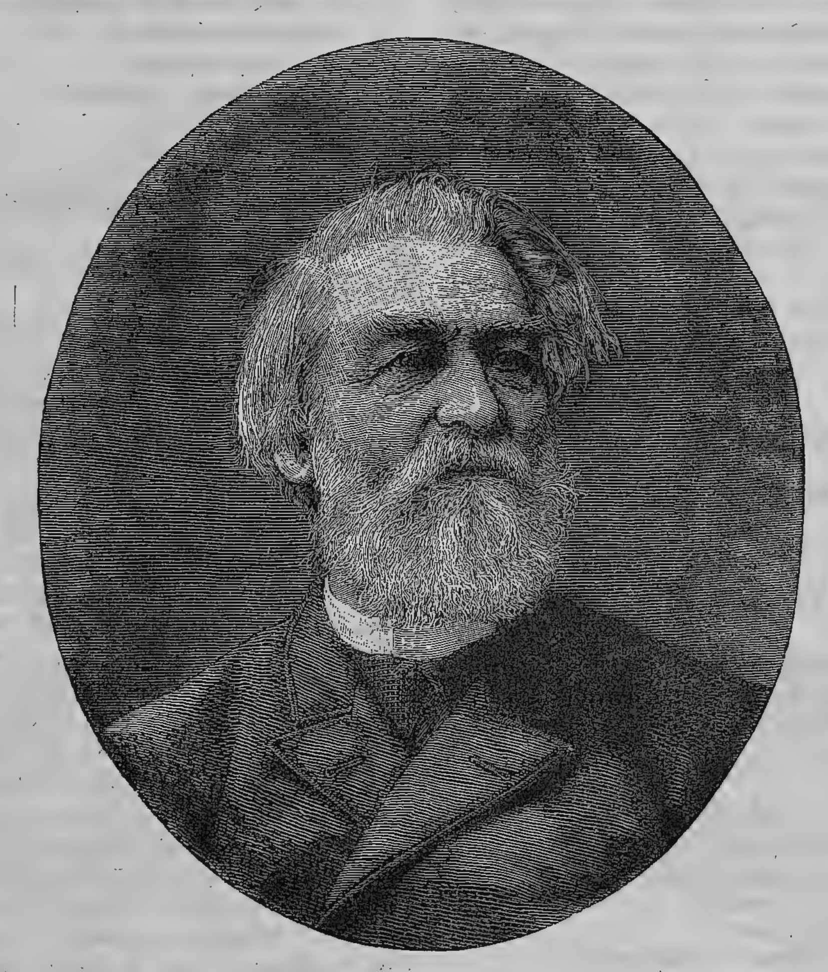
51. Зима.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница-зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ.
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Опрятнѣй моднаго паркета [1])

[1]) *Паркетъ*—штучный полъ.

Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону [1]) водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на берегъ. *Пушкинъ.*

Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый;
Съ снѣгомъ — батюшка-морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый



Д. В. Григоровичъ.

52. Привѣтствіе зимѣ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи [2]),
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи;
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица

Пароходъ и паровозъ!
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима! *Князь Вяземскій.*

53. Вьюга.

Вьюга съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, подня-

[1]) *Лоно*—грудь. [2]) *Парча*—шелковая ткань съ примѣсью серебра или золота.

лась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила въ деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной, холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались до верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вѣтра. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ разомъ, со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, вползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣроятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей... Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкой подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросилъ на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность... О, счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья, теплая печка!.. *Григоровичъ.*

54. Береза.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья [1]) винограда,
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный [2]) нарядъ.
Люблю игру денницы [3])
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей. *Фетъ.*

[1]) *Гроздья*—кисти. [2]) *Траурный*—печальный, черный цвѣтъ съ бѣлымъ. [3]) *Денница*—свѣтъ, видимый предъ восхожденіемъ солнца.

55. Зимняя буря.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ;
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна,—
Что же ты, моя старушка [1]),
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Пушкинъ.

56. Человѣкъ подъ снѣгомъ.

Случилось однажды зимою, что мужикъ Арефій Никитинъ поѣхалъ за дровами въ лѣсъ, всего версты четыре отъ деревни, да и запоздалъ; поднялся буранъ [2]); лошаденка была плохая, да и самъ онъ былъ плохъ; показалось ему, что онъ не по той дорогѣ ѣдетъ, онъ и пошелъ отыскивать дорогу. Снѣгъ былъ глубокій, онъ выбился изъ силъ, завязъ въ долочкѣ—такъ его снѣгомъ тамъ и занесло. Лошадь постояла, отдохнула, видно прозябла, и пошла шажкомъ, да и пришла домой. Дома Арефья ждали; увидѣли, что лошадь пришла одна, дали знать старостѣ, подняли тревогу, и мужиковъ съ десятокъ поѣхали отыскивать Арефья. Буранъ былъ страшный, зги не видать! Поѣздили, поискали, да такъ ни съ чѣмъ и воротились. На другой день вся барщина [3]) ѣздила отыскивать, и также ничего не нашли... Уже на третій день, совсѣмъ по другой дорогѣ, ѣхалъ мужикъ изъ Кудрина, ѣхалъ онъ съ звѣровою собакой; собака и причуяла что-то недалеко отъ дороги и начала лапами снѣгъ разгребать; му-

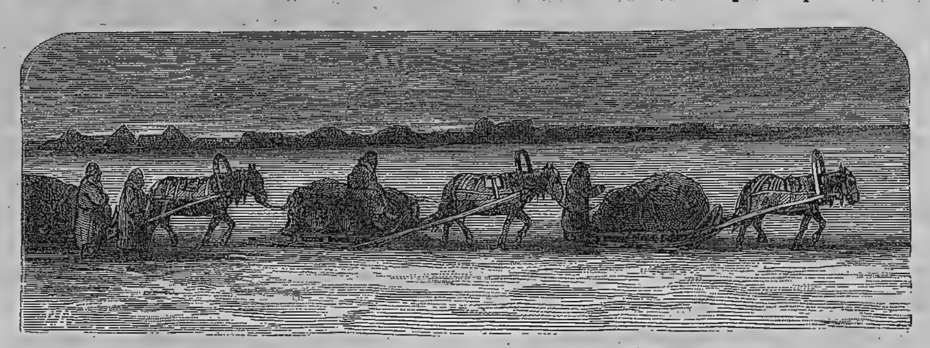
[1]) *Старушка*—няня Пушкина, Ирина Родіоновна, очень любившая поэта и въ свою очередь любимая имъ. Въ сочиненіяхъ Пушкина есть не мало мѣстъ, гдѣ поэтъ высказываетъ любовь къ своей нянѣ. [2]) *Буранъ*—непогодь съ вьюгою и мятелью. [3]) *Барщина*—бывшіе барскіе крестьяне, крѣпостные.

жикъ былъ охотникъ, остановилъ лошадь и подошелъ посмотрѣть, что тутъ такое есть, и видитъ, что собака выкопала нору, что оттуда паръ идетъ; вотъ и принялся онъ разгребать и видитъ, что внутри пустое мѣсто, ровно медвѣжья берлога, и видитъ, что въ ней человѣкъ лежитъ, спитъ, и что кругомъ него все обтаяло; онъ зналъ про Арефья и догадался, что это онъ. Мужикъ поскорѣе прикрылъ дыру снѣжкомъ, палъ на лошадь да и прискакалъ къ намъ въ деревню. Народъ мигомъ собрался. Поскакали съ лопатами, откопали Арефья, взвалили на сани, прикрыли шубой и привезли домой. Дома его въ избу не вдругъ внесли, а сначала долго оттирали снѣгомъ; а онъ весь былъ талый [1]). Арефій отъ стужи и снѣгу ровно проснулся; тогда внесли его въ избу, но онъ все былъ безъ памяти. Ужъ на другой день пришелъ въ себя и ѣсть попросилъ, и потомъ былъ здоровъ, только какъ-то говорить сталъ дурно.

С. Аксаковъ.

57. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.



По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ!

Пушкинъ.

58. Буранъ.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка [1]) ѣхала по узкой дорогѣ или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и наконецъ, снявъ шляпу, оборотился и сказалъ: «Баринъ! не прикажешь ли воротиться?».

— Это зачѣмъ?

— Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается, вишь, какъ онъ сметаетъ порошу [2]).

— Что за бѣда?

— А вишь, тамъ что? Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи, да яснаго неба.

— А вонъ, вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ объяснилъ мнѣ, что это облачко предвѣщало буранъ.

Я слышалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ

[1]) *Талый*—оттаявшій отъ теплоты, въ комнатѣ.

[1]) *Кибитка*—сани съ кибиткою, т. е. съ верхомъ изъ дугъ, покрытыхъ рогожею, либо кожей, либо клеенкой. [2]) *Пороша*—первый осенній снѣгъ.

*

показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ-отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ—и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. «Ну, баринъ!» закричалъ ямщикъ: «бѣда! буранъ!»

Я выглянулъ изъ кибитки; все было мракъ и вихрь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. «Что жь ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ. «Да что ѣхать!» отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка [1]): «не вѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ». Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился. «И охота было не слушаться», говорилъ онъ сердито: «воротился бы, сударь, на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшить? Добро бы на свадьбу!».— Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ [2]). Лошади стояли, понуря головы и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь; Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!» закричалъ я: «смотри, что тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталъ всматриваться. «А Богъ знаетъ, баринъ», сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: «возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть или волкъ, или человѣкъ».

[1]) *Облучекъ*— край сапей. [2]) *Сугробъ*—снѣжная куча.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ же сталъ подвигаться къ намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!» закричалъ ему ямщикъ: «скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога»?

— «Дорога-то здѣсь, я стою на твердой полосѣ», отвѣчалъ дорожный: «да что толку?»

— Послушай, мужичекъ! сказалъ я ему:—знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довезти меня до ночлега?

— «Сторона мнѣ знакома», отвѣчалъ дорожный: «слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода; какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться да переждать, авось буранъ утихнетъ да небо прояснится; тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ».

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику: «Ну, слава Богу, жило не далеко, сворачивай вправо да поѣзжай».—«А почему ѣхать мнѣ вправо?» спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ: «гдѣ ты видишь дорогу? небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой».—Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ», сказалъ я: «почему думаешь ты, что жило не далече?».—«А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ», отвѣчалъ дорожный: «а я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко». — Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили; я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая въ сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку [1]), закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Пушкинъ.

---

59. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

—Эй, пошелъ, ямщикъ!..
—«Нѣтъ мочи;
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги замело;
Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ».
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной!
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ ночной».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ,
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?
—«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

Пушкинъ

---

60. Крещенскій вечеръ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;

---

[1]) *Цыновка*—рогожа изъ витыхъ мочалъ, часто сплетенная.

Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны,
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны. *Жуковскій.*

---

61. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы [1]) растворилися;
На коняхъ, на саняхъ гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись;
Со двора повели въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся,
За дубовы столы, за набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей много жареныхъ,
Пироговъ, вядчины блюда полныя.
Бахромой [2]), кисеей принаряжена,
Молодая жена, чернобровая,
Обходила подругъ съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ чашу горькаго.
Самъ хозяинъ за ней брагой [3]) хмельною
Изъ ковшей вырѣзныхъ рҫдныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь медомъ сыченымъ [4])
Обносила кругомъ съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ [5])
Про хлѣба, про покосъ, про старинушку,—
Какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются
Отъ вечерней зари до полуночи.
По селу пѣтухи перекликнулись,
Призатихъ говоръ-шумъ въ темной горенкѣ,
Отъ воротъ поворотъ виденъ по снѣгу.
Кольцовъ.

---

62. Переправа.

Отрядъ, посланный изъ Гурьева, зимой, по льду, для поисковъ и наказанія киргизовъ, шелъ прямымъ путемъ, въ перевалъ моря; этимъ сокращалось гораздо болѣе половины пути, противъ берегового, окольнаго. Зима была строгая и ледъ довольно надежный, но все надо было остерегаться моряны, которая могла взломить ледъ и разметать его подъ отрядомъ въ разныя стороны. Послѣ такихъ взломовъ, которые случаются тамъ каждую зиму по нѣсколько разъ, ледъ мѣстами спираетъ и ставитъ козломъ, а мѣстами разгоняетъ, оставляя широкія полыньи. Отрядъ шелъ уже третьи сутки хорошо,—но вдругъ остановился: передъ носомъ была широкая полынья, которая тянулась въ оба конца, сколько было глазу видно. Старый уральскій казакъ подъѣхалъ и, глянувъ впередъ, сказалъ:

— Ну, что жъ стали? Аль дневать?

— Да что, отвѣчали солдаты: видишь, чай, куда зашли; не переплывешь; и самъ-то не знаешь какъ быть, а тутъ еще двѣ пушки!

— Такъ вы же какъ думаете быть тутъ?

— А какъ быть, про то знаютъ старшіе. Послали нарядъ къ начальнику: либо обходить, либо искать гдѣ лодокъ.

— Лодокъ? спросилъ казакъ:—да тутъ въ морѣ что за лодки? А ты самъ на чемъ стоишь?

— На чемъ? да вишь на льду стою.

— Такъ ты, стало быть, тѣхъ-то рукавицъ и ищешь, которыя у тебя за поясомъ: коли подъ тобою ледъ, такъ какой же тебѣ лодки?

Казаки тотчасъ спѣшились [1]) и принялись за работу; выкололи цѣлую льдину, саженъ въ десять, обнесли ее вокругъ воткнутыми копьями, протянувъ вмѣсто поручней [2]) арканы [3]); оттолкнулись отъ матерого [4]) льду, взявъ съ собою конецъ, понеслись по вѣтру, раскинувъ, что было подъ руками, вмѣсто парусовъ, и, приставъ къ тому берегу, протянули веревку; по ней паромъ [5]) этотъ пошелъ ходить взадъ и впередъ и перевезъ весь отрядъ съ лошадьми и двумя пушками.

---

[1]) *Тесовый*—сдѣланный изъ теса, т. е. досокъ. [2]) *Бахрома* — тесьма съ кисточками. [3]) *Брага* — легкое, домашняго приготовленія, пиво. [4]) *Сыченый*—отъ глаг. сытить, подслащивать воду медомъ. [5]) *Гуторить*—говорить, бесѣдовать.

[1]) *Спѣшиться* - сойти съ лошади. [2]) *Поручень*—округленный брусокъ, накладываемый по бокамъ мелкихъ судовъ. [3]) *Арканъ*—толстый канатъ. [4]) *Матерой*—коренной ледъ, не наносный. [5]) *Паромъ*—плотъ для переправы черезъ рѣку.

63. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ [1]);
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя». *Жуковскій.*

64. Весна.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ [2]) былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу. Потомъ вдругъ, на второй день Святой, понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершившихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную горку [3]), съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками; прояснѣло и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній ожившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная, облетавшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ вóлну [1]) блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ребята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали на дворахъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

Графъ Л. Толстой.

[1]) *Зардѣть*—становиться краснымъ. [2]) *Настъ*—поверхность замерзшаго послѣ оттепели снѣга. [3]) *Красная горка*—первое послѣ Пасхи воскресенье.

[1]) *Вóлну*—шерсть.

65. Появленіе весны.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потоплѐнные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

66. Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, и звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы, вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и кра-

сятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ [1]) веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ [2]) всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи.

Карамзинъ.

67. Фіалка.

Скажи, фіалка, отчего
Такъ рано къ намъ ты воротилась,
Когда въ поляхъ ни одного
Еще цвѣтка не распустилось?
— Бѣдна нарядомъ и мала,
Я межъ другихъ цвѣтовъ незрима,
И, если бъ съ ними я цвѣла,
Ты, можетъ быть, прошелъ бы мимо.

Плещеевъ.

68. Весна.

Весна! весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна! весна! какъ высоко,
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!..
Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!
Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ, и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ,
Незримый, жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Баратынскій.

Карамзинъ.

[1]) *Гимнъ*—торжественная пѣсня (нашъ народный гимнъ: «Боже, Царя храни». [2]) *Зефиръ*—легкій теплый вѣтерокъ.

69. Святой князь Александръ Невскій.

Шведскій король послалъ зятя своего, Биргера, на лодкахъ въ Неву съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ. Биргеръ, опытный и счастливый вождь, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ и велѣлъ надменно сказать Александру: «ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей». Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости посламъ шведскимъ, но поспѣшилъ собрать войска; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе архіепископа Спиридона и, вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: «насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ; идите съ вашимъ княземъ!». Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые новгородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена; Александръ выступилъ въ поле, и 15 іюля приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный Ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Пелгуй былъ христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ; Пелгуй содрогнулся и видитъ на морѣ легкую ладью, гребцовъ, одѣтыхъ мглою, и двухъ лучезарныхъ витязей въ ризахъ червленныхъ. Эти витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: «поможемъ родственнику нашему Александру!». Александръ запретилъ Пелгую говорить объ этомъ видѣніи и, какъ молнія, устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привели ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копьемъ *возложилъ печать на лицо* Биргера. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра; нагрузили два судна тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму и спѣшили удалиться. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ. Эта достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго*.

Карамзинъ.

---

70. Монастырь.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,
И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ — волшебствомъ
И чародѣйствами полна...
И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустыннымъ житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.
И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...
И вотъ—вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... И ростетъ
За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!
Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь [1]), казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...
А эти гости—то князья,
Въ Орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...
И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ —
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...
Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,

---

[1]) *Келаръ* — монахъ, завѣдующій монастырскими припасами.

Ища исходу хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...
И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ.

А. Майковъ.

---

71. Битва на Куликовомъ полѣ.

6-го сентября 1380 года войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать татаръ, или идти далѣе. Мысли были не согласны. Ольгердовичи, князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства, что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и къ ободренію своему получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ!». 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже, даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, —Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣни и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силы противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя, говорили они, смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ. Я вождь и начальникъ, стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ». Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: «*Богъ намъ прибѣжище и сила*», первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ середину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ

путь къ большимъ, или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня; сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «теперь наше время!». Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы; враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы; со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?». Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его живого или мертваго; долго не находили; наконецъ, два воина увидѣли великаго князя подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣни, воскликнули единогласно: «государь! ты побѣдилъ враговъ!». Димитрій всталъ; видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, какимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Карамзинъ.

---

72. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ...
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ! Весна идетъ!
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ...
Весна идетъ! весна идетъ!»
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней!

Тютчевъ.

---

73. Ледоходъ.

Видъ большой, тронувшейся рѣки представляетъ не только величественное, но странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забывали про ея существованіе, и вдругъ—широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства пошевелилась, откололась и пошла, пошла со всѣмъ, что на ней находилось въ то время, съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вѣхами [1]) и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми. Спокойно и стройно сначала сопровождаясь глухимъ,но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрипомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на дыбы, какъ будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся менѣе, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ... рѣка прошла!... Освобожденная изъ полугодового плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ

С. Аксаковъ.

74. Весна.

Уходи, зима сѣдая!
Ужъ красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!
Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней, царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!
А что шума, что гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!
Уходи себѣ скорѣй!

[1]) *Вѣха*—высокій шестъ, ставимый съ какимъ-нибудь знакомъ для указанія проѣзда на землѣ или на водѣ.

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь—и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..
Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ—ужъ пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

А. Майковъ.

75. Народная пѣсня про взятіе Казани.

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить,—
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про Грозна царя Ивана,
Про Васильевича,
Какъ онъ, царь-государь,
Подъ Казань подступалъ..
Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подкопъ подкопалъ—
Сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ;
А на бочку становили
Воску яраго свѣчу.
Злы Татаровья по городу
Похаживаютъ,
Похваляются,
Что не быть, дескать, Казанушкѣ
Подъ Бѣлымъ подъ Царемъ...
А и нашъ царь государь
Распаляется,
Распаляется, прогнѣвляется;
А на завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарщиковъ,
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣе всѣхъ былъ:—
«А за первое, царь, слово
Ты меня не казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними...
А въ тиши-то свѣчи—
Онѣ тише горятъ;
А на вѣтрѣ-то свѣчи—
Онѣ ярче горятъ»...
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвити,
Какъ взорвало стѣну

Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя...
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей
Велѣлъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей,
Одному пушкарю
Полтораста рублей.

Некрасовъ

76. Зайцы.

Старый Мазай разболтался въ сараѣ. «Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ впятеро больше бы дичи велось, кабы сѣтями ее не ловили, кабы силками ее не давили; зайцы вотъ тоже,—ихъ жалко до слезъ! Только весеннія воды нахлынутъ, и безъ того они сотнями гинутъ [1],—нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики, ловятъ, и топятъ, и бьютъ ихъ баграми [1]). Гдѣ у нихъ совѣсть? Я разъ за дровами въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки къ намъ водополье весной нагоняетъ—ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ. Вижу одинъ островокъ небольшой—зайцы на немъ собралися гурьбой. Съ каждой минутой вода подбиралась къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось меньше аршина земли въ ширину, меньше сажени въ длину. Тутъ я подъѣхалъ; лопочутъ ушами, сами ни съ мѣста; я взялъ одного, прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами! прыгнули зайцы мои,—ничего! только усѣлась команда косая, весь островочекъ пропалъ подъ водой, «то-то!» сказалъ я: «не спорьте со мной! слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!» Этакъ гутоя, плывемъ въ тишинѣ. Столбикъ не столбикъ, зайчишко на пнѣ. Лапки скрестивши, стоитъ горемыка, взялъ и его—тягота не велика! Только-что началъ работать весломъ, глядь, у куста копошится

[1]) *Гинутъ*—пропадаютъ.

[1]) *Багоръ*—длинная палка съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ.

зайчиха—еле жива, а толста какъ купчиха! я ее, дуру, накрылъ зипуномъ [1])—сильно дрожала... Не рано ужъ было. Мимо бревно суковатое плыло; сидя и стоя, и лежа пластомъ, зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ. «Взялъ бы я васъ — да потопите лодку!». Жаль ихъ, однако, да жаль и находку,—я зацѣпился багромъ за сучекъ и за собою бревно поволокъ... Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ, какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ: «Глянь-ко: что дѣлаетъ старый Мазай!». Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай! Мы за деревней въ рѣкѣ очутились. Тутъ мои зайчики точно сбѣсились: смотрятъ, на заднія лапы встаютъ, лодку качаютъ, грести не даютъ; берегъ завидѣли плуты косые, озимь [2]), и рощу, и кусты густые!.. Къ берегу плотно бревно я пригналъ, лодку причалилъ—и «съ Богомъ!» сказалъ... И во весь духъ пошли зайчишки. А я имъ: «У-хъ! Живѣй, звѣришки! Смотри, косой, теперь спасайся! а чуръ зимой не попадайся! Прицѣлюсь—бухъ! И ляжешь... Ууу-хъ!..» Мигомъ команда моя разбѣжалась, только на лодкѣ двѣ пары осталось—сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ я ихъ поклалъ—и домой приволокъ; за ночь больные мои отогрѣлись, высохли, выспались, плотно наѣлись; вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка вытряхнулъ, ухнулъ,—и дали стречка [3]). Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ: «не попадайтесь зимой!». Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ: шкура плохая,—линяетъ косой...

Некрасовъ.

[1]) *Зипунъ*—верхнее платье. [2]) *Озимь*—рожь и пшеница, посѣянная съ осени. [3]) *Дали стречка*—очень быстро убѣжали.

77. Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли капли дождевыя,
И солнце нивы золотитъ;
Съ горы летитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ...

Тютчевъ.

78. Пчелы.

«На-тко медку! съ караваемъ [1]) покушай, притчу про пчелокъ послушай! Нынче [2]) не въ мѣру вода разлилась; думали, просто идетъ наводненье; только и сухо, что наше селенье по огороды, гдѣ ульи у насъ. Пчелка осталась, водой окруженная, видитъ и лѣсъ, и луга вдалекѣ, ну—и летитъ,—ничего налегкѣ, а какъ назадъ полетитъ, нагруженная, силъ не хватаетъ у милой. — Бѣда! Пчелами вся запестрѣла вода, тонутъ работницы, тонутъ сердечныя! Горю помочь мы не чаяли, грѣшные, не догадаться самимъ бы во вѣкъ,да нанесло человѣка хорошаго; подъ Благовѣщенье, помнишь, прохожаго? Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ! Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили: я при прохожемъ тужилъ, толковалъ. «Вы бы имъ до суши вѣхи [3]) поставили»,—это онъ слово сказалъ! Вѣришь: чуть, первую вѣху зеленую на воду вывезли, стали втыкать, поняли пчелки сноровку мудреную: такъ и валятъ, и валятъ отдыхать! Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ сѣли-сидятъ.—На бугрѣ-то ни травочки, ну, а въ лѣсу и поляхъ благодать: пчелкамъ не страшно туда залетать,—все отъ единаго слова хорошаго! Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ. Благослови Богъ прохожаго!». Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ; медъ съ караваемъ парнишка докушалъ, тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ и за прохожаго низкій поклонъ Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Некрасовъ.

79. Пѣсня пахаря.

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

[1]) *Каравай*—хлѣбъ изъ пшеничной муки. [2]) *Нынче*—и сегодня, и въ настоящемъ году. [3]) *Вѣха*—высокій шестъ, ставимый на водѣ для указанія удобнаго плаванія.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ.
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ [1]) съ тобою
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю,—
Ну! тащися, сивка!

Напою водою,
Водой ключевою...
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство! *Кольцовъ.*

80. Сѣвъ и бороньба.

Какъ только провяла земля,— начались полевыя работы, то есть, посѣвъ яроваго хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня мать. Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,

вниманіе, и радостное чувство овладѣло моей душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочной травой, а гривы дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ расцвѣтала вишня и дикая акація. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей; вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ; стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: «жалко, что нѣтъ съ нами ружья». Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота, и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, по-

[1]) *Самъ-другъ* — вдвоемъ.

чувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху! Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовалъ справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Аксаковѣ.

Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже немолодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая во-

кругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками [1] черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами. И весь этотъ повидимому тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело.

Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную десятину, сталъ что-то мѣрить своей палочкой и считать; а я, оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались такъ же мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ, — я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная, о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ же положеніи, спросилъ: «что ты, Сережа?» Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно.

С. Аксаковъ.

[1]) *Сошникъ*—желѣзный рѣзецъ, прикрѣпленный къ сохѣ и служащій для взрыванія земли.

---

81. Рыбка.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна;
На днѣ видна трава;
Чиста холодная струя;
Слѣжу за поплавкомъ.
Шалунья-рыбка—вижу я—
Играетъ съ червякомъ.
Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ [1]) два зерна,
Багряное [2]) перо.
Идетъ—не дрогнетъ подъ водой..
Пора! червякъ во рту.
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.
Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ не вдалекѣ.
Постой! авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

Фетъ.

---

82. Лѣтній вечеръ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

[1]) *Бурмитское зерно*—крупный жемчугъ, привозимый съ востока. [2]) *Багряный*—пурпуровый, густо-красный.

Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь,
Вездѣ жъ работа—на горахъ.
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ:
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй;
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною [1]) росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ;
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй;
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить;
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ, въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи.
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ,
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
И такъ, совсѣмъ не мудрено.
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя на небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ,
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ.
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ:
Сейчасъ оно передъ тобой
Задёрнетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда—
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ-разъ на вышину.
Того и жди, что заблеститъ.
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни,
И все замолкнуло въ тѣни!
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

---

83. Уженье рыбы.

Каждый день поутру, покуда не такъ было жарко, отправлялся я съ Евсеичемъ удить. Самое лучшее уженье находилось у насъ въ саду, почти подъ окнами, потому что пониже Аксакова, въ мордовской деревнѣ, Кивацкое, была мельница и огромный прудъ, такъ что подпруда воды доходила почти до сада; тутъ Бугурусланъ могъ назваться верховьемъ Кивацкаго пруда; а всѣмъ охотникамъ извѣстно, что для уженья рыбы это очень выгодно. Впервые познакомился я тогда съ высшимъ наслажденіемъ рыбака, съ уженьемъ крупной рыбы; до тѣхъ поръ я лавливалъ только плотву, окуней и пискарей. Конечно, двѣ первыя породы достигаютъ также значительной величины; но мнѣ какъ-то очень крупная не попадалась, а если и попадалась, то я не могъ ее вытащить, потому что удилъ на тонкія лесы и маленькіе крючки. Евсеичъ свилъ мнѣ двѣ лесы, волосъ въ двадцать каждую; навязалъ толстые крючки, привязалъ лесы къ крѣпкимъ удилищамъ и, взявъ еще свою удочку, повелъ меня въ садъ на свое секретное мѣсто, которое онъ называлъ золотымъ мѣстечкомъ.

Насадивъ на крючокъ кусокъ умятаго черного хлѣба, величиною съ большой русскій орѣхъ, онъ закинулъ мою удочку на дно, подъ самый кустъ, а свою пустилъ у берега, возлѣ травки камыша. Я сидѣлъ смирно и не смѣлъ смигнуть съ моего по-

---

[1]) *Медвяный*—сладкій, медовый.

плавка, который тихо похаживалъ взадъ и впередъ, оттого что тутъ вода завертывала подъ берегъ. Въ непродолжительномъ времени Евсеичъ вдругъ вскочилъ и, закричавъ: «вотъ онъ, батюшка!» началъ возиться съ большой рыбой, обѣими руками держа удилище. Евсеичъ не имѣлъ понятія объ умѣньѣ удить и потащилъ изо всей силы, какъ говорится, черезъ плечо на выносъ; рыба, вѣроятно, запуталась за траву или за камышъ, удилище было просто палка, и леса порвалась: такъ мы и не видали, какая это была рыба. Евсеичъ пришелъ въ большой азартъ; я также почти дрожалъ, глядя на него. Евсеичъ клялся и увѣрялъ, что это была такая большая рыбища, какой онъ съ роду не уживалъ; но вѣроятно, обыкновенный язь или головль запутался за траву и оттого показался ему такъ тяжелъ. Развивъ другую мою удочку, дядька мой закинувъ ее поскорѣе на то же самое мѣсто, гдѣ взяла у него рыба, и, сказавъ: «видно, я маленько погорячился, теперь стану тащить потише»,—сѣлъ на траву дожидаться новой добычи; но напрасно.

Тогда пришла и моя очередь, и судьба захотѣла меня потѣшить: поплавокъ мой сталъ понемногу привставать и опять ложиться, потомъ всталъ окончательно и исчезъ подъ водою; я подсѣкъ, и огромная рыба начала тяжело ходить, какъ будто опираясь въ водѣ. Евсеичъ поспѣшилъ мнѣ на помощь и ухватился за мое удилище; но я, помня его недавнія слова, безпрестанно повторялъ, чтобъ онъ тащилъ потише; наконецъ, благодаря новой крѣпкой лесѣ и не очень гнуткому удилищу, котораго я не выпускалъ изъ рукъ, выволокли мы на берегъ кое-какъ общими силами самаго крупнаго язя, на ко-

тораго Евсеичъ упалъ всѣмъ тѣломъ, восклицая: «вотъ онъ, соколикъ! теперь не уйдетъ!» Я дрожалъ отъ радости, какъ въ лихорадкѣ, что, впрочемъ, и потомъ случалось со мной, когда я выуживалъ большую рыбу; долго я не могъ успокоиться, безпрестанно бѣгалъ посмотрѣть на язя, который лежалъ въ травѣ, на берегу, въ безопасномъ мѣстѣ. Удочку закинули опять, но рыба больше не брала. Черезъ полчаса мы пошли домой, потому что я былъ отпущенъ на короткое время. Это первое удачное начало сдѣлало меня окончательно горячимъ рыбакомъ. Язя надѣли на прутикъ, и я принесъ его къ отцу, который и самъ иногда любилъ удить. Тогда еще не было у насъ обыкновенія взвѣшивать крупную рыбу; но мнѣ кажется, что я и послѣ никогда не выуживалъ язя такой величины, и что въ немъ было по крайней мѣрѣ семь фунтовъ.

С. Аксаковъ.

84. Сорвался.

Удилъ я одинъ разъ, послѣ обѣда, рано весною, въ верху большого пруда (т. е. въ

материкѣ), заросшаго камышами. Я стоялъ на узкой стрѣлкѣ: такъ назывался мысъ, залитый съ трехъ сторонъ водою. Видя, что крупная рыба не беретъ, я откинулъ большую удочку, взялъ среднюю, въ шесть волосковъ, насадилъ маленькаго бѣлаго червяка и закинулъ. Не успѣлъ я положить удилища, какъ поплавокъ исчезъ... подсѣкаю—огромная рыба!... Гибкое удилище согнулось въ кольцо до самой руки. Сначала по быстротѣ прямолинейныхъ движеній, я подумалъ, что это щука; но рыба не замедлила меня разувѣрить: огромный головль, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ, вылетѣлъ на поверхность воды и началъ свои отчаянные прыжки... Тонкая леса моя была такъ крѣпка, удилище такъ гнутко, я водилъ такъ осторожно, что черезъ полчаса головль утомился. Я подвелъ его къ берегу, чтобъ подхватить сачкомъ, но онъ былъ малъ и мелокъ, рыба въ немъ не умѣщалась. Между тѣмъ вдругъ головль сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и выскочилъ на густую осоку, которая свѣсилась съ берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой, или накрыть его сачкомъ и вытащить на берегъ таскомъ; но я, столь благоразумный, терпѣливый, соблазнился тѣмъ, что рыба лежитъ почти на берегу, что надобно протащить ее всего какую-нибудь четверть аршина до безопаснаго мѣста, схватилъ за лесу рукою и только натянулъ ее — головль взметнулся, какъ бѣшеный, леса порвалась, и онъ перевалился въ воду.

С. Аксаковъ.

*

85. Купанье въ деревнѣ.

Бывало, солнце безъ лучей
Стоитъ и рдѣетъ [1]) въ безднѣ пара;
Тяжелый воздухъ полонъ жара;
Вода чуть движется; надъ ней
Склонилась темными вѣтвями
Деревъ безжизненная сѣнь;
На полѣ жатвы, межъ скирдами,
Невольная почіетъ лѣнь,
И кони спутанные бродятъ;
И псы валяются; молчатъ
Села и холмы; душенъ садъ,
И птицы пѣсенъ не заводятъ...
Туда, туда, друзья мои!
На скатъ горы, на брегъ зеленый,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи,
Гдѣ, подъ кустарникомъ тѣнистымъ,
Дугою выдалась она,
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежду прочь! Передъ челомъ [2])
Протянемъ руки удалыя—
И бухъ!—Блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяныя...
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!..
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю—
И бодръ, и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ [3]).

Языковъ.

---

86. Сѣнокосъ.

Пришло время сѣнокоса. Его начали за недѣлю до Петрова дня. Эта работа, одна изъ всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ работъ, которой я до тѣхъ поръ еще не видывалъ, понравилась мнѣ больше всѣхъ. Въ прекрасный день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свѣжесть, подъѣзжали мы съ отцомъ къ такъ называемому «Потаенному колку», состоящему по большей части изъ молодыхъ и уже довольно толстыхъ, какъ сосна прямыхъ, липъ,—колку, давно заповѣданному и сберегаемому съ особенною строгостью. Лишь только поднялись мы къ лѣсу изъ оврага, сталъ долетать до моего слуха глухой, необыкновенный шумъ; то какой-то отрывистый и мѣрный шорохъ, на мгновенье перемежающійся и вновь возникающій, то какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчасъ спросилъ: «что это такое?».—«А вотъ увидишь!» отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Но за порослью молодого и частаго осинника ничего не было видно; когда же мы обогнули его—чудное зрѣлище поразило мои глаза.

Человѣкъ сорокъ крестьянъ косили, выстроясь въ одну линію, какъ по ниткѣ: ярко блестя на солнцѣ, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срѣзанная густая трава. Пройдя длинный рядъ, вдругъ косцы остановились и принялись чѣмъ-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми рѣчами, какъ можно было догадываться по громкому смѣху; разслышать словъ было еще невозможно. Металлическіе звуки происходили отъ точенья косъ деревянными лопаточками, обмазанными глиною съ пескомъ, о чемъ я узналъ послѣ. Когда мы подъѣхали близко и отецъ мой сказалъ обыкновенное привѣтствіе: «Богъ помощь» или «Богъ на помощь!» громкое «благодарствуйте, батюшка, Алексѣй Степанычъ!» огласило поляну, отозвалось въ оврагѣ, и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами. Въ этой работѣ было что-то доброе, веселое, такъ что я не вдругъ повѣрилъ, когда мнѣ сказали, что она тоже очень тяжела.

Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной еще рано утромъ травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начали вянуть и издавать особенный пріятный ароматическій запахъ! Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиною, и крестьяне говорили: «что за трава! медвѣдь-медвѣдемъ!». По зеленымъ высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что онѣ подбираютъ

[1]) *Рдѣть*—становиться краснымъ. [2]) *Чело*—лобъ.
[3]) Выбѣгаю травы на бархатный коверъ—выбѣгаю на бархатный коверъ травы.

разныхъ букашекъ, козявокъ и червяковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды. Въ травѣ клубника была еще зелена, за то необыкновенно крупна; на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала.

Изъ скошенныхъ рядовъ мы съ отцемъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха; многія изъ нихъ хотя еще не покраснѣли, но были уже мягки и вкусны. Мнѣ такъ было весело на сѣнокосѣ, что не хотѣлось даже ѣхать домой, хотя отецъ уже звалъ меня.

С. Аксаковъ.

87. Народная пѣсня о покореніи Сибири.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Собрались казаки-други, люди вольные,
Собрались они во единый кругъ,
Атаманъ у нихъ—Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ—Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку всё единую:
Какъ и гдѣ-то намъ зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идти—переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить—намъ ворами слыть,
Подъ Казань идти—да тамъ царь стоитъ..
И тебѣ Ермаку быть повѣшену,
А намъ казакамъ быть переловленнымъ.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Ой, вы гой еси, атаманы-молодцы,
Вы думайте, вы подумайте,
И меня Ермака вы послушайте...
Мы пойдемъ съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемъ мы горы крутыя,

Доберемся мы до царства бусурманскаго.
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ мы его, братцы, Царю Бѣлому.
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю Бѣлому повинную:
—Ой, ты гой еси, надежа, православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то, воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю-морю,
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь корабли,—
А теперича, надежа, православный царь,
Приношу тебѣ головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское...
А за то государь-царь насъ пожалуетъ».

Кольцовъ.

88. Косарь.

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости-прощай
Село родное!..
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ...
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки
Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося. .
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная,
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете!
Нагребу копенъ
Намечу стоговъ:—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

Кольцовъ.

89. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день!
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Пушкинъ.

---

90. Гроза.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало въ природѣ. Коровы понурили головы; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча двигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолвствовало. И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрямились, только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шепотомъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во-время по домамъ. Наступила минута всеобщаго, торжественнаго молчанія.

Отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо прохожему, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю, взвилъ юбку у несущей воду бабы и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется; только глупый баранъ непредчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги, да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, силятся поспѣть за вихремъ. Упали двѣ-три крупныя капли дождя—и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ заваленки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ поле; тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ,

такъ и сѣчетъ, все чаще и чаще, и дробитъ въ кровли и окна, сильнѣе и сильнѣе.

Гончаровъ [1]).

91. Монологъ царя Бориса Годунова.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно.
Но счастья нѣтъ моей душѣ.
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной:
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе;
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше,
Богъ насылалъ на нашу землю гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ: я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ:
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ [2]) найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да: жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста...

Пушкинъ.

[1]) *Иванъ Александровичъ Гончаровъ*, сынъ купца, родился въ Симбирскѣ въ 1812 г. Мать Гончарова, прекраснѣйшая умомъ и сердцемъ женщина, ничего не жалѣла для образованія сына. Гончаровъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Самыя замѣчательныя сочиненія его: „Обломовъ", „Обрывъ" „Фрегатъ Паллада". [2]) *Мнить*—думать.

92. Уборка хлѣба.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой, густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина, въ тѣни нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками [1]) въ рукѣ, снявъ свою поярковую [2]) шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Говоръ народа, топотъ ло-

[1]) *Бирка*—палочка, на которой зарубками и знаками замѣчается счетъ отданныхъ или принятыхъ вещей. [2]) *Поярковый* — сдѣланный изъ поярки, т. е. шерсти, снятой съ молодого барашка.

шадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ. *Гр. Л. Толстой.*

93. Жнитво.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонялась, не вылегла, какъ говорится, она стояла такъ высоко, что насъ съ роспусками [1]) и лошадьми не было видно. Это новое зрѣлище тоже мнѣ очень нравилось. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей; чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь несжатую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухѣ; вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. Когда мы выѣхали на десятину, которую жали человѣкъ съ десять, говоръ прекратился; но за то шарканье серповъ по соломѣ уносилось и наполняло все поле необыкновенными и неслыханными мною звуками. Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ какимъ-то добрымъ голосомъ: «Богъ на помочь!». Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ отцомъ и со мной.

На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость; нѣкоторые тяжело дышали, у иныхъ были обвязаны грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ, но всѣ были бодры. Отецъ мой спросилъ: сколько людей на десятинѣ? не тяжело ли имъ? и получивъ въ отвѣтъ, что «тяжеленько, да какъ-же быть, рожь сильна, прихватимъ вечера», сказалъ: «такъ жните съ Богомъ...» и въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе разнесся по всему полю. Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Вдругъ плачъ ребенка обратилъ на себя мое вниманіе, и я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ, между трехъ палочекъ, связанныхъ вверху и воткнутыхъ въ землю, висѣли люльки; молодая женщина воткнула серпъ въ связанный ею снопъ, подошла не торопясь, взяла на руки плачущаго младенца и тутъ-же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя. Ребенокъ скоро успокоился, заснулъ; мать положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, что-бы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Отецъ разговаривалъ съ Мироничемъ, и я имѣлъ время всмотрѣться во все меня окружающее.. Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ на солнечномъ зноѣ охватило мою душу, и много разъ потомъ, бывая на жнитвѣ, я всегда вспоминалъ это первое впечатлѣніе. *С. Аксаковъ.*

[1]) *Роспуски*—длинныя дроги на четырехъ колесахъ, употребляемыя для перевозки тяжестей.

94. Ночь на жнитвѣ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужъ умолкъ
Вдали и плачъ, и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.
Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;
И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.
Вотъ вышелъ мѣсяцъ золотой...
Одно, прозрачное какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:
Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ.

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенье на поля:
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

Майковъ.

95. Всенощная въ деревнѣ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится.
Въ холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божіи
Богато справлены;
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдетъ,
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладона.
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

Аксаковъ.

96. Воскресное утро въ деревнѣ.

«Слушай, дружокъ (говоритъ Воскресенью Суббота)! Деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота;
Полночь близко!..». И только успѣла Суббота промолвить:
«Полночь», а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. «Моя череда!» говоритъ Воскресенье;
Легкой рукой тихонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды; звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ;
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ—тамъ тихо, листья молчатъ, сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися и молча
Слушаютъ шепотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ какъ будто что дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось... Тронулось утро; въ тьму и молчанье
Что-то живое проникло, стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть... Пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:

«Солнышко, встань»!.. и разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сiяя на солнцѣ,
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихiй
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкiй въ церковь зоветъ — и, въ одеждѣ воскресной,
Старый и малый идутъ на молитву... въ деревнѣ молчанье,
Въ церкви дымятся кадилы и тихое слышится пѣнье....

Жуковскiй.

---

97. Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ.
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается—
Громомъ, бурею,
Огнемъ-молнiей,
Дугой-радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскiе
Не насмотрятся;
Люди сельскiе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

—

За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали—
Богу-Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ по-полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ со дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

—

Посмотрю—пойду,
Полюбуюся
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божiй гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена,
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Кольцовъ.

98. Тоска по деревнѣ.

Въ столицѣ
Я томлюсь тоскою:
И по рощѣ темной,
Пахнущей смолою,
Гдѣ по утру хоры
Птичекъ раздавались
И деревья съ шумомъ
Медленно качались;
И по рѣчкѣ синей,
Что течетъ небрежно,
И журчитъ струями
Вкрадчиво и нѣжно,
Берега лаская
Влагою прохладной;
И по ивѣ старой,
Что склонилась жадно
Надъ прудомъ широкимъ,
И въ него глядится,
И какъ будто вѣчно
Жаждою томится...

Ю. Жадовская.

---

99. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксёновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксёновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсельникъ. Смолоду Аксёновъ много пилъ и когда напивался — буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксёновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче! Я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксёновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксёновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри,—какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половину дорогѣ съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксёновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, разбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, разсчелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши верстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и началъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксёнову и спрашиваетъ: кто? куда? Аксёновъ все разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить. Только чиновникъ все пристаетъ съ разспросами: «Гдѣ ночевалъ прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца по утру? зачѣмъ такъ рано уѣхалъ со двора?». —Аксёновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ; все разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: «Что жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я не воръ, не разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ и спрашиваю тебя за тѣмъ, что купецъ съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи, вещи, а вы обыщите его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и вскричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксёновъ поглядѣлъ, видитъ — ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, и испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксёновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговарить слова.

— Я... я не знаю... я.... ножъ.... я... не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксёновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него только свои 8,000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и везти его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксёновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксёнова отобрали деньги и вещи, отослали его въ ближній городъ въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксёновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксёновъ смолоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20,000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ея не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ и ее привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками, — она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему домашнія дѣла и спрашивать его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать.

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксёновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду, не ты сдѣлалъ это?

Аксёновъ сказалъ: «и ты подумала на меня!» — закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксёновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксёновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости. И съ тѣхъ поръ Аксёновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксёнова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжными въ Сибирь.

Въ Сибири на каторгѣ, Аксёновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксёновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ, — голосъ у него все еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксёнова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «Божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксё-

нова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксёнову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксёнову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксёновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что разсказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдою стриженою бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю.—Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—былъ въ Сибири, да не долго гащивалъ...

— А ты откуда будешь? спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксёновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семенычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксёновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы—даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксёновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксёновъ сказалъ: «стало быть стоилъ того», не хотѣлъ больше разсказывать; но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксёневъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксёнову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксёнова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся, и гдѣ онъ видѣлъ Аксёнова; но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята,—гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксёнову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было; что и слыхалъ, то забылъ,—сказалъ Макаръ Семеновъ.

— Можетъ, слыхалъ, кто купца убилъ?—спросилъ Аксёновъ.

Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да видно тотъ и убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксёновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксёновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена, такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда,—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда,—

веселымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти-лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксёнова, что хоть руки на себя наложить.

— И все отъ того злодѣя!... думалъ Аксёновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксёновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксёнова. Аксёновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его, но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу.

Онъ сказалъ.

— Только молчи, старикъ,—я и тебя выведу. А если скажешь,—меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксёновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости; выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ незачѣмъ и убивать меня нечего,—ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду, или нѣтъ—какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксёнову. Онъ зналъ, что Аксёновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ,—скажи мнѣ предъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксёнова. У Аксёнова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что, какъ я понапрасну на него думаю? Да, и что жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?».

Начальникъ еще разъ сказалъ: — Ну что жъ, старикъ, говори правду: кто подкопался?

Аксёновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Я не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксёновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксёновъ сказалъ:

— Чего тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксёновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксёнову и шепотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксёновъ сказалъ:—За что тебя прощать?

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко.

Аксёновъ молчалъ и не зналъ, что̀ сказать.

Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога! Я объявлюсь, что я купца убилъ,—тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксёновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?... Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть. А ты еще пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго! И онъ зарыдалъ.

Когда Аксёновъ услыхалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— Богъ проститъ тебя; можетъ быть, я во сто разъ хуже тебя!—И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

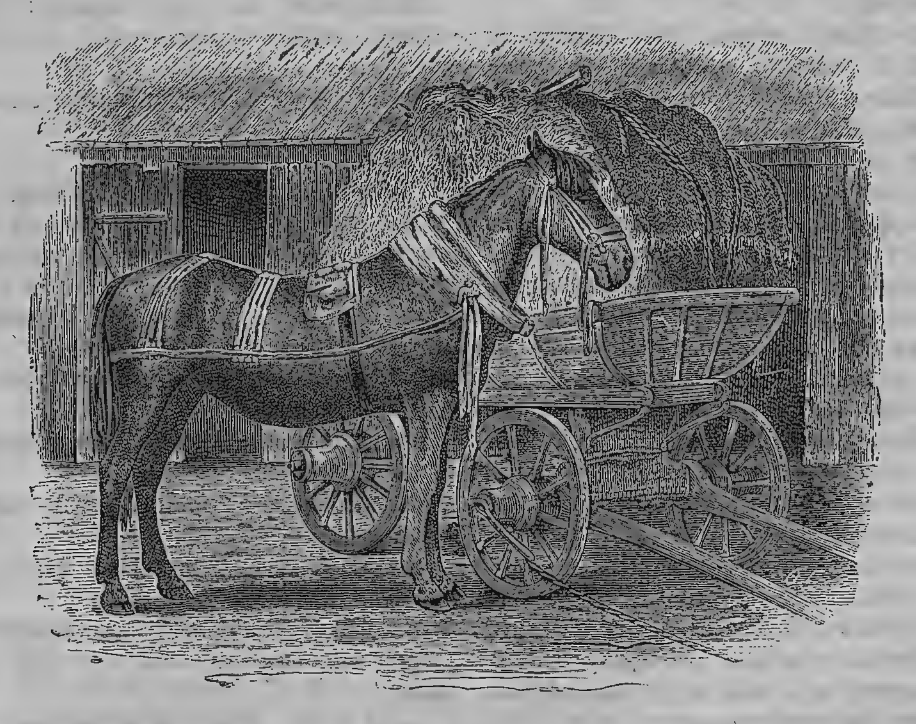
Макаръ Семеновъ не послушался Аксёнова и объявился виноватымъ.

Гр. Л. Н. Толстой.

ОСТРОЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

100. Гнѣдко.

Въ острогѣ у насъ полагалась лошадь для привоза воды. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Онъ же съ ней и ѣздилъ, разумѣется, подъ конвоемъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ, и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ уже очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся. Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ Петровымъ днемъ, Гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и издохъ въ нѣсколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили, доложили маіору, и онъ рѣшилъ, чтобы немедленно была куплена новая лошадь. Въ самый Петровъ день, по утру, послѣ обѣдни, когда



всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Само собою разумѣется, что препоручить покупку слѣдовало нашимъ арестантамъ. У насъ были настоящіе знатоки. Являлись киргизы, ба-

рышники, цыгане, мѣщане. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы, какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ *своего* кармана покупаютъ *себѣ* лошадь и имѣютъ полное право купить. Три коня было приведено и уведено, пока кончили дѣло на четвертомъ.

Это была славная лошадка, молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Ужъ, разумѣется, по всѣмъ другимъ статьямъ она оказалась безукоризненною. Стали торговаться: просили тридцать рублей, наши давали двадцать пять. Торговались горячо и долго, сбавляли и уступали. Наконецъ, за двадцать восемь рублей торгъ состоялся. Доложили маіору, и покупка была рѣшена. Разумѣется, тотчасъ же вынесли хлѣба съ солью и съ честью ввели новаго Гнѣдка въ острогъ. Кажется, не было арестанта, который при этомъ случаѣ не потрепалъ его по шеѣ или не погладилъ по мордѣ. Въ этотъ же день запрягли Гнѣдка возить воду, и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли, какъ новый Гнѣдко повезетъ свою бочку. Нашъ водовозъ Романъ поглядывалъ на новаго конька съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ. Скоро Гнѣдко сдѣлался любимцемъ острога. Арестанты хоть и суровый народъ, но подходили часто ласкать его. Бывало, Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота, отворенныя ему унтеръ-офицеромъ, и Гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бочкой и ждетъ его, коситъ на него глазами. «Пошелъ одинъ!» крикнетъ ему Романъ, — и Гнѣдко тотчасъ же повезетъ одинъ, довезетъ до кухни и остановится, ожидая стряпокъ съ ведрами, чтобы брать воду. «Умникъ, Гнѣдко!» кричатъ ему: «одинъ привезъ!... Слушается!..».

— Ишь въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

— Молодецъ Гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головой и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-нибудь непремѣнно тутъ же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закидываетъ головою, точно приговариваетъ: «Знаю я тебя! Знаю! И я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!».

Я тоже любилъ подносить Гнѣдку хлѣба. Какъ-то пріятно было смотрѣть на его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбиравшія подачку.

---

101. Шарикъ, Бѣлка и Культяпка.

Въ качествѣ постоянной острожной собаки жилъ у насъ Шарикъ, умная и добрая собака. Но такъ какъ ужъ собака вообще у всего простонародья считается животнымъ нечистымъ, на которое и вниманія не слѣдуетъ обращать, то и на Шарика у насъ почти никто не обращалъ вниманія. Жила себѣ собака, спала на дворѣ, ѣла кухонные выброски и никакого особеннаго интереса ни въ комъ не возбуждала, однако всѣхъ знала и всѣхъ въ острогѣ считала своими хозяевами. Когда арестанты возвращались съ работы, она уже бѣжитъ къ воротамъ, ласково встрѣчаетъ каждую партію, вертитъ хвостомъ и привѣтливо засматриваетъ въ глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но въ продолженіе многихъ лѣтъ она не добилась никакой ласки ни отъ кого, кромѣ меня. За это-то она и любила меня болѣе всѣхъ. Не помню, какимъ образомъ появилась у насъ потомъ въ острогѣ и другая собака, Бѣлка. Она была странное созданіе. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой, и спина ея была вогнута внутрь, такъ что когда она, бывало, бѣжитъ, то казалось издали, что бѣгутъ двое какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, срощенныхъ между собою. Кромѣ того, вся она была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый. Оскорбленная судьбою, она видимо рѣшилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше изъ хлѣба, за казармами; если же увидитъ, бывало, когонибудь изъ нашихъ, то тотчасъ же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія, перекувырнется на спину: «дѣлай, дескать, со

мной, что тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться». И каждый арестантъ, передъ которымъ она перекувырнется, пырнетъ ее, бывало, сапогомъ, точно считая это непремѣнною своею обязанностью. Но Бѣлка даже и визжать не смѣла, и если ужъ слишкомъ пронимало ее отъ боли, то какъ-то заглушенно и жалобно выла. Точно также она перекувыркивалась и передъ Шарикомъ и передъ всякой другой собакой, когда выбѣгала за острогъ. Бывало, перекувырнется и лежитъ смиренно, когда какой-нибудь большой вислоухій песъ бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. Свирѣпый песъ немедленно укрощался, съ нѣкоторою задумчивостью останавливался надъ лежащей передъ нимъ вверхъ ногами покорной собакой и медленно, съ большимъ любопытствомъ, начиналъ ее обнюхивать. Чтó-то въ это время могла думать вся трепетавшая Бѣлка? «А ну, какъ рванетъ, разбойникъ?» вѣроятно приходило ей въ голову. Но, обнюхавъ внимательно, песъ, наконецъ, бросалъ ее, не находя въ ней ничего особенно любопытнаго. Я попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся осѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать отъ умиленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завидитъ издали и визжитъ, визжитъ болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ на валу разорвали собаки.

Совсѣмъ другого характера былъ Культяпка. Я его принесъ изъ мастерской въ острогъ еще слѣпымъ щенкомъ. Мнѣ пріятно было кормить и ростить его. Шарикъ тотчасъ же принялъ Культяпку подъ свое покровительство и спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда Культяпка сталъ подростать, то онъ позволялъ ему кусать свои уши, рвать себя за шерсть и играть съ нимъ, какъ обыкновенно играютъ взрослыя собаки со щенками. Странно, что Культяпка почти не росъ въ вышину, а все въ длину и ширину. Шерсть была на немъ лохматая, какого-то свѣтло-мышинаго цвѣта; одно ухо росло внизъ, а другое вверхъ. Характера онъ былъ пылкаго и восторженнаго, какъ и всякій щенокъ, который отъ радости, что видитъ хозяина, обыкновенно навизжитъ, накричитъ, полѣзетъ лизать въ самое лицо и тутъ же, передъ вами, готовъ не удержать и всѣхъ остальныхъ чувствъ своихъ: «былъ бы только виденъ восторгъ, а приличія ничего не значатъ». Бывало, гдѣ бы я ни былъ, но по крику: «Культяпка!» онъ вдругъ являлся изъ-за какого-нибудь угла, какъ изъ-подъ земли, и съ визгливымъ восторгомъ летѣлъ ко мнѣ, катясь, какъ шарикъ, и перекувыркиваясь дорогою. Я ужасно полюбилъ этого маленькаго уродца. Казалось, судьба готовила ему въ жизни довольство и однѣ только радости. Но въ одинъ прекрасный день арестантъ Неустроевъ, занимавшійся шитьемъ женскихъ башмаковъ и выдѣлкой кожъ, обратилъ на него особенное вниманіе. Его вдругъ что-то поразило. Онъ подозвалъ Культяпку къ себѣ, пощупалъ его шерсть и ласково повалялъ его спиной по землѣ. Культяпка, ничего не подозрѣвавшій, визжитъ отъ удовольствія. Но на другое же утро онъ исчезъ. Я долго искалъ его; точно въ воду канулъ; и только черезъ двѣ недѣли все объяснилось. Культяпкинъ мѣхъ чрезвычайно понравился Неустроеву. Онъ содралъ его, выдѣлалъ и подложилъ имъ бархатные зимніе полусапожки, которые заказала ему аудиторша. Онъ показывалъ мнѣ и полусапожки, когда они были готовы. Шерсть вышла удивительная. Бѣдный Культяпка!

102. Гуси.

Гуси у насъ завелись какъ-то случайно. Кто ихъ развелъ и кому они собственно принадлежали — не знаю; но нѣкоторое время они долго тѣшили арестантовъ и даже стали извѣстны въ городѣ. Они и вывелись въ острогѣ и содержались на кухнѣ. Когда выводокъ подросъ, то всѣ они, цѣлымъ кагаломъ, повадились ходить вмѣстѣ съ арестантами на работу. Только, бывало, загремитъ барабанъ и двинется каторга къ выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распустивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ

калитки и непремѣнно отправляются на правый флангъ, гдѣ и выстраиваются, ожидая окончанія разводки. Примыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-нибудь неподалеку. Только что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. «Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ!» говорятъ, бывало, встрѣчающіеся: «да какъ это вы ихъ обучили!». «Вотъ вамъ на гусей», прибавлялъ другой и подавалъ подаяніе. Но не смотря на всю ихъ преданность, къ какому-то разговѣнью ихъ всѣхъ перерѣзали.

103. Козелъ.

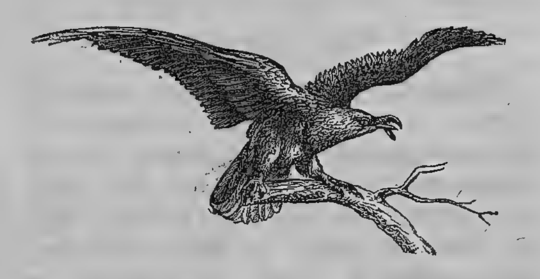
Не знаю, откуда онъ у насъ взялся и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій, прехорошенькій козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили, и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Нашли и причину держать его: надо же въ острогѣ, при конюшнѣ, держать козла. Однако жъ, онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было преграціозное, прешаловливое созданіе. Онъ бѣжалъ на кличку, вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ. Разъ, когда уже у него прорѣзывались порядочные рожки, однажды вечеромъ лезгинъ Бабай, сидя на казарменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ нимъ бодаться. Они уже долго стукались лбами,—это была любимая забава арестанта съ козломъ, — какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца, и только-что Бабай отворотился въ сторону, мигомъ поднялся на дыбки, прижалъ къ себѣ переднія копытцы и со всего размаху ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ кувыркомъ съ крыльца, къ восторгу всѣхъ присутствующихъ и перваго Бабая. Однимъ словомъ, Ваську всѣ ужасно любили и кормили его точно на убой. Наконецъ, выросъ прекрасный большой козелъ, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало, идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу, для увеселенія арестантовъ и встрѣчавшейся публики. Всѣ знали острожнаго козла Ваську. Иногда, если работали, напримѣръ, на берегу, арестанты нарвутъ, бывало, гибкихъ талиновыхъ вѣтокъ, достанутъ еще какихъ-нибудь листьевъ, наберутъ на валу цвѣтовъ и уберутъ всѣмъ этимъ Ваську: рога оплетутъ вѣтвями и цвѣтами, по всему туловищу пустятъ гирлянды. Возвращается, бывало, Васька въ острогъ всегда впереди арестантовъ, разубранный и разукрашенный, а они идутъ за нимъ и точно гордятся передъ прохожими. До того дошло это любованье козломъ, что инымъ изъ нашихъ приходила даже въ голову, словно дѣтямъ, мысль: «не вызолотить ли рога Васькѣ?» Но только такъ поговорили, а не исполнили.

104. Орелъ.

Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орелъ, изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. — «Звѣрь! — говорили они,—не дается!» Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орелъ защищался

*

изъ всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ; всѣ его бросили и забыли, и однако жъ каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль паль, шаговъ на 12 отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромая и прискакивая, спѣ-



шилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ощетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально, пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ, и хоть никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла. Разъ послѣ обѣда, когда барабанъ пробилъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ 12, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Орла бросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая больнымъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ.

Достоевскій.

---

105. Патріахъ Гермогенъ.

Въ 1610 году, Салтыковъ съ товарищами[1]) предложилъ боярамъ просить короля, чтобы отпустилъ Владислава въ Москву,— къ посламъ Филарету и Голицыну написать, чтобъ отдались на волю королевскую, а къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска. Бояре написали граматы и понесли ихъ къ патріарху для скрѣпленія, но Гермогенъ отвѣчалъ имъ: «Стану писать къ королю граматы и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, крестится королевичъ въ православную христіанскую вѣру и Литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на королевскую волю,— то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу,—и я такихъ граматъ не благословляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и померѣть всѣмъ за православную вѣру». Лѣтописецъ говоритъ, что Салтыковъ началъ Гермогена позорить и бранить и, вынувши ножъ, хотѣлъ его зарѣзать; но патріархъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ ему

---

[1]) Сторонники поляковъ.

громко: «крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, — будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ»; а Мстиславскому сказалъ тихо: «твое дѣло начинать и пострадать за православную христіанскую вѣру; если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселитъ Богъ корень твой отъ земли живыхъ».

Начальный человѣкъ въ государствѣ въ безгосударное время находился въ Москвѣ: то былъ патріархъ, по мановенію котораго, во имя вѣры, вставала и собиралась земля. Салтыковъ пришелъ къ нему съ боярами и сказалъ: «ты писалъ, чтобъ ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобъ возвратились назадъ».—«Напишу, отвѣчалъ Гермогенъ, если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ Литовскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю померетъ за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе Латинское—и не могу терпѣть».—Патріарха отдали подъ стражу, никого не велѣли пускать къ нему.

... Лѣтописецъ разсказываетъ, что Поляки прислали къ Гермогену Русскихъ людей, которые стали уговаривать его отписать къ Нижегородскому ополченію, чтобъ не ходило въ Москву. Гермогенъ отвѣчалъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!».—Поляки велѣли за это уморить его голодомъ: онъ умеръ 17-го февраля (1612 года) и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ.

С. Соловьевъ.

---

106. Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіева монастыря.

Раздался голосъ Троицкаго архимандрита Діонисія—на всю Русь. То была крѣпкая, высокая душа, способная уговорить и ободрить народъ, падающій подъ невыносимымъ бременемъ бѣдъ. Родомъ онъ былъ изъ Ржева, въ мірскомъ званіи назывался Давидъ, былъ священникомъ, овдовѣлъ, поступилъ въ Старицкій Богородицкій монастырь и въ началѣ смутнаго времени сдѣлался архимандритомъ. При царѣ Васильѣ онъ полюбился патріарху Гермогену. Гермогенъ ставилъ его въ примѣръ добродѣтелей духовенству. Послѣ освобожденія Троицко-Сергіевскаго монастыря отъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго, его выбрали архимандритомъ этой обители. Этотъ доблестный архимандритъ началъ свое новое поприще дѣлами любви: лѣтомъ 1611 года, когда Москва была опустошена, Сапѣжинцы разошлись по окрестностямъ, Діонисій устроилъ у себя въ монастырѣ пріютъ для несчастныхъ, избѣжавшихъ жолнерскаго и казацкаго звѣрства. Діонисій предложилъ кормить ихъ, надѣлять одеждою; устроилъ странноприимницы и больницы, особыя для мужчинъ и женщинъ. Келарь и братія сначала представляли ему, что на это не станетъ средствъ. Діонисій говорилъ имъ: «вотъ, государи мои, былъ намъ великій искусъ. Отъ большой бѣды избавилъ насъ Господь молитвами Богородицы и святыхъ угодниковъ Сергія и Никона; а теперь за лѣность и скупость можетъ безъ осады насъ смирить и оскорбить. У насъ есть монастырская казна, да еще и послѣ умершихъ осадныхъ людей-вкладчиковъ, которые по душамъ своимъ въ святую обитель повкладали свои имѣнія, осталось: будемъ изъ этого давать бѣднымъ кормъ, одежду, обувь и на лѣчбу и платить работникамъ, которые возьмутся стряпать, служить и лѣчить больныхъ, собирать мертвыхъ: за головы свои и за жизнь не постоимъ.» Слова его убѣдили братію. Не только въ монастырѣ, но и въ монастырскихъ слободахъ, а также въ женскомъ Пятницкомъ монастырѣ, монахи и служки день и ночь трудились: одни ухаживали за больными, другіе готовили имъ ѣсть, третьи обшивали ихъ, четвертые разъѣзжали по окрестностямъ, отыскивали безпріютныхъ раненыхъ, мученыхъ и привозили въ монастырь; возили также трупы убитыхъ для христіанскаго погребенія. Ужасно было смотрѣть на страдальцевъ, наполнявшихъ дворъ Троицкаго монастыря: одни были испечены, у другихъ содраны со спины ремни кожи, у тѣхъ вырваны волосы, у другихъ выпечены

глаза. Тѣ, которые не могли оправиться, сподоблялись, по крайней мѣрѣ, напутственнаго причащенія святыхъ таинъ. Архимандритъ самъ занимался этими дѣлами милосердія. Вмѣстѣ съ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, онъ составлялъ воззванія, давалъ ихъ переписывать борзописцамъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Алексѣй Тихоновъ, пріобрѣлъ извѣстность. Гонцы развозили ихъ всюду. «Помогайте, смилуйтесь надъ явною общею погибелью» — писалъ онъ Казанцамъ, — «пока васъ самихъ не постигла лютая смерть: пусть служилые люди безъ мѣшканья поспѣшаютъ къ Москвѣ на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и ко всему множеству всего православнаго христіанства. Сами знаете, что всякому дѣлу свое время, и несвоевременное начинаніе всякаго дѣла бываетъ суетно. Если между вами есть какіе недоволы,— все отложите на время для Бога, чтобъ всѣмъ намъ съ вами положить единый подвигъ страдать для избавленія православной христіанской вѣры, покамѣстъ къ намъ долгимъ временемъ какая помощь не пришла».

Такой голосъ возвышался на Руси вмѣсто Гермогена, которому болѣе было невозможно говорить во всеуслышаніе православнаго народа.

... Въ краѣ, прилежащемъ къ столицѣ, бродили Польскія шайки: особенно свирѣпствовали Сапѣжинцы. Злодѣйства ихъ были ужаснѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ. Толпы народа изъ сожженныхъ жолнѣрами селъ и деревень замерзали по полямъ. Троицкіе монастырскіе приставы ѣздили по окрестностямъ, подбирали мертвецовъ и везли ихъ въ обитель. Тамъ неутомимый Діонисій приказывалъ ихъ одѣвать и хоронить прилично. «Я самъ» — говоритъ очевидецъ, составитель Діонисіева житія—«съ братомъ Симономъ, погребли четыре тысячи мертвецовъ; кромѣ того, по Діонисіеву велѣнію, мы бродили по селеніямъ и деревнямъ и погребли, по смѣтѣ, болѣе трехъ тысячъ въ продолженіе тридцати недѣль; и въ монастырѣ весною ежедневно пять, шесть, а иногда и по десять тѣлъ сваливали въ одну могилу».

Къ довершенію бѣдствій тогда былъ неурожай, а за нимъ голодъ. «И было тогда» — говоритъ современное сказаніе — «такое лютое время Божія гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ; чуть не вся земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время—*лихолѣтье*, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, трусы, моры, зябели на всякій плодъ земной; звѣри поѣдали живыхъ людей и люди людей ѣли,—и плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ, Польскій король, велѣлъ все Московское государство предать огню и мечу и ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской за то, что мы не хотѣли признать царемъ на Москвѣ сына его Владислава...» «Но Господь»—говоритъ то же сказаніе—«услышалъ молитву людей своихъ, возопившихъ къ Нему великимъ гласомъ, о еже избавитися имъ отъ лютыхъ скорбей.»

Николай Костомаровъ.

---

107. Троице-Сергіевъ монастырь во время осады поляками.

Едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.
Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.
Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлёмахъ, и въ тафьяхъ [1])
Всю ночь они морозную,
До утренней поры,
Рукою держатъ грозную
Кресты иль топоры.
Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ.
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.
Не разъ они, предъ битвою,

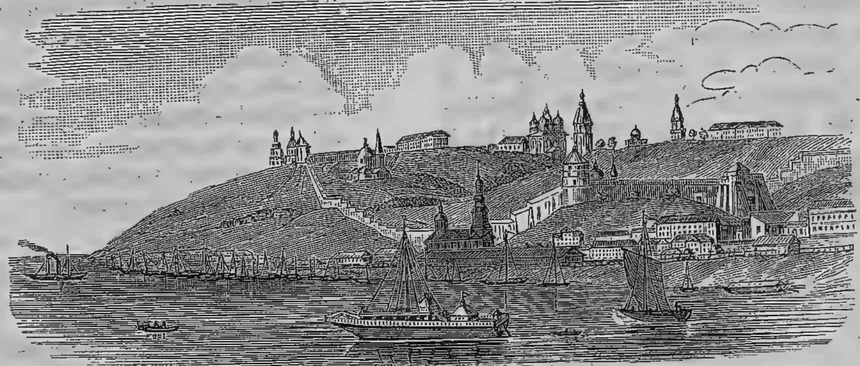
---

[1]) *Тафья*—шапочка, похожая на скуфью.

Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;
Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестопёрами
Литовскихъ удальцовъ.
Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители
Въ окладахъ золотыхъ
Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!
Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражія воспрянула,
Раздался трубный гулъ!...
Молитесь Богу, братія,
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;
Несчетными станицами
Идутъ они вдали—
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили. *Гр. Алексѣй Толстой.*

108. Кузьма Мининъ на Нижегородской площади.

Мининъ (съ лобнаго мѣста). Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молятъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошенье! Поможемъ, братья, родинѣ святой! Что жъ? развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ ль мы дѣти матери одной? Не всѣ ль мы братья отъ одной купели? *Голоса.* Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной! *Мининъ.* И аще, братія, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и домы! А будетъ мало, женъ, дѣтей заложимъ! *Голоса.* Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ! *Мининъ.* Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ. Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы. Изыщемъ, братія, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай, вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ? *Голоса.* Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій! Князь Пожарскій! Другого намъ не надо! *Мининъ.* Воля Божья. Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа — гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ. На дѣло земское! на помощь ратнымъ! Я, Господи, благослови начало! свои копленыя и трудовыя, всѣ до послѣдняго рубля кладу. *Нѣсколько голосовъ.* И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копѣйку трудовую! *Другіе голоса.* Что деньги? Деньги дѣло наживное; какъ живы будемъ, наживемъ опять. *Мининъ.* Да изъ собора я послалъ Нефеда, чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи[1]) и серьги, весь жемчугъ, перстни, ферязи[2]) цвѣтныя, камку[3]) и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Го-



[1]) *Поднизь*— жемчужная или бисерная бахрома на головныхъ женскихъ уборахъ. [2]) *Ферязь*—платье, застегнутое до земли. [3]) *Камка*—шелковая ткань съ разводами, привозимая изъ Китая.

сподь, оправимъ ихъ опять. *Голоса.* Все отдадимъ! Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходитъ! (Начинаются приношенія). *Поспѣловъ.* Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну веселье! *Мининъ.* И я смотрю, душа во мнѣ растетъ. Не явно ли благословенье Божье? Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Не далеко время, когда, вооружась и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы помчимся и грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ какъ левъ зіяетъ, бѣсомъ вооружаемъ: не страшенъ намъ злохитрый ковъ его! За насъ молитвы цѣлаго народа, дѣтей и женъ, и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадилъ! За насъ угодники и чудотворцы, и легіоны грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

Островскій.

109. Избраніе Михаила на царство.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества: отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди и во храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ пастырями церкви и боярами, рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе; никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного—цѣлости, блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе; не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта; почти силою извлекли его отъ объятій устрашенной матери-инокини и вызвали на престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный юноша казался агнцемъ и жертвою; трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый боярамъ верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и, къ счастью Россіи, ошибся. Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили граждан и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцемъ, монархомъ неограниченнымъ.

Карамзинъ.

110. Жизнь за Царя.

Идутъ, а снѣгъ имъ по колѣни,
И къ вечеру ужъ близокъ день;
Устали Ляхи; слышны пени;
Не видно селъ, ни деревень;
Въ сердцахъ таится подозрѣнье,
Во взорахъ ихъ ожесточенье.
—«Куда ведешь ты насъ, сѣдой?
Гляди: весь лѣсъ сплелся стѣной!
Нѣтъ ни тропинки, ни дороги,
Въ какую глушь заведены!
Однѣ медвѣжьи тутъ берлоги
Чапыжникомъ завалены!»
—«Путь дологъ кажется, родные,
Тому, кто въ первый разъ идетъ;
Но волосы мои сѣдые
Вамъ знакъ, что я найду здѣсь слѣдъ».
Повелъ ихъ въ чащу, межъ елями.
Здѣсь хлещетъ лѣсъ въ глаза вѣтвями,
И слышенъ межъ нагихъ деревъ
Крикъ птицъ ночныхъ, звѣриный ревъ;
Метель клубится въ ночи темной.
Холодный, зимній вѣтеръ вылъ.
Въ дубравѣ, снѣгомъ занесенной,
Волкъ за добычею слѣдилъ,
И совы зоркія летали;
Но вотъ со всѣхъ сторонъ оврагъ.
—«Куда!—Сусанину вскричали.
«Куда ты насъ завелъ, злой врагъ!
Погибнешь ты!».—«Когда хотите!
Вотъ голова моя—рубите!
Ищите сами вы пути,
А до Царя вамъ не дойти!
Что стали? Говорю вамъ ясно:
Далеко наше солнце красно!
Мнѣ смерть близка, я знаю самъ.
За злато жъ душу не отдамъ!
У русскихъ не найдешь измѣны...
И палъ Сусанинъ пораженный...
Онъ палъ за русскаго Царя!

Крестьянинъ Слѣпушкинъ.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1. Что легко наживается, то легко проживается.

Въ небольшомъ городѣ на Окѣ жилъ бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнялось въ то время хозяевъ парома [1]), а Тимоѳеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому, и всегда былъ старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ; а какъ онъ былъ человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили, и хорошо его держали. Дядю Тимоѳеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ былъ въ домѣ и кумомъ. Наживного добра было за нимъ немного: въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ да дубленый [2]) тулупъ, а плисовую [3]) шапку другой годъ все только купить еще собирался, и когда приходилъ съ берега въ городъ, на рынокъ, чтобы запастись дня на три на четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдетъ въ ряды [4]), поглядитъ шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой, изношенной сермягѣ. Хоть и привыкъ Тимоѳеичъ къ долѣ своей, однако не безъ того бывало, что покрякивалъ, да глядя на другихъ, и завидовалъ имъ подъ часъ. «Вотъ-де, за что Богъ далъ такому-то и такому-то, а мнѣ не даетъ!... Такая, видно, доля моя безталанная!». И частенько таки сталъ онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою и просить у Бога богатства. «То-то», думалъ онъ, «зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, и призрѣлъ бы всякаго убогаго».

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимоѳеича городничій [1]), а городовой, который пришелъ за нимъ, кланяется ему и поздравляетъ его, и несетъ такую нелѣпицу, словно съ ума сошелъ. «Пришло» говоритъ, «извѣстіе, что ты разбогатѣлъ, дядя Тимоѳеичъ; дядя, что-ли, какой-то у тебя въ Ростовѣ умеръ и былъ приписанъ въ купцы, и деньги нажилъ, видно, большія, да дѣтей, стало быть, у него нѣтъ, а все, вишь, достается тебѣ». Подумалъ Тимоѳеичъ, почесавъ затылокъ, что за притча? Поглядѣлъ на городового, видитъ: тотъ безъ шапки передъ нимъ стоитъ и все кланяется и поздравляетъ: стало быть, ужъ не обманываетъ, не сталъ бы безпокоиться этакъ изъ пустяковъ. Пошелъ Тимоѳеичъ и дорогой все припоминаетъ, да и вспомнилъ: былъ у него, точно, дядя и торговалъ гдѣ-то; но ужъ годовъ больше десяти никакъ объ немъ слуховъ не было. И сталъ Тимоѳеичъ богачемъ. Наканунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого—три рубля, гдѣ ихъ возьмешь? А теперь вдругъ говорятъ ему: «поѣзжай въ Ростовъ, оттуда

[1]) *Паромъ* — плотъ для переправы черезъ рѣку. [2]) *Дубленый* —ничѣмъ не покрытый. *Дубить*—выдѣлывать кожу посредствомъ дубовой коры. [3]) *Плисъ*—матерія, похожая на бархатъ. [4]) *Ряды*— такъ называется рядъ лавокъ, построенныхъ одна возлѣ другой, подъ одною общею крышею.

[1]) *Городничій*—начальникъ города, теперь исправникъ.

начальство пишетъ, требуетъ тебя; померъ дядя и завѣщалъ тебѣ домъ, и двѣ лавки, и тысячъ сто денегъ». Сто тысячъ—тутъ не скоро придумаешь, какъ насчитать столько, а ему говорятъ: все твое, да еще домъ и двѣ лавки. Насилу собрался Тимоѳеичъ въ путь; люди не вѣрятъ, никто въ займы не даетъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ, не на что ѣхать. Однако хозяинъ пособилъ. Тимоѳеичъ пріѣхалъ и глазамъ не вѣритъ: не видалъ и во снѣ такого богатства, и какъ съ чѣмъ управиться—не знаетъ; сколько-то денегъ, говорятъ ему, на такомъ-то купцѣ, а столько-то на другомъ; такой-то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда-то, а съ такого слѣдуетъ получить столько-то... Тимоѳеичъ грамоты не знаетъ, сбился съ толку совсѣмъ, не знаетъ, что сдѣлать. А тутъ еще совѣтниковъ да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ,—свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ да подчуетъ, да угощаетъ; кто самъ въ гости напрашивается, на новоселье; кто какіе-то старые дядины счеты сводитъ, въ которыхъ Тимоѳеичъ никакого толку не смыслитъ и только сидитъ, слушаетъ да глазами хлопаетъ, а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ большіе барыши; словомъ, не знаетъ бѣдный Тимоѳеичъ, своя ли голова у него на плечахъ; бѣда да и только, отъ роду не видалъ такой бѣды.

Какъ ни бился Тимоѳеичъ, а видитъ, что самому ему не управиться, съ богатствомъ своимъ не совладать. Ужъ его и въ судъ таскали, заставляя платить по какимъ-то заемнымъ письмамъ дядинымъ, которыхъ онъ и прочитать не умѣетъ; тутъ не доплачиваютъ ему самому: тамъ требуютъ по какой-то торговой сдѣлкѣ дядиной пять тысячъ; а тамъ прикащикъ пропалъ, сбѣжалъ, спустивши товаръ на всѣ четыре стороны, да и деньги съ собою снесъ; словомъ, пошла бѣда, растворяй ворота. Какъ запьетъ мой Тимоѳеичъ съ горя да мертвую чашу, ударивъ свою плисовую шапку объ-земь; такъ у него все кругомъ пошло, ровно по ниточкѣ: и горе отлегло отъ сердца, и тужить позабылъ. Однако это плохое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее не надолго, а развѣ только накопишь, да еще и въ ростъ пустишь, и съ легкой руки разживешься, разбогатѣешь горемъ, тугой [1]) и нужей пуще прежняго. Сталась такая притча и надъ Тимоѳеичемъ. «И не винокуръ», говорили въ насмѣхъ Ростовцы, «а прокурилъ все!» Сколько растащили, сколько безъ счету пропало, сколько отъ недогляда, а сколько и самъ пропустилъ въ ненасытную утробу свою, да распотчивалъ, угощая міръ—не знаемъ мы этого, да чай и никто не знаетъ, потому что никто, нижѐ самъ Тимоѳеичъ, счетовъ этихъ не сводилъ. Знаемъ только, что когда бѣднякъ воротился разъ пьяный въ хоромы свои, уснулъ гдѣ-то на полу, покинувъ свѣчу, и зажегъ свой домъ, и когда домъ этотъ сгорѣлъ, то вытащили изъ него одного только хозяина, и то въ оборванномъ кафтанѣ, а болѣе у него за душой не осталось ничего. Все прожилъ, а остатки сжегъ до копѣйки.

Горько было похмѣлье бѣдному Тимоѳеичу, это правда; но какъ ни горько, а все-таки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ вздыхалъ съ самаго пріѣзда въ Ростовъ: горько, а на душѣ легко. «Не станутъ теребить теперь», подумалъ Тимоѳеичъ, «не станутъ обкрадывать кругомъ, не стану и я уплачивать, Богъ вѣсть, чьи заемныя письма, да и не стану пить больше; кончено все, ровно сонъ тяжелый съ плечъ свалился. Эти деньги пришли какія-то шальныя», подумалъ онъ: «не нами нажито, такъ не намъ и досталось». Плюнулъ Тимоѳеичъ да и пошелъ. А пошедши, нанялся онъ въ работники къ блинщику; жилъ у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги, да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину и самъ сталъ промышлять тамъ тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимоѳеичъ идетъ по гостиному ряду [2]) въ пестромъ ситцевомъ фартухѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: «у насъ блины, у насъ горячи; и

[1]) *Туга*—скорбь сердца. [2]) *Гостиный рядъ*—лавки купцовъ; *гостемъ*—въ старину называли купца.

денежки были, да въ Ростовѣ сплыли; блины горячи!» Всѣ знали Тимоѳеича, всѣ любили его, какъ стараго друга, разбирали у него блины и слушали поговорки. Такъ онъ живетъ и понынѣ и богатства у Бога не проситъ. *Даль* [1]).

2. Слава труду.

Кто идетъ во глубь земли,
Или молотомъ махаетъ,
Кто сѣтями для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ,
Кто за плугомъ льетъ свой потъ,
Кто наемникъ господина,
Кто подъ ношей спину гнетъ
Для жены своей и сына,—
Честь и слава всѣмъ трудамъ,
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ:
Да спорится ихъ работа!

Миллеръ.

3. Разсказы мышенка.

Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію *хватъ*. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ-запуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка;
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы:
«Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся». Левъ улыбнулся (конечно,
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: «ты, вижу, забавникъ:
Льву услужить ты задумалъ. Добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ. Ступай». Тогда онъ раздвинулъ
Лапу, а я давай Богъ ноги. Но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ; смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ, выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь-левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно: лишь болѣ себя онъ запутывалъ. «Видишь,
Левъ-государь,» сказалъ я ему, «что я пригодился.
Будь спокоенъ: въ минуту тебя мы избавимъ». И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ: узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутался.
Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь.
Страшнаго нѣтъ для меня ничего: я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою овца, съ овцою голодный

[1]) *Даль*—замѣчательнѣйшій знатокъ русскаго языка; авторъ многихъ произведеній изъ народной жизни, а также громаднаго *толковаго словаря* и лучшаго сборника—*Пословицы и поговорки русскаго народа;* былъ лютеранинъ, передъ смертію принялъ православіе; душою всегда былъ истинно русскій человѣкъ.

Волкъ, собака съ волкомъ, съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ,
Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избить замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій.
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью;
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ-дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ вядчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они; но только что начали дружно висячій
Кусъ вядчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ вядчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ. Народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить — морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные,
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье; и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился,
Намъ ко вреду, съ сибирскимъ котомъ Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ, но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ на казанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился.

Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ; вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались;
Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя ушки,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,

Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своей бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостно сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ, и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. «Тебя помиловалъ Богъ! Вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу; когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своей: будь же впередъ остороженъ».

Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ.
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнеся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье:
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляски,—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ вядчинѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
За ноги мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы». И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались

Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ — да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ, а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень.

«Берегитесь», тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и насилу
Какъ-то она отъ него уплела): «берегитесь! Мурлыка
Старый мошенникъ: вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него». То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. «Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать»,
Мышь Степанида сказала опять, «а я не товарищъ
Вамъ». И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово;
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать, и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
Радуйся, наше подполье!». Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. *Жуковскій.*

---

4. Бой Руслана съ головой.

Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ кистяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;

Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ.
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ...
Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Русланов
И струны громкія баяновъ [1])

[1]) *Баянъ*—русскій поэтъ, упоминаемый въ «Словѣ о полку Игоревѣ», вообще поэтъ, прославляющій подвиги великихъ мужей и воиновъ.

Не будутъ говорить о немъ!».
Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь, а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходитъ поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись лугъ и степь нѣмая;
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ не выбирая;
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но все легки, да слишкомъ малы,
А князь—красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.

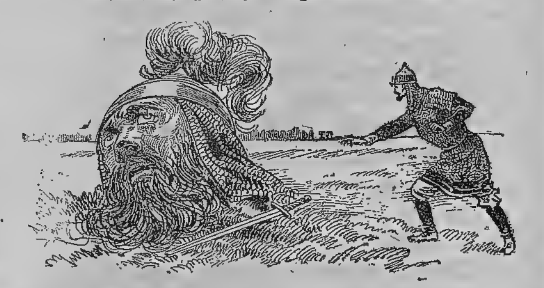
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безъимянный,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ предъ носомъ молчаливо;
Щекотитъ ноздри копіемъ,—
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула!
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ,
Проснулись рощи молчаливы.
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ.
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!».
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала:
«Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь.
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!».

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова, какъ жаръ,

Кровавы очи засверкали,
Напѣнясь губы задрожали.
Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она, что было мочи,
На встрѣчу князю стала дуть.
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ,—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему во слѣдъ
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;

Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня».
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ,
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаху голову разитъ;
И степь ударомъ огласилась...
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ



Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши отрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной:
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженный.

Пушкинъ [1]).

---

5. Въ Запорожской Сѣчи.

Паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ толпа людей еще издали махала руками. Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ (у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ) показы-

[1]) *Александръ Серг. Пушкинъ*, сынъ дворянина, родился въ 1799 г., учился въ Царскосельскомъ Александровскомъ лицеѣ; окончивъ курсъ, велъ разсѣянную жизнь и скоро былъ высланъ изъ Петерб. въ южный край, потомъ возвращенъ въ деревню, въ Псковскую губ.; черезъ нѣсколько времени вызванъ Императоромъ Николаемъ въ Москву и прощенъ. Самыя лучшія сочиненія Пушкина: «Евгеній Онѣгинъ», «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Повѣсти» и друг. Пушкинъ убитъ на дуэли въ 1837 г. Въ Москвѣ поставленъ памятникъ Пушкину. Ал. Сер. Пушкинъ — величайшій изъ нашихъ писателей.

валъ, что они или избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того разгулялись, что прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый плечистый казакъ, лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ, но за стукомъ и крикомъ рабочихъ—не было слышно его словъ...

«А съ чѣмъ пріѣхали?» спросилъ кошевой, когда паромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочіе, оставивъ свои работы и поднявъ топоры и долоты, смотрѣли въ ожиданіи.

— «Съ бѣдой!» кричалъ съ парома приземистый казакъ.

«Съ какой?»

— «Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать».

«Говори!»

— «Или хотите, можетъ быть, собрать раду?».

«Говори, мы всѣ тутъ».

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

— «А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что дѣлается въ гетманщинѣ?».

«А что?» спросилъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— «Э! что! Видно вамъ Татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали».

«Говори же, что тамъ дѣлается?»

— «А то дѣлается, что и родились, и крестились еще не видали такого».

«Да говори намъ, что дѣлается, собачій сынъ!» закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

— «Такая пора теперь завелась, что ужъ церкви святыя теперь не наши».

«Какъ не наши?»

— «Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдню нельзя править».

«Что ты толкуешь?».

— «Слушайте! еще не то разскажу: и ксендзы ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ... Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а православныхъ христіанъ. А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да, видно, Татаринъ такого задалъ страху, что у васъ ни глазъ, ни ушей, ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ».

«Стой, стой!» прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ Запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. «Стой! и я скажу слово... А что жъ вы,—такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батько,— что жъ дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что ли?.. Какъ же вы попустили такому беззаконію?»

— «Э, какъ попустили такому беззаконію? а попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ Ляховъ, да и нечего грѣха таить, были тоже собаки и между нашими: приняли ихъ вѣру».

«А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?»

— «Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ никому».

«Какъ?»

— «А такъ, что ужъ теперь гетманъ, зажаренный къ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на-показъ всему народу. — Вотъ что надѣлали полковники!»

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобно тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурей, и потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: «Какъ, чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! чтобы ксендзы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ! Какъ, чтобы попустить такія мученія на Русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетманомъ!.. Да не будетъ же сего, не будетъ!». Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли Запорожцы и почуяли свои силы.

Всѣ бросили въ мигъ берегъ и снарядку челновъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда да казацкія чайки, а понадобились телѣги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ — и старые, и молодые, всѣ, съ совѣта старшинъ курен-

ныхъ, кошевого и съ воли всего Запорожскаго войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить все зло и посрамленье вѣры и казацкой славы. *Н. Гоголь.*

6. Малороссія.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый:
Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,

Малороссъ.

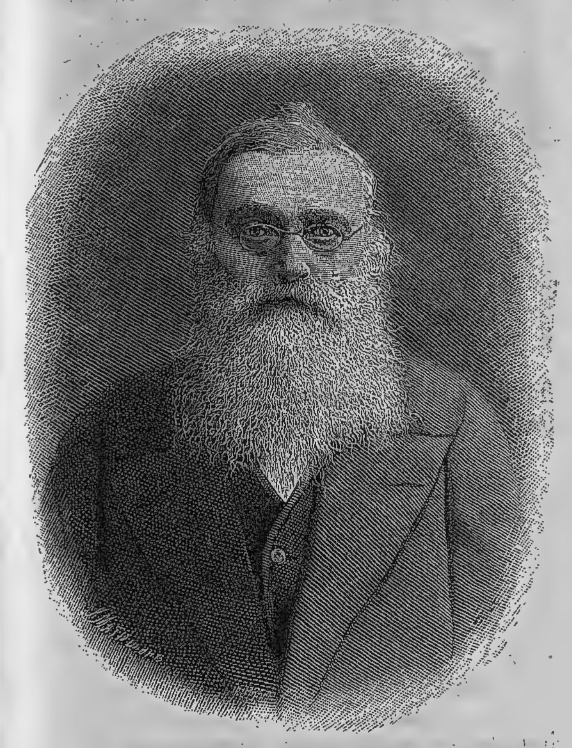
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею.
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицько,
И паробки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой.
Графъ Ал. Толстой.

7. Возсоединеніе Малороссіи съ Россіею.

8 января 1654 года Богданъ Хмѣльницкій назначилъ общую раду въ Переяславлѣ. По разсвѣтѣ, въ седьмомъ часу утра, довбиши ударили въ котлы; переяславская площадь начала наполняться. Гетманъ пригласилъ къ этому времени въ Переяславъ всѣхъ полковыхъ старшинъ и много знатнѣйшихъ казаковъ. По серединѣ толпы сдѣлано было просторное мѣсто. Въ одиннадцать часовъ гетманъ вышелъ на площадь, одѣтый нарядно, прикрытый бунчукомъ; за нимъ шла вся старшина украинская. Генеральный эсаулъ приказалъ молчать, народъ на улицѣ, на крышахъ домовъ слушалъ рѣчь своего повелителя.

— Панове полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! говорилъ гетманъ:—всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имени русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно и, видно, нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть черезъ своихъ пословъ; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый—царь православный Великой Руси, царь восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Тутъ котораго хотите, того и избирайте! Царь турецкій—бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья, православные христіане греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хотя мы, по нуждѣ, и свели съ нимъ дружбу, однако приняли чрезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно и сказывать: сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата, христіанина! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино

тѣло Церкви, имѣющей главою Іисуса Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостію. Возлюбимъ его съ усердіемъ! кромѣ его царской руки, мы не найдемъ пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога!



Н. И. Костомаровъ.

Тысячи голосовъ отвѣчали: «Волимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганину!».

Тогда переяславскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ и спрашивать:

«Всѣ ли такъ соизволяете?».

— Всѣ!—кричалъ народъ.

Гетманъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!».

Народъ восклицалъ: «Боже, утверди! Боже укрѣпи, чтобъ мы на вѣки всѣ были одино».

Хмѣльницкій и старшины прибыли въ церковь и на евангеліи присягнули въ вѣчномъ подданствѣ царю отъ имени всей Украйны. Послѣ священнаго обряда началось утвержденіе гетмана въ его гетманскомъ достоинствѣ. Бутурлинъ давалъ Хмѣльницкому дары царя: сначала знамя, потомъ булаву, далѣе ферезію, или одежду, наконецъ шапку, и при подачѣ приговаривалъ рѣчи, въ которыхъ изображалъ символическое значеніе вещей; а вслѣдъ за тѣмъ раздаваемы были подарки войсковымъ старшинамъ, полковникамъ, полковымъ чиновникамъ и простымъ казакамъ. Цѣлый день присягали казаки и переяславскіе жители.

Костомаровъ.

---

8. Малороссійскіе послы въ Москвѣ.

Въ Кремлѣ престольномъ
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьѣ,
Видитъ съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.
Въ кунтушахъ [1]) и въ чекменяхъ [2])
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.
И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви, и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха.
«Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!»
Говоритъ державный,
«Долго, дѣти, ждалъ я васъ
Въ городъ православный!»
И они ему въ отвѣтъ:
«Наша кровь едина;
И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ

[1]) *Кунтушъ*—верхняя одежда у малороссовъ и поляковъ. [2]) *Чекменъ*—казацкій кафтанъ.

Чаемъ господина!».
Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и венгерцу—
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Графъ Алексѣй Толстой.

---

9. Синица.

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой [1]) столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ, и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ, и самый тароватый,
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка шепнетъ:
«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть? и не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ-свояси уплыла;
Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться. *Крыловъ* [2]).

---

[1]) *Нептунъ*—римскій богъ моря. *Нептунова столицы*—море. [2]) *Иванъ Андр. Крыловъ,* сынъ офицера, родился въ 1768 г. и рано остался сиротою. Говорятъ, что мать Крылова, прекраснѣйшая женщина, читала псалтырь надъ покойниками, чтобы прокормить себя и сына. Крыловъ сначала служилъ писцомъ въ уѣздномъ судѣ, потомъ въ Петербургѣ въ казенной палатѣ и въ кабинетѣ Его Величества. Крыловъ послѣ смерти матери бросилъ службу и принялся за литературныя занятія. Басни—самыя лучшія его сочиненія. Крыловъ умеръ въ 1844 г. Въ Петербургѣ ему поставленъ памятникъ.

10. Ворона.

Утыкавши себѣ павлиньимъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спѣсиво
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина [1]) двора.

Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она, было, назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной вороны не узнали,
Ворону въ-досталь ощипали;
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Крыловъ.

---

11. Двѣ собаки.

Дворовый вѣрный песъ
Барбосъ,
Который на дворѣ усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Отъ радости едва не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну, что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?

---

[1]) *Юнона*—римская богиня.

Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?». — «Я», отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
«Живу по-прежнему: терплю и холодъ,
И голодъ,
И сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ, —
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?».
—«На счастье грѣхъ роптать»,
Жужутка отвѣчаетъ:
«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ:
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ, и сплю на серебрѣ».
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно,
Чѣмъ служишь ты?». —«Чѣмъ служишь? вотъ прекрасно!»,
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«Не заднихъ лапкахъ я хожу».

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!

Крыловъ.

12. Квартетъ.

Проказница-мартышка,
Оселъ, козелъ
Да косолапый мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!», кричитъ мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы,
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы».
Разсѣлись, начали квартетъ:
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ»
Кричитъ оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ,
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
— «Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ и инструменты есть,
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!».
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши, вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

Крыловъ.

13. Муха и Пчела.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась муха сидя
И, на цвѣткѣ пчелу увидя,
Спѣсиво говоритъ: «Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла —
Летать по баламъ, по гостямъ;
И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины,—
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ.
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вина,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей».
—«Все это знаю я», отвѣтствуетъ пчела:
«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ».
—«Вотъ», муха говоритъ: «гоняютъ! что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое».

Крыловъ.

14. Лягушка и Юпитеръ.

Живущая въ болотѣ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась:

Нашла тамъ тинистый въ лощинѣ уголокъ
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однако-жъ имъ она не долго веселилась.
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
«О, боги!» молится лягушка изъ норы:
«Меня вы бѣдную не погубите
И землю вровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высохала бы вода!».
Лягушка вопитъ безъ умолку
И наконецъ Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
—«Безумная!» Юпитеръ говоритъ
(Знать не былъ онъ тогда сердитъ):
«Какъ плакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше-ль внизъ тебѣ стащиться до болота?»

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: «Лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ!».

Крыловъ.

15. Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотей, съ поварни побѣжалъ своей въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ и въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ), а дома стеречи съѣстное отъ мышей кота оставилъ. Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу объѣдки пирога, а васька-котъ въ углу, припавъ за уксуснымъ боченкомъ, мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ. «Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!» тутъ ваську поваръ укоряетъ: «не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей? (А Васька все-таки курченка убираетъ). Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,—бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,—а ты... ахти, какой позоръ! Теперя всѣ сосѣди скажутъ: «Котъ васька—плутъ, котъ васька, воръ! И ваську-де не только что въ поварню, пускать не надо и на дворъ, какъ волка жаднаго въ овчарню: онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!» (А васька слушаетъ да ѣстъ.). Тутъ риторъ [1]) мой, давъ волю словъ теченью, не находилъ конца нравоученью. Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,

котъ-васька все жаркое съѣлъ. А я бы повару иному велѣлъ на стѣнкѣ зарубить, чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому, гдѣ нужно власть употребить.

Крыловъ.

16 Ворона и Курица.

Когда Смоленскій князь [2]),
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу

[1]) *Риторъ*—человѣкъ, умѣющій прекрасно и убѣдительно говорить большія рѣчи [2]) Князь Голенищевъ Кутузовъ-Смоленскій начальствовалъ русской арміей въ 1812 г.

Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
—«А ты, что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
—«Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Крыловъ.

17. Волкъ на псарнѣ.

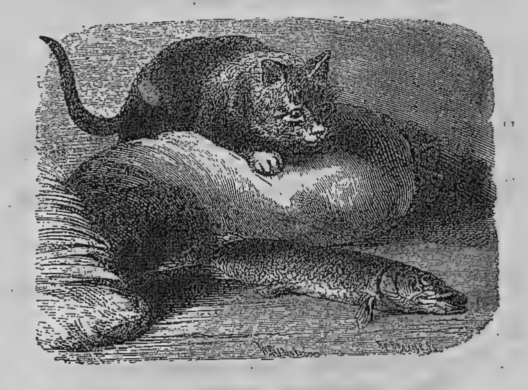
Волкъ, ночью, думая попасть въ овчарню, попалъ на псарню. Поднялся вдругъ весь псарный дворъ. Почуя сѣраго такъ близко забіяку, псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку; псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!» И вмигъ ворота на запоръ. Въ минуту псарня стала адомъ. Бѣгутъ: иной съ дубьемъ, иной съ ружьемъ. «Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ. Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ; зубами щелкая и ощетиня шерсть, глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть; но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ, и что приходитъ, наконецъ, ему разсчесться за овецъ, пустился мой хитрецъ въ переговоры и началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ? Я, вашъ старинный сватъ и кумъ, пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры. Забудемъ прошлое! уставимъ общій ладъ! А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ, но самъ за нихъ съ другими грызться радъ, и волчьей клятвой утверждаю, что я»...—«Послушай-ка, сосѣдъ», тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ: «ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ, и волчью вашу я давно натуру знаю, а потому обычай мой: съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ снявши шкуру съ нихъ долой». И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Крыловъ.

18. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй;
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ амбарѣ половить.
—«Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
«И полно, куманекъ! Вотъ невидаль—мышей!
Мы лавливали и ершей».
—«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ.
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли.



Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! это, щука,
Тебѣ наука —
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

19. Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться;
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться:
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
—Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить
слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ.
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ, —
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ,—
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но, какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за мишей онъ, безъ мишеньки тошнится,
И мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по горамъ, и по доламъ.
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ; легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А мишка на часахъ—да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла;
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ —
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,

Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи-жъ, ужъ я тебя, вostруху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раз-
дался,
И мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ.

---

20. Петръ Великій.

Петръ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, былъ ростомъ 2 аршинъ 14 вершковъ. Смуглое, но правильное, оживленное умомъ лицо его оттѣнялось густыми, черными,

волнистыми волосами, небрежно заброшенными за уши. Небольшіе усы придавали ему видъ воинственный; голосъ у него былъ чистый, ясный, громкій; рѣчь смѣлая, порывистая; походка величественная, хотя и скорая. Всѣ сильныя впечатлѣнія ярко отражались на лицѣ Петра, выраженіе коего, всегда веселое, мгновенно вспыхивало грозою при гнѣвѣ, а также быстро свѣтлѣло улыбкою. Его тѣлесная сила была изумительна: онъ разгибалъ лошадиную подкову и свертывалъ въ трубку серебряную тарелку. Въ тѣлесныхъ занятіяхъ онъ былъ неутомимъ: ловко ѣздилъ на лошади, отлично дѣйствовалъ ружьемъ, и немногіе лучше его стрѣляли или пре-

Петръ Великій.

восходили его, когда онъ принимался за весло. По нѣсколько дней могъ онъ переносить голодъ, холодъ и безсонницу. Умъ Петра Великаго изумлялъ обширностью, глубиною и разнообразіемъ. Память его была необыкновенная. Черезъ 20 лѣтъ онъ узнавалъ человѣка, одинъ разъ имъ видѣннаго, и не забывалъ словъ, мимоходомъ ему сказанныхъ. Любопытство его было неудовлетворимо ничѣмъ. Охота къ ученью какъ-будто была врождена ему, и познанія Петра Великаго были изумительно разнообразны. Достигнувъ полезнаго, устроивъ войско и флотъ, Петръ началъ думать и объ изящномъ: покупалъ картины и статуи, украшалъ сады фонтанами и въ наукѣ хотѣлъ уже роскоши, желая передать Европѣ также ученую, а не только воинскую славу Россіи. Благочестіе Петра Великаго было искреннее и глубокое при ненависти къ суевѣрію. Превосходно зная Священное Писаніе, онъ наизусть зналъ церковный кругъ, любилъ пѣть, читать въ церкви. Собственно вся жизнь Петра Великаго была трудъ безпрерывный, и только перемѣна занятій составляла у него отдыхъ и досугъ. Какъ Царь, онъ соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя свойства государя великаго.

Н. Полевой.

---

21. Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ [1]), думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ,
И думалъ онъ:

«Отсель грозить мы будемъ Шведу:
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ».

Прошло сто лѣтъ—и новый градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ—
Печальный пасынокъ природы—
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды

[1]) Петръ Великій.

Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли

Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.

Пушкинъ.

22. Ассамблея.

Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло на лугу у дворца. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ [1]) и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою [2]), въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи [3]), неуклюжіе гайдуки [4]), навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ, — свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами чрезъ плечо, посланники [5]), иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрестанномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ. Молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ [6]);

[1]) *Ливрея*—служительское платье съ галунами или безъ нихъ. [2]) *Мишура*—ткань изъ бумаги съ мѣдными нитями. [3]) *Пажъ*—молодой человѣкъ, служащій при царѣ. [4]) *Гайдукъ*,—легко вооруженный слуга большого роста. [5]) *Посланникъ*—довѣренная особа, посылаемая отъ одного государя къ другому. [6]) *Роба* — видъ женскаго платья.

изъ пышныхъ фижмъ [1]) возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Наталіи Кирилловны, а робронды и мантильи [2]) какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ [3]), которыя въ канифасовыхъ юбкахъ и красныхъ кофточкахъ вязали чулки, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожанные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ [4]) и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ англійскимъ шкиперомъ. Въ это время господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись; дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, потомъ опять прямо, опять направо и такъ далѣе. Наконецъ, господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ [5]).

[1]) *Фижмы*—на китовыхъ обручикахъ устроенное нижнее платье. [2]) *Робронды, мантильи*—виды женскаго платья. [3]) *Шкиперъ*—управляющій купеческимъ кораблемъ. [4]) *Пуншъ*—питье изъ рому, разведенное горячею водою или чаемъ, приправленное сахаромъ. [5]) *Менуэтъ*—старинный танецъ.

23. Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Клубами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ:
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ,

Тогда-то свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!». Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный
Выходитъ Петръ. Его глаза

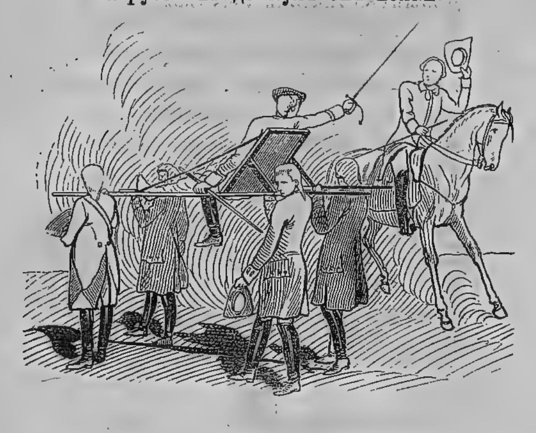
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь—какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой,
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ [1]).
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...

---

[1]) Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

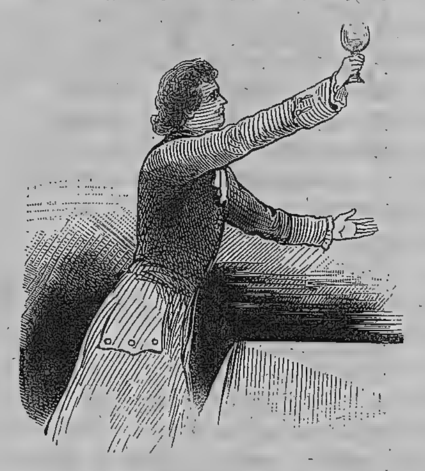
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.



И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И адъ, и смерть со всѣхъ сторонъ.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его;
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пушкинъ.



24. Царь-работникъ.

Правдой онъ привлекъ сердца,
И нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ—
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Пушкинъ.

25. Погребеніе Петра Великаго.

Въ печали невская столица;
Въ церквахъ унылый перезвонъ;
Всѣ въ черномъ: царскій домъ, царица,
Синодъ, сенатъ. Со всѣхъ сторонъ
Чины отъ арміи и флота
Спѣшатъ въ соборъ; войска, народъ.
Во всѣхъ—испугъ, у всѣхъ забота:
Великій въ мірѣ недочетъ!
«О чемъ мы плачемъ? что мы стонемъ?
Что, Россіяне, мы творимъ?
Петра Великаго хоронимъ!
И что хоронимъ въ Немъ и съ Нимъ?
Вѣдь въ бытіе онъ насъ, Великій,
Воздвигъ изъ тьмы небытія!..»
И вопли безъ конца и клики:
«Теперь что-жъ будетъ—безъ Тебя?»
Въ честь Императора раздался

Послѣдній пушечный салютъ,—[1])
Свершилось,—но въ сердцахъ остался
Вопросъ: чему же быть?.. Всѣ ждутъ...
Какъ будто послѣ бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслію могучей,
Какъ молніей, избраждена.
Вездѣ глубокія основы
И жизни новые пути—
И—нѣтъ Вождя! и мракъ суровый,
И неизвѣстность впереди!
Одинъ Онъ—кормчій былъ, который,
Куда вести корабль свой, зналъ;
Одинъ увѣренные взоры
Въ даль, въ безпредѣльность устремлялъ.
Отъ Зундскихъ водъ до Гималая,
Съ Невы—на Тихій океанъ...
Иль это все мечта пустая,
И честолюбія обманъ?
И все, что насаждалъ Онъ—сгинетъ?
Труды, ученье, кровь и потъ—
Пройдутъ вотще, и слава минетъ,
И въ прежній мракъ все отойдетъ?

А. Майковъ.

26. Ломоносовъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

Пушкинъ.

27. Его избралъ Господь отъ малыхъ;
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньи звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.
И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ,—отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.
Повелъ его на Западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Все откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ,—
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.

Майковъ.

[1]) *Салютъ*—пушечные выстрѣлы въ знакъ почета.

28. Природа.

Природа-мать! какъ ты прекрасна!
О, какъ всегда, вездѣ, во всемъ
Мила, прелестна иль ужасна!
Ты явно дышешь божествомъ.
Въ красѣ ли солнце засіяетъ
И свѣтлый міръ животворитъ;
Изъ тучъ ли молнія сверкаетъ,
Гроза реветъ и громъ гремитъ;
Иль ночь нетлѣнными звѣздами
Усѣетъ небо, какъ цвѣтами,
И томно нѣжится луна;
Морская ли кипитъ волна;
Журчитъ ли тихо токъ сребристый;
Иль Этна броситъ снопъ огнистый
И вихритъ пламень къ облакамъ,—
Все тайну знаменуетъ намъ:
Что лишь одно всему душою,
Что правитъ міра красотою,
Равно какъ ужасомъ тревогъ,
Морями, небомъ и землею:
Любовь, Премудрость, Сила—Богъ!

Козловъ.

29. Утреннее размышленіе о Божьемъ величіи.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ столь лучамъ,
Представь каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада—
Какъ искра предъ Тобой одна.
О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись,

Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Ломоносовъ.

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лiется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,—
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Ломоносовъ. [1])

30. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжiй лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога... *Лермонтовъ* [1]).

31. Воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движенiе всему ее окружающему.

Разнообразны явленiя водъ, и непонятны законы этого разнообразiя. Изъ вершины высокой первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большiя паденiя воды. Если она сжата каменьями, то вьется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода вы роетъ себѣ постоянное, небольшое русло, — и какъ все тихо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикiй нарцизъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякiя сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются. *С. Аксаковъ* [2]).

[1]) *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ,* сынъ крестьянина, родился въ д. Денисовкѣ, близъ Холмогоръ. Ломоносовъ учился грамотѣ у крестьянина Шубнаго, потомъ убѣжалъ учиться въ Москву; учился въ Кiевѣ и за границею. Окончивъ образованiе, былъ профессоромъ Академiи Наукъ. Ломоносовъ нашъ первый поэтъ, ученый, преобразователь языка и страстный патрiотъ. Умеръ въ 1765 г.

[1]) *Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ,* сынъ офицера, родился въ 1814 г., учился въ Московскомъ университетѣ, потомъ въ военной школѣ; служилъ въ военной службѣ. Убитъ на дуэли въ 1841 г. на Кавказѣ, куда былъ посланъ на службу. [2]) *Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ,* сынъ дворянина, родился въ Уфѣ, въ 1791. На него имѣла громадное влiянiе его мать, женщина рѣдкаго ума и сердца, прекрасно образованная, страстно любившая своихъ дѣтей. Отецъ развилъ въ С. Т. любовь къ природѣ. На 8 году С. Т. былъ отданъ въ Казанскую гимназiю, а потомъ перешелъ въ Казанскiй университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ. Самыя замѣчательныя изъ его сочиненiй: «Семейная хроника», «Дѣтскiе годы Багрова внука». Умеръ въ Москвѣ въ 1859 г.

32. Болотные родники.

Есть родники, которые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки, или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ ручьи. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе только видно на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ спускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко, Но если бассейнъ мелокъ относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камушками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на огнѣ.

С. Аксаковъ.

---

33. Ручьи.

И горные ключи, и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные бѣгутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчаніе, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы—пахнётъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника!

Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ ужъ не такъ чистъ и прозраченъ: вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ: солнечные лучи пригрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей пониkаетъ, т. е. уходитъ въ землю, и пробѣжавъ, полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною

С. Аксаковъ.

---

34 Лѣсныя рѣчки.

Изъ многихъ ручейковъ составляются рѣчки. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленыя бурей и подмытыя весенней водой, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ или, перевѣсивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчаніе лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема, и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зарямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случилось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я; тамъ, наверху еще жарко; лѣтнее солнце клонится къ западу, ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья, вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями; а здѣсь, внизу,—густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина.

С. Аксаковъ.

---

34. Рыбное мѣстечко.

Гдѣ на рѣкѣ есть мельница и прудъ—спѣшите туда: тамъ найдете вы самое разнообразное уженье и приволье въ выборѣ мѣста. Я долженъ признаться, что пристрастенъ къ запруженной рѣкѣ. Видъ пруда и мельницы, стукъ ея снастей, шумъ падающей воды—приводятъ въ тихое и сладкое волненіе мою душу. Чѣмъ-то дорогимъ прошедшимъ глядятъ воды и водяныя травы, шумятъ вертящіяся колеса, дрожитъ мельничный амбаръ и пѣнятся кипящія подъ нимъ волны. Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанныя прохожими, помольцами и хозяевами, переходы черезъ воду изъ жердочекъ—все говоритъ о чемъ-

то давно знакомомъ, близкомъ сердцу. Гдѣ мельница—тамъ и рыба. Прудъ—ея притонъ и гульбище! Тамъ много всякой пищи, тамъ привольно выводиться мелкой рыбешкѣ. Около мельницы, во всѣ времена года, во всякую пору дня, охотникъ найдетъ и достанетъ рыбу. Въ раннюю весну, въ позднюю осень, въ дурную погоду—она держится больше въ материкѣ, въ вѣрховьяхъ пруда; въ теплое время, въ лѣтнія жары—она гуляетъ по полямъ, въ травахъ и камышахъ; въ холодное ненастье—жмется по теченію материка къ теплой навозной плотинѣ; но особенно любитъ она держаться въ ямахъ, подъ спусками вешняка или подъ водяными колесами. Напрасно низвергающійся потокъ относитъ назадъ стаи мелкихъ рыбокъ, онѣ сторонкой безпрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищныя породы рыбъ хватаютъ мелюзгу, обезсиленную борьбою съ стремленіемъ воды. Рыбакъ вскарабкается на мокрый лежень, на которомъ тяжело ходитъ мельничій валъ, и подъ навѣсомъ водяныхъ трубъ, обросшихъ зеленымъ мохомъ подъ каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своемъ мѣстѣ при каждомъ оборотѣ колеса—бросаетъ удочку, насаженную червячкомъ, или просто лучше рыбкой, въ самую быстрину, въ волны и пѣну—и таскаетъ жадныхъ окуней и небольшихъ щукъ.

С. Аксаковъ.

36. Степныя рѣчки.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя по объему текущей воды должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины; это рѣки степныя. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ, или небольшихъ озеръ очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой перекатами, т. е. мелкой рѣчкой, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно въ длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омуты синѣютъ въ зеленыхъ берегахъ, какъ яхонты. *С. Аксаковъ.*

37. Путешествіе рыбы.

Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься,—рыба также поднимается къ верху и идетъ противъ воды сначала около береговъ: тутъ ловятъ ее во множествѣ саками. Когда же рѣки выступятъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредется по полямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды. Это стремленіе бываетъ такъ сильно, что, не видавши, трудно повѣрить: не смотря на ужасную быстрину, съ которою летитъ спертая полая вода, вырываясь въ вешнякахъ или спускахъ, изъ переполненныхъ прудовъ, рыба доходитъ до самаго послѣдняго крутого паденія воды и, не имѣя уже никакой возможности плыть противъ летящаго отвѣсно внизъ каскада,—прыгаетъ снизу вверхъ, безпрестанно сбиваемая силою воды, падая назадъ и нерѣдко убиваясь до смерти о деревянный помостъ или камни, новыя станицы рыбы безпрестанно повторяютъ свои попытки, и многія успѣваютъ въ нихъ, т. е. попадаютъ въ прудъ. Во время весеннихъ разливовъ рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу.

Но какъ скоро *дрогнетъ* вода, т. е. пойдетъ на убыль, рыба поворачиваетъ назадъ и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла

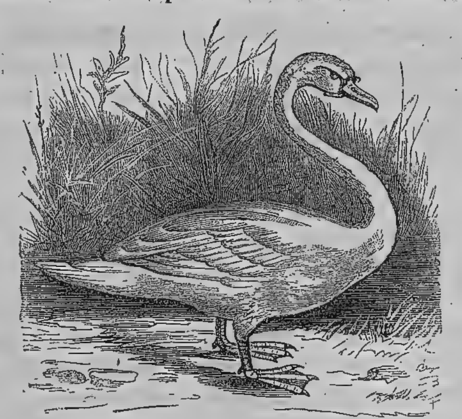
вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ въ материкъ. Нерѣдко случается, однако, что, зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговыя поймы, не находитъ она водяного пути для возвращенія въ рѣку и остается въ ямкахъ: если увидятъ люди, то поймаютъ ее, а если нѣтъ, и ямы высыхаютъ уединенно, рыба гибнетъ, и достается на пищу воронамъ, и разнымъ другимъ птицамъ. Рыба, застигнутая внезапно обмелѣніемъ водяныхъ сообщеній въ ямахъ, переходитъ изъ одной въ другую *сухопутно*, прыгая по тому мокрому слѣду, гдѣ недавно бѣжала вода. Если же, хотя крошечный ручеекъ останется, она перепрыгиваетъ по немъ внизъ непремѣнно. Даже изъ копаныхъ сажалокъ или прудковъ, сквозь которые протекаетъ ручеекъ, рыба уходитъ этимъ самымъ способомъ, если только берега низки. Такія весеннія путешествія рыбы снизу вверхъ и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапномъ прорывѣ огромныхъ прудовъ и при *паводкахъ*, случающихся отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей.

С. Аксаковъ.

---

38. Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной птицы.



Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ, смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ, также носомъ, перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ: все живописно и великолѣпно въ немъ!

Лебеди прилетаютъ почти всегда попарно; появляются весной довольно рано, въ началѣ апрѣля, когда по большей части все еще бываетъ покрыто снѣгомъ. Лебединыхъ стай я не видывалъ; въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я постоянно охотился, лебеди бываютъ только пролетомъ, а постоянно не живутъ и дѣтей не выводятъ, и для меня появленіе ихъ не во время пролета было рѣдкостью. Одинъ разъ, когда я бродилъ по колѣно въ разливѣ рѣки Бугуруслана, между частыми кустами, налетѣлъ на меня лебедь довольно близко; я ударилъ его обыкновенною утиною дробью: лебедь покачнулся, пошелъ къ низу и улетѣлъ изъ виду. На другой день Мордвинъ сосѣдней деревушки нашелъ его мертвымъ за версту отъ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ. Мясо его было такъ жестко, что, не смотря на предварительное двухдневное вымачиваніе, его трудно было разжевать. Вкусъ походилъ на дикаго гуся, но гусь гораздо мягче, сочнѣе и вкуснѣе. Въ зобу его не было рыбы и почти никакой пищи. Чѣмъ питаются лебеди—ничего сказать не могу, но, вѣроятно, одинакимъ кормомъ со всею водяною птицей.

Не понимаю, отчего лебедь считался въ старину лакомымъ или почетнымъ блюдомъ у нашихъ великихъ князей и даже царей: вѣроятно, тогда знали искусство дѣлать его мясо мягкимъ; а мысль, что лебедь служилъ только украшеніемъ стола, должна быть несправедлива. Лебедь живетъ въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, очевидно сложенныхъ на югѣ Россіи; живетъ также до сихъ поръ и въ народной рѣчи, хотя тамъ, гдѣ теперь обитаетъ настоящая Русь, лебедь не могъ войти ни въ пѣсню, ни въ рѣчь,— такъ мало знаетъ и видитъ его народъ. На югѣ, въ Кіевѣ, попалъ онъ въ народныя пѣсни и на великокняжескіе столы: его *рушала*, т. е. разрѣзывала, сама великая княгиня, слѣдовательно, лебедя ѣли. Вѣроятно, оттуда, по преданію и старому обычаю, перебрался онъ на столы великихъ князей и царей московскихъ и въ народную современную рѣчь, гдѣ слова *лебедка* и *лебедушка* остались на всегда выраженіемъ ласки и участія.

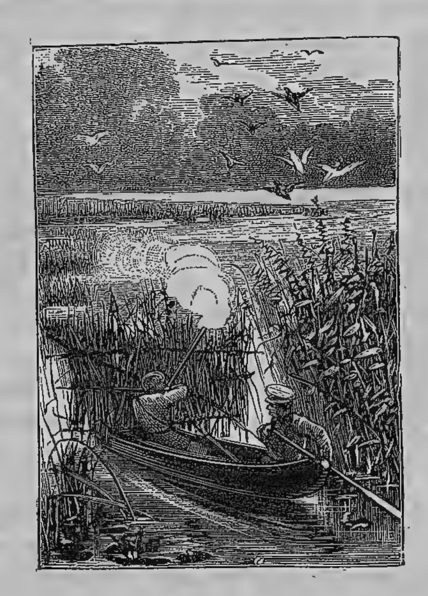
Лебеди легко дѣлаются ручными. Я самъ видѣлъ ихъ, нѣсколько годовъ сряду живущихъ лѣто на отведенномъ имъ пруду, а зиму проводящихъ въ теплой избѣ. Не могу только хорошенько сказать: маленькими или большими были они пойманы. Я слышалъ, что ручные лебеди выводятъ дѣтей, какъ обыкновенные гуси, въ избахъ и хлѣвахъ, но что для этого нужно достать сначала свѣжихъ лебединыхъ яицъ и положить подъ гусыню. Высиженные ею лебедята выростаютъ въ стаѣ домашнихъ гусей (первый годъ съ подрѣзанными крыльями), дѣлаются совершенно ручными и ведутся какъ дворовые гуси.

С. Аксаковъ.

---

39. Въ полдень на пруду.

Для многихъ невыносимы палящіе лучи лѣтняго, полдневнаго солнца, которое, отражаясь въ водѣ, дѣйствуетъ съ удвоенною силою; но я всегда любилъ и люблю жары нашего кратковременнаго лѣта... Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зеленый, какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отлогихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые отъ травъ протоки блестятъ, какъ зеркала: все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растеніями. То яркозеленые, то темноцвѣтные листья стелятся по водѣ, но глубоко ушли корни ихъ въ тинистое дно; бѣлыя и желтыя водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, попросту называемые кувшинчиками, и красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями — разно-



образятъ зеленый коверъ, покрывающій поверхность пруда. Какая роскошь тепла! какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды и возможность освѣжить ею лицо и голову!

С. Аксаковъ.

---

40. Большія рѣки.

Изъ сліянія многихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки средней величины, какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губерніи и множество другихъ; изъ нихъ-то, наконецъ, образуются рѣки первой величины, какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы.

Не смотря на огромное различие въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ, и другія рѣки имѣютъ одинъ характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено. Сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широко разметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки; слѣдовательно, настоящіе берега ихъ голы, безплодны и, по моему, не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали и на полотнѣ или на бумагѣ. Я не люблю большихъ рѣкъ и громадныхъ утесистыхъ ихъ береговъ, и песчаныхъ печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, чрезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури—ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водяные бугры съ бѣлыми гребнями и потопляемыя, какъ щепки, суда—живы въ моей памяти. *С. Аксаковъ.*

41. Пескарь.

Имя его происходитъ явно отъ того, что онъ всегда лежитъ на песчаномъ днѣ. Хотя обыкновенно говорятъ *пискарь*, а не *пескарь*, но это единственно потому, что первое легче для произношенія. Впрочемъ, многіе увѣрены, что эта рыбка должна называться *пискаремъ*, потому что, будучи сжата въ рукахъ человѣка, издаетъ звукъ, похожій на пискъ. Самый крупный пескарь не бываетъ длиннѣе $3^1/_2$ вершковъ и—толще большого пальца руки. Онъ брусковатъ и довольно ровенъ. Спинка и бока потрыты темно-синими крапинками, а брюшко очень бѣловатое, серебристаго цвѣта. Пескарь очень красивая или миловидная и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которыя иногда бываютъ невѣроятно многочисленны; водятся и въ малыхъ, и въ большихъ рѣкахъ, преимущественно песчаныхъ. Будучи посажены въ пруды, размножаются и въ нихъ изобильно, особенно, если вода чиста; но въ маленькихъ прудкахъ они бываютъ мелки, а въ большихъ проточныхъ прудахъ и рѣкахъ необыкновенно крупны. Уженье пескарей начинается не рано весной, а когда вода сдѣлается совершенно свѣтла, оно продолжается до самой зимы. Они клюютъ во всякое время дня. Обыкновенно удятъ ихъ весной и лѣтомъ въ рѣкахъ на перекатахъ, на мѣстахъ мелкихъ, песчаныхъ, хрящеватыхъ, гдѣ вода течетъ довольно быстро и гдѣ можно увидѣть ихъ стаи, лежащія на днѣ. При наступленіи морозовъ, пескари сваливаются съ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, гдѣ остаются на зиму. *С. Аксаковъ.*

42. Плотица.

Очевидно, получила свое имя оттого, что она плоска. Безъ сомнѣнія, это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ большихъ и малыхъ, озерахъ, прудахъ проточныхъ и копанныхъ, если только вода довольно свѣжа, однимъ словомъ сказать, вездѣ водится плотва во множествѣ. Плотица нѣсколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чисто серебристаго цвѣта, который къ спинкѣ становится темнѣе: глаза имѣетъ красные, или красно-коричневые, и чѣмъ плотица больше, тѣмъ глаза становятся краснѣе; верхнія и нижнія перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. Съ увеличеніемъ роста, плотица становитсяшире и кругловатѣе; ростъ имѣетъ небольшой. *С. Аксаковъ.*

43. Линь.

Хотя можно имя его произвесть отъ глагола *льнуть*, потому что линь, покрытый липкою слизью, льнетъ къ рукамъ; но я рѣшительно полагаю, что названіе линя происходитъ отъ глагола *линять*: ибо пойманный линь, даже въ ведрѣ съ водою или кружкѣ, особенно, если ему тѣсно, — сейчасъ полиняетъ, и по всему его тѣлу пойдутъ большія, темныя пятна, да и вынутый прямо изъ воды имѣетъ цвѣтъ двуличневый, линючій. Безъ сомнѣнія, народъ замѣтилъ

*

такую особенность линя и далъ ему характерное имя. Линь покрытъ мельчайшею чешуей темно-зеленаго золотистаго цвѣта, которую трудно разглядѣть простыми глазами; онъ весь какъ будто обмазанъ густою слизью; глаза имѣетъ маленькіе, яркокрасные; хвостъ и перья толстые, мягкіе и темные; ротъ небольшой. Линь достигаетъ значительной величины. Онъ хорошо водится въ рѣкахъ тихихъ, глинистыхъ и травянистыхъ; холодной воды не любитъ, но всего больше размножается въ проточныхъ прудахъ, озерахъ и даже въ прудахъ непроточныхъ, небольшихъ. Заводи, заливы, непремѣнно поросшіе травою,—вотъ любимое мѣстопребываніе линей. *С. Аксаковъ.*

44. Окунь.

Ужъ, право, и не знаю откуда произвести его имя. Не происходитъ ли оно отъ глагола *окунать*: ибо окунь всегда окунаетъ, т. е. погружаетъ въ воду поплавокъ, и даже не одинъ разъ, если кусокъ, имъ захватываемый, слишкомъ великъ.

Послѣ плотвы, окунь самая многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ, озерахъ, въ прудахъ проточныхъ и даже непроточныхъ, лишь бы вода была свѣжа,— онъ разводится изобильно. Окунь довольно широкъ станомъ, горбоватъ, покрытъ чешуей зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта; на спинѣ имѣетъ гребень съ острыми иглами, и между нимъ и хвостомъ плавательное перо; хвостъ и особенно нижнія перья красные, брюшко бѣловатое, глаза желтые съ черными зрачками; поперекъ всего тѣла лежатъ пять полосъ, что дѣлаетъ его пестрымъ и вообще очень красивымъ. На щекахъ, покрывающихъ его жабры, онъ имѣетъ по одной иглѣ, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой ротъ и широкое горло показываютъ способность глотать большіе куски, несоразмѣрные даже съ его ростомъ, и обличаютъ хищную его породу. Окунь достигаетъ значительной величины и особенно вѣса. Въ длину окунь не выростаетъ много; но за то онъ ростетъ въ толщину, которая простирается въ спинѣ до двухъ съ половиною вершковъ.

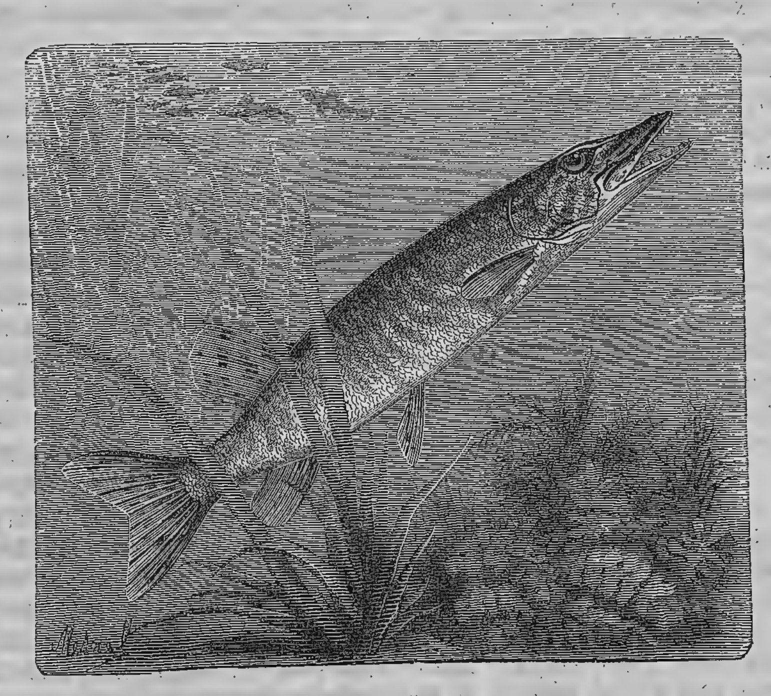
Окунь никогда не хватаетъ, не рветъ насадки съ разбѣга, съ розмаха, какъ то дѣлаютъ многія нехищныя рыбы: клёвъ его рѣшителенъ, серьезенъ, добросовѣстенъ, ибо никогда не обманчивъ. Я имѣлъ случай много разъ наблюдать его въ прозрачныхъ водахъ: завидя добычу, крупный окунь прямо бросается къ ней, сначала быстро, но чѣмъ ближе, тѣмъ медленнѣе; приближаясь, разѣваетъ ротъ и, почти коснувшись губами куска, вдругъ останавливается неподвижно и, не дѣлая движенія ртомъ, какъ будто потянетъ къ себѣ воду: крючекъ съ насадкой исчезаетъ, а окунь продолжаетъ плыть, какъ ни въ чемъ не бывало, увлекая за собой и лесу, и поплавокъ, и даже удилище. Ловя живую рыбу, онъ поступаетъ иначе: стремительно бросается за нею и хватаетъ ее на бѣгу. *С. Аксаковъ.*

45. Щука.

Эта рыба, по преимуществу, хищная: длинный, брусковатый станъ, широкія, хвостовыя перья для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, нисходящій отъ глазъ въ видѣ ткацкаго челнока, огромная пасть, усѣянная внизу и вверху сплошными, острыми, скрестившимися зубами, изъ коихъ не вырвется никакая добыча, широкое горло, которымъ она проглатываетъ насадку толще себя самой,—все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею хищныхъ рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Щука имѣетъ большіе, темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темнозеленаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавательныя перья зеленовато-сѣрые съ темными, извилистыми каемками. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотаетъ даже лягушекъ, крысъ и утятъ, отъ чего большую щуку называютъ *утятницей*. Щука водится только въ водахъ чистыхъ и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ или озерѣ отъ чего-нибудь испортится. Гдѣ много всякой

мелкой рыбы, и щуки тамъ разводятся и держатся во множествѣ.

Рыбаки разсказываютъ слѣдующую хитрость щуки: она становится на мели, головою внизъ по теченію воды, и хвостомъ мутитъ илъ на днѣ, такъ что муть совсѣмъ закрываетъ ее отъ мимо плывущихъ рыбокъ, на которыхъ она бросается, какъ стрѣла, лишь только онѣ подплывутъ близко. За щуками, особенно небольшими, водится странная продѣлка: по недостатку



мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, торчащаго въ водѣ, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды, цѣлые часы неподвижно, точно спящая или мертвая, такъ что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенія, около нея плаваетъ; цѣль очевидна; но эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей, но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами, какъ глушатъ всякую рыбу по тонкому льду. *С. Аксаковъ.*

46. Охота съ острогою [1]).

Длинны, темны становились осеннія ночи. Уже нѣсколько времени поговаривали охотники, что «пора ѣздить съ острогою», собирались и наконецъ собрались; взяли и меня съ собою. Время стояло самое благопріятное, то есть: было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на рѣшеткѣ; уложили въ лодку все нужное, усѣлись безъ шума, оттолкнулись отъ берега и поплыли. Огонь ярко освѣщалъ только небольшое, кругловатое пространство около рѣшетки; даже носъ лодки освѣщался уже слабо; кругъ свѣта скоро поглощался мракомъ, и еще темнѣе, чернѣе казалась ночь, охватившая насъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, безграничное пространство воды окружало насъ; въ густомъ мракѣ не видно было ни камышей, ни береговъ, одна лодка плыла въ свѣтломъ кругѣ. Я сидѣлъ спиной къ огню; лицо и весь образъ рыбака съ острогою, молодого и крѣпкаго человѣка, сидящаго противъ меня, были ярко освѣще-

---

[1]) *Острога*—рыболовный снарядъ состоящій изъ длиннаго шеста, къ которому прикрѣпленъ желѣзный трезубецъ.

ны. Когда же я оглядывался на стараго рыбака съ весломъ, освѣщаемаго и даже подогрѣваемаго сзади, то онъ представлялся черною фигурою, образомъ безъ лица, рисовавшимся на огненномъ кругѣ; при всякомъ поворотѣ лодки или движеніи гребца свѣтъ обливалъ его то слѣва, то справа и, казалось, заглядывалъ ему въ лицо.

Скоро стала попадаться намъ спящая мелкая рыба, стоявшая или, лучше сказать, лежавшая на днѣ, по маленькимъ ямкамъ и впадинамъ; охотники не обращали на ее вниманія, меня же очень занимало разсматриванье тинистаго прудоваго дна, освѣщеннаго огнемъ. Вдругъ снималась пелена съ другого міра, съ его разными почвами, неровностями и спящими обитателями!.. Мнѣ заранѣе приказано было сидѣть смирно и громко не говорить, и я только шепотомъ или пальцемъ указывалъ на рыбу, мимо которой мы проѣзжали и которая казалась мнѣ довольно большою и стоющею удара остроги. Я ошибался, потому что рыба въ водѣ, особенно ночью, при огненномъ освѣщеніи, кажется гораздо крупнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Молодой рыбакъ, державшій въ рукѣ острогу, положа ее поперекъ лодки, не слушалъ меня и только трясеніемъ головы или отрывистымъ шепотомъ: «это все дрянь, сидите смирно»—отвѣчалъ на мои знаки и слова. Наконецъ поплыли мы по протоку: такъ называлось извилистое, длинное протяженіе, пересѣкавшее діагональю [1]) почти весь прудъ, никогда не заросташее травою; вѣроятно, это былъ когда-нибудь материкъ [2]) рѣки; можетъ быть также, что это овражекъ, по которому нѣкогда бѣжалъ ручей. Протокъ имѣлъ подъ водою свои собственные берега, оброставшіе густыми водяными травами, въ лѣтнее время разстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитые сверху морозами, они опустились и лежали по дну грядами, наклонясь въ одну сторону. Въ этомъ-то протокѣ начала попадаться намъ крупная рыба: «придержи!»—шепнулъ главный рыбакъ; лодка пріостановилась, и черезъ нѣсколько секундъ былъ осторожно вытащенъ огромный язь, по крайней мѣрѣ фунтовъ въ шесть, увязшій въ зубьяхъ остроги; зазубрины такъ въѣлись въ тѣло язя, что даже руками не вдругъ его сняли. Вторая добыча попалась—окунь такой величины, какого въ нашемъ пруду ни прежде, ни послѣ не лавливали: въ немъ было болѣе пяти фунтовъ. Потомъ стали попадаться средніе язи и окуни, которыхъ набили десятка полтора. Вытащили также нѣсколько крупныхъ плотицъ.

Наконецъ выплыли мы на материкъ и, поднявшись довольно далеко вверхъ, поворотили узкимъ, но глубокимъ заливомъ опять въ камышъ, и только стали входить въ круглое широкое озеро, какъ рыбакъ подозрилъ щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, невдалекѣ отъ сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда онъ, положа свою острогу, взялъ изъ лодки самую большую. Я понялъ, что̀ это значитъ. Шепотомъ и знаками указалъ онъ своему товарищу мѣсто, на которое должна направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая казалась мнѣ толстою и длинною плахою или вершиной бревна, лежащаго на днѣ. Съ удвоенною осторожностію направилъ рыбакъ свой трезубецъ или, правильнѣе сказать, семизубецъ, долго наводилъ и мѣтилъ, и наконецъ ударилъ изо всѣхъ силъ, проворно, проворно приподнялся на ноги, придавилъ что есть мочи острогу̀ и оттолкнулъ отъ себя... Вода точно закипѣла подъ нами, лодка зашаталась отъ толчка и волненія, и я очень испугался, хотя глубина была не больше двухъ аршинъ и хотя тогда я боялся воды менѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Повернувшись и сильно взволновавъ воду, щука бросилась какъ стрѣла, но пошла тише; шестъ въ наклоненномъ положеніи до половины торчалъ изъ воды; собственная тяжесть и крѣпкая бичевка, привязанная къ верхнему концу, склоняли его на бокъ. Щука шла прямо изъ озера въ материкъ рѣки.

---

[1]) *Діагональ*—линія, проведенная отъ одного угла къ другому. [2]) *Материкъ*—земная почва, природный кряжъ земли.

Держа въ рукахъ конецъ бичевки, молодой рыбакъ уже громкимъ и веселымъ голосомъ сказалъ: «попалась, утятница! давно я до тебя добирался!». Но другой рыбакъ отвѣчалъ почти сердито: «ну, ну, погоди радоваться! веревку-то не выпусти изъ рукъ». Въ самомъ дѣлѣ, веревка стала натягиваться, рыбакъ замоталъ ее на руку, и мы поплыли вслѣдъ за щукою, увлекаемые ею. Сойдя въ материкъ, она сначала не одинъ разъ погружала въ воду весь слишкомъ четырехъ-аршинный шестъ, но потомъ начала утомляться: металась, всплывала на верхъ, пыталась бросаться въ камышъ, чтобы вырвать изъ себя острогу, но напрасно: рыба видимо изнемогала. Рыбакъ, черезъ нѣсколько времени, не менѣе какъ черезъ полчаса, подтащилъ къ себѣ за бичевку верхній конецъ шеста, взялъ его въ обѣ руки, всталъ на ноги и опять притиснулъ; но щука уже не бросилась такъ быстро, какъ въ первый разъ: сдѣлала небольшое движеніе сажень на шесть впередъ, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащивъ щуку сажень пять на бичевкѣ, рыбаки рѣшились поднять ее и положить въ лодку. Мы вошли въ извѣстный уже читателямъ протокъ, устье котораго было отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба рыбака, не безъ труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее въ лодку, не вынимая остроги; она была еще жива, разѣвала ротъ, но не шевелилась. Шестъ положили ко мнѣ на плечо; я придерживалъ его обѣими руками, чтобы онъ не свалился въ воду и не мѣшалъ плыть. Молодой рыбакъ также взялъ весло, сѣлъ на носъ лодки, и мы полетѣли, какъ стрѣла, къ мельницѣ.

Тамъ мы позвали мельника и, съ помощью его и засыпки [1]), выгрузились на плотину. Между тѣмъ набѣжали помольщики [2]) изъ мельничнаго амбара, разглядѣли, при свѣтѣ зажженной лучины, славную добычу—и раздались громкія восклицанія удовольствія и удивленія. Между помольщиками случился одинъ, очень малаго роста, и сейчасъ посыпались на него шутки. «Ну, Гришка», говорилъ одинъ, очень высокій ростомъ: «хорошо, что щука-то тебя не видала; ты лѣтось вѣдь купался здѣсь; сглонула бы она тебя, какъ утенка, и поминай какъ звали—пропалъ бы ты безъ вѣсти!»

— «Нѣтъ, нѣтъ, подавилась бы», возразилъ другой; «всѣ ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь: онъ все покрупнѣе утенка»... И громкій хохотъ на время заглушалъ шумъ падающей воды и мельничныхъ колесъ. Между тѣмъ вытащили острогу изъ уснувшей щуки, и мы съ торжествомъ понесли всю рыбу домой. Мнѣ сказывалъ на другой день мельникъ, что помольщики долго не спали, дивились, смѣялись и толковали о диковинной щукѣ, которая, при свѣтѣ горящей лучины, показалась имъ просто чудовищемъ.

С. Аксаковъ.

---

47. Гусь.

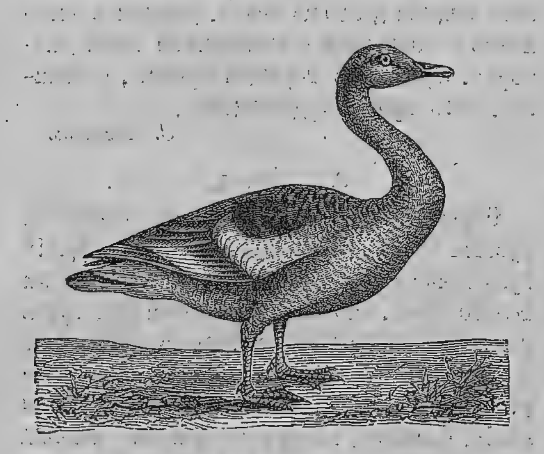
Сѣрымъ гусемъ называютъ его старинныя русскія пѣсни, и называютъ вѣрно. Дикій гусь точно сѣръ и отличается отъ гусыни только тѣмъ, что спина его потемнѣе, грудь или зобъ покрыты черноватыми пятнышками, и самъ онъ нѣсколько поменьше. Дворовые русскіе гуси, по большей части бѣлые или пѣгіе, бываютъ иногда совершенно похожи перомъ на дикихъ, т. е. на прежнихъ самихъ себя. Вся разница состоитъ въ томъ, что вообще у русскихъ гусей носъ и ноги красноваты и сами они потолще, пообъемистѣе; дикіе же гуси подбористѣе, щеголеватѣе, а носъ и лапки желтовато-зеленоватаго цвѣта.

Весною, пролетомъ, гуси показываются очень рано; еще вездѣ, бывало, лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по теченію рѣки летятъ да летятъ въ вышинѣ, прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролетаютъ очень высоко. Когда же время сдѣлается теплѣе, оттаютъ поля, разольются полыя воды, — стаи гусей летятъ гораздо ниже и спускаются на привольныхъ мѣстахъ отдохнуть, поѣсть и поплавать.

---

[1]) *Засыпка*—человѣкъ, приставленный къ засыпкѣ хлѣба для помолу. [2]) *Помольщикъ*—человѣкъ, пріѣхавшій молоть хлѣбъ.

Подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками, составились станицы, и начались ночныя или, правильнѣе сказать, утреннія и вечернія экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и яровые хлѣба. За часъ до заката солнца стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды и, подъ предводительствомъ старыхъ, летятъ въ поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посытнѣе, и наконецъ опускаются на какую-нибудь десятину или загонъ.



Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ. Но вотъ раздается громкое призывное гоготанье стариковъ; молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой, и вся стая, съ зычнымъ крикомъ, тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышемъ, чтобы ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся или, лучше сказать, опускаются на брюхо и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную стражу и не спятъ поочередно и такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ — тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ ночь, особенно уже въ довольно длинныя сентябрьскія ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь приблизится къ стаѣ, — быстро поднимаются старики, и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ воды, и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька или горностая, которые имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю, и она снова, вслѣдъ за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле и точно тѣмъ же порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные зобы, и снова, по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно восшедшаго солнца, собирается стая и летитъ уже на другое озеро, плесъ рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день. Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились летать на его хлѣбъ: они съѣдятъ зерна, лоскомъ положатъ высокую солому и сдѣлаютъ такую толоку, какъ будто тутъ паслось мелкое стадо. Если же хозяинъ узнаетъ во-время, то разными средствами можетъ отпугать незваныхъ гостей.

Гуси летаютъ въ хлѣба и назадъ возвращаются по одной и той же воздушной дорогѣ, т. е. черезъ одинъ и тотъ же перелѣсокъ, однимъ и тѣмъ же долочкомъ. На этомъ основанiи изобрѣтены *перевѣсы*, посредствомъ которыхъ ловятъ ихъ въ большомъ количествѣ. Это не что иное, какъ огромная квадратная сѣть изъ толстыхъ, крѣпкихъ нитокъ, ячеи или петли которой такъ широки, что гуси вязнутъ въ нихъ, а пролѣзть не могутъ. Эта сѣть развѣшивается между двумя длинными шестами, на томъ самомъ мѣстѣ, по которому обыкновенно гусиная стая поздно вечеромъ, почти ночью, возвращается съ полей на ночевку.

Къ верхнимъ концамъ шестовъ привинчены желѣзныя кольца; сквозь нихъ продѣты веревочки. Посредствомъ этихъ веревочекъ, прикрѣпленныхъ къ верхнимъ угламъ сѣти, поднимается она во всю ширину шестовъ; концы же веревочекъ проведены въ шалашъ или кустъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Сѣть не натягивается, а виситъ, и нижнiе концы ея *на-слаби* привязаны къ шестамъ. Когда попадутъ гуси и натянутъ сѣть, охотникъ бросаетъ веревочки, и вся стая запутавшихся гусей, вмѣстѣ съ сѣтью, падаетъ на землю. Такимъ же способомъ ловятъ и утокъ. Замѣчательно, что гуси, не запутавшiеся въ перевѣсѣ, а только въ него ударившiеся, падаютъ на землю и до того перепугиваются, что кричатъ, хлопаютъ крыльями, а съ мѣста не летятъ; безъ сомнѣнiя, темнота ночи способствуетъ такому испугу. Иногда ставятъ два и три перевѣса рядомъ, неподалеку другъ отъ друга, чтобы случайное уклоненiе отъ обычнаго пути не помѣшало стаѣ гусей ввалиться въ сѣть.

С. Аксаковъ.

---

48. Русскiя рѣки.

Волга.

Девять обширныхъ губернiй пьютъ мою воду; поэты
Мнѣ, какъ царицѣ, поютъ громкiя пѣсни свои.

Днѣпръ.

Помню: по волнамъ моимъ свирѣпой грозой въ Византiю
Въ легкихъ неслися ладьяхъ витязи сѣверныхъ странъ,
И, возвратившись съ набѣга въ Кiевъ престольный съ добычей,
Славили падшихъ друзей, тризну справляя по нимъ.

Уралъ и Донъ.

Мы плодородье даемъ сторонѣ, не обильной водою;
Въ пѣсняхъ лихихъ казаковъ наши гремятъ имена.

Нева.

Гордо, привольно теку я въ крутыхъ берегахъ изъ гранита;
Кратокъ, но славенъ мой бѣгъ; я украшаю собой
Городъ богатый, чудесный — столицу имперiи сильной;
Быстро по волнамъ моимъ въ море летятъ корабли.

Сѣверная Двина.

Плодъ сочетанья двухъ рѣкъ — прекрасной Сухоны и Юга,
Въ Бѣлое море я шлю съ грузомъ богатымъ суда.

Иртышъ.

Я отомстилъ Ермаку, покорителю царства Кучума:
Въ волнахъ сердитыхъ моихъ завоеватель погибъ.

Лена.

Рѣки! вы славны, не спорю; но я исполинъ передъ вами:
Въ устьѣ обширномъ моемъ сотни лежатъ островов.

Москва.

Я не обильна водами и не тянуся по картѣ
Длинной чертою, какъ вы, рѣки отчизны моей;
Но на моихъ берегахъ красуется гордо столица,
Главы златыя Кремля смотрятся въ воды мои.

Терекъ и Кура.

Быстро по камнямъ межъ горъ съ шумомъ и пѣной мы мчимся,
Ропотомъ вторя своимъ пѣснямъ Кавказа сыновъ.

Почайна.

Я хоть ничтожная рѣчка, но мои воды священны:
Въ прежнiе годы онѣ были купелью Славянъ.

Калка.

Грустно вспомнить понынѣ, какъ страшный врагъ отъ востока
Въ Русь святую проникъ, какъ на моихъ берегахъ,
Грозный, во прахъ онъ разсѣялъ дружины князей знаменитыхъ,
Какъ, имъ разбитый, бѣжалъ съ поля Мстиславъ Удалой.

Сить.

Ахъ! и я вспоминаю съ тоскою про то пораженье,
Гдѣ подъ мечами татаръ князь Георгій погибъ.

Непрядьва.

Рѣки! утѣшьтесь: я видѣла битву героя Донского,
Гдѣ нашъ губительный врагъ, имъ пораженный, бѣжалъ.

Ѳ. Миллеръ.

49. Какъ гуляетъ рыба.

Всѣ молодыя рыбки, особенно нѣкоторыя изъ породъ, не очень крупныхъ, такъ красивы, или, лучше сказать, такъ миловидны, рѣзвы и чисты, что народъ на югѣ Россіи употребляетъ слово *рыбка*, какъ слово ласки, нѣжности—въ похвалу красотѣ дѣвической. Кто не любитъ смотрѣть на всякую рыбу въ водѣ, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами; иногда незамѣтно плывущую, иногда неподвижно стоящую на рѣчной глубинѣ!.. Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ *гуляетъ вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоитъ иногда пѣшеходъ-крестьянинъ, спѣшащій куда-нибудь за нужнымъ дѣломъ, забываетъ на время свою трудовую жизнь и, наклонясь надъ синимъ омутомъ, пристально смотритъ въ темную глубь, любуясь на рѣзвыя движенія рыбы, особенно, когда она играетъ и плещется, какъ она, всплывъ наверхъ, вдругъ крутымъ поворотомъ, погружается въ воду, плеснувъ хвостомъ и оставя вертящійся кругъ на поверхности, края котораго, постепенно расширяясь, не вдругъ сольются съ спокойною гладью воды,—или, какъ она, однимъ только краешкомъ спинного пера разсѣкая поверхность воды,—стрѣлою пролетаетъ прямо въ одну какую-нибудь сторону, и слѣдомъ за ней пробѣжитъ длинная струя, которая, раздѣляясь на двѣ, представляетъ странную фигуру расходящагося трехъугольника.

С. Аксаковъ.

50. Въ бродъ.

Тарантасъ набили сѣномъ. Филоѳей, успѣвшій сбѣгать домой и возвратившійся оттуда въ длинномъ, бѣломъ, отцовскомъ балахонѣ, высокомъ гречневикѣ и смазныхъ сапогахъ, взобрался торжественно на козлы.—Я сѣлъ, посмотрѣвъ на часы: четверть одиннадцатаго. Филоѳей задергалъ возжами, закричалъ тонкимъ-тонкимъ голосомъ: «Эхъ вы, махонькія!»—братья его подскочили съ обѣихъ сторонъ, подстегнули подъ брюхо пристяжныхъ—и тарантасъ тронулся.

Ночь была тихая, славная, самая удобная для ѣзды. Вѣтеръ то прошелеститъ въ кустахъ, закачаетъ вѣтки, то совсѣмъ замретъ; на небѣ кой-гдѣ виднѣлись неподвижныя, серебристыя облачка; мѣсяцъ стоялъ высоко и ясно озарялъ окрестность. Я растянулся на сѣнѣ и уже вздремнулъ было... да вспомнилъ о «неладномъ мѣстѣ» и встрепенулся.

— А что, Филоѳей? До брода далеко?

— До броду-то? Верстъ восемь будетъ.

Восемь верстъ, подумалось мнѣ.—Раньше часу не доѣдемъ.—Соснуть пока можно.— Ты, Филоѳей, дорогу хорошо знаешь? спросилъ я опять.

— Да какъ *ее* не знать-то, дорогу-то? Не впервой ѣдемъ...

Онъ еще что-то прибавилъ, но я уже не разслушалъ его... Я спалъ.

Разбудило меня не собственное намѣреніе проснуться ровно черезъ часъ, какъ это часто случается,—а какое-то странное, хоть и слабое, хлопанье и бульканье подъ самымъ моимъ ухомъ. Я поднялъ голову...

Что за чудеса?—Лежу я въ тарантасѣ по прежнему, а вокругъ тарантаса, — и на поларшина, не болѣе, отъ его края,—водная гладь, освѣщенная луною, дробится и дрожитъ мелкой, чистой рябью. Я—глядь впередъ: на козлахъ, понуривъ голову, согнувъ

спину, сидитъ какъ истуканъ Филоѳей,—а еще подальше—надъ журчащею водою,—кривая линія дуги и лошадиныя головы и спины.—И все такъ неподвижно, такъ безшумно,—словно въ заколдованномъ царствѣ, во снѣ, въ сказочномъ снѣ... Что за притча?—Я—глядь назадъ изъ-подъ балчука тарантаса... Да мы на самой серединѣ рѣки... берегъ отъ насъ шаговъ на тридцать!

— Филоѳей! воскликнулъ я.

— Чего? возразилъ онъ.

— Какъ? чего?—Помилуй! Гдѣ же это мы?

— Въ рѣкѣ.

— Я вижу, что въ рѣкѣ.—Да мы этакъ сейчасъ потонемъ.—Такъ-то ты въ бродъ переѣзжаешь? А?—Да ты спишь, Филоѳей? Отвѣчай же!

— Маленечко ошибся, промолвилъ мой возница;—въ сторону, знать, взялъ грѣшнымъ дѣломъ, а теперь подождать надоть.

— Какъ: ждать *надоть!* Чего же мы будемъ ждать?

— А вотъ пущай кудластый оглядится,—Куда онъ ворохнется, туда, значитъ, и ѣхать надоть.

Я приподнялся въ сѣнѣ.—Голова коренника не шевелилась надъ водою.—Только и можно было видѣть, при ясномъ свѣтѣ мѣсяца, какъ одно его ухо чуть-чуть двигалось то взадъ, то впередъ.

— Да онъ тоже спитъ, твой кудластый!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Филоѳей,—онъ теперь воду нюхаетъ.

И опять все замолкло, только по прежнему слабо хлюпала вода. Я тоже оцѣпенѣлъ.

Лунный свѣтъ, да ночь, да рѣка, да мы въ ней.

Вдругъ голова коренника замоталась, уши навострились, онъ зафыркалъ, заворошился. — Но-но-но-ноо! внезапно заоралъ во все горло Филоѳей, и приподнялся, и замахалъ кнутомъ. Тарантасъ тотчасъ сдернуло съ мѣста, онъ рванулся впередъ наперерѣзъ рѣчной волнѣ—и пошелъ, дрыгая и колыхаясь... Сперва мнѣ показалось, что мы погружаемся, идемъ въ глубь, однако, послѣ двухъ-трехъ толчковъ и нырковъ, водная гладь какъ будто вдругъ понизилась... Она понижалась все больше и больше, тарантасъ выросталъ изъ нея,—вотъ уже показались колеса и конскіе хвосты,—и вотъ, вздымая сильныя и крупныя брызги, алмазными, — нѣтъ, не алмазными—сапфирными снопами разлетавшіяся въ матовомъ блескѣ луны,—весело и дружно выхватили насъ лошади на песчаный берегъ и пошли по дорогѣ въ гору, въ перебивку переступая глянцовитыми мокрыми ногами.

— Что?—пришло мнѣ въ голову—скажетъ теперь Филоѳей: а вѣдь я былъ правъ! или что-нибудь въ этомъ родѣ? Но онъ ничего не сказалъ. Потому и я не почелъ за нужное упрекнуть его въ неосторожности и, уложившись спать на сѣнѣ, опять попытался заснуть.

Тургеневъ [1]).

---

51. Море.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.

Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты,
Безмолвное море, лазурное море,

---

[1]) *Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ,* сынъ дворянина родился въ 1812 году въ Орлѣ; окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ; жилъ большею частью заграницей, въ Парижѣ. Лучшія его сочиненія: «Записки Охотника», «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и дѣти» и пр. Тургеневъ великій писатель. Его сочиненія переведены на всѣ европейскія языки.

Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь;
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

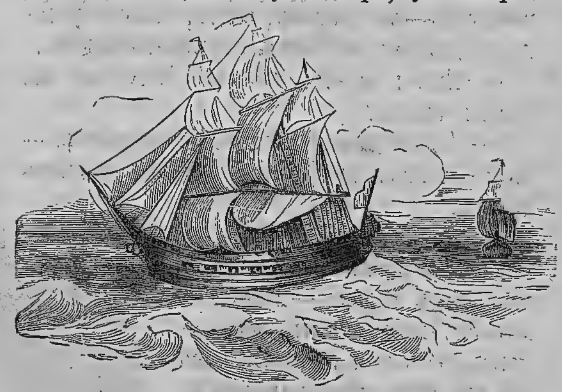
Жуковскій.

---

52. Крѣпкій вѣтеръ и качка.

Океанъ не забылъ про насъ. Къ вечеру стало покачивать. Ну, что за важность? пусть немного и покачаетъ: на то и океанъ. Странно, даже досадно было бы, если бы дѣло обошлось такъ тихо и мирно, какъ гдѣ-нибудь въ Финскомъ заливѣ.

Къ чаю уже надо было положить на столъ рейки, т. е. поперечныя дощечки ребромъ, а то чашки, блюдечки, хлѣбъ и прочее ползло то въ одну, то въ другую сторону. Да и самимъ неловко было сидѣть за столомъ: сосѣдъ *наваливался* на сосѣда. Начались обыкновенныя явленія качки: вдругъ дверь отворится и съ шумомъ захлопнется. Въ каютахъ, то тамъ, то здѣсь, что-нибудь со стукомъ упадетъ со стола, или сорвется со стѣны, выскочитъ изъ шкапа и со звономъ разобьется—стаканъ, чашка, а иногда и самъ шкапъ зашевелится. А тамъ вдругъ, слышишь, сочится гдѣ-то сквозь стѣнку струя и падаетъ дождемъ на что случится, безъ разбора — на столъ, на диванъ, на голову кому-нибудь. Сначала это возбуждало шутки. Смѣшно было смотрѣть, когда кто-нибудь пойдетъ въ одинъ уголъ, а его отнесетъ въ другой: никто не ходилъ какъ слѣдуетъ, все притопывая. Юность рѣзвилась, каталась изъ угла въ уголъ, какъ съ горъ. Вѣстовые бѣгали, то туда, то сюда, на шумъ упавшей вещи, съ тѣмъ чтобъ поднять уже черепки. Сразу не примешь всѣхъ мѣръ противъ непріятныхъ случайностей. Эта качка напоминала мнѣ пока наши похожденія въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ— не больше. Не привыкать уже было засыпать подъ размахи койки взадъ и впередъ, когда голова и ноги постепенно поднимаются и опускаются. Я кое-какъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ: не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами. Едва станешь засыпать—раздался внезапный трескъ, звонъ—очнешься—что такое? ничего, хлопнула дверь, упалъ графинъ, или кто-нибудь вскакиваетъ съ постели, облитый водою, хлынувшей къ нему изъ полупортика прямо на тюфякъ. Утомленный, заснешь опять: вдругъ ударъ, точно подземный, такъ что сердце дрогнетъ—проснешься: ничего—это поддало въ корму, т. е. ударило волной... И такъ до утра!



Все еще было сносно; но утромъ 12 января дѣло стало посерьезнѣе. «Буря», сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я пробовалъ пойти наверхъ или «на улицу», какъ я называлъ верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится, и ручей супа быстро потечетъ по столу до тѣхъ поръ, пока обратный

толчекъ не погонитъ его назадъ. Мнѣ уже становилось досадно: дѣлать ничего нельзя, даже читать. Сидя ли, лёжа ли, а все надо думать о равновѣсіи, упираться то ногой, то рукой. Вечеромъ я лежалъ на кушеткѣ у самой стѣны, а напротивъ была софа, устроенная кругомъ бизань-мачты. Вдругъ поддало, т. е. шальной или, пожалуй, девятый валъ ударилъ въ корму. Всѣ ухватились, кто за что могъ. Я прежде, нежели подумалъ объ этой предосторожности, вдругъ почувствовалъ, что кушетка отдѣлилась отъ стѣны, а я отдѣляюсь отъ кушетки. «Куда?» мелькнулъ у меня вопросъ въ головѣ, а за нимъ и отвѣтъ: «на круглую софу». Я такъ и сдѣлалъ: распростеръ руки и преспокойно перевалился на мягкія подушки круглой софы. Присутствовавшіе подумали, не ушибся ли я, а увидя, что нѣтъ, расхохотались. Но смѣяться на морѣ безнаказанно нельзя: кто-нибудь тутъ же пойдетъ по каютѣ, его повлечетъ наклонно по полу; онъ не успѣетъ наклониться—и смотришь, пріобрѣлъ шишку на головѣ; другого плечомъ ударило о косякъ двери, и онъ начинаетъ бранить, Богъ знаетъ, кого.

Скучное дѣло качка; всѣ недовольны; нельзя, какъ слѣдуетъ, читать, писать, спать; видны также блѣдныя, страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно морского порядка, который, напротивъ, усугубленъ. Но за то обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ будто посторроннимъ дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... Просто нѣтъ житья!

---

12 и 13 января вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Я не только стоять, да и сидѣть уже не могъ, если не во что было упираться руками и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, отворилъ дверь и не вошелъ—всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку—былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было расположилъ такъ аккуратно по ящикамъ бюро—все это въ кучѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма,—все ѣздило по полу, въ перегонку, чтò скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на средину.

— Ѳадеевъ! закричалъ я въ ужасѣ.— Посмотри-ка!—сказалъ я, указывая на безпорядокъ, и, махнувъ рукою, ушелъ въ капитанскую каюту. Вотъ тамъ-то, между шкапомъ и пьянино, была одна полукруглая софа. Сядешь на эту софу, и какая бы качка ни была—килевая-ли, т. е. продольная, или боковая, поперечная—упасть было некуда. Одна половина софы шла вдоль, а другая поперекъ фрегата. Тутъ не пускалъ упасть шкапъ, а тамъ пьянино. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что за безобразіе, или, пожалуй, что за красота! «Буря—прекрасно! поэзія!», скажете вы.—«Какая буря—свѣжій вѣтеръ!» говорятъ вамъ.

Можетъ быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, право, незанимательно. Сами посудите, что тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи,—только брызги, какъ дымъ, поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только затѣмъ, чтобы тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны.

— Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ! говоритъ по временамъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя въ ней. Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что, кажется, сейчасъ разсыплется въ дребезги; но когда убѣдишься,

что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму.

Гончаровъ.

53. Кубокъ.

«Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой,
 Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
 Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной».
Такъ царь возгласилъ—и съ высокой скалы,
 Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
 Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»
Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
 Молчанье на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ:
 За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно;
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И всѣ безотвѣтны. Вдругъ пажъ молодой
 Смиренно и дерзко впередъ...
Онъ снялъ епанчу и снялъ поясъ онъ свой,
 Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы, и рыцари мыслятъ, безгласны:
«Ахъ! юноша, кто ты? куда ты, прекрасный?»
И онъ подступаетъ къ наклону скалы—
 И взоръ устремилъ въ глубину:
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
 Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.
И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
 Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною и къ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ:
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?
И вдругъ, успокоясь волненье легло,
 И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло,
 И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева:
И глубь застонала отъ грома и рева.
И онъ, упредя разъяренный приливъ,
 Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ,—
 Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
 Его не спасетъ никакая ужъ сила!

Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
 И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
 «Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.
«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
 Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!—
 Меня твой престолъ не прельститъ:
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.
Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
 Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
 Съ ея неприступнаго дна...»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.
И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
 Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ что-то, сквозь пѣну сѣдой глубины,
 Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны—
 И борется, споритъ съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.
И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
 И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ «онъ живъ!» повторялъ;
 «Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
Спасъ душу живую красавецъ отважной!»
Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
 Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
 И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда:
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
 Тотъ жизнью земной веселись!

Но страшно въ подземной таинственной мглѣ—
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своею не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.
Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода,
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.
Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ;
Торчавшій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала...

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ,
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказа́нныя чуды.
Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей, однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.
И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ, межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.
И я содрогался... Вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы...
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морского».
То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
«Довольно, родитель! его пощади!
Подобное кто совершитъ?
Но если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого».

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны.
Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно,
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно!

Жуковскій.

---

54. Лѣсъ.

Я сказалъ о водѣ, что она «краса природы»; почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ; деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

Всѣ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются краснымъ лѣсомъ, или краснолѣсьемъ. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ они имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же они становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется боромъ. Всѣ остальныя

породы деревьев, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются чернымъ лѣсомъ, или чернолѣсьемъ. Къ нему при-

надлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которые также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

«Зарость», или «поросль» (т. е. молодой лѣсъ) пріятна на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностію почвы и тогда начнутъ рости не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые, темные лѣса, но подъ словомъ «старый» не должно разумѣть «состарѣвшійся», дряхлый, лишенный листьевъ; видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ,—зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи, они согнули и поломали молодыя сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ рости и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ и скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ: кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться до земли сквозь его внутренность; облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ...

Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣсного царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ.

Отраденъ видъ густого лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ,

успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами...

Но жутко въ большомъ лѣсу, во время бури, хотя внизу и тихо. Деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣсного левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника. Сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, гнѣздами и любятъ моститься (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

С. Аксаковъ.

55. Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-Силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головою въ бою,
Ты стоишь—поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей бурею!
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь — поникъ
И не ратуешь,
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя-ль, было,
Дни—роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ —
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ—холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!..»
Закружитъ она,
Разыграется —
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься,
Встрепенувшися,
Разбушуешься;
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ...
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные —
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному,
Силы вражія
Понахлынули.
Съ богатырскихъ
плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой...

Кольцовъ [1]).

56. Береза и осина.

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ маленькій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучъ показывалась лазурь, ясная и ласковая, какъ прекрасный, умный глазъ. Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени; а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, смотря по тому, свѣтило ли солнце или закрывалось облакомъ, то озарялась вся,

[1]) *Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ*, сынъ воронежскаго мѣщанина, очень мало учился въ уѣздномъ училищѣ; отецъ взялъ его изъ училища для занятія торговлею; родился въ 1809 году, умеръ въ 1842 г.

словно вдругъ въ ней все улыбалось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка; лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца,—и украдкой, лукаво начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла; лишь кой-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только-что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы. — Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ черезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину—съ ея блѣдно-лиловымъ инеемъ и сѣро-зеленой металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ: не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ; она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ,—или когда, въ ясный вѣтреный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева, и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска, угнѣздился подъ однимъ деревцомъ, у котораго сучья начинались низко надъ землей и, слѣдовательно, могли защитить меня отъ дождя, и, полюбовавшись окрестнымъ видомъ, заснулъ тѣмъ безмятежнымъ сномъ, который знакомъ однимъ охотникамъ.

Тургеневъ.

---

57. Рубка лѣса.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли;
Тамъ поднимался дубокъ молодой;
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной;
Понизу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились —
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ,
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ;
Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица;
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи
Что ни попало въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился;
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;
Старую сосну сперва надрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые,
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась, кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ...
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ,
Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ:

Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь оземь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала.

Некрасовъ [1]).

---

58. Деревомъ убило.

Мы пробирались на мѣсто рубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и чрезъ нѣсколько мгновеній намъ на встрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? куда ты бѣжишь?

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?.. Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него... Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги, бѣги.. Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми, да прямо и побѣги... Заробѣлъ, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ,—да что: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лекаремъ.

Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояли около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипали ко лбу, грудь поднималась неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, заговорилъ онъ едва внятно: за попомъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ...

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ.. вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ...

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ,— заговорилъ мой сосѣдъ:—можетъ быть, ты еще не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ! глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему однако тутъ умирать, воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ: ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу!

Человѣка два бросились къ телѣгѣ

— Я у Ефима... Сычовскаго... залепеталъ умирающій: лошадь вчера купилъ...

*

[1]) *Николай Алексѣевичъ Некрасовъ*, сынъ офицера, родился въ Подольской губ., гдѣ квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ отецъ Некрасова; дѣтство же свое Некрасовъ провелъ въ Ярославской губ.; не окончивъ курса въ гимназіи, Некрасовъ отправился въ Петербургъ; здѣсь Некрасовъ перенесъ много бѣдъ, терпѣлъ голодъ и холодъ, но все-таки трудился надъ развитіемъ своихъ способностей и занимался литературою, потомъ издавалъ журналы. Некрасовъ описываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ по преимуществу крестьянскую жизнь, ея горе и радости; умеръ онъ въ 1877 году.

задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть въ рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ, пробормотали мужики.

Тургеневъ.

59. Дубовый листокъ.

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя
И вотъ, наконецъ, докатился до Черного моря.
У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.
И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.
Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ».
— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ, и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара,
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

60. Жители лѣса.

На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ листьевъ и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы; воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды; заунывно, мелодически перекликиваются иволги; стонутъ рябыя кукушки; постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы; трубятъ желны; трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски,—и все многочисленное крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той-же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Въ чернолѣсьи живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола, — большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, страшный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики ауканьемъ и хохотомъ лѣшаго?

С. Аксаковъ.

61. Лѣсныя болота.

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ дикую глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорогъ, даже маломальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; за то много мѣстъ непроходимыхъ... Гніющаго валежника пропасть, да кромѣ того то-и-дѣло попадаются обширныя, глубокія болота, а мѣстами трясины съ окнами, вадьями и чарусами. Это страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри—берегись, гляди въ оба!..

Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся, мохомъ поросшій, кочкарникъ. Саженными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это «мшава», иначе мохо-

вое болото. Поросло оно мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ, нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣянномъ болотными растеніями. Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ-трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить опасно, разомъ попадешь въ болотную пучину и пропадешь ни за денежку... Бѣжать отъ страшнаго мѣста, бѣжать скорѣй, безъ оглядки, если не хочется вѣрной погибели... Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по незнанью, аль изъ удальства шагнулъ впередъ пять—десять шаговъ, — ноги его начнетъ затягивать въ жидкую трясину, и если не удастся ему поспѣшно и осторожно выбраться назадъ,— онъ погибъ... Бѣжать по трясинѣ — тоже бѣда...

Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязнозеленой трясинѣ. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это «окно». Бѣда оступиться въ это окно — тамъ бездонная пропасть. Не въ примѣръ опаснѣй оконъ «вадья» — тоже открытая круглая полынья, но не въ одинъ десятокъ саженъ ширины.—Ея берега изъ топкаго торфяного слоя, едва прикрывающаго воду. Кто ступитъ въ эту обманную почву, нѣтъ тому спасенья. Вадья какъ разъ засосетъ его въ бездну.

Но страшнѣе всего «чаруса». Окно, вадью издали можно замѣтить и обойти,—чаруса непримѣтна. Выдравшись изъ глухого лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой болотистой почвѣ, путникъ вдругъ, какъ бы по волшебному мановенью, встрѣчаетъ передъ собой цвѣтущую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко, раздольно разстилаясь среди красноствольныхъ сосенъ и темнохвойныхъ елей. Ровная, гладкая, она густо заросла сочной, свѣжей зеленью, и усѣяна крупными бѣлыми кувшинчиками и ярко-желтыми купавками. Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно сверкающей изумрудной зелени!.. Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступитъ онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса, съ ея красивыми, благоухающими цвѣтами, съ ея сочной свѣжей зеленью— тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому ковру даже легконогій заяцъ не сигаетъ, товенькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, что о всякую пору и днемъ, и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами. Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ горбоносаго кроншнепа до желтоброваго песчаника, — бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ.

У лѣсниковъ чаруса слыветъ мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ. Они разсказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчи теплются [1]). А ину пору видаютъ среди чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всей этой окаянной нечисти: русалкамъ, водяницамъ. Много-много чудесъ разсказываютъ лѣсники про эти чарусы.

Мельниковъ.

---

62. Лѣсныя насѣкомыя.

Не однѣ вадьи и чарусы, не одна окаянная сила пугаетъ лѣсниковъ въ лѣтнюю пору. Не даютъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги... Миріады разнообразныхъ комаровъ, отъ крошечной мошки, что цѣлыми кучами забивается въ глаза, въ носъ и уши, до тощей, длинноногой караморы, день и ночь несмѣтными роями толкутся въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями... Нѣтъ ему покоя отъ комариной силы ни въ знойный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью, только и отрада въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ иначе не спятъ, какъ на

[1]) Болотные огни.

подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полусмерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди вышиной сажени по три и мостятъ на нихъ для спанья полати; подъ тѣми полатами раскладываютъ на землѣ огонь: курево отгоняетъ комариную силу. Такъ и спятъ въ дыму прокопченные насквозь бѣдняги, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ несносныхъ мучителей... А кромѣ того оводъ, слѣпни, пауты и страшный бичъ домашнихъ животныхъ— строка [1]). Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рой слѣпней, вьющихся надъ конями, чтобы цѣлая тройка, хоть и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря, какъ бѣшеная, сломя голову... Залетитъ строка въ стадо — весь скотъ взбѣсится, подниметъ неистовый ревъ и, задравъ хвосты, начнетъ метаться во всѣ стороны... Бѣдные лоси и олени пуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки. Она садится на ноги, на спину иль на бока животнаго и прокусываетъ кожу. Раны загноятся, и строка кладетъ въ нихъ свои яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь проѣдаютъ кожу бѣднаго животнаго. Въ то время лось переноситъ нестерпимыя муки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи и снова кладетъ туда яйца. Шкура, снятая со звѣря, убитаго лѣтомъ или осенью, никуда не годится: она усѣяна круглыми дырами въ пятиалтынный и больше. Единственное спасенье бѣдныхъ звѣрей отъ строки, если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера или рѣчки. Свѣжаго воздуха, идущаго отъ студеной воды, строка боится... Да что толковать про беззащитныхъ оленей и лосей,—самъ косолапый бояринъ лѣсовъ пуще огня боится строки. За недостаткомъ-ли лосей, по другой-ли причинѣ, строка иногда накидывается на медвѣдя. Забившись къ Мишкѣ въ загривокъ, въ ту пору, какъ онъ линяетъ, начинаетъ она прокусывать толстую его шкуру. Благимъ матомъ зареветъ лѣсной бояринъ. Напрасно отмахивается онъ передними лапами,—не отстаетъ отъ него строка, пока, огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, кувыркаясь промежъ деревьевъ, не добѣжитъ Мишенька до воды и не погрузнетъ въ ней съ головою. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ звѣрей и спасается отъ кровожаднаго палача... Человѣка, слава Богу, строка никогда не трогаетъ.

Мельниковъ.

[1]) *Строка* — насѣкомое, водится въ лѣсахъ, летаетъ въ роѣ слѣпней, залетаетъ въ поля, если здѣсь пасется скотъ.

63. Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
— Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
«Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ;
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой».
— О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.
— «Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои».
«Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.
— «Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей;
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».
«Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.
— «Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей, иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать!»
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;

Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ,—
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

64. Зимнія работы въ лѣсахъ.

Зимой въ лѣсахъ работа кипитъ. Рòнятъ деревья, волочатъ ихъ къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, еловыя бревна, рубятъ осину да березу на баклуши[1]), колятъ лѣсъ на кадки, на бочки, на пересѣки и на всякое другое щепное подѣлье. Стукъ топоровъ, трескъ падающихъ лѣсинъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносится тогда по лѣснымъ пустырямъ...

Ждетъ не дождется лѣсникъ, чтобы морозъ поскорѣй выжалъ сокъ изъ деревьевъ и сковалъ бы вàдьи и чарỳсы, а матушка-зима бѣлымъ пологомъ покрыла лѣсную пустыню. Знаетъ онъ, что мѣсяца четыре придется ему безъ устали работать, принять за топоромъ труды не малые: лѣсокъ сѣчь не жалѣть своихъ плечъ... Да объ этомъ не тужитъ лѣсникъ, каждый день молится Богу, поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю сослалъ... Но вотъ, ровно бѣлыя мухи, запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю; гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ: и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ; цѣлую ночь благодать Господня на землю валитъ. Къ утру красноогненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко, и ярко освѣтило бѣлую, снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки, и весело хлопочутъ, сбираясь въ лѣса «лѣсовать». Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ, глядя на нихъ, малые ребята, а лѣсники ровно на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, картофелемъ, да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ, на скорую руку простившись съ домашними, грянули они удалую пѣсню и поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь.

Артелями въ лѣсахъ больше работаютъ: человѣкъ по десяти, по двѣнадцати и больше. За недѣлю, либо за двѣ до лѣсованья, артель выбираетъ «старшòго»: смотрѣть за работой, ровнять въ дѣлѣ работниковъ и заправлять немудренымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшòй, иначе «хозяинъ», распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ, натесаннымъ брусьямъ; онъ же наблюдаетъ, чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ бы жить чужимъ топоромъ, тянуть даровщину. У хозяина въ прямомъ подначальѣ «подсыпка», паренекъ-подростокъ, лѣтъ пятнадцати, либо шестнадцати. Ему не подъ силу еще столь наработать, какъ взрослому лѣснику, и за то подсыпка свой пай стряпней на всю артель наверстываетъ, а также заготовкою дровъ, смолья и лучины въ зимницу для свѣтла. Онъ же носитъ воду и долженъ все прибрать и убрать въ зимницѣ, а когда запасы подойдутъ къ концу—ѣхать за новыми въ деревню. Одиноко работаютъ лѣсники, и кромѣ «подсыпки» никому изъ нихъ во всю зиму домой ходу нѣтъ. И къ нимъ изъ деревень никто не наѣзжаетъ.

Мельниковъ.

65. Ночевка въ лѣсу въ зимнюю пору.

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньѣ со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то крики филина... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта, едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ ужъ доносится издали легкій хрустъ сухого валежника: то кровожадная

[1]) *Баклуши*—куски дерева для выдѣлки деревянной посуды.

куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей. Но огонь не подпускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычитъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми, зелеными глазами, и прядаетъ кисточками на концахъ высокихъ, прямыхъ ушей... Опять тишь, и вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка, попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика... Лѣсные обитатели живутъ не по нашему: обѣдаютъ по ночамъ.

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій вой—все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось пряденье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ ночной тиши...

— Волки! боязно прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно ужъ спали крѣпкимъ сномъ.

— А?.. Что?.. промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ. Что ты говоришь?

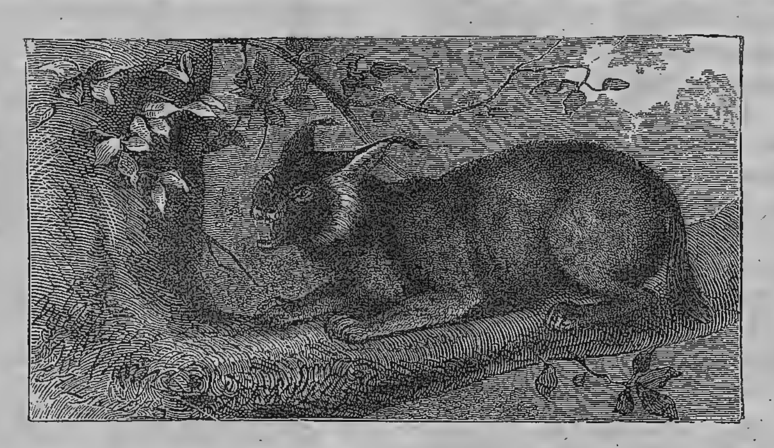
— Слышишь? Воютъ! говорилъ ему смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо.

— Бѣда! шепотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Какая жъ бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо. Эй, вы, ребята! крикнулъ онъ работникамъ.— Проснись! Эка заспались... Вали на костры больше.

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.



Рысь.

— Видимо-невидимо!.. заговорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужъ можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно, въ самомъ дѣлѣ, они справляли именины лѣсного царя.

— Ничего, успокоивалъ Стуколовъ, — огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ!..

Въ самомъ дѣлѣ волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ, голодныхъ, и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй, и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ, молвилъ Стуколовъ.

— Молчи-ка ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ... тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ. Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ ты, Господи, Господи! Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ... Пропадай ты и съ Ветлугой своей!.

А волки все близятся, было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше, какъ въ трехъ саженяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались. У Потапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ, вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ протянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но паломникъ—человѣкъ бывалый, не даромъ много ходилъ по свѣту. Когда волки были ужъ на столько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы[1]).

— Разъ... два... три!.. крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!.. крикнулъ паломникъ, и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горящей лапѣ.

Завыли звѣри, но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, молвилъ паломникъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани. Завернувшись съ головою въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Мельниковъ.

66. Голубь.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемой [1]) чистоты, кротости и любви, —и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему преимущественно. Чистота его доказана святыми ветхо и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками. Слова ласки и сожалѣнія, *голубчикъ* и *голубушка* постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живутъ мужъ съ женою, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы,—и непремѣнно скажутъ: «они живутъ какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга»; желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: «у него голубиная душа»; сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: «охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя». Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ, какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла; какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко, спокойно, граціозно.

Всѣ изъявленія его чувствъ до такой степени мягки, кротки и робки, что даже любовь къ дѣтямъ, при угрожающей имъ очевидной опасности, не сказывается никакими стремительными, смѣлыми порывами. Мнѣ случалось много разъ подходить близко къ дереву, на которомъ находилось гнѣздо съ голубятами, даже влѣзать на него,—и голубь съ голубкой не бросались на меня, какъ болотные кулики, не отводили въ

[1]) *Горящія лапы*—вѣтви хвойнаго лѣса.

[1]) *Эмблема*—символъ, символическая фигура, напримѣръ: якорь—эмблема надежды, крестъ—эмблема страданія.

сторону, прикидываясь, что не могутъ летать, какъ то дѣлаютъ утки и тетеревиныя курочки; голуби перелетывали робко съ дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на которомъ сидѣли, безпрестанно мѣняя мѣсто и приближаясь къ человѣку, по мѣрѣ его приближенія къ дѣтямъ; едва были слышны какіе-то тихіе, грустные, ропотные, прерывающіеся звуки, непохожіе на ихъ обыкновенное воркованье. Однимъ словомъ, голубиная кроткая природа вполнѣ выражалась и тутъ. *С. Аксаковъ.*

67. Проселокъ.

По Руси великой, безъ конца, безъ края
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрезъ лѣса да рѣки, по лугамъ, по нивамъ,
Все бѣжитъ куда-то шагомъ торопливымъ.
И чудесъ хоть мало встрѣтишь той дорогой,
Но мнѣ милъ и близокъ видъ ея убогій.
Утро ли займется на небѣ румяномъ,
Вся она росою блещетъ подъ туманомъ;
Вѣтерокъ разноситъ изъ поляны сонной
Скошеннаго сѣна запахъ благовонный;
Все молчитъ, все дремлетъ, — въ утреннемъ покоѣ
Только ржи мелькаетъ море золотое,
И куда ни глянешь освѣженнымъ взоромъ,
Отовсюду вѣетъ тишью да просторомъ.
На гору-ль въѣзжаешь, за горой селенье
Съ церковью зеленой видно въ отдаленьѣ.
Ни садовъ, ни рѣчки; въ рощѣ невысокой
Липа да орѣшникъ разрослись широко.
А въ дали, надъ прудомъ, высится плотина...
Бѣдная картина! милая картина!..

Апухтинъ.

68. Журавль.

Журавль, такъ сказать, самая видимая, всѣмъ извѣстная, мало укрывающаяся отлетная птица. Онъ живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка какъ разъ прозовутъ журавлемъ. Не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Выраженіе «въ небѣ» уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго *курлыканья*, похожаго на отдаленные звуки волторнъ и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины, недоступной иногда глазу человѣческому? Эти звуки издаютъ одни самцы, и для того у нихъ дыхательное горло имѣетъ особенное устройство. Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя бы стояла холодная погода; эти

звуки обѣщаютъ близкое тепло; за то въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ августа и даже въ началѣ сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей наводитъ грусть на его сердце; «быть рано зимѣ», говоритъ онъ: «журавли пошли въ походъ», — и всегда почти вѣрно бываетъ такое предсказаніе.

Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь выше и выше, такъ что наконецъ не увидитъ ихъ глазъ, и только крикъ, сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ, мягкихъ, глухихъ и вмѣстѣ пріятныхъ звукахъ.

Вообще журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки, — иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября;

летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго, по большей части, гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи «журавлиный ключъ», потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными нѣмецкими ключами, а съ простымъ, самодѣльнымъ деревяннымъ ключомъ, которымъ запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ.

Впрочемъ, изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупого и почти равносторонняго треугольника.

Вообще журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено; но въ одиночку или въ парѣ, особенно если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣваютъ гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе, и на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ иногда можно подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Обыкновеннымъ образомъ стрѣлять журавлей очень трудно и мало убьешь ихъ, а надобно употреблять для этого особенные пріемы и хитрости, то есть подкрадываться къ нимъ изъ-за кустовъ, скирдовъ хлѣба, стоговъ сѣна и пр. — Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и черезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или на ночевкѣ; ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ, тревожнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

Журавль — сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ съ твердыми ногтями и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненый журавль дѣлается опасною птицею для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь, и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его; скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваньемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ на всемъ бѣгу бросается на спину, начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой обороны: одного кривого охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ нѣтъ ничего смѣшного; но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, или вздумаетъ приласкаться къ своей дружкѣ, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки: до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзвое движеніе. Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка.

С. Аксаковъ.

---

69. Перепелка.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

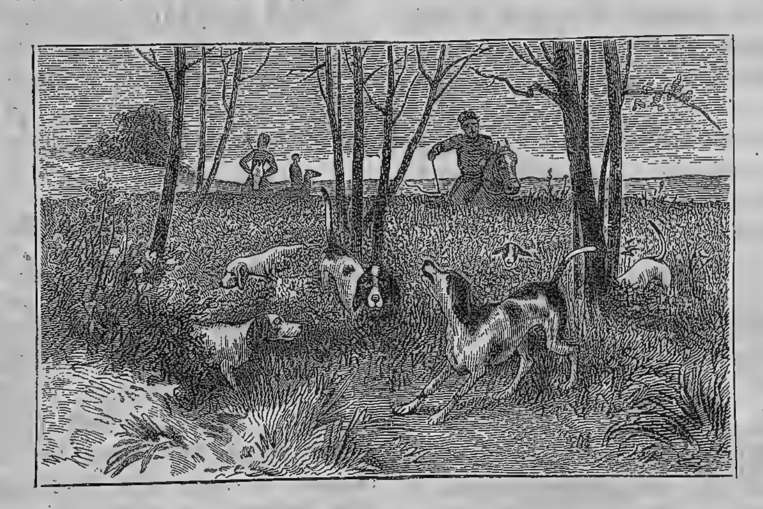
Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ,

и какъ только не былъ занятъ по хозяйству, — и погода стояла хорошая, — онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Онъ часто бралъ меня съ собою. Большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ чрезъ плечо фляжку — и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ сапоги, но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ, и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ, — такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора, съ нея текла кровь, — а мнѣ всё-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ! Но отецъ объявилъ мнѣ, что раньше двѣнадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ.

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подъ самый Петровъ день. Отецъ пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржанаго поля, гдѣ всегда попадались перепела.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: «пиль!» и изъ подъ самаго носа Трезора вскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю — точно она была раненая или крыло у нея надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею. Онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ: онъ боялся, что зацѣпитъ дробью собаку. — И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ — и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ къ верху. — Я подскочилъ. — Что это, говорю, она раненая была? — «Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ; она не была раненая; а у ней должно быть близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать». — Для чего же она это дѣлаетъ? спросилъ я. — «А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла; ужъ слишкомъ притворилась, — и Трезоръ ее поймалъ». — Такъ она не раненая? спросилъ я опять. — «Нѣтъ, но живой ей не быть... Трезоръ ее, должно быть, даванулъ зубами». — Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку, и глядѣла на меня сбоку своимъ каримъ глазкомъ. — И мнѣ вдругъ такъ жаль ея стало! Мнѣ показалось, — она глядитъ на меня и думаетъ: «За что же я умирать должна? За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла: маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше, — и вотъ попалась! Бѣдняжка я! бѣдняжка! Несправедливо это, несправедливо!». — Папаша! сказалъ я, — да можетъ быть, она не умретъ... и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: — «Нѣтъ! Вотъ посмотри: у нея сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза». Такъ оно точно и случилось. Какъ только у нея закрылись глаза — я заплакалъ. — «Чему ты?» спросилъ отецъ. — Мнѣ жаль ея, сказалъ я: — она долгъ свой исполняла, а ее убили! Это несправедливо! — «Она схитрить хотѣла, отвѣтилъ мнѣ отецъ, — только Трезоръ ее перехитрилъ». — Злой Трезоръ! подумалъ я; да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ недобрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобъ дѣтей своихъ спасать, — такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ-было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется ли она? Однако она не шевелилась. — «Напрасно, братъ, сказалъ отецъ; ея не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается». — Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку — головка опять упала. — «Тебѣ все ее жаль?» спросилъ меня отецъ. — А кто же маленькихъ кормить будетъ? спросилъ я въ свою очередь. Отецъ пристально посмот-

рѣлъ на меня.—«Не безпокойся, говоритъ, —самецъ-перепелъ, отецъ ихъ, выкормитъ. Да вотъ постой, прибавилъ онъ, никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ... Ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть». И точно, въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно рядышкомъ лежали четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки, и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышатъ... точно дрожатъ! А ужъ оперились; пуху на нихъ нѣтъ,—только хвостики еще очень короткіе.—Папа! папа! закричалъ я благимъ матомъ,—отзови Трезора, а то онъ ихъ тоже убьетъ! Отецъ кликнулъ Трезора и, отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать, вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку.—«Смотрите, молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!». Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я пошелъ къ отцу.—Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку? спросилъ я его. —«Изволь. Но что ты хочешь съ ней сдѣлать?»—Я хочу ее похоронить.—«Похоронить?»—Да, возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ; я ей могилочку вырою.—Отецъ удивился.—«Чтобы дѣтки къ ней на могилу ходили?» спросилъ онъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ я; а такъ... мнѣ хочется. Ей будетъ здѣсь хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда!—Отецъ ни слова не промолвилъ, досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку, поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. Скоро мы съ отцомъ пошли дальше, но я все оглядывался. Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. Я и могилку нашелъ по кресту. Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ ихъ увелъ, ихъ отецъ. И когда, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ. И я подумалъ: «Нѣтъ! папа добрый!». Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ, и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье!



Тургеневъ.

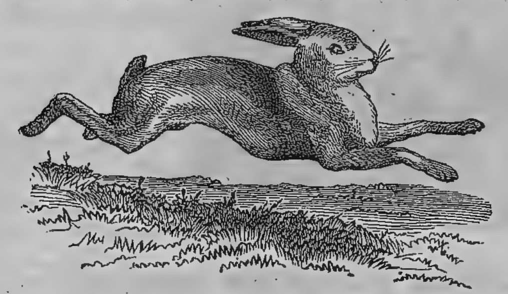
---

70. Заяцъ.

Заяцъ—самое робкое и беззащитное твореніе. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицею: «труслив какъ заяцъ». Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь

вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря, и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зорямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища. Ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ, рѣзвится. Съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своею мордочкою, опушенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что извѣдалъ на опытѣ каждый охотникъ, отыскивавшій русаковъ по слѣдамъ.

Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя или лягавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки.



Но, кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое логово, если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ, то непремѣнно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшая и сильнѣйшая изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу,—увидитъ и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустившись на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями.

Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большіе совы и филины. Они ловятъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: подстерегаютъ ихъ на тропахъ; одною ногою сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и такимъ образомъ держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапою и окончательно задушитъ.

Самый сильнѣйшій истребитель заячьихъ породъ—человѣкъ; ружье—еще самое слабое оружіе къ ихъ истребленію; борзыя собаки, тенета, т. е. заячьи сѣти, капканы—вотъ кто губитъ ихъ тысячами.

С. Аксаковъ.

---

71. Фальстафъ.

Княгиня любила Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всего на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды князь воротился домой съ прогулки, приведя съ собою щенка грязнаго, больного, самой жалкой наружности, но который, однакожъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ себя неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было — кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его всплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было бы чудомъ. Вдругъ огромный исполинскій бульдогъ бросается въ воду наперерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ,

который еще носилъ тогда наименованіе Фриксы, терпѣть не могъ ничьихъ ласкъ и отвѣтилъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутренніе покои, вычищенъ, вымытъ, и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетѣ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и строгаго наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали пріискивать новое имя, по возможности древнее,—требовалось названіе вполнѣ приличное фавориту [1]) дома. Наконецъ, князь, взявъ въ соображеніе феноменальную [2]) прожорливость Фриксы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ [3]). Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо: какъ истый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобы почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе.

Достоевскій.

---

72. Княжна Катя и Фальстафъ.

Фальстафъ былъ хладнокровенъ, но золъ, какъ тигръ, когда его раздражали, золъ даже до отрицанія власти хозяина; онъ рѣшительно никого не любилъ. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея силы, не склоняется предъ нею, не любитъ ея. И вотъ Катя порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какже могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣобѣденнымъ покоемъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы: княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобы, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, и заставить его итти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился бы отгрызть у ней руку, или растерзать ее, если бъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ, какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего непріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьѣ, и усѣлась на диванъ.

Минутъ черезъ десять она выдумала новое обольщеніе: тотчасъ же вышла и воротилась съ запасомъ кренделей, пирожковъ,—однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппози-

---

1) *Фавориту*—любимцу. 2) *Феноменальную*—удивительную. 3) *Фальстафъ*—лицо въ одномъ сочиненіи англійскаго писателя Шекспира, отличавшееся животными наклонностями и стремленіями къ обжорству и пьянству.

ція [1]), въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ рѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли, какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись же, что она взглянула на меня,—вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно вскочила съ мѣста, самою твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала; глаза ея блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздавалось ужасное рычаніе; еще минута, и онъ бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку, и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты.

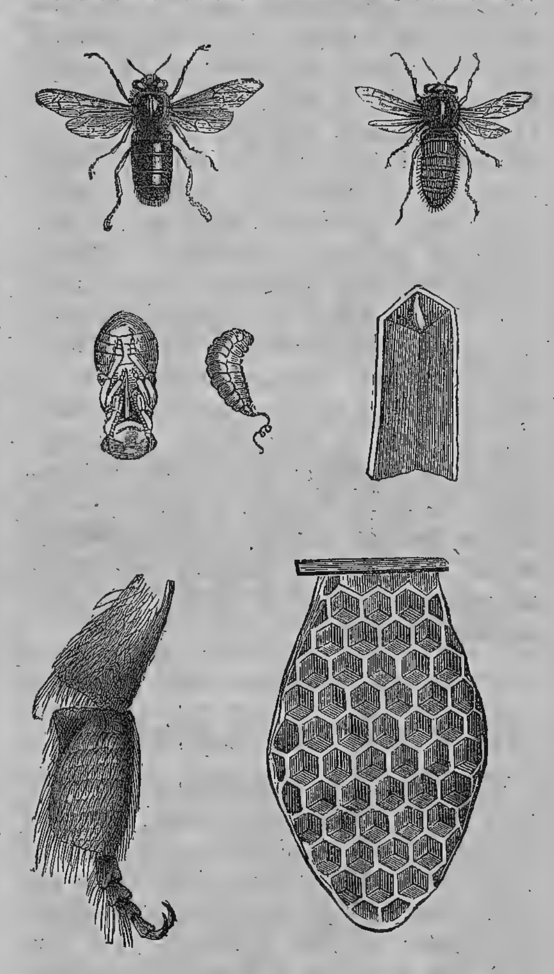
Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня неизъяснимый взглядъ, взглядъ, упоенный побѣдой. Но я была блѣдна, какъ платокъ; она это замѣтила и улыбнулась. Однако смертельная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокѣ.

Достоевскій.

[1]) *Оппозиція*—сопротивленіе.

73. Пчелы.

На свѣтѣ много чудесъ и къ числу поразительнѣйшихъ между чудесами природы слѣдуетъ, конечно, отнести дружное и трудолюбивое общество вѣчно занятыхъ, вѣчно подвижныхъ пчелъ. Въ ихъ тѣсной, многочисленной семьѣ стоитъ поучиться любви къ порядку и труду, умной бережливости,



неограниченной преданности дѣлу и обязанностямъ. Въ ульѣ у нихъ превосходно устроенъ строжайшій надзоръ за общимъ ихъ достояніемъ; трудящіяся и трудолюбивыя ненавидятъ и уничтожаютъ лѣнивыхъ; каждая готова жертвовать собою для общаго блага; каждая непоколебимо привязана къ мѣсту своего рожденія; всѣ единодушно вооружаются противъ всякаго непріятель-

скаго вторженія и держать неутомимый дозоръ у входа въ свой улей.

Взгляните на улей: если погода хороша, то вы увидите трудолюбивую толпу, которая тѣснится (впрочемъ безъ всякаго грубаго безпорядка) у входа въ общее жилище; не бойтесь шума и жужжанья, подходите смѣло, особенно если съ вами тотъ, кто постоянно ходитъ за пчелами,—пасѣчникъ. Ежели вы хотите, чтобы пчелы приняли васъ, какъ друга, возьмите въ руку ложку съ медомъ, или просто хоть палецъ обмокните къ медъ, и смѣло подходите къ улью съ открытымъ лицомъ и руками; къ вамъ слетятся тысячи пчелъ, и ни одна изъ нихъ васъ не ужалитъ. Въ вознагражденіе за медъ, которымъ вы угощаете ихъ, вамъ можно будетъ близко разсмотрѣть входъ въ ихъ жилье. Вы увидите, какъ однѣ слетаются съ полей, до такой степени нагруженныя матеріаломъ для построекъ и провизіей, что едва могутъ летѣть; другія торопливо выходятъ изъ дому и тотчасъ улетаютъ искать новой добычи; нѣкоторыя даже не входятъ въ улей, чтобы сложить тамъ свою ношу: у входа всегда есть ловкіе, проворные носильщики, которые проворно обираютъ прилетѣвшихъ и опять отпускаютъ ихъ на сборъ.

Какъ же онѣ собираютъ свою добычу?— Это вы можете сейчасъ разсмотрѣть: подойдите къ какому-нибудь цвѣтку, неподалеку отъ улья; навѣрное на немъ или въ немъ вы найдете пчелу; вы увидите, какъ своимъ хоботкомъ она лижетъ и жадно сосетъ цвѣточный сиропъ; она собираетъ также и цвѣточную пыль съ тычинокъ цвѣтка; пылинки прилипаютъ къ волоскамъ на ея тѣлѣ; особенно много ихъ накопляется на лапкахъ. Когда же пчела почувствуетъ, что добычи довольно, тотчасъ возвращается въ улей.

Внутреннее расположеніе улья чрезвычайно любопытно. Бо́льшая часть пчелинаго жилища наполнена вертикальными перегородками; онѣ прикрѣплены только сверху, а нижніе края свободны. Эти висячія перегородки параллельны одна другой, и между ними такой тѣсный промежутокъ, что въ немъ могутъ рядомъ пройти только двѣ пчелы. Эти промежутки напоминаютъ собою улицы; они сообщаются между собою отверстіями въ перегородкахъ. На этихъ перегородкахъ, которыя называются обыкновенно сотами, съ обѣихъ сторонъ тысячи небольшихъ клѣточекъ или ячеекъ, сдѣланныхъ изъ воску; въ нѣкоторыхъ лежитъ медъ, и онѣ открыты; въ другихъ тоже медъ, прикрытый восковою крышечкой; во многихъ другихъ лежитъ или по червячку, или по яичку. Стѣнки улья внутри облѣплены.

Рой пчелъ состоитъ обыкновенно изъ матки, тысячи или тысячи двухъ сотъ трутней и отъ двадцати до тридцати тысячъ пчелъ. Этотъ рой вылетаетъ изъ улья, въ которомъ родился, и ищетъ удобнаго мѣста, гдѣ бы поселиться; въ дикомъ состояніи рой выбираетъ себѣ обыкновенно или расщелину скалы, или стволъ стараго дуплистаго дерева. Но человѣкъ предвидѣлъ это переселеніе и умѣлъ обратить его себѣ въ пользу; онъ даетъ пчеламъ убѣжище вѣрное и удобное — улей. Ежели рой не рѣшается на поселеніе, стоитъ только взять матку и помѣстить ее въ улей,—тотчасъ весь пчелиный народъ бросается туда за нею, и вслѣдъ за тѣмъ начинаются первыя приготовительныя работы для устройства улья.

Собравшись въ новомъ жилищѣ, пчелы сначала чистятъ его какъ можно лучше; потомъ множество работницъ вылетаетъ, чтобы собирать съ древесныхъ почекъ, особенно съ тополя, ивы и дуба, красноватое, клейкое, смолистое вещество съ необыкновенно пріятнымъ запахомъ, которое называется у насъ въ народѣ узой, или пергой. Уза употребляется для того, чтобы задѣлывать ею всѣ отверстія, всѣ ненужныя щели въ ульѣ. Пчела прилетаетъ ко входу въ улей, садится на дощечку, вставленную въ отверстіе, и входитъ въ свой домъ съ полною ношею узы въ корзиночкахъ своихъ заднихъ ногъ. Ее встрѣчаютъ другія работницы, обираютъ у нея добычу, разжевываютъ своими челюстями и затыкаютъ отверстія.

По окончаніи этой работы начинаются внутреннія постройки сотовъ. Матеріаломъ для этого служитъ воскъ, который просту-

паетъ тоненькими пластинками между кольцами живота пчелы. Когда ячейки готовы, или даже по мѣрѣ того, какъ онѣ строятся, матка начинаетъ нести свои яички. Въ это время работницы особенно усердно ухаживаютъ за нею: ласкаютъ ее, чистятъ ее хоботками, даютъ ей изъ своего рта по капелькѣ меду и толпятся около нея правильными кругами. Матка бѣгаетъ по сотамъ, осматриваетъ, ощупываетъ ячейки и кладетъ въ нихъ по яичку, которое прилипаетъ къ донышку ячейки однимъ своимъ концомъ. Ежели ей случится положить въ одну и ту же ячейку два или нѣсколько яичекъ, работницы выбрасываютъ лишнія.

Разинъ.

74. Обезматочившій улей.

Въ обезматочившемъ ульѣ уже нѣтъ жизни, но на поверхностный взглядъ онъ кажется такимъ же живымъ, какъ и другіе. Такъ же весело въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца вьются пчелы вокругъ обезматочившаго улья, какъ и вокругъ живыхъ ульевъ; такъ же издалека пахнетъ отъ него медомъ, такъ же влетаютъ и вылетаютъ изъ него пчелы. Но стоитъ приглядѣться къ нему, чтобы понять, что въ ульѣ этомъ уже нѣтъ жизни. Не такъ, какъ въ живыхъ ульяхъ, летаютъ пчелы, не тотъ запахъ, не тотъ звукъ поражаютъ пчеловода. На стукъ пчеловода въ стѣнку большого улья, вмѣсто прежняго, мгновеннаго дружнаго отвѣта, шипѣнья десятковъ тысячъ пчелъ, грозно поджимающихъ задъ и быстрымъ боемъ крыльевъ производящихъ этотъ воздушный жизненный звукъ, ему отвѣчаютъ разрозненныя жужжанія, гулко раздающіяся въ разныхъ мѣстахъ пустого улья. Изъ летка не пахнетъ, какъ прежде, спиртовымъ, душистымъ запахомъ меда и яда, не несетъ оттуда тепломъ полноты, а съ запахомъ меда сливается запахъ пустоты и гнили. У летка нѣтъ больше готовящихся на погибель для защиты, поднявшихъ къ верху зады, трубящихъ тревогу стражей. Нѣтъ больше того ровнаго и тихаго звука, трепетанья труда, подобнаго звуку кипѣнья, а слышится нескладный, разрозненный шумъ безпорядка. Въ улей, изъ улья робко и увертливо влетаютъ и вылетаютъ черныя, продолговатыя, смазанныя медомъ пчелы-грабительницы; онѣ не жалятъ, а ускользаютъ отъ опасности. Прежде только съ ношами влетали, а вылетали пустыя пчелы, теперь вылетаютъ съ ношами. Пчеловодъ открываетъ нижнюю колодезню и вглядывается въ нижнюю часть улья. Вмѣсто прежде висѣвшихъ до уза (нижняго дна) черныхъ, усмиренныхъ трудомъ плетей сочныхъ пчелъ, держащихъ за ноги другъ друга и съ непрерывнымъ шопотомъ труда тянущихъ вощину, сонныя, ссохшіяся пчелы въ разныя стороны бредутъ разсѣянно по дну и стѣнкамъ улья. Вмѣсто чисто залѣпленнаго клеемъ и сметеннаго вѣерами крыльевъ пола, на днѣ лежатъ крошки вощинъ, полумертвыя, чуть шевелящія ножками, и совершенно мертвыя, неприбранныя пчелы. Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья. Вмѣсто сплошныхъ рядовъ пчелъ, облѣпившихъ всѣ промежутки сотовъ и грѣющихъ дѣтву, онъ видитъ искусную, сложную работу сотовъ, но уже не въ томъ видѣ, въ которомъ она бывала прежде. Все запущено; грабительницы, черныя пчелы шныряютъ быстро и украдисто по работамъ; свои пчелы, ссохшіяся, короткія, вялыя, какъ будто старыя, медленно бродятъ, никому не мѣшая, ничего не желая и потерявъ сознаніе жизни. Трутни, шершни, шмели, бабочки безтолково стучатся на лету о стѣнки улья. Кое-гдѣ между вощинами съ мертвыми дѣтьми и медомъ изрѣдка слышится съ разныхъ сторонъ сердитое брюзжаніе; гдѣ-нибудь двѣ пчелы, по старой привычкѣ и памяти, очищая гнѣздо улья, старательно, сверхъ силъ, тащатъ прочь мертвую пчелу или шмеля, сами не зная, для чего онѣ это дѣлаютъ. Въ другомъ углу другія двѣ старыя пчелы лѣниво дерутся, или чистятся, или кормятъ одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно онѣ это дѣлаютъ. Въ третьемъ мѣстѣ, толпа пчелъ, давя другъ друга, нападаетъ на какую-нибудь жертву и бьетъ и душитъ ее. И ослабѣвшая или убитая пчела медленно,

легко, какъ пухъ, спадаетъ съ верху въ кучу труповъ. Пчеловодъ разворачиваетъ двѣ среднія вощины, чтобы видѣть гнѣздо. Вмѣсто прежнихъ сплошныхъ, черныхъ круговъ тысячъ пчелъ, сидящихъ спинка со спинкой, и блюдущихъ высшія тайны родного дѣла, онъ видитъ сотни унылыхъ, полуживыхъ и заснувшихъ остововъ пчелъ. Онѣ почти всѣ умерли, сами не зная этого, сидя на святынѣ, которую онѣ блюли и которой уже нѣтъ больше. Отъ нихъ пахнетъ гнилью и смертью. Только нѣкоторыя изъ нихъ шевелятся, поднимаются, вяло летятъ и садятся на руку врагу, не въ силахъ умереть, жаля его, — остальныя, мертвыя, какъ рыбья чешуя, легко сыплются внизъ. Пчеловодъ закрываетъ колодезню, отмѣчаетъ колодку и, выбравъ время, выламываетъ и выжигаетъ ее.

Графъ Л. Толстой.

75. Балъ насѣкомыхъ.

Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ Божьимъ трономъ зажигая свѣчи.
Призатихла роща. Только дубъ шушукалъ,
Только гдѣ-то дятелъ крѣпкимъ носомъ стукалъ,
Только насѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи; комары трубили;
На своихъ скрипицахъ весело пилили,
Лихо зная ноты, стало быть безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечикъ.
Впереди оркестра, на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Балъ великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ:
Шпанскихъ мухъ десятокъ въ золотыхъ ливреяхъ
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ,
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньѣ.
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несется,
Пестрый вихорь вальса шелеститъ и вьется.
Жуколицы ходятъ около буфета;
Ползаютъ козявки... И большого свѣта
Жесткія особы—божіи коровки
Собрались другъ другу показать обновки.
Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ.
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ;
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры—
Все въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ—кузнечикъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, изъ всѣхъ силъ играетъ.
По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнный,
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртинѣ.

Полонскій.

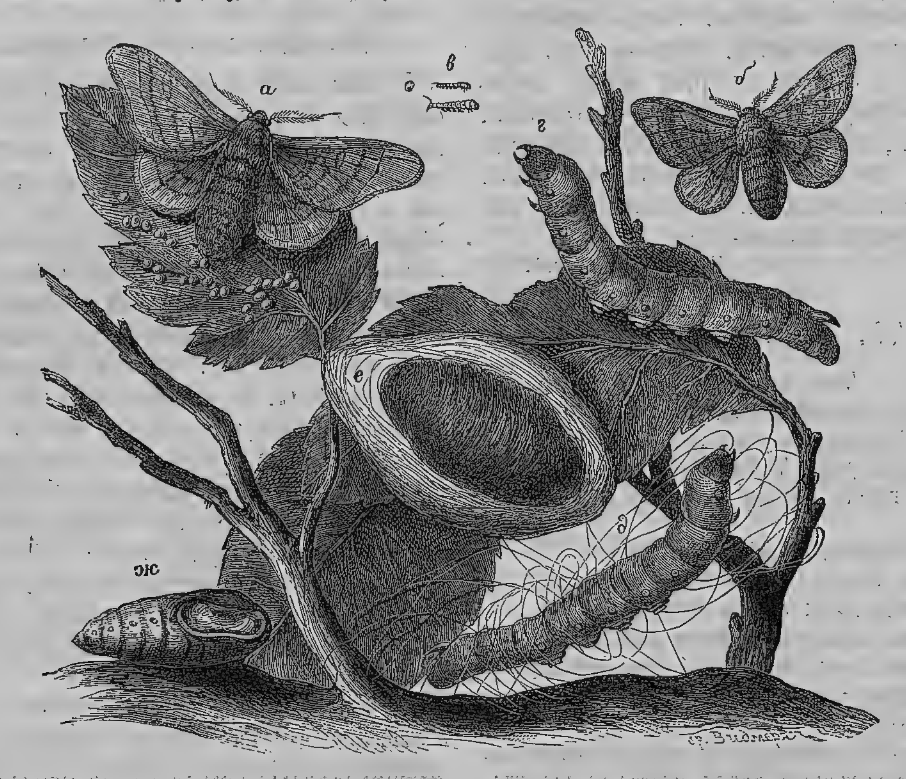
76. Шелковичный червь.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмена эти—темносѣрыя и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя, только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ. Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ. Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовикѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмячекъ были уже не темносѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтло-сѣрыя, а другія—еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они видно почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ. Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно ихъ было разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто такъ, какъ меня учили. Пока я готовилъ бумагу, червяки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ

манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, поползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ выбрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

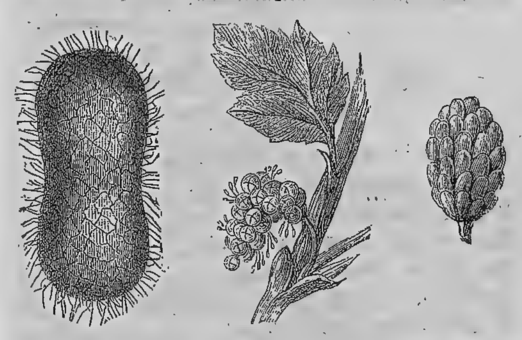
На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ; всѣ ся, изо рта выпуститъ паутинку и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится, и если хочетъ спуститься— спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинѣ. Цѣлыя сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ, и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ. Такъ



пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги всѣ червячки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползли по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ. Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, старшіе червяки жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго.

На пятый день я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на пятый день, точно, одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться. На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что выростаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую. Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Вве-

черу товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!». Я пришелъ и увидалъ, что, точно, этотъ червякъ прицѣпился старой шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову и тужится, извивается, какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ — для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно повредилъ новую



рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ. Другихъ уже я не трогалъ; они всѣ также выбирались изъ своихъ рубашекъ; только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти хотя и долго мучались, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ четыре дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, а они были уже ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней—опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ. На девятый день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листу, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ есть и ползутъ вверхъ. Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголокъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое и сталъ крутить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вкругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной: онъ весь обмотался шелкомъ и все еще моталъ. Чрезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть, сколько разъ надо могнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня триста тысячъ разъ. Значитъ, онъ, не переставая, дѣлаетъ каждую секунду по обороту. За то уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ бѣлыхъ, точно восковыхъ. Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми восковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки, но, глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако, все таки я на 20 день сталъ смотрѣть, что будетъ съ тѣми, которыхъ я оставилъ.

На двадцатый день я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно; я уже думалъ — что-нибудь не такъ, какъ вдругъ подмѣтилъ: на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но потомъ подумалъ: не такъ ли начинается?— и сталъ смотрѣть, что будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что это такое; но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣ-

тилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая,—и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ—мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ,—задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно. Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яйца, и я набралъ 25,000 яичекъ. На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

Графъ Л. Толстой [1]).

77. Похороны мертвой бабочки.

Тамъ, неподалеку спѣющей брусники,
Подъ корнями красной полевой гвоздики,
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
Ножки протянула, крылья распластала,
И, казалось, лежа небесамъ молилась,
Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
Тотъ же сохранился очеркъ милый, нѣжный,
Тою же сіяли бѣлизною снѣжной
Матовыя крылья. Черная косынка
На груди раскрылась. Крупная слезинка,
Какъ алмазъ, блестѣла около рѣсницы,
И какъ бархатъ были темныя косицы.
Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли—и долго поступью несмѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ—и сотни разныхъ насѣкомыхъ
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ.
Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ;
Но, слетѣвшись кучей и увидѣвъ тѣло,
Взяли тономъ ниже (поняли, въ чемъ дѣло...)
И, трубя плачевно, въ разстояньи дальнемъ
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи,
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
И дышалъ въ лицо ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ,
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая.
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повелики, робко по стволамъ ползущей;
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой качали.—Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая,—
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ Липки
Мертвую Сильфиду—тамъ ее сложили,
Вырыли могилу и похоронили.

Полонскій.

[1]) *Графъ Левъ Никол. Толстой* служилъ въ военной службѣ, потомъ, выйдя въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи въ Тульской губ. Онъ много сдѣлалъ для образованія крестьянъ. Въ настоящее время Л. Н. Толстой одинъ изъ самыхъ лучшихъ нашихъ писателей, гордость нашей литературы. Лучшія его сочиненія: «Дѣтство», «Отрочество», «Война и миръ», «Анна Каренина».

78. Екатерина Великая.

(Фелица).

Мурзамъ [1]) твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ [2]),
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады [3]),
А въ клобъ [4]) не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь [5]) собой;

[1]) *Мурза*—вельможа. [2]) *Пишешь предъ налоемъ*—императрица Екатерина II занималась сочиненіемъ законовъ: Грамоты Дворянству, Устава Благочинія и пр. [3]) *Маскарадъ*— вечеръ, на который сходятся гости въ маскахъ, кто туркомъ, кто цыганомъ и пр. [4]) *Клобъ, клубъ*—общественное собраніе, домъ, въ который собираются по вечерамъ извѣстныя другъ другу лица, вносящія извѣстную плату на содержаніе клуба. [5]) *Донкишотствовать*—глаголъ, образованный изъ собств. имени *Донъ-Кихотъ. Донъ-Кихотъ*—главное лицо романа (сочиненія), носящаго это же имя. Донъ-Кихотъ былъ пожилой испанскій дворянинъ, задумавшій, подъ вліяніемъ прочитанныхъ сочиненій, совершать рыцарскіе подвиги: освобождать несчастныхъ, убивать чудовищъ и пр. Подъ вліяніемъ своихъ мечтаній, Донъ-Кихотъ принималъ арестантовъ за невинныхъ страдальцевъ и освобождалъ ихъ, а вѣтреныя мельницы — за чудовища и сражался съ ними. Отъ этого всѣ добрыя намѣренія и дѣла Донъ-Кихота обращались въ странные и смѣшные, чуть не сумасшедшіе поступки.

Коня Парнасска [1]) не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь [2]),
Не ходишь съ трона на Востокъ [3]);
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ, и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въ явь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить.
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья [4])
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго, —
И самого сатира [5]) злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть.
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ [6]),
Который сира и убога [7])
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,

[1]) *Парнасъ* — гора, на которой, по вѣрованію грековъ, жили музы, т. е. такія существа, которыя вдохновляли людей писать поэтическія произведенія или производить что-нибудь великое въ области музыки, живописи, даже танцевъ и пр. [2]) Во время Екатерины II были люди, которые думали, что можно имѣть общеніе съ духами. [3]) Намекъ на мечту завоевать Индію. [4]) Екатерина II писала сказки: напр. о царевичѣ Хлорѣ. [5]) *Сатиръ* — баснословное существо, человѣкъ съ козлиными рогами и ногами; переносно — человѣкъ, видящій въ другихъ худое. [6]) *Брани усмирилъ* — кончена турецкая война. [7]) *Сира и убога* — открыты воспитательный домъ, больницы и пр.

Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать [1]),
Позволивъ своему народу
Сребра и золота искать [2]);
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги [3]), науки,
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница —
Даютъ и милости, и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего! *Державинъ* [4]).

---

79. «Недоросль» сдаетъ экзаменъ [5]).

Стародумъ, Правдинъ, Милонъ, г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Прост. А я такъ за своею (просьбою). *(Стародуму)*. Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*). Кланяйтесь.

Стар. Какою, сударыня?

Г-жа Прост. Во первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка; за молитвы родителей нашихъ (намъ, грѣшнымъ, гдѣ бъ и умолить), даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть.

[1]) Позволено безпрепятственно ѣздить въ чужія страны. [2]) Дано право брать въ свою пользу найденное золото и серебро. [3]) Разрѣшено свободное производство мануфактуръ и торговли. [4]) *Гавріилъ Романовичъ Державинъ*, сынъ бѣднаго дворянина, служившаго въ военной службѣ, родился близъ Казани въ 1742 г., учился въ Казанской гимназіи; потомъ служилъ въ военной службѣ, начавъ ее простымъ рядовымъ; по производствѣ въ офицеры, перешелъ въ статскую службу и, благодаря дарованіямъ, трудолюбію и честности, дослужился до министерскаго поста. Въ своихъ стихотвореніяхъ отразилъ вѣкъ Екатерины II. Умеръ въ 1816 году. [5]) Отрывокъ изъ комедіи «Недоросль».

Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стар. О, сударыня! до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику—учася у Цыфиркина. (*Къ правдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ?

Вмѣстѣ:
Г-жа Простак. Всѣмъ наукамъ, батюшка!
Прост. Всему, мой отецъ!
Митр. Всему, чему изволишь.

Правдинъ (*Митрофану*). Чему жъ бы напримѣръ?

Митр. (*подаетъ ему книгу*). Вотъ грамматикѣ.

Правд. (*взявъ книгу*). Вижу, это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митр. Много. Существительное да прилагательное.

Правд. Дверь, напримѣръ, какое имя? существительное или прилагательное?

Митр. Дверь? котора дверь?

Правд. Котора дверь? Вотъ эта.

Митр. Эта? прилагательная.

Правд. Почему жъ?

Митр. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшана: такъ та покамѣстъ существительна.

Правд. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митр. И вѣдомо!

Г-жа Прост. Что, каково, мой батюшка?

Прост. Каково, мой отецъ?

Правд. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Прост. То, мой батюшка, онъ еще съ измала къ исторіямъ охотникъ.

Скот. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется!

Г-жа Прост. Однако все-таки не придетъ противъ Адамъ Адамыча.

Правд. (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

Митр. Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Фонъ-Визинъ.

Правд. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Митр. Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ: онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Прост. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правд. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Прост. (*сыну*). Слышь, другъ мой сердечный! Это что за наука?

Митр. (*тихо матери*). А я почемъ знаю!

Г-жа Прост. (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митр. (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Прост. (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правд. Географія.

Г-жа Прост. (*Митрофану*). Слышишь, еоргафія.

Митр. Да что такое, Господи, Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Г-жа Прост. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то; онъ тебѣ и разскажетъ.

Правд. Описаніе земли.

Г-жа Прост. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стар. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Прост. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что-жъ? Это ихъ дѣло. Это так и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стар. О, конечно, сударыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Д. Фонъ-Визинъ [1]).

80. Водопадъ [2]).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней?
Чей трупъ [3]), какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты [1]) покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды [2])?
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса [3]), духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ [4]).
Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ [5]),
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ [6]),
Покрылъ Понтъ Черный кораблями [7]),
Потрясъ среду земли громами [8])?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Русской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ [9]),
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ,
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ [10]),—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!
Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о, сильный человѣкъ?

Державинъ.

[1]) *Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ* родился въ 1744 г. учился въ Московскомъ университетѣ. Лучшія его сочиненія: «Бригадиръ», «Недоросль». Умеръ въ 1792 году. [2]) Кивачъ, *водопадъ* въ Олонецкой губерніи, падающій съ четырехъ скалъ. [3]) *Потемкина*, умершаго на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. Тѣло Потемкина пролежало цѣлую ночь въ степи, прикрытое плащомъ.

[1]) Одинъ изъ солдатъ, бывшихъ при Потемкинѣ, положилъ на его глава *двѣ денежки*, чтобы закрыть ихъ. [2]) *Князь Тавриды* — титулъ князя Потемкина. [3]) *Росса* — русскаго народа. [4]) Замыслы Потемкина были обширны. Есть указанія, что онъ имѣлъ въ виду выгнать турокъ изъ Европы и завязать торговлю съ Индіей. [5]) Крымскихъ татаръ. [6]) Заселилъ Новороссійскій край, основалъ города: Екатеринославъ, Николаевъ, Одессу и пр. [7]) *Понтъ*—море. [8]) *Среду земли* — Средиземное море. [9]) По взятіи Измаила солдаты удивлялись своей храбрости. [10]) Потемкинъ былъ геніальный человѣкъ.

81. Суворовъ.

Проживъ долго вмѣстѣ съ солдатами, Суворовъ совершенно сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, съ ихъ языкомъ.

Всѣмъ извѣстно, что Суворовъ и въ высшихъ чинахъ велъ жизнь спартанскую [1]): не иначе спалъ, какъ на соломѣ или на сѣнѣ; вставалъ съ зарею; довольствовался пищею самою простою; одѣвался весьма легко, даже зимою; ненавидѣлъ всякую роскошь; избѣгалъ званыхъ обѣдовъ, пировъ; изгонялъ все, что только могло нѣжить тѣло и размягчать душу. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія

Графъ Д. Милютинъ.

считалъ онъ вредными для воина. Настоящая сфера [2]) его была въ лагерѣ, на бивакѣ [3]), въ походѣ. Пріучившись съ молодыхъ лѣтъ къ такому строгому образу жизни, Суворовъ, можно сказать, передѣлалъ даже натуру свою: здоровье его укрѣпилось: съ виду тщедушный и слабый, онъ

[1]) *Спарта* — одно изъ древнихъ греческихъ государствъ, извѣстное тѣмъ, что жители его вели въ высшей степени умѣренную и строгую жизнь, не позволяя себѣ никакой роскоши ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, ни въ удовольствіяхъ. [2]) *Сфера* — собственно тѣло, происходящее отъ обращенія полукруга около своего діаметра, переноспо—кругъ дѣятельности. [3]) *Бивакъ*—расположеніе войска подъ открытымъ небомъ.

однако же выносилъ лучше другихъ и утомленіе, и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Конечно, не безъ умысла Суворовъ старался во внѣшней своей жизни примѣняться къ солдатскому быту; но какъ ошибались тѣ, которые почитали его въ самомъ дѣлѣ простымъ, невѣжественнымъ солдатомъ, одареннымъ только какимъ-то инстинктомъ [1]) военнымъ! Суворовъ получилъ еще въ родительскомъ домѣ такое приготовительное образованіе, какого не получали обыкновенно военные люди того времени. Тогда существовало еще въ полной силѣ то повѣрье, что для военной службы учиться не нужно, ибо невѣжество не считалось недостаткомъ. Суворовъ, напротивъ того, вынесъ изъ дома родительскаго уваженіе къ наукѣ и жажду знанія; не успѣвъ кончить начатое воспитаніе, онъ дополнялъ его впослѣдствіи самоучкою. Уже въ чинѣ офицерскомъ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій праздной молодости, запирался онъ въ свою комнату, прилежно учился и много читалъ. Этой любви къ наукѣ Суворовъ не измѣнилъ во всю свою жизнь, и точно такъ же, какъ во дни юности, благоговѣлъ всегда предъ великими историческими именами, которыя поставилъ себѣ въ идеалъ [2]). Можно сказать, что военный геній [3]) Суворова, не смотря на всю оригинальность [4]) свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ [5]) впечатлѣній.

Графъ Д. Милютинъ.

---

82. Суворовъ.

Разсказываютъ, что зрѣлище невиданныхъ дотолѣ горъ, Альповъ, съ ихъ льдами,

[1]) *Инстинктъ*—внутреннее врожденное побужденіе, посредствомъ котораго находятъ для себя полезное и избѣгаютъ вреднаго; инстинктъ—низшая степень разума. [2]) *Идеалъ*—образецъ совершенства, представляемый въ воображеніи. [3]) *Геній* — великій творческій умъ; высокая природная способность—иногда: добрый ангелъ. [4]) *Оригинальность*—свойство оригинальнаго человѣка, никому не подражающаго, самобытнаго; самобытность. [5]) *Классикъ*—каждый изъ превосходныхъ писателей и художниковъ, считающійся образцомъ. *Классическій* — образцовый, превосходный, читаемый и изучаемый въ классахъ.

водопадами, пропастями, пустынями, при недостаткѣ запасовъ, утомленіи, уныніи, и мысль, что черезъ эти горы должно переходить и сражаться съ непріятелемъ, поражающимъ изъ-за каменьевъ и засадъ, гдѣ каждый выстрѣлъ смертеленъ, ужаснули безстрашныхъ воиновъ Суворова. Солдаты роптали. Нѣкоторые изъ полковъ осмѣливались даже ослушаться начальниковъ. «Что онъ дѣлаетъ съ нами?» говорили солдаты. «Онъ изъ ума выжилъ! Куда онъ насъ завелъ?» Суворовъ узналъ о возникающемъ волненіи. Немедленно велѣлъ онъ выстроить полки, изъявившіе неудовольствіе. Въ изумленіи увидѣли солдаты, что передъ ними роютъ могилу. Явился Суворовъ и началъ упрекать недовольныхъ за ихъ неповиновеніе. «Вы безславите мои сѣдины!» вскричалъ онъ: «я водилъ къ побѣдѣ отцовъ вашихъ; но вы—не дѣти мои, я—не отецъ вамъ! Положите меня въ могилу! Я не переживу моего стыда и вашего позора!» Онъ побѣжалъ къ могилѣ. Солдаты заплакали. «Отецъ нашъ! веди насъ, веди—умремъ съ тобою!» раздалось въ ихъ рядахъ. Толпою бросились они къ Суворову, падали на колѣни, цѣловали руки его и клялись умереть съ нимъ. И никакія опасности, никакіе ужасы горной войны не вызвали болѣе ни одного строптиваго слова.

Н. Полевой.

---

83. Суворовъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, воздухъ покрыла;
Вихрь полунощный, летитъ богатырь:
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль;
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежитъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ,
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры—твой слѣдъ.

Державинъ.

---

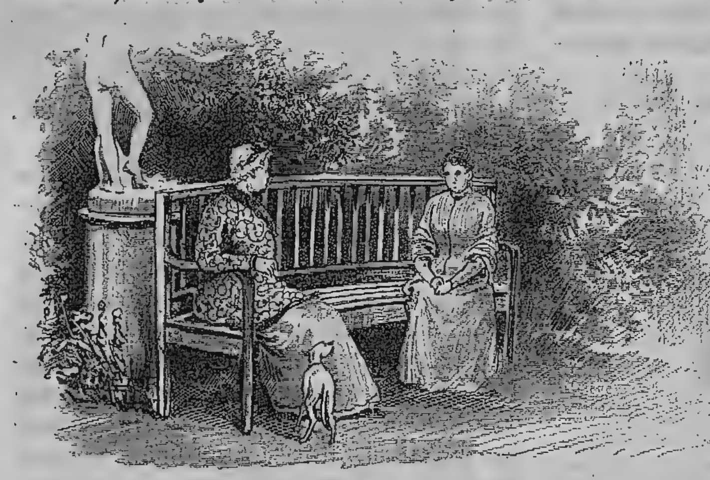
84. Екатерина Великая и капитанская дочка.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и, узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное; солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ...» И Марья Ивановна увидѣла

даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взгля-

довъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка



имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшняя?», сказала она.

— Точно такъ-съ; я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды».

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?».

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

«Извините меня», сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее поблагодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось, — и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама

съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй».

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ неправда?» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей-Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

«Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ, и услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо».

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

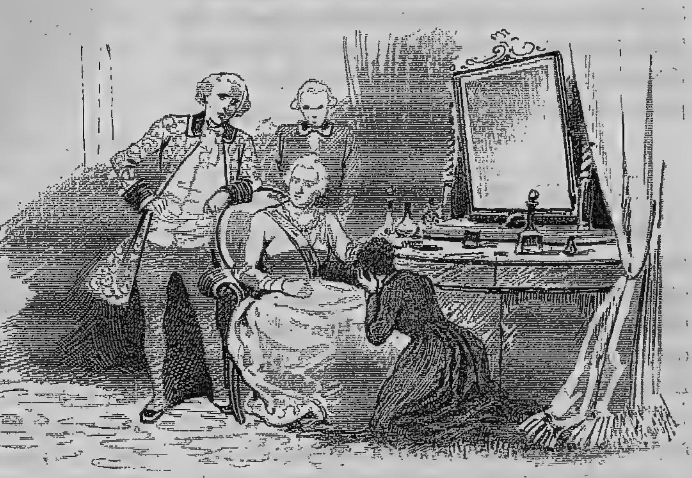
Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чаю только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объясненіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи!» закричала она: «Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?»

Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ: камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидать Императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.



Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которою такъ откровенно изъяснялась она

нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе».

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню. *Пушкинъ.*

85. Ночь передъ Рождествомъ.

Вакула, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевесть духъ. «Куда я въ самомъ дѣлѣ бѣгу!» подумалъ онъ. «Какъ будто уже все пропало! Попробую еще средство: пойду къ запорожцу пузатому, Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что захочетъ. Пойду, вѣдь душѣ все же придется пропадать!»

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, стряхнувъ на плечахъ, отправился къ пузатому Пацюку.

Этотъ пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья,—этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ и пятнадцать, онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожецъ: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, не смотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что, какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было

Гоголь.

замѣтно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ быть, это самое подало поводъ прозвать его пузатымъ. Не прошло нѣсколько недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывали Пацюка, а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, — и недугъ какъ будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью,—Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причина этому была, можетъ быть, лѣнь, а можетъ и то, что пролѣзать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне

должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу,

по-турецки, передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебалъ жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

«Нѣтъ, этотъ, подумалъ Вакула про себя, еще лѣнивѣе Чуба: тотъ по крайней мѣрѣ ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!»

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

— Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ,—сказалъ Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову и снова началъ хлебать галушки.

— Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано,—сказалъ, собираясь съ духомъ кузнецъ, — я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанесть какую обиду, — приходишься немного съ-родни чорту?

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать:—къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ, дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи! Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! ничто не помогаетъ на свѣтѣ! Что будетъ, то будетъ, приходится просить помощи у самого чорта. Что жъ, Пацюкъ,—произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе:—какъ мнѣ быть?

— Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!—отвѣчалъ Пацюкъ, не поднимая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

— Для того же я и пришелъ къ тебѣ,— отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ: — кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги.

Пацюкъ ни слова,—и доѣдалъ остальныя галушки.

— Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи!—наступалъ кузнецъ.—Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся, разскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попасть къ нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами,—произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ на него глаза, какъ будто-бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. «Что онъ говоритъ?» безмолвно спрашивала его мина; а полуотворенный ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли деревянныя миски: одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотримъ», говорилъ онъ самъ себѣ, «какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки, да и нельзя: нужно вареникъ сперва обмакнуть въ сметану».

Только что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ, поглядѣлъ на вареники и еще больше разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъразъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ,—и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ, и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣтя при томъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

«Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! вѣдь сегодня *голодная кутья,* а онъ ѣстъ вареники: вареники скоромные! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ! стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!» И набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однако-жъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобъ ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ:—Это я, твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь,—пискнулъ онъ ему на лѣвое ухо.— Оксана будетъ сегодня же наша,—шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнецъ стоялъ размышляя.

— Изволь,—сказалъ онъ наконецъ,—за такую цѣну готовъ быть твоимъ!

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца. «Теперь-то попался кузнецъ!», думалъ онъ про себя, «теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Чтó теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожный изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?»

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ дразнить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

— Ну, Вакула!—пропищалъ чортъ, все такъ же не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобъ онъ не убѣжалъ:—ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ.

— Я готовъ!—сказалъ кузнецъ.—У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку — и хвать чорта за хвостъ.

— Вишь, какой шутникъ!—закричалъ, смѣясь, чортъ: — ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчикъ!—закричалъ кузнецъ: — а вотъ это какъ тебѣ покажется? При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ.— Постой же, сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю,—будешь ты у меня знать, какъ подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ!

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

— Помилуй, Вакула!—жалобно простоналъ чортъ:—все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!

— А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! слышишь, неси, какъ птица!

— Куда?—произнесъ печально чортъ.

— Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!—И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

Сначала страшно показалось Вакулѣ,

когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу, и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однако-жъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ. Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо нихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ клубился въ сторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только-что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое путешествіе. Кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ, весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація). Чортъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ середи улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ: по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извощики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плошками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ: «я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель! а тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно коммисары, и можетъ еще и больше». Его слова прерваны были вопросомъ чорта: «прямо ли ѣхать къ царицѣ?» — «Нѣтъ, страшно», подумалъ кузнецъ: «тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посовѣтоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да веди къ запорожцамъ!»

Чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, вошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавъ подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! помогай Богъ вамъ! вотъ гдѣ увидѣлись! — сказалъ кузнецъ, подошедши ближе и отвѣсивши поклонъ до земли.

— Что тамъ за человѣкъ? спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого, сидѣвшаго подалѣе.

— А вы не познали? — сказалъ кузнецъ: — это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтія, безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо вашей кибитки.

— А! — сказалъ тотъ же запорожецъ: — то тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

— А такъ, захотѣлось поглядѣть; говорятъ...

— Что жъ, — землякъ, сказалъ, пріосанясь, запорожецъ, и желая показать, что онъ мо-

жетъ говорить и по-русски:—што, балшой городъ?

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ, при томъ же онъ зналъ и самъ грамотный языкъ.—Губернія знатная!—отвѣчалъ онъ равнодушно,—нечего сказать, дома балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе дома исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе очень для него выгодное.

— Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше; теперь же мы ѣдемъ сейчасъ къ царицѣ.

— Къ царицѣ? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!

— Тебя?—произнесъ запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехъ-лѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь.—Что ты тамъ будешь дѣлать! Нѣтъ, не можно.—При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина.—Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое.

— Возьмите!—настаивалъ кузнецъ.—Проси! шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ: — Возьмемъ его, въ самомъ дѣлѣ, братцы!

—Пожалуй,возьмемъ!—произнесли другіе.

—Надѣвай же платье такое, какъ мы!

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошедшій съ позументами человѣкъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда онъ понесся въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

«Боже ты мой, какой свѣтъ!» думалъ про себя кузнецъ: «у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло».

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вышли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно освѣщенную лѣстницу.

«Что за лѣстница!» шепталъ про себя кузнецъ: — «жаль ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ говорятъ, лгутъ сказки! кой чортъ лгутъ! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!»

Уже, взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ. Прошли три залы; кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ.

«Что за картина! что за чудная живопись!», разсуждалъ онъ: «вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая! А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! а краски! Боже ты мой, какія краски! тутъ вохры, я думаю, и на копѣйку не пошло, все ярь, да баканъ, а голубая такъ и горитъ! Важная работа! Должно быть грунтъ наведенъ былъ блейвасомъ! Сколь однако-жъ ни удивительны сіи малеванія, но эта мѣдная ручка», продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ, «еще большаго достойна удивленія. Экъ, какая чистая выдѣлка! Это все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы за самыя дорогія цѣны дѣлали».

Можетъ быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобъ онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ велѣно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя, вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человѣкъ въ гетманскомъ мундирѣ и желтыхъ сапожкахъ. Волосы на

немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спѣсиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнить его. Но гетманъ не обратилъ даже вниманія на все это, едва кивнулъ головой и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ ноги.

— Всѣ ли вы здѣсь?—спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

— *Та вси, батько!*—отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!

— Нѣтъ, батько, не позабудемъ.

— Это царь?—спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

— Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ, —отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ послышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ, съ длинными хвостами, и придворныхъ въ шитыхъ золотыхъ кафтанахъ и съ пучками позади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: «Помилуй, мамо, помилуй!»

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

— Встаньте!—прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

— Не встанемъ, мамо! не встанемъ! умремъ, а не встанемъ!—кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

— Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала,—говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ запорожцевъ:—хорошо ли васъ здѣсь содержатъ?—продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасиби, мамо!* Провіантъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьи:—почему-жъ не жить какъ-нибудь?..

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ.

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ.—Помилуй, мамо! чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвалъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина; развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что-жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію чрезъ Перекопъ и помогло твоимъ енераламъ порубать крымцевъ?..

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брилліанты, которыми были унизаны его руки.

— Чего же хотите вы?—заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

«Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хотите», сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевики, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ, не

сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надѣла такіе черевики!

Государыня засмѣялась; придворные засмѣялись тоже. Потемкинъ хмурился и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

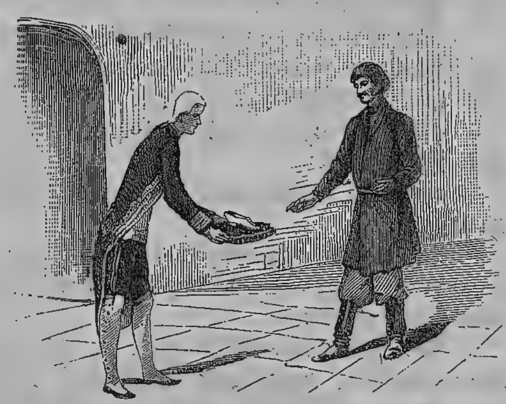
— Встань!—сказала ласково государыня.—Если тебѣ такъ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ, — продолжала, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ,—предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!

— Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ!—отвѣчалъ, поклонясь, господинъ съ перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ памяти отъ вашего Бригадира. Вы удивительно хорошо читаете!

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшеніе!—вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки:—ваше царское величество! что-жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзаться*, какія-жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахару.



Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ почесться красавцемъ, не смотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ было расспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда-ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало, и тому подобное; но, почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать, и когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала расспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчи, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: «Выноси меня отсюда поскорѣе!» и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

Еще быстрѣе въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ, и мигомъ очутился Вакула подлѣ своей хаты. Въ это время пропѣлъ пѣтухъ.

— Куда? закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта:—постой, пріятель, еще не все, я еще не поблагодарилъ тебя.

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула пошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко. «Я проспалъ заутреню и обѣдню».

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это вѣрно Богъ нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать,

въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но однако-жъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

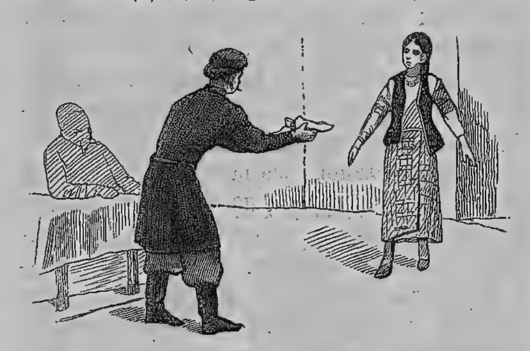
Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ, еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему придти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ передъ нимъ новенькую шляпу и поясъ, какого не видано было на селѣ, а самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ:—Помилуй, батько: не гнѣвись! вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ, отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только! Ты-жъ, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и могорычъ пили...

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который на селѣ и въ усъ не дулъ, сгибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ его три раза по спинѣ.—Ну, будетъ съ тебя, вставай! старыхъ людей всегда слушай. Забудемъ все, что было межъ нами! Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?

—Отдай, батько, за меня Оксану!

Чубъ не много подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей, и сказалъ рѣшительно:—*Добре!* присылай сватовъ!



—Ай! вскрикнула Оксана, переступивъ черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостію въ него очи.

— Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики! сказалъ Вакула:—тѣ самые, что носитъ царица.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ! говорила она, махая руками и не сводя съ него очей:—я и безъ черевиковъ... Далѣе она не договорила и покраснѣла.

Гоголь [1]).

---

86. Небольшая усадьба.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно. Проточный прудъ, заросшій лознякомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный «чирокъ», за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами «шпанской» земляники, съ

---

[1]) *Ник. Васил. Гоголь* родился въ Полтавской губ. въ м. Сорочинцахъ, въ 1809 г., и получилъ образованіе въ Нѣжинскомъ лицеѣ. По окончаніи курса, пріѣхалъ въ Петерб.; служилъ, но мало. Лучшія сочиненія Гоголя: «Вечера на хуторѣ», «Миргородъ», «Шинель», «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». Гоголь умеръ въ 1852 году. Ему поставленъ памятникъ въ Нѣжинѣ.

сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше кудрявыя яблони надъ высокой, снизу зеленой, къ верху сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумба съ цвѣтами: макомъ, піонами, анютиными глазками, кусты татарской жимолости, дикаго жасмину, сирени и акаціи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашеной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшинообразныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ сучьяхъ, — а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ, и поле, и длинные плетни конопляниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ... Знакомо тебѣ все это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко набокъ, немножко расшаталось — а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя, протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей, по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ, въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, — въ гостиной портреты хозяевъ, писанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ — а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ квaскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы... Ничего! жить можно—и даже очень недурно можно жить.

Тургеневъ.

---

87. Именины.

Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Былъ полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.
И вотъ, изъ ближняго посада
Пріѣхалъ ротный командиръ,
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ—и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.
На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости по-немногу
Подъемлютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
И цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленой);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бламанже,
Цимлянское несутъ уже.
Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,

Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; передъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.
Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ.
Подсѣли дамы къ камельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.
Но чай несутъ; дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались,
И въ залу высыпали всѣ
И балъ блеститъ во всей красѣ.
Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный,
Чета мелькаетъ за четой.
Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ россіянъ.
Идутъ за ужинъ.
Постели стелятъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьей. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ.

Пушкинъ.

88. Казачья станица.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей чрезъ станицу,—рѣка; съ другой—зеленѣютъ виноградные, фруктовые сады, и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) нагайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою крытою камышомъ крышкой, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шашкѣ и ружьѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ фронтъ проходящему офицеру. Подъ крышкой воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краской написано: домовъ 266, мужескаго пола душъ 897, женскаго пола 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ, ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прикрѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми, большими окнами многихъ домовъ, за огородами, поднимаются выше хатъ темнозеленыя раины, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми, душистыми цвѣтами, и тутъ же блестящіе желтые подсолнухи и вьющіяся лозы травянокъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ краснымъ товаромъ, сѣмечкомъ, стручками и пряниками, и за высокой оградой, изъ-за ряда старыхъ раинъ, виднѣется, длиннѣе и выше всѣхъ домовъ, домъ полкового командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало виднѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старые, малые и больные остаются дома.

Гр. Л. Толстой.

89. Тундра.

Начинаясь у прибрежныхъ песковъ рѣки Мезени и въ дряблыхъ, но еще высокихъ и густыхъ кустарникахъ, обрамляющихъ лѣсистые берега этой рѣки повыше города Мезени, тундра, названная по имени этой рѣки и города, безпривѣтной пустыней тянется до береговъ дальней Печоры.

Покрытая на сѣверѣ голымъ морскимъ гранитомъ, тундра потянулась къ югу огромнымъ болотомъ, со всѣми его характеристическими особенностями: почти сплошнымъ зыбуномъ, мѣстами ржавымъ отъ избытка желѣзныхъ рудъ, мѣстами бѣлымъ отъ огромнаго количества растущаго на немъ ягеля (бѣлаго оленьяго моху). Кое-гдѣ мелькаютъ по этому зыбуну тѣ *чернѣцины* — по туземному, тѣ водные источники—попросту, которые всегда любятъ обставлять себя (по общимъ законамъ природы) цѣлыми рощами деревьевъ, хотя бы даже и скудными, и приземистыми, какъ на тундрѣ. Рѣки эти, рѣчонки, ручьи, огромныя озера и простые *калтусы* (болота, покрытыя сверху водою) образовались преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тундра—эта черная грязь, на половину съ пескомъ и сгнившими корнями водорослей, насквозь прохваченная обильною влагою— не могла держать въ себѣ воду, а тѣмъ болѣе произращать на поверхности своей что-нибудь живое и прозябающее. Тамъ, гдѣ влажная тундра какъ бы истощается въ своихъ силахъ и перестаетъ обильно выдѣлять изъ себя воду, являются кочки, какъ бы остатки старыхъ древесныхъ пней, на значительномъ пространствѣ, по лѣтамъ вплотную почти усыпанномъ кустами сочной и крупной морошки, водянистой вороницы и только въ южныхъ частяхъ тундры—малиной. Кочки эти, *веретѣи*, — единственныя почти сухія мѣста по всей тундрѣ, которыя еще способны держать ногу человѣка и волка, хотя тоже не имѣютъ въ себѣ на столько питательныхъ соковъ, чтобы произращать что-нибудь красивѣе и выше *сланки*, — этого уродливаго, колѣнчатаго, вьющагося плющемъ можжевельника, въ $^1/_4$ аршина вышиною. И на всемъ этомъ пустынномъ пространствѣ право исключительнаго господства принадлежитъ только волку, да оленю, да мелкимъ лѣснымъ звѣрямъ; человѣкъ здѣсь временный гость, и то по зимамъ. Лѣтомъ, когда отъ жаркихъ солнечныхъ лучей отойдетъ тундра, растаявъ на $^3/_4$ аршина въ глубину, и покроется даже кое-гдѣ зеленью, являются цѣлыя облака комаровъ и оводовъ, преимущественно тамъ, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ зелень эта и гдѣ нѣтъ вблизи прохлады, выдѣляе-

С. В. Максимовъ.

мой глубокими озерами и прозрачными рѣками тундры. Съ приближеніемъ мрачной, богатой густыми туманами осени, все это исчезаетъ безъ слѣда; верхній слой тундряныхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтніе мѣсяцы, начинаетъ застывать и въ концѣ января становится сплошною ледяною массою, способною держать на поверхности своей глубокіе, ослѣпительной бѣлизны снѣга. Одни только самыя жидкія и самыя зыбкія болота не замерзаютъ во всю зиму, продолжая выдѣлять изъ себя обильные пары сѣроводороднаго газа. Но такихъ мѣстъ немного въ тундрѣ, и вся она съ января уже скована

Ѣзда на сѣверныхъ оленяхъ.

Самоѣдъ.

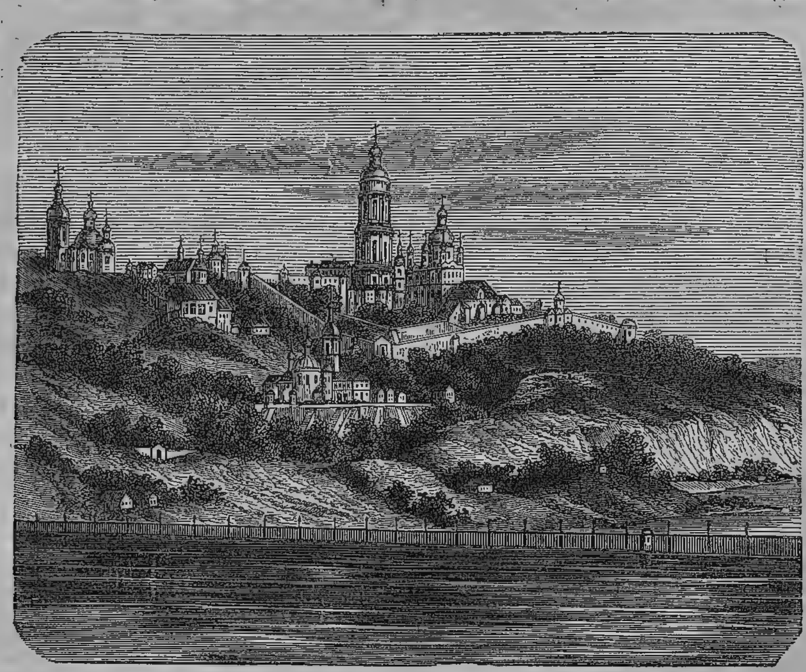
въ одну плотную ледяную массу и представляетъ такую же огромную равнину, какъ лѣтомъ, но на этотъ разъ снѣжную, и, стало быть, еще болѣе безпривѣтную, еще болѣе мертвенную, хотя и значительно чаще посѣщаемую человѣкомъ. Правда, что (почти сплошь всю зиму) въ рѣдкую недѣлю сильныя непогоды не безпокоятъ снѣга тундры. Но за то въ другое время, когда не поднимаются эти непогоды и страшные полярные холода затягиваются надолго, стоятъ недѣлю, другую и больше, невозмущаемые вѣтрами,—въ сѣверной сторонѣ неба играютъ красивые, свѣтлые *сполохи* (сѣверное сіяніе). При свѣтѣ ихъ и луны, почти полмѣсяца гуляющей по звѣздному небу, проявляется иная жизнь, своеобразная, но полная интереса и практическаго значенія для временныхъ посѣтителей тундры. Это время особенно дорого и для самоѣда, изъ вѣковъ хозяина тундры, и для русскихъ, недавнихъ выселенцевъ на тѣ мѣста ея, гдѣ прошла рыбная рѣка своимъ устьемъ и гдѣ встрѣчается гранитъ, къ которому прицѣпляетъ мезенецъ свою утлую избенку.

С. В. Максимовъ.

90. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ стихъ вечерній звонъ.

«Вы откуди собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»
— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей».
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»
— «Край мой—теплый брегъ Евксина» [1]).
— «Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».
— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна—старый Псковъ».
— «Я отъ Ладоги холодной».
— «Я отъ синихъ волнъ Невы».
— «Я отъ Камы многоводной».
— «Я отъ матушки-Москвы».


Кіево-Печерская лавра.

Слава, Днѣпръ—сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ—чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ. *Хомяковъ.*

91. Кіевъ.

О, Кіевъ-градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелются зеленой пеленою
Поля твои въ раздольи золотомъ,
И Днѣпръ-рѣка, подъ древними стѣнами,
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!
Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О, свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотой.
У лаврскихъ стѣнъ земное забываю
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все русское, прямое —
Прекрасное, великое, святое...
Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская сіяетъ;
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ;
Она душѣ вѣка напоминаетъ;
Небесные тамъ въ подземельѣ спятъ;
Надъ нею тѣнь Владимира летаетъ;
Зубцы ея о славѣ говорятъ.
Смотрю ли вдаль—вездѣ мечта со мною,
И милою все дышетъ стариною.

Козловъ.

92. Кіевскія пещеры.

Въ рукахъ каждаго теплится свѣча; въ храмѣ тишина, одинъ или два монаха... Вотъ желѣзная дверь отворилась, и толпа народа тронулась, шагнула и сжалась у входа, но нѣтъ ни шума, ни безпорядка, и всѣ идутъ медленно, руководимые монахомъ... Переступивши за пещерную дверь, взгляните, какая живая рѣка народа движется въ этомъ сжатомъ, сѣроватомъ сводѣ, полуозаренномъ однѣми свѣчами молельщиковъ и склоненномъ отлогою покатостью въ глубину земли; взгляните, какъ этотъ народъ останавливается передъ каждымъ святымъ, творитъ молитвы, расспрашиваетъ

[1]) *Евксинскій понтъ*—Черное море.

о его жизни, движется далѣе и далѣе, и исчезаетъ по переходамъ.

Каждый святой покоится въ четырехъугольномъ углубленіи пещеры въ деревянной гробницѣ, а иные въ украшенныхъ серебромъ и золотомъ, и надъ каждымъ изображены его имя и жизнь. Въ иныхъ мѣстахъ пещеры видны наглухо запертыя двери съ небольшимъ окошечкомъ: онѣ ведутъ въ келіи почивающихъ тамъ затворниковъ. Въ иныхъ мѣстахъ покажется изъ-за желѣзной рѣшетки огонь, освѣщающій подземную келію, и слышится молитва и тихое пѣніе: здѣсь совершается служба... Но вотъ и галлерея, съ окнами и деревяннымъ помостомъ, ведущая къ дальнимъ пещерамъ... При дальнихъ пещерахъ, изъ которыхъ иныя существовали еще до принятія Христіанской вѣры святымъ Владиміромъ, а другія начаты Иларіономъ, находятся церкви Рождества Богородицы и Зачатія святыя Анны, съ главами, позлащенными червоннымъ золотомъ. Входовъ въ пещеры два: западный и восточный. Расположеніе ихъ хотя другое, нежели въ ближнихъ, но устройство общее; впечатлѣнія также сильны, и воспоминанія о первыхъ дняхъ жизни Россіи еще сильнѣе и разнообразнѣе.

По народному сказанію, въ нихъ есть завалившійся ходъ подъ Днѣпръ и даже на противоположный его берегъ. При обѣихъ пещерахъ находятся келіи блюстителей пещеръ и другія зданія. Во всей обители много погребено ея благотворителей и людей великихъ... *Вад. Пассекъ.*

---

93. Петербургъ.

Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ;
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады;
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла;
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простреленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра! *Пушкинъ.*

---

94. Финляндія.

Суровый край. Его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,

Съ нихъ бурно льются водопады.
Тамъ долъ очей не веселитъ;
Гранитной лавой онъ облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный.
Баратынскій.

Финнъ.

95. Финляндія.

Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ:
Объ нихъ мятежно бьется валъ
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,—
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости—пиръ волковъ—
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ. *Пушкинъ.*

96. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

(1812 годъ).

Пѣвецъ. На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія!
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?
Тамъ все: тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада,
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ отрада;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!
Воины. За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!
Пѣвецъ. Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ Твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О, Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ;
Къ Тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ Славянинъ,
Всѣ дому здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.
Воины. Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О, Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ;
Къ Тебѣ горимъ любовью! *Жуковскій.*

97. Молебенъ предъ Смоленскою иконой Божіей Матери на Бородинскомъ полѣ.

— Несутъ...идутъ...Вотъ она...сейчасъ войдутъ... послышались вдругъ голоса, и офицеры, солдаты и ополченцы побѣжали впередъ по дорогѣ.

Изъ-подъ Бородина поднималось церковное

шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Безъ шапокъ бѣжали на встрѣчу кругомъ солдаты и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу... Иверскую!..

— Смоленскую матушку, — поправилъ другой.

Ополченцы, и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали на встрѣчу церковному шествію. За баталіономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконою, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начали молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, лѣтній вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе не громко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и привычно пѣть: «Спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Богородице», и священникъ и дьяконъ подхватывали: «яко всѣ по Бозѣ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству», на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, и чаще опускались головы, встряхивались волоса и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которою предъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ. Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позиціи. Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытою бѣлою головой, и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, доставъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Беннигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣна, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски-наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, тотчасъ, толкаясь, съ взволнованными лицами, полѣзли солдаты и ополченцы.

Графъ Л. Толстой.

---

98. Бородинское сраженіе.

Застонала земля и пробудила спавшихъ на ней воиновъ; дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26-го августа. Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашомъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскакиваемъ, смотримъ—густой туманъ лежитъ надъ нами и ими. Заря только что начала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстные. Одни шалаши валятся, другіе пылаютъ. Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь. Все это происходило въ срединѣ, а на лѣвомъ крылѣ

нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружія. Мы простились съ братомъ. Онъ побѣжалъ со стрѣлками защищать мостъ. Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батареѣ, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ... Я видѣлъ сіе неимовѣрно-жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли читывалъ.

Я былъ подъ Аустерлицемъ, но то сраженіе въ сравненіи съ нимъ—сшибка. Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау, дѣлаютъ почти такое же сравненіе. Подумай только, что до четырехъ сотъ тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ; двѣ тысячи пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко вздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся: французы метались съ дикимъ остервенѣніемъ; русскіе стояли съ неподвижностію твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загрести сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней, знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи, мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганные алтари и прахи отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о помощи и мужествѣ.

Сердца русскія внимали священному воплю сему: мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли и бились до смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты восходило. Густой дымъ заступилъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслоняли средину, между тѣмъ какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило сіе мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее... Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ!—«Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ лекарей, перевязывавшій раны: — тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ». —Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ было оторванныхъ ногъ и рукъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки до плечъ были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей.

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, и ядра, и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули, а сколько здѣсь пролетѣло пуль!... Но это сраженіе неописанно.

Ѳ. Глинка.

99. Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.

У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
   Французы тутъ какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
   Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
   За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ;
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
   Мы ждали третій день;
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
   Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
   Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ от-
                    крытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
   Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
   Мелькнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ
                    хватомъ:
Слуга Царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
   Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята, не Москва-ль за нами?
   Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
   Мы въ бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! сквозь дымъ летучій
Французы двигались, какъ тучи,—
   И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
   Всѣ побывали тутъ!
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
   Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
   Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
   Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
   Слились въ протяжный вой!...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы

М. Лермонтовъ

Заутра бой затѣять новый
   И до конца стоять.
Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
   Товарищей считать.
Да; были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
   Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
   Не отдали бъ Москвы!

Лермонтовъ.

100. Москва.

Какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва!... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой,
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля.
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою,
Не праздникъ, не пріемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ! Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столбы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы:
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины, моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

Пушкинъ.

---

101. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ.
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳ. Глинка.

---

102. Московскій кремль.

Когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святого Спаса,
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ, —
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыко
На собираніе народа своего...
Святителя завѣтъ исполнился великой!
Помалу собралась вкругъ бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся Русская земля.
И каждый градъ ея свою здѣсь церковь ставилъ.
И высилась Москва! и Чингисхановъ родъ,
Кончаясь, Азію въ наслѣдство ей оставилъ.
А тамъ отъ Балтики и до Эгейскихъ водъ
Славяне подняли съ надеждою къ ней очи,
И со священнаго Аѳона гласъ пророчій,
Призвавъ святую Русь для доблестной борьбы,
Востока древняго ей передалъ судьбы.
Такъ говоритъ намъ Кремль.

А. Майковъ.

103. Кутузовъ.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами;
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ,
Ура! кричатъ дружины.

Жуковскій.

104. Ко гробу Кутузова.

Предъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой...
Все спитъ; кругомъ однѣ лампады
Во мракъ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ...

Пушкинъ.

105. Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ,
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою —
Ахнулъ дерзкій, и упалъ.
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ [1]),
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

Александръ I.

106. Украинская ночь

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ, и чудный воздухъ и прохладно душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ, ночной вѣтерокъ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ, все дивно, все торже-

[1]) *Въ дальнемъ морѣ, на невѣдомый гранитъ* — на островъ св. Елены.

ственно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака ихъ низкія стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ свѣтятся только узенькія окна. Передъ порогомъ иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Гоголь.

107. Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ; глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ, и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ,—и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, — напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ, и середь ночи, какъ среди дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и приближаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю; и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской стали, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отвѣчаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроваживая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Гоголь.

108. Сѣверный Кавказъ.

Тѣрекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога,
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы калмыковъ.
Вдали кавказскія громады;
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,

Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой.

Пушкинъ.

109. Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что стоитъ на горѣ Бешъ-тау. А Бешъ по-татарски значитъ пять, Тау — гора. Изъ этой горы течетъ горячая сѣрная вода. Она горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идетъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ, какъ надъ самоваромъ. Все мѣсто, гдѣ стоитъ городъ, очень веселое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течетъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдалекѣ всегда видны большія Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лечиться, и надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка и народъ пьетъ воду, или купается и гуляетъ. Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчелы, не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ.

Гр. Л. Толстой.

110. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ;
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ;
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи:
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады,
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

111. Обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

Пушкинъ.

112. Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:

*

«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ—
Берегитесь! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
—«Не боюся я Востока!»
Отвѣчалъ Казбекъ:
«Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорныя шальвары
Сонный льетъ Грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня,—
Нѣтъ, не дряхлому Востоку
Покорить меня!»
«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вонъ на сѣверѣ, въ туманѣ,
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ,
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена;
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, курясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ грозя очами,
Генералъ сѣдой [1]).
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый—
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

Лермонтовъ.

---

113. Переѣздъ черезъ Кавказскія горы.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобы успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное

[1]) Генералъ Ермоловъ.

мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпились шумно десятка два грузинъ и горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобы втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица,—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ кавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыму.

«Мы съ вами попутчики, кажется?»

Онъ, молча, опять поклонился.

«Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

«Съ годъ», отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ, коли они крикнутъ по своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ.

Разговоръ этотъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку, но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.

— «Вѣдь эдакій народъ!» сказалъ онъ, «и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносиняя вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и, странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у

насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни. Кое-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и нервное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-гора.

«Ну такъ что-жъ?»

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, — сказалъ онъ съ досадою: — въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— «Не было, господинъ», отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много».

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прикрѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, — всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать: мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ.— Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подливно осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго брода, — знаете?

«Слыхалъ».

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди —либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!

Лермонтовъ.

---

114. Черкесы.

Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани
Движеній вольныхъ быстроту
И легкость ногъ, и силу длани.
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ.

Какъ иногда Черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,

Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ казаковъ.
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится:
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій,
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется;
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые—
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,

Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный брегъ рѣки—
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,

Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый

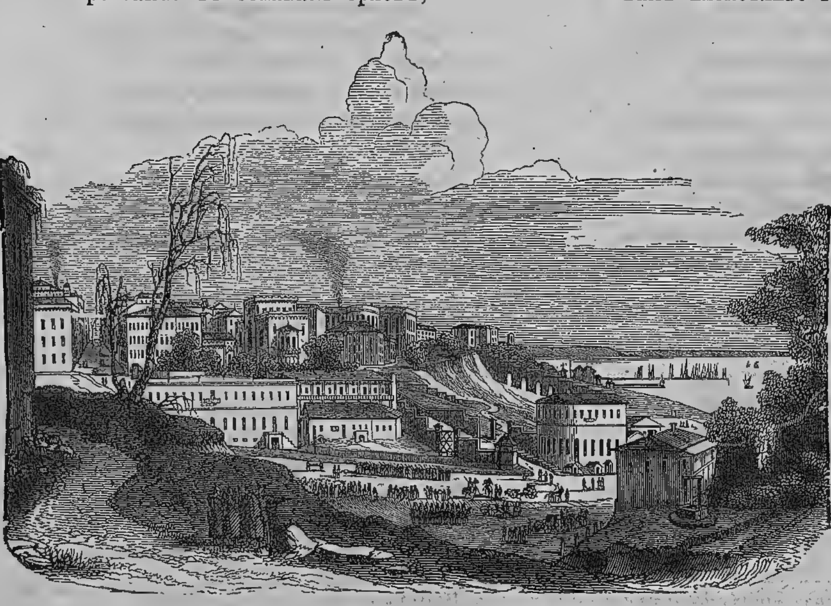
И робко сядетъ у огня,—
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.
Бывало, въ свѣтлый Баиранъ
Сберутся юноши толпою,
Игра смѣняется игрою;
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,

При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ...

Пушкинъ.

115. Одесса.

Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли.
Бывало, пушка заревая



Видъ Одессы.

Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутого берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступали нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны.
Поздно. Тихо спитъ
Одесса;
И бездыханна, и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно - легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ.

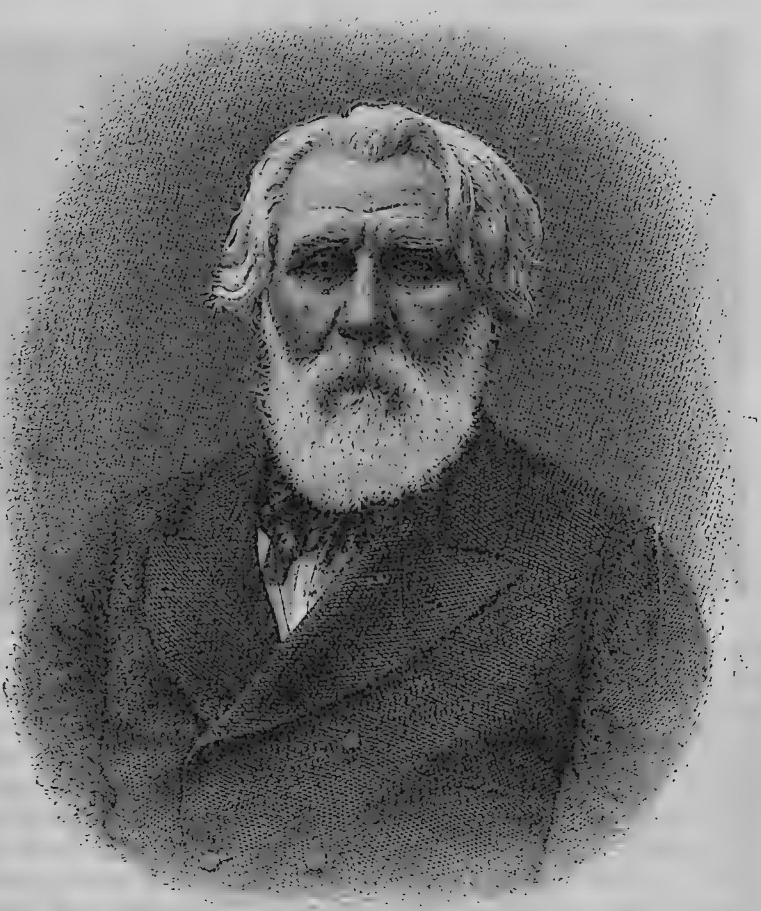
Пушкинъ.

---

116. Бѣжинъ лугъ.

Это случилось въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда. Однажды я, въ іюльскій жаркій день, охотился за тетеревами и не замѣтилъ, какъ наступила ночь. Вернуться домой не было никакой возможности, потому что я страшно усталъ, да притомъ не могъ найти обратной дороги. Къ счастію я замѣтилъ вдали огонекъ. Подойдя поближе, я увидѣлъ, что это были крестьянскіе ребятишки, которые стерегли табунъ, сидя вокругъ пылающаго костра. Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они сообщили мнѣ, что мѣсто, куда я забрелъ, зовется въ околодкѣ Бѣжинымъ лугомъ. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. Имена узналъ я изъ ихъ разговора.

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ, съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми, бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, постоянной, полувеселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ по всѣмъ примѣтамъ къ богатой семьѣ и вы-



И. С. Тургеневъ.

ѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы.

На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каёмкой; небольшой новый армячекъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги, не отцовскіе.—У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное и рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, тѣло приземистое, неуклюжее... Малый былъ неказистый, что

и говоритъ! а все-таки онъ мнѣ понравился, потому что глядѣлъ онъ очень умно и прямо. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи, да изъ заплатанныхъ портовъ. — Лицо третьяго, Ильюши, было горбоносое, вытянутое, подслѣповатое: онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новыя лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ.—Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ видомъ; все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, внизу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; глаза большіе, черные. Онъ весь былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. — Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ; онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу и только изрѣдка выставляя изъ-подъ нея свою русую кудрявую головку. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ огнемъ; въ немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все также напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ, о семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что-жъ ты, такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ,—а слышалъ. Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ [1]).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какже, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ [2]).

— Вишь ты, фабричные!

— Ну, такъ какже ты его слышалъ? спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой съ Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки: всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ, что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой придетъ. И не успѣлъ онъ, Авдѣй-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; однако колесо повертѣлось, да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери на верху, да по лѣстницѣ опущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится, ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ. Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ —ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма [1]) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ей полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другаго чана крюкъ снялся съ гвоздя, да и опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ; да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли. Ужъ мы также напужались о ту пору!

— Вишь какъ! промолвилъ Павелъ.— Чего-жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что, спросилъ Ѳедя: — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры. Вишь плеснула, прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки:—должно быть, щука. А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ.—Послушайте-ка, намеднись, что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, Слободскаго плотника?

— Ну да, знаемъ.

— А знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый. Пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево, давай, молъ, дождусь утра,—присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его

---

[1]) *Рольней*, или черпальцей, на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ. [2]) *Лисовщики* гладятъ, скоблятъ бумагу.

[1]) *Сѣтка*, которой бумагу черпаютъ.

зоветъ. Смотритъ—никого. Онъ опять задремалъ: опять зовутъ. Онъ опять глядитъ,—глядитъ онъ, а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается, и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ; все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая, сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пискарь, а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный. Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврила было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да знать Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои, и говоритъ: рука просто какъ каменная, не ворочается... ахъ ты этакой, а!.. Вотъ какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь?» А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься бы тебѣ, говоритъ, человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился: да не я одна убиваться буду; убивайся же и ты до конца дней». Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выйти. А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка! проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанія,—да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить? Онъ же ея не послушался.

— Да вотъ, поди ты! сказалъ Костя.— И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— А вѣдь вотъ и здѣсь должны быть русалки, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Костя,—здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно,—рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то, въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій звукъ. Казалось, кто-то долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ... кто-то другой какъ будто отозвался въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, — и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! шепнулъ Илья.

— Эхъ вы, вороны! крикнулъ Павелъ:— чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель: одинъ Ваня не шевельнулся). Что же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, началъ Ильюша,—что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое,— и глухое такое. Кругомъ все такіе овраги, а въ оврагахъ все змѣи водятся.

— Ну что такое случилось, сказывай...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ—бугорочекъ. Вотъ на дняхъ зоветъ прикащикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ ужъ назадъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ. Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину; такая ужъ дорога вышла. Ѣдетъ онъ, этакъ, псарь

Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: семъ возьму его, что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки. Но а барашекъ ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ, и поѣхалъ опять, барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю, что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако ничего, сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить, говоритъ: «бяша, бяша!» А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша...»

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышались безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка!..» Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла пронесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? спросили мальчики.

— Ничего, отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь; такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ—волкъ, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, ни мало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... «Что за славный мальчикъ!» думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, отвѣчалъ Павелъ.—Да они безпокойны только зимой.

— А какіе ты намъ, Ильюша, страхи разсказывалъ! заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы? Еще бы! еще какое не чистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали,—покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ, и все этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ.— Что, молъ, батюшка Иванъ Ивановичъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ. Ну, и что-жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо:—разрывъ-травы. «А на что тебѣ, батюшка Иванъ Ивановичъ, разрывъ-травы?» Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ. Вонъ хочется, вонъ...

— Вишь какой! замѣтилъ Ѳедя.—Мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! промолвилъ Костя. — Я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ можно видѣть,—съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія преданія. —Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную, да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то есть,

умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну и видѣла она кого-нибудь? съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ же. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видали и не слыхала... только все будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась—Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ.

— Тотъ, что умеръ весной? перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ. А узнала его Ульяна. Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться... А, ты, Господи! сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? спросилъ Ѳедя.

— Ей-Богу, сама.

— Ну, что-жъ, вѣдь она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко загорѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣлый голубокъ и налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ.—Теперь будетъ летать, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, промолвилъ Костя,—не праведная ли это душа летѣла на небо, асъ?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедя, — что, у васъ тоже въ Шалашовѣ было видать *предвидѣніе*-то небесное [1])?

[1]) Такъ крестьяне называютъ солнечное затменіе.

— Какъ солнца-то не стало видно? Какже.

— Чай напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи. «Кому теперь ѣсть, говоритъ: наступило свѣтопреставленье». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку увидятъ.

— Какого это Тришку? спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? съ жаромъ подхватилъ Ильюша.—Ну, братъ, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ, такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ; ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется,—цѣпи съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ этотъ Тришка ходить по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христіанскій; ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего. Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ, — такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ.

Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу въ поле,—ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотритъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... Всѣ какъ крикнутъ: «ой, Тришка идетъ!» да кто куды. Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: авось, молъ, хоть птицу-то врагъ-душегубецъ пожалѣетъ. Таково-то всѣ переполошились!.. А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ Вавила; жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять прiумолкли на мгновенье. Странный, рѣзкiй, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновенiй, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... «Что это?»

— Это цапля кричитъ, спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, повторилъ Костя.—А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного:—ты, можетъ быть, знаешь?

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ,—знаешь, тамъ вѣдь есть болото; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ пошелъ я мимо этого болота, братцы мои, и вдругъ изъ того-то болота какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо... у-у... у-у.. у-у!.. Страхъ такой меня взялъ, братцы мои, время-то позднее, да и голосъ такой болѣзненный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ болотѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, замѣтилъ Павлуша:—такъ, можетъ быть, его душа жалобится.

— А вѣдь и то, братцы мои, возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза.—Я и не зналъ, что Акима въ томъ болотѣ утопили; я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такiя лягушки махонькiя, продолжалъ Павелъ,—которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки... какiя это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой).—Экъ ее! невольно произнесъ Костя: словно лѣшiй кричитъ.

— Лѣшiй не кричитъ, онъ нѣмой, подхватилъ Ильюша, онъ только въ ладоши хлопаетъ, да трещитъ...

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть; но а другiе его видѣли. Вотъ на дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ ты! воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами.—Пфу!...

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ:—не понимаю.

Настало молчанiе.

— Что это? спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался. — Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда-жъ они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза...

Недолги лѣтнiя ночи! Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ раз-

личить, при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня... оно перешло въ дремоту...

Вдругъ свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза... утро зачиналось. Я проворно всталъ и подошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Тургеневъ.

117. Плачъ вдовы.

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ,
Гогочетъ, сорви-голова,—
Наплакавшись, колетъ и рубитъ
Дрова молодая вдова.
Срубивши, на дровни бросаетъ—
Наполнить бы ихъ поскорѣй,
И врядъ-ли сама замѣчаетъ,
Что слезы все льютъ изъ очей:
Иная съ рѣсницы сорвется
И на снѣгъ съ размаху падетъ—
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжетъ;
Другую на дерево кинетъ,
На плашку,—и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынетъ—
Бѣла, и кругла, и плотна,
А та на глазу поблистаетъ,
Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ,
И солнышко въ ней поиграетъ..
Управиться Дарья спѣшитъ,
Все рубитъ,—не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ,
И, полная мыслью о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...
«Голубчикъ! красавицу нашу
Весной въ хороводѣ опять
Подхватятъ подруженьки Машу
И станутъ на ручкахъ качать!
 Станутъ качать
 Къ верху бросать,
 Маковкой звать,
 Макъ отряхать!
Вся раскраснѣется наша
Маковымъ цвѣтикомъ Маша
Съ синими глазками, съ русой косой!
Ножками бить и смѣяться
Будетъ... а мы-то съ тобой,
Мы на нее любоваться
Будемъ, желанный ты мой!..
 Умеръ, не дожилъ ты вѣку:
Умеръ и въ землю зарытъ!
 Любо весной человѣку,
 Солнышко ярко горитъ.
 Солнышко все оживило,
 Божьи открылись красы,
 Поле сохи запросило,
 Травушки просятъ косы.
 Рано я, горькая, встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
 До ночи пашню пахала,
 Ночью я косу клепала,
 Утромъ косить я пошла...
Крѣпче вы, ноженьки, стойте!
Бѣлыя руки, не ноите:
 Надо одной поспѣвать!
Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,—
 Стану я милаго звать!
Ладно ли пашню вспахала?
 Выди родимой, взгляни!
 Сухо ли сѣно убрала?
 Прямо ли стоги сметала?
 Я на грабляхъ отдыхала
 Всѣ сѣнокосные дни!
Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разумъ наставить!..
Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Нынче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай!
Да не продлилъ тебѣ вѣку,—
Хочешь—не хочешь, одна поспѣвай!..
 Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
 Смертная жажда томитъ,
 Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
 Солнышко очи слѣпитъ;
 Жжетъ оно голову, плечи,
 Ноженьки, рученьки жжетъ,
 Изо-ржи, словно изъ печи,
 Тоже тепломъ обдаетъ,
 Спинушка ноетъ съ натуги,
 Руки и ноги болятъ,
 Красные, желтые круги
 Передъ очами стоятъ...
 Жни-дожинай поскорѣе,
 Видишь—зерно потекло...

Вмѣстѣ бы дѣло спорѣе,
Вмѣстѣ поваднѣй бы шло...
Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Сонъ передъ Спасовымъ днемъ.
Въ полѣ заснула одна я
Послѣ полудня, съ серпомъ:
Вижу—меня оступаетъ
Сила—несмѣтная рать,
Грозно руками махаетъ,
Грозно очами сверкаетъ.
Думала я убѣжать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.
Слышу, земля задрожала—
Первая, мать прибѣжала,
Травушки рвутся, шумятъ—
Дѣтки къ родимой спѣшатъ,
Шибко безъ вѣтру не машетъ
Мельница въ полѣ крыломъ:
Братецъ идетъ да приляжетъ,
Свекоръ плетется шажкомъ.
Всѣ прибрели, прибѣжали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
Видишь, меня оступаетъ
Сила—несмѣтная рать,
Грозно руками махаетъ,
Грозно очами сверкаетъ:
Что не идешь выручать?...
Тутъ я кругомъ оглядѣлась—
Господи! Что куда дѣлось?
Что это было со мной?..
Рати тутъ нѣтъ никакой!
Это не люди лихіе,
Не бусурманская рать,—
Это колосья ржаные,
Спѣлымъ зерномъ налитые,
Вышли со мной воевать!
Машутъ, шумятъ, наступаютъ,
Руки, лицо щекотятъ,
Сами солому подъ серпъ нагибаютъ—
Больше стоять не хотятъ!
Жать принялася проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупныя зерна—
Словно подъ градомъ стою!
Вытечетъ, вытечетъ за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Гдѣ же ты, Проклъ Севастьянычъ,
Что пособлять не идешь?..
Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Жать теперь буду одна я!

Стану безъ милаго жать,
Снопики крѣпко вязать,
Въ снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны.
Слезы горюшки-вдовы,—
Что же вы Господу нужны,
Чѣмъ ему дороги вы?..
Долги вы, зимнія ноченьки,
Стану-ка я работать,—
Лишь бы не плакали оченьки,—
Стану полотна я ткать.
Много натку я полотенъ,
Тонкихъ добротныхъ новинъ.
Выростетъ крѣпокъ и плотенъ,
Выростетъ ласковый сынъ.
Будетъ по нашему мѣсту
Онъ хоть куда женихомъ,
Высватать парню невѣсту
Сватовъ надежныхъ пошлемъ...
Кудри сама расчесала я Гришѣ,
Кровь съ молокомъ нашъ сынокъ-первенецъ,
Кровь съ молокомъ и невѣста.. Иди же:
Благослови молодыхъ подъ вѣнецъ!..
Этого дня мы какъ праздника ждали.
Помнишь, какъ началъ Гришуха ходить,
Цѣлую ноченьку мы толковали,
Какъ его будемъ женить.
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вотъ—дождались, слава Богу!
Чу! бубенцы говорятъ!
Поѣздъ вернулся назадъ,
Выди на встрѣчу проворно:
Пава—невѣста, соколикъ—женихъ!
Сыпь на нихъ хлѣбныя зерна,
Хмѣлемъ осыпь молодыхъ!
Стадо у лѣса темнаго бродитъ,
Лыки въ лѣсу пастушенко деретъ,
Изъ лѣсу сѣрый волчище выходитъ,—
Чью онъ овцу унесетъ?
Черная туча, густая-густая,
Прямо надъ нашей деревней виситъ,
Прыснетъ изъ тучи стрѣла громовая,—
Въ чей она домъ снаровитъ?
Вѣсти недобрыя ходятъ въ народѣ:
Парнямъ недолго гулять на свободѣ,
Скоро рекрутскій наборъ!
Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка,
Всѣхъ у насъ дѣтокъ Гришуха да дочка,
Да голова у насъ воръ—
Скажетъ: мірской приговоръ!
Сгибнетъ ни за что, ни про что дѣтина,
Встань, заступись за родимаго сына!
Нѣтъ, не заступишься ты!..
Бѣлыя руки твои опустились,

Ясныя очи на вѣки закрылись...
Горькія мы сироты!»

Некрасовъ.

---

118. Подъ Севастополемъ.

Чтобы идти на 4-й бастіонъ [1]), возьмите направо, по этой траншеѣ [2]), по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводника минъ [3]), землянки, въ грязи которыхъ, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ Черноморскихъ батальоновъ, которые тамъ переобуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею [4]), на площадку, изрытую и обставленную турами [5]), насыпанными землей, орудіями на платформахъ [6]) и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверами [7]), и морскаго офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть занимательнымъ. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папироску изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры [8]) къ другой, такъ спокойно говоритъ съ вами, что, не смотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разспрашиваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ — но только, если вы его разспросите — про бомбардированіе 5-го числа, разскажетъ, какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изо всей прислуги осталось 8 человѣкъ, и какъ все-таки на другое утро, 6-го, онъ палилъ изо всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ, покажетъ вамъ, изъ амбразуры, батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30, въ 40 саженяхъ.

Даже очень можетъ быть, что морской офицеръ захочетъ при васъ пострѣлять немного. «Послать комендора и прислугу къ пушкѣ», — и человѣкъ четырнадцать матросовъ, — живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, — подойдетъ къ пушкѣ и зарядитъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго скулистаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главныя черты, составляющія силу Русскаго: простота и упрямство.

Вдругъ ужаснѣйшій гулъ поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла, вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и проявленіе чувства, котораго вы не ожидали видѣть; можетъ быть, это чувство злобы, мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждаго. «Въ самую амбразуру попало; кажись, убило двухъ... вонъ понесли» — услышите радостныя восклицанія.

«А вотъ онъ разсерчаетъ; сейчасъ пуститъ сюда», скажетъ кто-нибудь, — и, дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ, вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой, стоящій на брустверѣ, крикнетъ: «пу-у-шка!» —

---

[1]) *Бастіонъ* — нѣсколько земляныхъ укрѣпленій, обороняющихъ другъ друга и соединенныхъ между собою рвами или насыпями. [2]) *Траншея* — ровъ глубиною въ человѣческій ростъ, съ валомъ съ непріятельской стороны, для защиты солдатъ отъ выстрѣловъ. [3]) *Мина* — подкопъ съ положеннымъ въ него порохомъ, для взрыва, въ случаѣ надобности. [4]) *Батарея* — насыпь, прикрывающая собою нѣсколько пушекъ. [5]) *Туры* — плетеныя изъ хвороста круглыя корзины (безъ дна), набитыя землею или пескомъ и служащія для прикрытія людей отъ выстрѣловъ. [6]) *Платформа* — площадка или помостъ, на которомъ стоятъ пушки. [7]) *Брустверъ* — земляная насыпь. [3]) *Амбразура* — отверстіе, или какъ-бы окно, въ которое вставляется дуло пушки для стрѣлянія.

И вслѣдъ за этимъ мимо васъ вавизгнетъ ядро, шлепнется въ землю и воронкой взброситъ вокругъ себя брызги и камни. Батарейный командиръ разсердится на это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудія; непріятель тоже станетъ отвѣчать намъ. Часовой опять закричитъ: «пушка!»—и вы услышите тѣ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги,—или закричитъ: «маркела» [1]),—и вы услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся посвистыванье, потомъ увидите черный шаръ, ударъ о землю, ощутительный, звенящій разрывъ бомбы. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухѣ камни, и забрызгаетъ васъ грязью. Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ, густымъ голосомъ: «маркела»; еще посвистыванье, ударъ и разрывъ бомбы; но, вмѣстѣ съ этимъ звукомъ, васъ поражаетъ стонъ человѣка. Вы подходите къ раненому, который, въ крови и грязи, имѣетъ какой-то странный, нечеловѣческій видъ, въ одно-время съ носилками. У матроса вырвана часть груди... И въ то время, когда его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и съ трудомъ, дрожащимъ голосомъ, говоритъ товарищамъ: «простите, братцы!»—еще хочетъ сказать что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ только еще разъ: «простите, братцы!» Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается къ своему орудію. «Это каждый день, этакъ, человѣкъ семь или восемь», говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса на вашемъ лицѣ, зѣвая и свертывая папироску изъ желтой бумаги.

И такъ вы видѣли защитниковъ Севастополя—на самомъ мѣстѣ защиты, и идете назадъ, почему-то не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушеннаго театра,—идете съ покойнымъ, возвысившимся духомъ.

[1]) *Мортира*—короткая пушка, стрѣляющая навѣсно бомбами.

Главное отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли,—это убѣжденіе въ невозможности поколебать, гдѣ бы то ни было, силу русскаго народа.

Графъ Левъ Толстой.

119. Молитва за воиновъ.

Встань, дитя, съ своей постельки,
Встань и Богу помолись.
Помолись за дальнихъ братій,—
Можетъ быть, вкругъ нихъ теперь
Льется кровь, летаютъ пули,
Не безъ ранъ, не безъ потерь.
Всѣ они безстрашны въ битвѣ;
Безпредѣльная горитъ
Въ нихъ любовь къ Царю, къ Отчизнѣ;
Храбрыхъ смерть не устрашитъ.
Не забудь и тѣхъ, что пали
Въ битвѣ жертвою святой;
Безъ тоски ихъ, безъ печали,
Чистымъ сердцемъ помяни.
Встань, дитя, и на колѣни,—
Къ Богу съ теплою мольбой,
Чтобы знаменемъ побѣды
Осѣнилъ Онъ страшный бой!

Ю. Жадовская.

120. Исполненный долгъ.

Козельцовъ спалъ крѣпкимъ сномъ въ оборонительной казармѣ 5 бастіона, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крикъ:

— Тревога!

— Что вы спите, Михайло Семенычъ, штурмъ [1])!—крикнулъ ему чей-то голосъ.

— Вѣрно, школьникъ какой-нибудь,— сказалъ онъ, открывая глаза и не вѣря.

Но вдругъ онъ увидалъ офицера, бѣгающаго безъ всякой видимой цѣли изъ угла въ уголъ, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что онъ все понялъ. Мысль, что его могутъ принять за труса, не хотѣвшаго выйти къ ротѣ въ критическую минуту, поразила его ужасно. Онъ во весь духъ побѣжалъ къ ротѣ. Стрѣльба орудійная кончилась; но трескотня ружей была во всемъ разгарѣ. Пули свистѣли не по одной, какъ штуцерныя [2]), а роями,

[1]) *Штурмъ*—приступъ къ осажденному мѣсту.
[2]) *Штуцеръ*—короткое ружье съ широкимъ дуломъ

*

какъ стадо осеннихъ птичекъ пролетаетъ надъ головами. Солдаты, раненые и нераненые, толпами попадались ему на встрѣчу. Пробѣжавъ еще шаговъ тридцать, онъ увидалъ свою роту, прижавшуюся къ стѣнкѣ.

— Заняли Шварца [1],—сказалъ молодой офицеръ.—Все пропало.

— Вздоръ,—сказалъ онъ сердито, выхвативъ свою маленькую, желѣзную, тупую сабельку и закричалъ:

— Впередъ, ребята, ура-а!..

Голосъ былъ звучный и громкій; онъ возбудилъ самого Козельцова. Онъ побѣжалъ впередъ вдоль траверса [2]; человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, съ криками, побѣжали за нимъ. Онъ выбѣжалъ изъ-за траверса на открытую площадку. Пули посыпались, буквально, какъ градъ. Двѣ ударились въ него,—но куда и что онѣ сдѣлали, контузили, ранили его,—онъ не имѣлъ времени рѣшить. Впереди, въ дыму, видны были уже ему синіе мундиры, красныя панталоны и слышны не русскіе крики; одинъ французъ стоялъ на брустверѣ, махалъ шапкой и кричалъ что-то. Козельцовъ былъ увѣренъ, что его убьютъ: это-то и придавало ему храбрости. Онъ бѣжалъ впередъ и впередъ. Нѣсколько солдатъ обгоняли его, другіе солдаты показались откуда-то сбоку и бѣжали тоже. Синіе мундиры оставались въ томъ же разстояніи, убѣгая отъ него назадъ къ своимъ траншеямъ; но подъ ногами попадались раненые и убитые. Добѣжавъ уже до внѣшняго рва, всѣ смѣшались въ глазахъ Козельцова, и онъ почувствовалъ боль въ груди.

Черезъ полчаса онъ лежалъ на носилкахъ, около Николаевской казармы, и зналъ, что онъ раненъ, но боли почти не чувствовалъ; ему только хотѣлось напиться чего-нибудь холоднаго и лечь попокойнѣе.

Маленькій, толстый, съ большими черными бакенбардами, докторъ подошелъ къ нему и разстегнулъ шинель. Козельцовъ чрезъ подбородокъ смотрѣлъ на то, что дѣлаетъ докторъ съ его раной, но боли никакой не чувствовалъ. Докторъ закрылъ рану рубашкой, отеръ пальцы объ полы пальто и, молча, не глядя на раненаго, отошелъ къ другому. Козельцовъ безсознательно слѣдилъ глазами за тѣмъ, что дѣлалось предъ нимъ, и вспомнилъ то, что было въ 5-мъ бастіонѣ, съ чрезвычайно отраднымъ чувствомъ самодовольствія подумалъ, что онъ хорошо исполнилъ свой долгъ, и ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Докторъ, перевязывая другого раненаго офицера, сказалъ что-то, указывая на Козельцова священнику, съ большою рыжею бородою, съ крестомъ стоявшему тутъ.

— Что, я умру?—спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подалъ крестъ раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакалъ.

— Что, выбиты французы?—твердо спросилъ онъ у священника.

— Вездѣ побѣда за нами осталась,—отвѣчалъ священникъ, чтобы утѣшить раненаго, скрывая отъ него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя.

— Слава Богу!—проговорилъ раненый, не чувствуя, какъ слезы текли по его щекамъ.

Мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ. «Дай Богъ ему такое же счастье», подумалъ онъ.

Графъ Левъ Толстой.

[1] *Шварца*—укрѣпленіе названное фамиліей (Шварцъ) строителя. [2] *Траверсъ*—укрѣпленіе.

121. Пѣсня о Севастополѣ.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.
Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей,
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.
Я спою, какъ покинувъ и домъ, и семью
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, покидая земельку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.
Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,—
И какъ знали они, что идутъ умирать,

И какъ свято они умирали!
Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью,
Какъ за каждый клочекъ нашей Русской земли
Намъ платили враги своей кровью;
Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны,
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной цѣпью росли бастіоны,—
И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ.
Пусть не радостна пѣсня, что вамъ я спою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Апухтинъ.

122. Клеветникамъ Россіи.

(1831 г.).

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ?—волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ!
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ не понятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага.
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте! За то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды [1]),
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

123. Освобожденіе крестьянъ.

Трудились бѣдные, вы, отдыху не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь,
И думали: знать, доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена—и горю не помочь!
Смочивъ поля кровавымъ, скорбнымъ пðтомъ,
Вы знали, что не вамъ онѣ готовятъ плодъ
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ! вы несли свой крестъ—какъ праведникъ несетъ,
И Тотъ, Кто міръ своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы, страдалъ,—
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ Избавителя вѣнчаннаго послалъ.
И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье,
И раны вѣковой да уврачуетъ слѣдъ!

Плещеевъ.

124. Освобожденіе крестьянъ.

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ,
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ.
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,

[1]) *Колхида*—Кавказъ.

Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что жъ такъ слушаютъ малютку?

Александръ II.

Аль ужъ такъ умна?—
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она;
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней.
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу;
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу;
Тьма пускай еще яри́тся:
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ.
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день. *Майковъ.*

---

125. Царскій смотръ.

Передъ Плоешти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были въ походѣ, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго или геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика; только ружье да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было идти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройдти предъ его глазами и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому.

Люди шли быстрѣе и быстрѣе; шагъ становился больше, походка спокойнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное «ура!» Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ, и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій; что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и все уничтожитъ. И всякій думалъ, что Тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого Одного и въ движеніи Его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. «Ты ведешь насъ, думалъ каждый:—Тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть».

И Онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ предъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, неподвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, исполненное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по Его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ Онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой — махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля не слышное самому мнѣ «ура!»

В. Гаршинъ.

126. Въ походѣ.

Устанутъ пѣсенники, начнутъ играть музыканты. Подъ мѣрный, громкій и, большею частію, веселый маршъ, идти гораздо легче; всѣ, даже самые утомленные, пріосанятся, отчетливо шагаютъ въ ногу, сохраняютъ равненіе: батальонъ узнать нельзя. Помню, однажды мы прошли подъ музыку больше шести верстъ въ одинъ часъ, не замѣчая усталости; но, когда измученные музыканты перестали играть, вызванное музыкою возбужденіе исчезло, и я почувствовалъ, что вотъ-вотъ упаду, да и упалъ бы, не случись во время остановки на отдыхъ. Верстъ черезъ пять послѣ привала намъ встрѣтилось препятствіе. Мы шли долиною какой-то рѣчки; съ одной стороны были горы, съ другой—узкая и довольно высокая насыпь желѣзной дороги. Недавно прошедшіе дожди затопили долину, образовавъ на нашемъ пути большую лужу, сажень въ тридцать шириною. Полотно желѣзной дороги возвышалось на ней плотиной, и намъ пришлось проходить по немъ. Будочникъ желѣзной дороги пропустилъ первый батальонъ, который благополучно перебрался на ту сторону лужи; но затѣмъ объявилъ, что черезъ пять минутъ пойдетъ поѣздъ, и что намъ нужно ждать. Мы остановились, и только что составили ружья, какъ на поворотѣ дороги показалась коляска бригаднаго генерала. Завидѣвъ остановившійся батальонъ, генералъ подлетѣлъ къ намъ и выскочилъ изъ коляски.

— Что такое? Почему остановились? Кто позволилъ?

— Ваше превосходительство! залило дорогу, а по полотну сейчасъ долженъ пройти поѣздъ.

— Залило дорогу? Поѣздъ? Вздоръ! Вы

пріучаете солдатъ нѣжничать... Струсили лужи... Ребята! за мной! По-суворовски...

Генералъ быстро прошелъ мимо батальона въ воду неловкою походкой человѣка, долго ѣхавшаго въ экипажѣ.

— За мной, ребята! По-суворовски! — повторилъ онъ и пошелъ въ своихъ лакированныхъ ботфортахъ въ воду. Маіоръ оглянулся назадъ и пошелъ рядомъ съ генераломъ. Батальонъ тронулся за ними. Воды сначала было по колѣно, потомъ по поясъ, потомъ еще выше; высокій генералъ шелъ свободно, но маленькій маіоръ уже барахтался руками. Солдаты, точно гурьба овецъ во время перегона черезъ рѣчку, толкались, вязли въ размокшемъ днѣ, вырывая ноги, метались изъ стороны въ сторону. Ротные командиры и батальонный адъютантъ, ѣхавшіе верхомъ, которымъ можно было бы весьма удобно переѣхать черезъ лужу, видя предъ собой примѣръ генерала, подъѣзжали къ ней, спѣшивались и, ведя лошадей на поводу, вступали въ грязную, взбудораженную сотнями солдатскихъ ногъ воду. Наша рота, состоявшая изъ самыхъ высокихъ въ батальонѣ людей, переходила довольно удобно, но шедшая рядомъ съ нами малорослая восьмая рота, гдѣ были все люди 2—4 вершковъ, едва брела по уши въ водѣ: нѣкоторые даже захлебывались и хватались за насъ. Маленькій солдатикъ-цыганъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и широко раскрытыми черными глазами ухватилъ дядю Житкова за шею обѣими руками, бросивъ свое ружье; къ счастью для цыгана, кто-то подхватилъ на-лету ружье и спасъ его отъ потопленія. Саженъ черезъ десять лужа стала мельче, и всѣ уже въ безопасности спѣшили поскорѣе выбраться, толкались и ругались. У насъ многіе смѣялись; солдатамъ 8 роты было не до смѣха; лица у многихъ посинѣли не отъ одного холода. Сзади напирали стрѣлки.

— Ну, карапузы, выбирайся! Потопли! — кричали они...

— Очень просто, что потонуть можно, — отзывались въ восьмой ротѣ.

— А ты бы ко мнѣ въ котелокъ сѣлъ. Сухонькимъ бы доставилъ.

— То-то и есть, братецъ, что не въ догадку было, — благодушно отвѣчалъ на насмѣшку солдатикъ.

Виновникъ всей этой суматохи, уже успѣвшій вытащить ноги изъ вязкаго дна и выйти изъ воды, стоялъ на берегу, смотря на барахтавшуюся въ водѣ массу людей. Онъ промокъ до послѣдней нитки. Вода текла по его одеждѣ; полныя воды лакированныя голенища раздулись, а онъ все кричалъ, поощряя солдатъ:

— Впередъ, ребята! По-суворовски!

Мокрые офицеры толпились вокругъ него.

— Спасибо, старобѣльцы! Молодцами!

— Рады стараться, ваше превосходительство! нестройно грянули солдаты. И — мокрый генералъ уѣхалъ впередъ.

Солнце стояло еще высоко; идти оставалось только пять верстъ; маіоръ сдѣлалъ большой привалъ. Мы раздѣлись, развели костры, обсушили платье, сапоги, ранцы, сумки, и часа черезъ два тронулись въ путь, уже со смѣхомъ вспоминая купанье.

В. Гаршинъ.

127. Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу — даль степей
Зеленѣется,
И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется.
Виноградъ въ садахъ
Наливается.
Гляну къ сѣверу —
Тамъ въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,

Быстро кружится;
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю,
И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой
Громкихъ подвиговъ?
Предъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давно ль было,
Когда съ запада
Облегла тебя
Туча темная?
Подъ грозой ея
Лѣса падали.
Мать сыра-земля
Колебалася,
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Черным облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,—
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости на вѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..
И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ,
По сѣдымъ морямъ,

И. С. Никитинъ.

Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота:
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

Никитинъ [1]).

128. Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой:
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ —
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Лермонтовъ.

[1]) *Никитинъ*—сынъ мѣщанина, учился въ Воронежской духовной семинаріи, держалъ постоялый дворъ, а подъ конецъ жизни—книжный магазинъ, умеръ въ 1862 году.

129. Опять на родинѣ.

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И, кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ, за ними
Скрывалась мельница, на-силу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь

От глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ нашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Пушкинъ.

130. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Русь сбирали и скрѣпляли,
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;
Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа...
Что-жъ взойдетъ на общей нивѣ?..
Русь ужъ многое дала,
Въ царствѣ выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...
Что взойдетъ?—Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумиръ!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;
Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ полны правды
И сердечной чистоты...
Пушкинъ! Ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!
Во всемірномъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужъ тебя честитъ и славитъ
Всякъ народъ и всякъ языкъ,—
Но юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя—
Нашу гордость—какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ расцвѣтѣ нашемъ полномъ,
Суждено еще явить.—

А. Майковъ.

131. О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастье, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освѣщаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Недаромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; недаромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не могла бы быть тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашей, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ на-

шихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надо видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ. На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ прекрасной натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго патріота, который выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостью: «никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, я вижу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ, и мнѣ скучно».

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойства человѣка не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его. Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями жизни; что его тишина и добродѣтель служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава, и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе—гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма.

Такъ, Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ—варварами; такъ, Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ. Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ, но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго, станемъ смѣло на-ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостью. Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и вы-

думкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа Русскаго, а побѣда—вѣстницею бытія его. Римская имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростью, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ IX вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей Греческихъ. Въ первомъ-на-десять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные своею храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Цареградомъ, который дѣлился съ ними плодами учености, и во время Ярослава были переведены на Славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласія князей приготовили торжество Чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ, Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное стремленіе къ гибели стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною, безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества. Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали Востокъ и Западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра. И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи, такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ! Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе. Времена самозванцевъ представляютъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца: граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ, и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Древняя и новая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра I-го позволено желать Русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ подписи, что сей памятникъ сооруженъ въ его счастливое время. Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ—ученики, завтра—примѣръ для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ: мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турокъ и наконецъ Французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ шты-

кахъ, бѣжали въ Италію отъ перваго взмаха штыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души. Народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою. Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того что имъ болѣе занимались, какъ важнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться.

Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ восьмаго-на-десять вѣка считался варварскимъ. Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну переимчивость. Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того,— и для того единственно,—что менѣе другихъ занимаемся ими и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Если бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки), доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ?—и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами! У Французовъ еще въ шестомъ-на-десять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно-ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно-ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на-ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе Русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того-ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Но не будетъ-ли обидно походить на Даламберову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему, услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ! Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго языка. Это извиненіе хуже всякой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русскій языкъ грубъ и непріятенъ, и что не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ, представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обрабатываніемъ собственнаго языка; мудрено-ли, что не умѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ

другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота, и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самимъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ! До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, а мы еще въ серединѣ нашего славнаго теченія. Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія, видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его: труды и надежда! Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію, слава есть право на счастье.

Карамзинъ [1].

---

[1]) *Николай Михайловичъ Карамзинъ,* сынъ дворянина, родился въ 1766 г., въ Симбирской губ., учился въ одномъ изъ лучшихъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, потомъ служилъ въ гвардіи. Карамзинъ выступилъ на литературное поприще, какъ журналистъ и преобразователь языка; онъ сталъ писать такъ, какъ говорили. Послѣ „Писемъ русскаго путешественника", прославившихъ Карамзина, онъ обратился къ изученію нашей исторіи и написалъ „Исторію Государства Россійскаго". Карамзинъ умеръ въ 1826 году. Памятникъ Карамзину поставленъ въ Симбирскѣ.

132. Подражаніе иностранцамъ.

(Монологъ Чацкаго).

Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція; посмотришь—вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.

Грибоѣдовъ.

Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
Ахъ, Франція! нѣтъ лучше въ мірѣ края!
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья,
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ иль примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,—
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто-кратъ

Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу,
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы,—такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ?
Грибоѣдовъ [1]).

133. Святая Русь.

Святая Русь! родного слова
Многозначительная рѣчь!
Завѣтъ намъ Божьяго покрова
И окликъ нашъ средь бурныхъ сѣчъ!
Изъ словъ земныхъ живѣй и чаще
Звучишь ты сердцу и уму,
Всѣхъ пѣсней ласковѣй и слаще
Поешь ты слуху моему.
Святая Русь! въ самомъ значеньѣ
Ей промыслъ путь предуказалъ:
Не даромъ при ея крещеньѣ
Онъ ей то имя даровалъ.
Намъ явны изъ его глагола
Ея призванье и судьба:
За Божій домъ, за честь Престола,
За правду жертва и борьба,
Безукоризненная клятва,
И попеченьемъ чистыхъ рукъ
О Богѣ зрѣющая жатва
Добра, успѣховъ и наукъ;
Почетъ и власть въ земныхъ державахъ,
Духъ братства, мира и любви,
И простота въ народныхъ нравахъ,
И пламень мужества въ крови!
О, дорожи своимъ залогомъ!
Блюди такой избранный путь,
И предъ людьми, и передъ Богомъ,
Святая Русь, святою будь!
О, будь всегда, какъ и донынѣ,
Ковчегомъ нашимъ подъ грозой,
И сердцу русскому святыней,
И нашей силой предъ враждой!
Кн. Вяземскій.

134. Бэда-проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ;
Однѣ только сосны росли вѣковыя,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть.
«Старикъ!» онъ сказалъ: «я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать:
Съ вершинъ увидали тебя пастухи,
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи».
И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось, слѣпцу въ славѣ небо являлось:
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей.
Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца блѣдный лучъ въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ»...
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая,
Но только замолкъ онъ—отъ края до края—
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.
Полонскій.

135. Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ,—и хвала
Его непритворна была.

[1]) *Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ* родился въ 1795 г.; окончилъ курсъ въ университетѣ; служилъ въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ гражданскую и былъ посланникомъ въ Персіи; здѣсь, въ 1829 году, онъ былъ убитъ возмутившимися персіянами; тѣло Грибоѣдова похоронено въ Тифлисѣ. Самое лучшее сочиненіе Грибоѣдова «Горе отъ ума».

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна;
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

136. Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Лермонтовъ.

137. Молитва.

Міра Заступница, Матерь всепѣтая!
Я предъ Тобою съ мольбой:
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую,
Ты благодатью прикрой;
Если постигнутъ меня испытанія,
Скорби, утраты, враги—
Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія,
Ты мнѣ, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце мое положи,
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

Ю. Жадовская.

138. Молитва.

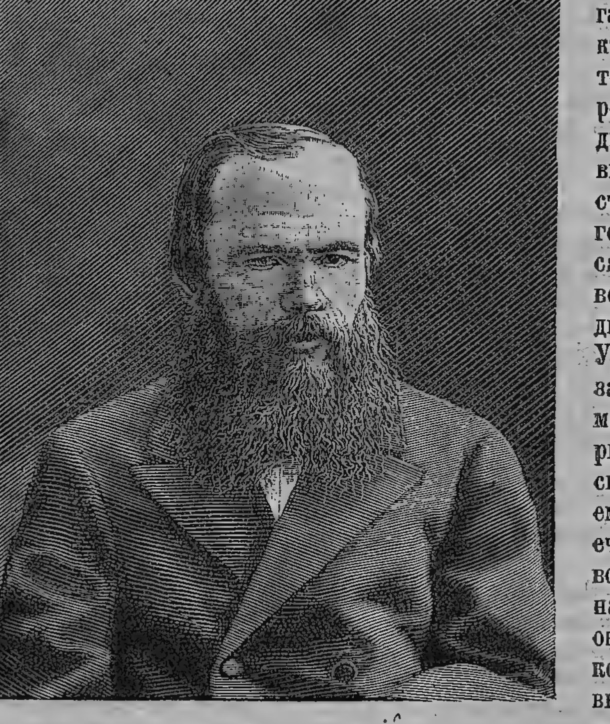
Я стою передъ иконой
И, безъ словъ, молюсь;
Я молюсь Тебѣ, Создатель,—
Объ одномъ прошу:
Пусть пошлется мнѣ страданье,
Духъ къ нему привыкъ!
Пусть меня забудутъ скоро
Всѣ, кого люблю;
Пусть забудутъ, пусть разлюбятъ,
Только, Боже мой,
Посылай имъ чаще радость,
Счастье посылай;
Если есть его на долю
У тебя мою,
Эту долю моимъ милымъ
Раздѣли, молю!

Ю. Жадовская.

139. Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Маленькій, лѣтъ шести, или даже менѣе, мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ, и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ; давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. «Очень ужъ здѣсь холодно», подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобы отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью пошелъ изъ подвала. Онъ бы еще и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудова онъ пріѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется, никого; всѣ затворяются по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло, и ему давали кушать, а здѣсь— Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко дышущихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и, Господи, такъ хочется поѣсть, — хоть бы кусочекъ какой-нибудь,—и такъ больно вдругъ стало пальчикамъ!



Ѳ. М. Достоевскій.

Вотъ и опять улица,—охъ, какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ; а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблокъ, а кругомъ тутъ-же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ, и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать; какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше: и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять таки деревья, но на столахъ пироги, всякіе— миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни; а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги; и отворяется дверь поминутно, входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копѣечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй-поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится,—и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что же опять такое!

Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ, за стекломъ, три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ-совсѣмъ какъ живыя! Какой-то стари-

чекъ сидитъ и будто-бы играетъ на большой скрипкѣ; два другихъ стоятъ тутъ-же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головами, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ, — только вотъ изъ за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что они живые, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки,— вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно, смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой, злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ножкой. Покатился мальчикъ на земь; тутъ закричали; обомлѣлъ онъ, вскочилъ—и бѣжать-бѣжать, и вдругъ забѣжалъ, самъ не знаетъ куда,—въ подворотню, на чужой дворъ, и присѣлъ за дровами: «тутъ не сыщутъ, да и темно».

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страха, и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть! «Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ», подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: «совсѣмъ какъ живыя!» И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. «Мама, я сплю! Ахъ, какъ тутъ спать хорошо!».

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ, прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она; кто же это его позвалъ, онъ не видитъ; но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ, а онъ протянулъ ему руку и... вдругъ,—о, какой свѣтъ! о, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь? Все блеститъ, все сіяетъ, и кругомъ все куколки, но нѣтъ: это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые; всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берегутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! мама! ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! кричитъ ей мальчикъ,—и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. «Кто вы, мальчики? кто вы, дѣвочки?» спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это «Христова елка», отвѣчаютъ они ему. «У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки». И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такія же, какъ и онъ, дѣти, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь, какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ матерей. А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку; а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо. *Ѳ. Достоевскій.*

---

140. Великопостная молитва.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія—змѣи сокрытой сей—
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Пушкинъ.

---

141. Изъ Великаго канона.

Помощникъ, Покровитель мой!
Явился Онъ ко мнѣ, и я отъ мукъ избавленъ,
Онъ Богъ мой, славно Онъ прославленъ,
И вознесу Его я скорбною душой.
Съ чего начну свои оплакивать дѣянья,
Какое положу начало для рыданья
О грѣшномъ пройденномъ пути?
Но, Милосердный, Ты меня прости!

Душа несчастная! Какъ Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачѣмъ, зачѣмъ коснувшись древа,
Вкусила ты безумнаго плода?
Адамъ достойно изгнанъ былъ изъ рая
За то, что заповѣдь одну не сохранилъ;
А я какую кару заслужилъ,
Твои велѣнья вѣчно нарушая?

Отъ юности моей погрязнулъ я въ страстяхъ,
Богатство растерялъ, какъ жалкій расточитель,
Но не отринь меня, поверженнаго въ прахъ,—
Хоть при концѣ спаси меня, Спаситель!
Весь язвами и ранами покрытъ,
Страдаю я невыносимо;
Увидѣвши меня, прошелъ священникъ мимо,
И отвернулся набожный левитъ...
Но Ты, извлекшій міръ изъ тьмы могильной,
О, сжалься надо мной!—мой близится конецъ...
Какъ сына блуднаго прими меня, Отецъ!
Спаси, спаси меня, Всеславный!

Апухтинъ.

---

142. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву ль тихую читали
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

---

143. Святая земля.

Пустыня... Знойные пески...
На сѣверъ—голыхъ скалъ уступы;
На югъ—излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы;
На западъ—моря полоса;
А на востокъ—за далью синей
Слились съ пустыней небеса
Другой безбрежною пустыней...
Кой-гдѣ межъ скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ въ лиственномъ навѣсѣ
Смоковницъ, нардовъ и маслинъ
Евреевъ пастырскія веси;
И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнаженной,
Какъ гнѣзда пыльныя орловъ;
Истоменъ воздухъ воспаленный,
Земля безтѣнна; тишина
Пески сыпучіе объемлетъ;
Природа будто бы больна
И въ забытьѣ тяжеломъ дремлетъ,
И каждый образъ, и предметъ,
И каждый звукъ—какой-то бредъ.
Порой, далеко, точкой черной,
Газель, иль страусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ и—пропадутъ.
Порой, волна рѣки нагорной
Простонетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканіе голодной львицы,
Иль рѣзкій клекотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины—
И снова все мертво и глухо...

Слабѣетъ взоръ, тупѣетъ ухо
От безпредметной тишины.

Левъ Мей.

144. Іерусалимъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Взъѣхавъ на горы, мы скоро поровнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая.

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы выѣхали въ узкій дефилей [1]) самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревъ обозначили границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Часы быстро летѣли, и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе, но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосками мховъ, пріятно оттѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святого города при свѣтѣ дня. Я далеко опередилъ своихъ спутниковъ. Въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!* Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ; я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ повода лошади, я бросился на землю со сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земного шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно,—покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся. Это меня испугало; я боялся, чтобы святыня не скрылась отъ меня, и поспѣшилъ въ лоно святого города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Виѳлеемскія или Яффскія ворота и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было марта 31-го числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ посреди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ, но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутренѣ.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, когда я увидалъ въ ложѣ привратника сидящихъ, поджавши ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы, мое сердце сжалось грустью. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ

[1]) *Дефилей*—тѣснина.

плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ.

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь покрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, галлереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта, поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и безпокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ничѣмъ неразвлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей—этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возжженіе свѣчей съ принятіемъ ваій вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился, съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко Гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимъ.

Норовъ.

145. Свѣчка предъ иконой.

Дорогъ мнѣ, предъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возжженный
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ;
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

А. Майковъ.

146. На церковное строеніе.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненастливъ,
Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ палящій зной,—
На перекресткѣ онъ, съ открытой головой
И съ книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ,
Глядитъ онъ старикомъ и человѣкомъ божьимъ,
Смиренья съ простотой лежитъ на немъ печать;
Свой страннической крестъ пріявъ, какъ благодать,
Изъ дальнаго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды,
Нѣтъ! къ дому Господа усердьемъ возгоря,
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ,
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ апостольскою вѣстью
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко кто пройдетъ,—и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,
Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
Но болѣе всего любуюсь доброхотомъ,
Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крупнымъ потомъ
Добытый,—и себя-жъ тутъ осѣнитъ крестомъ,
Какъ будто-бъ онъ еще остался съ барышомъ.
Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру:
И лепту я мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.
Скажу: и моего тутъ капля меду есть,
Скажу: и моего тутъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада ввѣкъ не гасла,
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.

И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
Что тутъ и мой кирпичъ пойдетъ въ основу зданья,
Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
На благовѣстъ любви, сзывающій мірянъ,
Усердною толпой сберется въ день воскресный,
И молятся они, чтобы Отецъ небесный
Послалъ имъ свышній миръ,—чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды,—
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ,
Чтобъ исцѣлѣлъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ,—
Живущимъ вѣрою, хранящимъ Божій страхъ,
Труждающимся всѣмъ, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ далече въ морѣ сущимъ
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать,—
Чтобъ въ покаяньѣ имъ дни прочіе скончать,—
Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хранитель,
Берегъ и стадо ихъ, и поле, и обитель,—
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своемъ
Отцовъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
Святителей церквей, родныхъ, владыкъ державныхъ,
И всѣхъ, лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ.
И, отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіетъ.
Чтобъ непостыдная и тихая кончина,
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына,
Сошла, какъ благодать, даруя имъ покой,
Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой,
И въ оный страшный день съ отвѣтнымъ добрымъ словомъ,
Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ.
И безъименною молитвой обо мнѣ
Помянутъ вѣрные въ далекой сторонѣ,
Когда за Божій домъ собравшіеся въономъ
Изъ создателей той церкви крестъ съ поклономъ
Предъ Господомъ живыхъ и мертвыхъ сотворятъ.
Года пройдутъ. Давно онъ, ихъ усопшій братъ,
Лежитъ въ землѣ сырой, но въ поколѣньѣ новомъ
Все тѣмъ же любящимъ и благодарнымъ словомъ
О братѣ, чуждомъ имъ, помолится народъ.
Тутъ память и моя пройдетъ изъ рода въ родъ;
И, можетъ быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
Искупится мой грѣхъ иль вольный иль невольный,
И тамъ зачтется мнѣ въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
Что къ церкви Божіей душой я не хладѣлъ.

Кн. Вяземскій.

147. Сельская церковь.

Люблю проселочной дорогой,
Въ день лѣтній, въ праздникъ храмовой
Попасть на службу въ храмъ убогій,
Почтенный сельской простотой.
Сей храмъ, построенный изъ бревенъ,
Когда-то былъ села красой;
Теперь онъ ветхъ, хотя не древенъ
И не отмѣченъ былъ молвой.
И колоколъ его незвучно
Разноситъ благовѣстный гласъ,
И самоучка своеручно
Писалъ его иконостасъ.
Евангеліе позолотой
Не блещетъ въ простотѣ своей,
И только днями и заботой
Богатъ смиренный іерей.
Но храмъ, и паперть, и ограду
Народъ усердно обступилъ;
И пастырь набожному стаду
Миръ благодати возвѣстилъ.

Но простодушнѣй, но покорнѣй
Молитвы не услышать вамъ!
Здѣсь ей свободнѣй, здѣсь просторнѣй
Ей подниматься къ небесамъ.
И старъ, и младъ, творя поклоны,
Спѣшатъ свѣчу свою зажечь,
И блещутъ мѣстныя иконы,
Облитыя сіяньемъ свѣчъ.
Открыты окна,—въ окна дышетъ
Пахучей свѣжестью деревъ,
И пѣшеходъ съ дороги слышитъ,
Крестясь, молитвенный напѣвъ.
Въ согласье съ бѣдностью прихода,

Ничто не развлекаетъ взглядъ:
Кругомъ и бѣдная природа,
И бѣдныхъ избъ стѣсненный рядъ,—
Но все святыней и смиреньемъ
Здѣсь успокоиваетъ умъ,
И сердце полно умиленьемъ,
И свѣтлыхъ чувствъ, и чистыхъ думъ.
Поѣдешь дальше,—годы минутъ,
А съ ними многое пройдетъ,
Слѣды минувшаго остынутъ,
И мало что изъ нихъ всплыветъ,—
Но церковь съ низкой колокольней.
Смиренный, набожный народъ,
Одинъ другого богомольнѣй,
Въ глуши затерянный приходъ,
Двѣ—три березы у кладбища,
Позеленѣвшій тиной прудъ,
Селенье, мирныя жилища,
Гдѣ бодрствуютъ нужда и трудъ,—
Во мнѣ не преданы забвенью,
Ихъ вижу, какъ въ былые дни,
И освѣжительною тѣнью
Ложатся на душу они.

Кн. Вяземскій.

148. Кончина бабушки.

Въ одно утро, проснувшись по обыкновенію очень рано, Анна Гавриловна, сверхъ всякаго обыкновенія, послала просить къ себѣ ея друга милаго, Ѳедора Марковича (сына). Когда Ѳедоръ Марковичъ, довольно удивленный неожиданностію этого приглашенія, явился къ Аннѣ Гавриловнѣ, она находилась еще въ постели и къ обычному наименованію *ея друга милаго*, прибавляя: «свѣтъ ты мой, моя радость!» Анна Гавриловна сказала: «не изволь печалиться, а посылай за попомъ. Я сегодня умру».—Богъ въ вами, матушка! говорилъ встревоженный и удивленный Ѳедоръ Марковичъ, посылая звать Елену Ильинишну (свою жену).—Развѣ вы чувствуете себя нездоровой?—«Ничего я не чувствую, мои други милые! отвѣчала Анна Гавриловна: а я сегодня умру. Посылай за попомъ и посылай мнѣ сосѣдей звать. Я съ людьми жила, съ людьми и умирать хочу». Вслѣдъ за тѣмъ Анна Гавриловна призвала своего любимаго Кирюшу, который всегда подавалъ ей кофе, и отправила его съ словеснымъ порученіемъ къ двумъ самымъ близкимъ ей особамъ. «Ступай, моя радость, не медли. И моимъ словомъ скажи: что приказала-молъ Анна Гавриловна кланяться и приказала васъ на смерть къ себѣ звать». Послѣ чего Анна Гавриловна встала съ постели, тщательно умылась, одѣлась въ приготовленное на смерть платье, надѣла бѣленькій чепчикъ, и сама передъ зеркаломъ повязала сверхъ него темный шелковый платокъ и еще спросила свою женщину: «а что скажешь: хорошо, Анна?» Пришелъ священникъ. Анна Гавриловна пожелала отслужить молебенъ Варварѣ Великомученицѣ, какъ избавляющей отъ внезапной смерти, и затѣмъ приступила къ исповѣди и къ святому причащенію. «*И отходную* прочитай мнѣ, батюшка!» сказала она. И отходную прочитали Аннѣ Гавриловнѣ. Тѣмъ временемъ все сосѣдство, поднятое страннымъ увѣдомленіемъ и еще болѣе странною загадочностію всего,—что Анна Гавриловна, слава Богу, здорова и приказала на смерть къ себѣ звать,—все сосѣдство съѣзжалось, и дворъ Ѳедора Марковича наполнился разнородными экипажами отъ каретъ до простой кибиточки. Можно было подумать, что пиръ какой шелъ. «Что Анна Гавриловна?» спрашивалъ всякій, едва ступая на порогъ дома.—Ничего, слава Богу, въ гостиной сидятъ,—было единственнымъ отвѣтомъ. И точно, Анна Гавриловна сидѣла въ своей маленькой гостиной, на своемъ креслѣ и передъ своимъ маленькимъ столикомъ. «Умру, мои други милые!» говорила она на привѣтствія и выраженія грустнаго удивленія гостей, что Анна Гавриловна не пожелала перепугать такъ всѣхъ; но въ самомъ дѣлѣ можно было замѣтить, что лицо у Анны Гавриловны какъ-то странно осунулось, и рука была мертвенно блѣдна, хотя Анна Гавриловна, повидимому, оставалась здоровою. «Ну, дайте же мнѣ кофею, сказала она,—я съ вами, мои други, кофею напьюсь». И кофе напилась Анна Гавриловна, по своему обыкновенію, съ крендельками и сдобною булочкой. Приняли кофе. Но Анна Гавриловна все будто немного задумывалась. Желая развлечь ее и зная вообще, какое живое участіе любила принимать Анна

Гавриловна во всѣхъ устраивающихся свадьбахъ, одна изъ гостей начала разсказывать объ очень близкихъ вѣроятностяхъ слаживающагося сватовства. «Дай Богъ! хорошее дѣло», сказала Анна Гавриловна. Но кажется, она не совсѣмъ понимала, и пожелала, чтобы ей повторили разсказъ. «А я-то что безъ дѣла?» замѣтила она. «Дай-же мнѣ мой снурочекъ». — Подали рогулечку съ снуркомъ, и Анна Гавриловна немного повязала его. Но у нея будто руки ослабѣли. Она скоро положила работу на столъ. Котикъ вспрыгнулъ къ ней на колѣни. Въ это время гостья, старавшаяся занять ее своимъ разсказомъ, остановилась на минуту и вдругъ всѣ услышали: «Прощай, котикъ!.. Господи Іисусе Христе»... Анна Гавриловна отклонилась на спинку кресла и скончалась.

Кохановская.

149. Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ, —
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И, сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю: —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ—цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину,
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою-ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

150. Похороны Чернаго.

... «Мужикъ потопалъ. Черный увидѣлъ съ горы и бросился на помощь. Вытащилъ мужика, спасъ его отъ смерти; а тамъ еще лошадь его осталася, бьется, потопаетъ совсѣмъ. Народъ сбѣжался, стоитъ на берегу, смотритъ... Жалко бѣдной скотины, да что ты ей сдѣлаешь? Своя душа дороже. Черный не стерпѣлъ. «Эхъ, сердечная! вымолвилъ,—какъ она бьется!» И бросился опять къ рѣкѣ. Его было хотѣли силою удержать, такъ удержишь его? Онъ какъ двинулъ плечами, всѣ отъ него, какъ листья, посыпались... И уже онъ бился съ тою лошадью, съ часъ мѣста промаялся съ нею, пока наконецъ возжами накинулъ ей мертвый оселъ [1]) на шею и вытащилъ изъ воды. Да если бы онъ послѣ того въ баню сходилъ, или бы напился бы горячаго чего,—авось бы Господь помиловалъ и прошло бы даромъ все. А то дѣло было съ утра; Черный только на службу шелъ, какъ увидѣлъ, что потопаетъ мужикъ, и онъ одѣлся послѣ въ сухое и опять пошелъ на службу. А оно и не прошло даромъ. Недѣлю цѣлую разламывала его болѣзнь, да онъ все не поддавался; а потомъ уже она какъ осилила его, такъ онъ на десятый день только въ память свою пришелъ. И только пришелъ въ себя, глянулъ глазами, и говоритъ шопотомъ хозяйкѣ, чтобъ она священника позвала. А хозяйкѣ незачѣмъ было далеко идти, потому что отецъ протопопъ отъ обѣдни мимо оконъ шелъ. Она его въ окно и позвала. Отецъ протопопъ, спасибо ему, даже въ домъ къ себѣ не зашелъ, а воротился прямо въ церковь, взялъ ковчежецъ со святыми дарами, выисповѣдалъ и запричастилъ больного. Черный легъ, поворотился къ стѣнѣ, и будто онъ заснулъ, да уже и не просыпался болѣе».

«И какъ хоронили его! Вотъ, моя родная,

[1]) *Оселъ*—петля.

прекрасно его хоронили! И теперь поѣзжай въ Купянку, спроси, —помнятъ люди, какъ Чернаго хоронили. Оно и забыть нельзя. Такъ свѣтло да радостно никого будто въ жизни не хоронили, ни большого, ни малаго! Купцы какъ услышали, что померъ Черный, они ему поснесли всего: отъ свѣчей и ладону до всего, матушка, что нужно для гроба, и сами взялись гробъ сдѣлать, и парчею золотою Чернаго накрыли. Барышни ему подъ голову кисейную подушку сшили, розовой тафтой подложили, изукрасили ее лентами, что ни есть лучше. Онъ себѣ безродный былъ, ни отца, ни матери, гдѣ-то далеко сиротою взросъ. Кажись, и гробу-то его пустѣть да сиротѣть должно бы было; и вышло—нѣтъ, родная моя! Народъ къ нему валомъ валилъ, большіе и малые, словно ихъ посылалъ кто: «иди, молъ, иди, поклонись Черному». И весь городъ шелъ—просто, говорили, какъ рѣка текъ. Въ среду на вечерню его вынесли въ церковь, и на утро-то, значитъ, въ четвергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдню служилъ. И знаешь, дни праздничные, въ храмѣ Божьемъ свѣтлость такая, царскія двери отворены, пѣніе радостное на обѣднѣ льется, и Черный просто неузнаваемъ въ гробу лежалъ. Большой такой да хорошій; болѣзнь съ него черноту сняла, и онъ, матушка, побѣлѣлый, обложился своими черными волосами, вотъ живъ заснулъ, высоко на разубраной подушкѣ въ красотѣ лежитъ! Отпѣли погребеніе, и какъ пришло это время, что *дадимъ послѣднее цѣлованіе,* отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ; наклонился онъ, и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: «Христосъ воскресе!» сказалъ онъ, и трижды, какъ христосуясь, поцѣловалъ онъ Чернаго. А тутъ недалечко у самаго гроба женщина съ дитятею на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. «Дай мнѣ, дитя, твое яичко», сказалъ отецъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою и протянула яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ его въ гробъ къ Черному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть, дескать, и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собой благовѣстіе Христово. И такъ, матушка, за протопопомъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чернымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему и, прежде чѣмъ цѣлованіе мертвому дастъ, «Христосъ воскресе!» скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы понести гробъ, и какъ понесли его, день такой прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развѣваются, парча золотая на гробѣ, какъ жаръ, горитъ, и откуда ни возьмись, двѣ ласточки вьются да щебечутъ надъ самымъ гробомъ, — въ удивленье привели народъ. Просто, сладость такая святая умилила людей, какъ стали заколачивать гробъ; заколачиваютъ его, опускаютъ въ могилу, а тутъ, матушка, поютъ: «*Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*».

Кохановская.

---

151. Погребальныя пѣснопѣнія.

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;
Обрядъ печальный похоронъ
Соборъ отшельниковъ свершаетъ.
Свѣчами свѣтится алтарь,
Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
Поетъ напутственный тропарь,
Ему монахи вторятъ хоромъ.
«Какая сладость въ жизни сей
Земной печали не причастна?
Чье ожиданье не напрасно?
И гдѣ счастливый межъ людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы съ трудомъ пріобрѣли—
Какая слава на земли
Стоитъ тверда и непреложна?
Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный,
И передъ смертью мы стоимъ
И безоружны, и безсильны.
Рука могучаго слаба,
Ничтожны царскія велѣнья,—
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья».
—«Какъ ярый витязь, смерть нашла,
Меня, какъ хищникъ, низложила,
Свой зѣвъ разинула могила
И все житейское взяла.

Спасайтесь, сродники и чада,
Изъ гроба къ вамъ взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И дуновенье смерти чуя,
Мы увядаемъ, какъ цвѣты,
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши—разрушенье—
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!»
«Средь груды тлѣющихъ костей
Кто царь, кто рабъ, судья, иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ,
И кто отверженный злодѣй?
О, братья, гдѣ сребро и злато,
Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Все пепелъ, дымъ, и пыль, и прахъ,
Все призракъ, тѣнь и привидѣнье —
Лишь у тебя на небесахъ,
Господь, и пристань, и спасенье!
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье—
Пріими усопшаго, Господь,
Въ твои блаженныя селенья!»
«И Ты, предстательница всѣмъ,
И Ты, заступница скорбящимъ,
Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
Къ Тебѣ святая, вопіемъ!
Моли божественнаго Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы отжившій на земли
Оставилъ здѣсь свои кручины!
Все пепелъ, прахъ, и дымъ, и тѣнь.
О, други, призраку не вѣрьте!
Когда дохнетъ въ нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы всѣ поляжемъ, какъ хлѣба,
Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ,—
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!»
«Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу братскаго рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струитъ благоуханье;
Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,
И ею, братья, васъ молю,
Да каждый къ Господу взываетъ:
Господь! Въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье—
Пріими усопшаго раба
Въ твои блаженныя селенья!»

Графъ Алексѣй Толстой.

---

152. Выборъ креста.

Усталый шелъ крутой горою путникъ; съ усиліемъ передвигая ноги, по гладкимъ онъ скаламъ тащился и наконецъ достигъ ея вершины. Съ вершины той широкая открылась равнина, вся облитая лучами на край небесъ склонившагося солнца. Свершивъ свой путь, великое свѣтило послѣдними лучами озаряло, прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ, и былъ покой повсюду несказанный. Утѣшенный видѣніемъ такимъ, сталъ странникъ на колѣни, прочиталъ вечернюю молитву и потомъ на благовонномъ лонѣ муравы простерся, и сошелъ ему на вѣжды миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось Господнимъ ликомъ пламенное солнце, Господнею одеждой—твердь небесъ, подножіемъ Господнихъ ногъ—земля, и къ Господу воскликнулъ онъ: «Отецъ! не отвратись во гнѣвѣ отъ меня, когда всю слабость грѣшныя души я исповѣдую передъ Тобою. Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ; но тяжестью не всѣ кресты равны, мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ онъ силамъ; облегчи его, иль онъ меня раздавитъ, и моя душа погибнетъ!» Такъ въ безсмысліи онъ Бога всевышняго молилъ. И вдругъ великій повѣялъ вѣтеръ, и его умчало на высоту неодолимой силой, и онъ себя во храминѣ увидѣлъ, гдѣ множество безчисленное было крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ: «передъ тобою всѣ кресты земные здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ захочешь взять, тотъ и возьми». И началъ кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ испытывать, и каждый класть на плечи, дабы узнать, какой нести удобнѣй. Но выбрать было не легко: одинъ былъ слишкомъ для

него великъ; другой тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ, и не тяжелъ, но неудобенъ: рѣзалъ краями острыми ему онъ плечи; иной былъ слитъ изъ золота, за то и не въ подъемъ, какъ золото. И, словомъ, ни одного креста не могъ онъ выбрать, хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ, какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде оставленный безъ замѣчанья крестъ; былъ не легокъ онъ, правда, былъ изъ твердой сработанъ пальмы; за то какъ будто по мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ ему пришелся по плечу онъ ловко, и онъ воскликнулъ: «Господи! позволь мнѣ взять этотъ крестъ». И взялъ. Но что же?—Онъ былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

Жуковскій.

---

153. Сапожникъ Семенъ.

Жилъ сапожникъ съ женою и дѣтьми у мужика на квартирѣ. Ни дома своего, ни земли у него не было, и кормился онъ съ семьею сапожною работой. Хлѣбъ былъ дорогой, а работа дешевая, и что заработаетъ, то и проѣстъ. Была у сапожника одна шуба съ женой, да и та износилась въ лохмотья, и второй годъ собирался сапожникъ купить овчинъ на новую шубу. Къ осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы въ сундукѣ, а еще пять рублей двадцать копѣекъ—за мужиками въ селѣ. И собрался съ утра сапожникъ въ село за шубой. Надѣлъ нанковую бабью куртушку на ватѣ на рубаху, сверху—кафтанъ суконный; взялъ бумажку трехрублевую въ карманъ, выломалъ палку и пошелъ послѣ завтрака. Думалъ: «получу пять рублей съ мужика, приложу своихъ три, куплю овчину на шубу».

Пришелъ сапожникъ въ село, затѣмъ къ одному мужику,—дома нѣтъ: обѣщала баба на недѣлѣ прислать мужа съ деньгами, а денегъ не дала; зашелъ къ другому—забожился мужикъ, что нѣтъ денегъ; только двадцать копѣекъ отдалъ за починку сапогъ. Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчины. Въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ.

— Денежки, говоритъ, принеси, тогда выбирай любыя; а то знаемъ мы, какъ долги выбирать.

Такъ и не сдѣлалъ сапожникъ никакого дѣла, только получилъ двадцать копѣекъ за починку, да взялъ у мужика старыя валенки кожей обшить. Потужилъ сапожникъ, выпилъ на всѣ двадцать копѣекъ водки и пошелъ домой безъ шубы. Съ утра сапожнику морозно показалось, а выпивши — тепло было и безъ шубы. Идетъ сапожникъ дорогой, одной рукой палочкою по мерзлымъ калмышкамъ постукиваетъ, а другой рукой сапогами валеными помахиваетъ, самъ съ собой разговариваетъ.

— Я, говоритъ, и безъ шубы тепелъ. Выпилъ шкаликъ, оно по всѣмъ жилкамъ играетъ. И тулупа не надо. Иду забывши горе. Вотъ какой я человѣкъ! Мнѣ что? Я безъ шубы проживу. Мнѣ ея вѣкъ не надо. Одна баба заскучаетъ. Да и обидно: ты на него работай, а онъ тебя водитъ. Говоритъ: «нужда». Тебѣ нужда, а мнѣ не нужда? У тебя домъ, и скотинка, и все, а я весь тутъ; у тебя свой хлѣбъ, а я на покупномъ; откуда хочешь, а три рубля въ недѣлю на одинъ хлѣбъ подай. Приду домой, а хлѣбъ дошелъ. Опять полтора рубля выложь. Такъ ты мнѣ мое отдай.

Подходитъ такъ сапожникъ къ часовнѣ у повертка, глядитъ, за самой за часовней что-то бѣлѣется. Стало уже смеркаться; приглядывается сапожникъ, а не можетъ разсмотрѣть, что такое. Камня, думаетъ, здѣсь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. Съ головы похоже на человѣка, да бѣло что-то. Да человѣку зачѣмъ тутъ быть? Подошелъ ближе, совсѣмъ видно стало. Что за чудо: точно человѣкъ, живой ли, мертвый, голышемъ сидитъ, прислоненъ къ часовнѣ и не шевелится. Страшно стало сапожнику, думаетъ себѣ: «убили какіе-нибудь человѣка, раздѣли да и бросили тутъ. Подойти только—и не раздѣлаешься потомъ». И пошелъ сапожникъ мимо. Зашелъ за часовню—не видать стало человѣка. Прошелъ часовню, оглянулся, видитъ: человѣкъ отслонился отъ часовни, шевелится, какъ будто приглядывается. Еще

больше заробѣлъ сапожникъ, думаетъ себѣ: «Подойти или мимо пройти? Подойти—какъ бы худо не было. Кто его знаетъ, какой онъ? Не за добрыя дѣла попалъ сюда. Подойдешь, а онъ вскочитъ да задушитъ, и не уйдешь отъ него; а не задушитъ, такъ поди возжайся съ нимъ. Что съ нимъ, съ голымъ, дѣлать? Не съ себя же снять, послѣднее отдать! Пронеси только Богъ». И прибавилъ сапожникъ шагу. Сталъ ужъ проходить часовню, да зарила его совѣсть. И остановился сапожникъ на дорогѣ.

— Ты что же это,—говоритъ на себя,—Семенъ, дѣлаешь? Человѣкъ въ бѣдѣ помираетъ, а ты заробѣлъ, мимо идешь! Али дюже разбогатѣлъ! Боишься, ограбятъ богатство твое? Ай, Сема, неладно!

Повернулся Семенъ и пошелъ къ человѣку.

Подходитъ Семенъ къ человѣку, разглядываетъ его и видитъ: человѣкъ молодой, въ силѣ, не видать на тѣлѣ побоевъ, только видно измерзъ человѣкъ и напуганъ,—сидитъ прислонясь и не глядитъ на Семена, будто ослабъ, глазъ поднять не можетъ. Подошелъ Семенъ вплоть, и вдругъ какъ будто очнулся человѣкъ, повернулъ голову, открылъ глаза и взглянулъ на Семена. И съ этого взгляда полюбился человѣкъ Семену. Бросилъ онъ наземь валенки, распоясался, положилъ подпояску на валенки, скинулъ кафтанъ.

— Будетъ, говоритъ, толковать-то. Одѣвай, что-ли. Ну-ка!

Взялъ человѣка Семенъ подъ локоть, сталъ поднимать. Поднялся человѣкъ. И видитъ Семенъ—тѣло тонкое, чистое, руки, ноги не ломаныя и лицо умильное. Накинулъ ему Семенъ кафтанъ на плечи. Не попадаетъ въ рукава. Заправилъ ему Семенъ руки, натянулъ, запахнулъ кафтанъ и подтянулъ подпояскою. Снялъ было Семенъ шапку рваную, картузъ хотѣлъ на него надѣть, да холодно головѣ стало, думаетъ: «у меня лысина во всю голову, а у него виски курчавые, длинные». Надѣлъ опять. «Лучше сапоги ему обую». Посадилъ его и сапоги валеные обулъ ему. Одѣлъ его сапожникъ и говоритъ:

— Такъ-то, братъ. Ну-ка, разминайся да согрѣвайся. А эти дѣла безъ насъ разберутъ. Идти можешь?

Графъ Л. Толстой.

Стоитъ человѣкъ, умильно глядитъ на Семена, а выговорить ничего не можетъ.

— Что же не говоришь? Не зимовать же тутъ! Надо къ жилью. Ну-ка, на, вотъ, дубинку мою, обопрись, коли ослабъ. Раскачивайся-ка!

И пошелъ человѣкъ, и пошелъ легко, не отстаетъ.

Идутъ они дорогой, и говоритъ Семенъ:

— Чей, значитъ, будешь?

— Я не здѣшній.

— Здѣшнихъ-то я знаю. Попалъ-то, значитъ, какъ сюда, подъ часовню?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Должно, люди обидѣли?

— Никто меня не обидѣлъ. Меня Богъ наказалъ.

— Извѣстно, все Богъ, да все же куданибудь прибиваться надо. Куда надо-то тебѣ?

— Мнѣ все равно.

Подивился Семенъ. Не похожъ на озорника, и на рѣчахъ мягокъ, а не сказываетъ про себя. И думаетъ Семенъ: «мало-ли какія дѣла бываютъ!» И говоритъ человѣку:

— Что жъ, заходи ко мнѣ въ домъ, хоть отойдешь мало-мальски.

Подходитъ Семенъ ко двору, не отстаетъ отъ него странникъ, рядомъ идетъ. Поднялся вѣтеръ, прохватываетъ Семена подъ рубаху, и сталъ съ него сходить хмѣль и прозябать сталъ. Идетъ онъ, носомъ посапываетъ, запахиваетъ на себѣ куртушку бабью и думаетъ: «Вотъ-те и шуба! Пошелъ за шубой, а безъ кафтана приду, да еще голаго съ собой приведу. Не похвалитъ Матрена!» И какъ подумаетъ объ Матренѣ, скучно станетъ Семену; а какъ поглядитъ на странника, вспомнитъ, какъ онъ взглянулъ на него за часовней, такъ взыграетъ въ немъ сердце.

Убралась Семенова жена рано: дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусила и задумалась; задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

— Если, думаетъ, Семенъ тамъ пообѣдаетъ, да много за ужиномъ не съѣстъ,— на завтра хватитъ хлѣба.

Повертѣла, повертѣла Матрена краюху, думаетъ: «не стану нынче хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ».

Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить. Шьетъ и думаетъ Матрена про мужа, какъ онъ будетъ овчины на шубу покупать.

«Не обманулъ бы его овчинникъ. А то простъ ужъ очень мой-то. Самъ никого не обманетъ, а его малое дитя проведетъ. Восемь рублей деньги не малыя. Можно хорошую шубу собрать. Прошлую зиму какъ бились безъ шубы! Ни на рѣчку выдти, ни куда. А то вотъ пошелъ со двора, все на себя надѣлъ, мнѣ и одѣть нечего. Не рано пошелъ. Пора бы ему. Ужъ не загулялъ-ли соколикъ-то мой?»

Только подумала Матрена, заскрипѣли ступеньки на крыльцѣ; кто-то вошелъ. Воткнула Матрена иголку, вышла въ сѣни. Видитъ,—вошли двое: Семенъ и съ нимъ мужикъ какой-то, безъ шапки и въ валенкахъ.

Сразу почуяла Матрена духъ винный отъ мужа. Ну, думаетъ, такъ и есть, загулялъ. Да какъ увидѣла, что онъ безъ кафтана, въ куртушкѣ въ одной, и не несетъ ничего, а молчитъ, ужимается,—оборвалось у Матрены сердце. Пропилъ, думаетъ, деньги, загулялъ съ какимъ-нибудь непутевымъ, да и его еще съ собой привелъ.

Пропустила ихъ Матрена въ избу, сама вошла, видитъ—человѣкъ чужой, молодой, худощавый, кафтанъ на немъ ихній. Рубахи не видать подъ кафтаномъ, шапки нѣтъ. Какъ вошелъ, такъ сталъ, не шевелится и глазъ не поднимаетъ. И думаетъ Матрена: «недобрый человѣкъ—боится». Насупилась Матрена, отошла къ печи, глядитъ, что отъ нихъ будетъ.

Снялъ Семенъ шапку, сѣлъ на лавку какъ добрый.

— Что-жъ, говоритъ,—Матрена, давай ужинать, что-ли?

Пробурчала что-то себѣ подъ-носъ Матрена. Какъ стала у печи, не шевельнется:

то на одного, то на другого посмотритъ и только головой покачиваетъ. Видитъ Семенъ, что баба не въ себѣ, да дѣлать нечего—какъ будто не примѣчаетъ, беретъ за руку странника.

— Садись,—говоритъ,—братъ, ужинать станемъ.

Сѣлъ странникъ на лавку.

— Что-же, али не варила?

Взяло зло Матрену.

— Варила, да не про тебя. Ты и умъ, я вижу, пропилъ. Пошелъ за шубой, а безъ кафтана пришелъ, да еще какого-то бродягу голаго съ собой привелъ. Нѣтъ у меня про васъ, пьяницъ, ужина.

— Будетъ, Матрена, что безъ толку-то языкъ стрекотать? Ты спроси прежде: какой человѣкъ...

— Ты сказывай, куда деньги дѣвалъ?

Полѣзъ Семенъ въ кафтанъ, вынулъ бумажку, развернулъ.

— Деньги вотъ онѣ, а Трифоновъ не отдалъ, завтра посулился.

Еще пуще взяло зло Матрену: шубы не купилъ, а послѣдній кафтанъ на какого-то голаго надѣлъ, да къ себѣ привелъ.

Схватила со стола бумажку, понесла прятать, сама говоритъ:

— Нѣтъ у меня ужина. Всѣхъ пьяницъ голыхъ не накормишь.

— Эхъ, Матрена, подержи языкъ-то! Прежде послушай, что говорятъ...

— Наслушаешься ума отъ пьянаго дурака! Не даромъ не хотѣла за тебя, пьяницу, замужъ идти...

Хочетъ Семенъ растолковать женѣ, что пропилъ онъ только двадцать копѣекъ, хочетъ сказать, что онъ человѣка нашелъ,—не даетъ ему Матрена слово вставить: откуда что берется, по два слова говоритъ. Что десять лѣтъ тому назадъ было, и то все помянула. Говорила, говорила Матрена, хотѣла уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось—хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой-такой человѣкъ.

Остановилась Матрена и говоритъ:

— Кабы добрый человѣкъ, такъ голый бы не былъ, а то на немъ и рубахи-то нѣтъ; кабы за добрыми дѣлами пошелъ, ты бы сказалъ, откуда привелъ щеголя такого.

— Да я сказываю тебѣ: иду, у часовни сидитъ этотъ «раздѣмши», застылъ совсѣмъ. Не лѣто вѣдь нагишомъ-то. Нанесъ меня на него Богъ, а то бы пропасть. Ну, какъ быть? Мало-ли какія дѣла бываютъ! Взялъ, одѣлъ и привелъ сюда. Утиши ты свое сердце. Грѣхъ, Матрена. Помирать будемъ.

Хотѣла Матрена изругаться, да поглядѣла на странника и замолчала. Сидитъ странникъ—не шевельнется, какъ сѣлъ на краю лавки. Руки сложены на колѣняхъ, голова на грудь опущена, глазъ не раскрываетъ и все морщится, какъ будто душитъ его что. Замолчала Матрена. Семенъ и говоритъ:

— Матрена, али въ тебѣ Бога нѣтъ?!

Услыхала это слово Матрена, взглянула еще на странника, и вдругъ сошло въ ней сердце. Отошла она отъ двери, подошла къ печному углу, достала ужинать. Поставила чашку на столъ, налила квасу, выложила краюшку послѣднюю, подала ножъ и ложки.

— Хлебайте что ль,—говоритъ.

Подвинулъ Семенъ странника.

— Пролѣзай,—говоритъ,—молодецъ.

Нарѣзалъ Семенъ хлѣба, накрошилъ, и стали ужинать. А Матрена сѣла объ уголъ стола, подперлась рукой и глядитъ на странника. И жалко стало Матренѣ странника, и полюбила она его. И вдругъ повеселѣлъ странникъ, пересталъ морщиться, поднялъ глаза на Матрену и улыбнулся.

Поужинали; убрала баба и стала спрашивать странника:

— Да ты чей будешь?
— Не здѣшній я.
— Да какъ же ты на дорогу попалъ?
— Нельзя мнѣ сказать.
— Кто-же тебя обобралъ?
— Меня Богъ наказалъ.
— Такъ голый и лежалъ?
— Такъ и лежалъ нагой,—замерзалъ... Увидалъ меня Семенъ, пожалѣлъ, снялъ съ себя кафтанъ, на меня надѣлъ и велѣлъ сюда придти. А здѣсь ты меня накормила, напоила, пожалѣла. Спасетъ васъ Господь!

Встала Матрена, взяла съ окна рубаху старую Семенову, ту самую, что платила, подала страннику.

— На, вотъ, я вижу—у тебя и рубахи-то нѣтъ. Одѣнься, да ложись, гдѣ полюбится: на хоры, али на печь. Снялъ странникъ кафтанъ, одѣлъ рубаху и легъ на хоры. Потушила Матрена свѣтъ. Прикрылась концомъ кафтана, лежитъ и не спитъ: все странникъ ей съ мыслей не идетъ.

Какъ вспомнитъ, что онъ послѣднюю краюшку доѣлъ и на завтра нѣтъ хлѣба; какъ вспомнитъ, что рубаху и порты отдала, такъ скучно ей станетъ, а вспомнитъ, какъ онъ улыбнулся, и взыграетъ въ ней сердце.

Долго не спала Матрена и слышитъ—Семенъ тоже не спитъ.

— Семенъ!
— А!
— Хлѣбъ-то послѣдній поѣли, а я не ставила. На завтра не знаю, какъ быть. Нечто у кумы Маланьи попрошу?
— Живы будемъ, сыты будемъ.

Полежала баба, помолчала.

— А человѣкъ видно хорошій, только что жъ онъ не сказываетъ про себя?
— Должно, нельзя.
— Семъ!
— А!
— Мы-то даемъ, да что жъ намъ никто не даетъ?

Не зналъ Семенъ, что сказать. Говоритъ: «будетъ толковать-то». Повернулся и заснулъ.

Графъ Л. Толстой.

---

154. Подъ Краснымъ Крестомъ.

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканахъ,
Безъ памяти поднятъ былъ съ мерзлой земли;
И долго, въ шинели изорванной, въ ранахъ,
Меня на скрипучей телѣгѣ везли;
Въ какомъ-то баракѣ очнулся я, снятый
Съ телѣги, и понялъ, что это баракъ;
День ярко сквозилъ въ щели кровли досчатой
Но день безотраденъ былъ,—хуже, чѣмъ мракъ...
Прикрытый лишь тряпкой, пропитанной кровью,
Въ грязи весь, лежалъ я, прильнувъ къ изголовью,
И, самъ искалѣченный, тупо глядѣлъ
На лица и члены истерзанныхъ тѣлъ.
А вотъ, подошла и сестра милосердья!—
Волнистой косы ея свѣсилась прядь.
Я дрогнулъ.—Къ чему молодое усердье?
«Безъ крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть, ради Бога!»
Она-жъ поглядѣла такъ кротко и строго,
Что далъ я ей волю и раны промыть,—
И раны промыть, и бинты наложить.
И вотъ надъ собой слышу голосъ я нѣжный:
«Подайте рубашку!» и слышу отвѣтъ,—
Отвѣтъ нерѣшительный, но безнадежный:
«Всѣ вышли, и тряпки нестиранной нѣтъ!»
Смотрю, среди призраковъ ночи,
Сидитъ, въ красноватомъ мерцаньѣ огня,
Знакомая тѣнь, и безсонныя очи,
Какъ звѣзды, сквозь сумракъ, глядитъ на меня.
Вотъ встала, идетъ и лицо наклоняетъ
Къ огню и одну изъ лампадъ задуваетъ...
И чудится, будто одежда шуршитъ,
По бѣлому темное что-то скользитъ...
Но вотъ, снова шорохъ, и—снова въ одеждѣ.
Простой (въ той, въ которой ходила и прежде),
Она изъ укромнаго вышла угла
И свѣтлымъ видѣньемъ ко мнѣ подошла,—
И съ дрожью стыдливой любви мнѣ сказала:
«Привстань! Я рубашку тебѣ принесла...»
Я понялъ; она на меня надѣвала
Бѣлье, что съ себя потихоньку сняла.
И плакалъ я.—
Не забыть мнѣ сестрицы святой!
Рубашку ея сохраню я до гроба..
И пусть нашихъ недруговъ тѣшится злоба!
Я вѣрю, что зло отзовется добромъ:—
Любовь мнѣ сказалась подъ Краснымъ Крестомъ.

Полонскій.

---

155. Богъ.

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньѣ вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,

Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:,
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьѣ исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ,
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньѣ простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебѣ родятся,
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,—
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой,
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ,
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ,—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой—ничто.

Г. Державинъ.

Ничто!.. Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!.. Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!

Ты есь! Природа чинъ вѣщаетъ;
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ;
Ты есь — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ, повсюду сущихъ;
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ, я червь — я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ? — безвѣстенъ.
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель!
Душа души моей и Царь!
Твоей-то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну проходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ въ безсмертіе Твое
Неизъяснимый, Непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Г. Державинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предисловіе 3
1. Языкъ нашъ... *Карамзина.* 5
2. Берегите нашъ языкъ. *Тургенева* 5
3. Добро за добро. *Графа Н. Л. Толстого* 5
4. Захотѣлъ муравей пить... Заимствов. изъ азбуки *графа Л. Н. Толстого* 5
5. Богачъ и бѣднякъ 5
6. Птичка. *Жуковскаго* 5
7. Въ чужбинѣ свято соблюдаю... *Пушкина* 5
8 Нищій. *Я. Полонскаго* 6
9. Дѣло мастера боится. Заимствовано изъ азбуки *графа Л. Н. Толстого* 6
10. У всякаго талантъ есть свой... *Крылова* 6
11. Примѣчено стократъ... *Крылова* 6
12. Что посѣешь, то и пожнешь. Заимствовано изъ азбуки *графа Л. Н. Толстого.* 6
13. Слыхалъ я много разъ... *Крылова* 6
14. Вечеръ на сѣнокосѣ. *Никитина* 7
15. Кто за большимъ гоняется, тотъ и малое теряетъ. Заим. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 7
16. Ну, какъ здѣсь къ слову не сказать... *Крылова* 7
17. Не красиво, да спасибо. Заимств. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 7
18. Зима. *Баратынскаго* 7
19. Левъ, медвѣдь и лисица. Заимств. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 7
20. Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣе... *Крылова* 8
21. Ворона и голуби. Заимств. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 8
22. Няня. *Никитина* 8
23. Олень и виноградникъ. Заимствовано изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 8
24. Украинская ночь. *Пушкина.* 8
25. Перепелка и перепелята. Заимств. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 8
26. Вечеръ. *Ив. Аксакова* 9
27. Цыганскій таборъ. *Пушкина* 9
28. Два друга. Заимств. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 9
29. На языкѣ легка и ласка... *Крылова* 9
30. Дружба. *Лермонтова* 9
31. Обиженный козелъ. Заимств. изъ азб. *гр. Л. Н. Толстого.* 10
32. Появленіе утра. *Загоскина.* 10
33. Обезсилѣвшая удочка 10
34. Лебедь, щука и ракъ. *Крылова* 11
35. Левъ и лисица. *Крылова* 11
36. Пѣтухъ и жемчужное зерно. *Крылова* 12
37. Чижъ и голубь. *Крылова.* 12
38. Мышь и крыса. *Крылова.* 12
39. Бочка. *Крылова* 13
40. Свинья подъ дубомъ. *Крылова* 13
41. Свинья. *Крылова* 13
42. Мартышка и очки. *Крылова.* 14
43. Слонъ и моська. *Крылова.* 14
44. Стрекоза и муравей. *Крылова* 14
45. Оселъ и соловей. *Крылова.* 15
46. Волкъ и журавль. *Крылова.* 15
47. Роща и огонь. *Крылова* 15
48. Охотникъ. *Крылова* 16
49. Два мужика. *Крылова* 16
50. Демьянова уха. *Крылова* 17
51. Правда и кривда. Народная сказка 18
52. Несмѣяна царевна. Народная сказка 19
53. Чудесная дудка. Народная сказка 20
54. Два мороза. Народная сказка 21
55. Нужда. Народная сказка 22
56. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. *Пушкина* 22
57. Поѣздка Ивана за кольцомъ. *Ершова* 26
58. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ. *Пушкина* 30
59. Нищіе. *Плещеева* 34
60. Нищій. *Гончарова* 35
61. Наказанная заносчивость. Заимствов. изъ азбуки *гр. Л. Н. Толстого* 35
62. Родное. *Пушкина* 35
63. Вурдалакъ. *Пушкина.* 35
64. Расторопный мальчикъ. *Вл. Даля* 35
65. Смѣтливый мужикъ. Народный разсказъ 36
66. Мщеніе. *Жуковскаго* 36
67. Гдѣ горе, тамъ и смѣхъ *Вл. Даля* 37
68. Делибашъ. *Пушкина* 37
70. Матросъ Семенъ Удалой. *М. Погодина* 37
71. Филипокъ. *Гр. Л. Толстого* 38
72. На своихъ не пойду. *Вл. Даля* 39
73. Черкесская пѣснь. *Пушкина* 39
74. Бомбардиръ Рудаченко. *Вл. Даля* 39
75. Флоръ Силинъ. *Карамзина.* 39
76. Жилище священника. *Козлова* 40
77. Каннитферштанъ. *Жуковскаго* 41
78. Воробей. *Тургенева* 42
79. Утопленникъ. *Пушкина* 43
80. Мадонна. *Баратынскаго* 44
81. Три пальмы. *Лермонтова.* 44
82. Капитанъ Боппъ. *Жуковскаго* 46
83. Что такое отчизна? *Вл. Даля* 46
84. Сѣверъ *К. Р.* 47
85. Савва Иванычъ Бѣляевъ. *Вл. Даля* 47
86. Любовь къ родинѣ. *Плещеева* 48

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Царица гусляръ. Народная сказка 49
2. Сказка о царѣ Берендеѣ. *Жуковскаго* 50
3. Водопадъ и ручей. *Крылова.* 57
4. Заяцъ на ловлѣ. *Крылова.* 57
5. Прохожіе и собаки. *Крылова* 57
6. Хозяинъ и мыши. *Крылова.* 57
7. Лошадь и оселъ. *Хемницера* 58
8. Обезьяна. *Крылова* 58
9. Лиса. *Крылова* 58

10. Трудолюбивый медвѣдь. *Крылова* . . . 58
11. Волкъ и лисица. *Крылова*. 59
12. Крестьянинъ и змѣя. *Крылова* . . . 59
13. Орелъ и пчела. *Крылова* . . 59
14. Левъ состарѣвшійся. *Крылова*. . . . 59
15. Лисица и оселъ. *Крылова* 60
16. Крестьянинъ въ бѣдѣ. *Крылова* . . 60
17. Лягушка и волъ. *Крылова* 61
18. Добрая лисица. *Крылова*. 61
19. Дѣтство. *Гр. Л. Толстою* 62
20. Дѣтство. *Никитина* . . 63
21. Классная комната. *Гр. Л. Толстого* . . . 63
22. Злыя дѣти. *Достоевскаго* 64
23. Отправленіе въ гимназію. *С. Аксакова* . . . 65
24. Самоотверженіе матери. *С. Аксакова* . . . 65
25. Мать. *А. Майкова* . . 67
26. Казачка провожаетъ сыновей на войну. *Гоголя* 67
27. Слезы матери. *Некрасова* 69
28. Любовь матери. *Гончарова* 69
29. Къ дѣтямъ. *А. Хомякова* 69
30. Мать и сынъ. *Достоевскаго* . . . 69
31. Основаніе Руси. Преп. Нестора Лѣтописца. . . 72
32. Грамота у Славянъ. *Водовозова* . . . 72
33. Маленькій герой. *Соловьева* 72
34. Крещеніе россіянъ. *Карамзина* . . 72
35. Осень. *Фета*. . 74
36. Осень въ деревнѣ. *Григоровича* . . 74
37. Осенняя слякоть. *Тургенева* 74
38. Перелетная птица. *Пушкина* . . 75
39. Осеннее ведро. *Тургенева*. 75
40. Гришуха. *Некрасова* . . 75
41. Въ деревнѣ осенью. *Некрасова* . . 76
42. Осенніе вечера. *С. Аксакова* . . . 76
43. Осень. *Пушкина* 76
44. Молотьба. *С. Аксакова* . 77
45. Дѣдушка. *Никитина* . 78
46 Усобицы. *Жуковскаго*. 78
47. Изъ поученія Владимира Мономаха къ дѣтямъ. 78
48. Татары. *Мея* . . . 79
49. Татарскій погромъ. *Мея*. 79
50. Убіеніе князя Михаила Черниговскаго въ татарской ордѣ. *Майкова* . . . 80
51. Зима. *Пушкина* . . 80
52. Привѣтствіе зимѣ. *Князя Вяземскаго* 81
53. Вьюга. *Григоровича*. . . 81
54. Береза. *Фета* . . . 82
55. Зимняя буря. *Пушкина*. 82
56. Человѣкъ подъ снѣгомъ. *С. Аксакова* . . . 82
57. Зимняя дорога. *Пушкина* 83
58. Буранъ. *Пушкина* . . . 83
59. Бѣсы. *Пушкина* . . . 85
60. Крещенскій вечеръ. *Жуковскаго* . . . 85
61. Крестьянская пирушка. *Кольцова* . . . 86
62. Переправа. *Вл. Даля*. . 86
63. Жаворонокъ. *Жуковскаго* . 87
64. Весна. *Графа Л. Толстого* 87
65. Появленіе весны. *Пушкина* 87
66. Весна въ Россіи. *Карамзина* 87
67. Фіалка. *Плещеева* . . 88
68. Весна. *Баратынскаго*. . 88
69. Святой князь Александръ Невскій. *Карамзина*. . 89
70. Монастырь. *Майкова*. . 89
71. Битва на Куликовомъ полѣ. *Карамзина* . . 90
72. Весеннія воды. *Тютчева*. 91
73. Ледоходъ. *С. Аксакова* . 92
74. Весна. *Майкова* . . . 92
75. Народная пѣсня про взятіе Казани 92
76. Зайцы. *Некрасова* . . 93
77. Весенняя гроза. *Тютчева*. 91
78. Пчелы. *Некрасова*. . . 94
79. Пѣсня пахаря. *Кольцова*. 94
80. Сѣвъ и бороньба. *С. Аксакова*. 95
81. Рыбка. *Фета* 96
82. Лѣтній вечеръ. *Жуковскаго* 96
83. Уженье рыбы. *С. Аксакова* 97
84. Сорвался. *С. Аксакова* . 99
85. Купанье въ деревнѣ. *Языкова* 100
86. Сѣнокосъ. *С. Аксакова* . 100
87. Народная пѣсня о покореніи Сибири 101
88. Косарь. *Кольцова* . . 102
89. Туча. *Пушкина* . . . 103
90. Гроза. *Гончарова* . . 103
91. Монологъ царя Бориса Годунова. *Пушкина*. 104
92. Уборка хлѣба. *Гр. Л. Толстого* . . . 104
93. Жнитво. *С. Аксакова*. 105
94. Ночь на жнитвѣ. *Майкова* 105
95. Всенощная въ деревнѣ. *Аксакова* 106
96. Воскресное утро въ деревнѣ. *Жуковскаго*. 106
97. Урожай. *Кольцова* . 107
98. Тоска по деревнѣ. *Ю. Жадовской* 108
99. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. *Гр. Л. Толстого*. . . 108
100. Гнѣдко. (Осторожныя животныя). *Достоевскаго*. 112
101. Шарикъ, Бѣлка и Культяпка. *Достоевскаго* . 113
102. Гуси. *Достоевскаго* . . 114
103. Козелъ. *Достоевскаго* . . 115
104. Орелъ. *Достоевскаго* . 115
105. Патріархъ Гермогенъ. *С. Соловьева* 116
106. Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіева монастыря. *Н. Костомарова*. 117
107. Троице-Сергіевъ монастырь. *Гр. А. Толстого*. . . 118
108. Кузьма Мининъ на Нижегородской площади. *Островскаго* 119
109. Избраніе Михаила на царство. *Карамзина* . . . 120
110 Жизнь за Царя. Крестьянина *Слѣпушкина* . . 120

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1. Что легко наживается, то легко проживается. *Вл. Даля* 121
2. Слава труду. *Миллера*. . 123
3. Разсказы мышенка. *Жуковскаго* 123
4. Бой Руслана съ головою. *Пушкина* 126
5. Въ Запорожской сѣчи. *Гоголя* 128
6. Малороссія. *Гр. Л. Толстого*. 130
7. Возсоединеніе Малороссіи съ Россіею. *Костомарова* 130
8. Малороссійскіе послы въ Москвѣ. *Гр. Л. Толстого* 131
9. Синица. *Крылова*. . . . 132
10. Ворона. *Крылова*. . . 132
11. Двѣ собаки. *Крылова* 132
12. Квартетъ. *Крылова*. . . 133
13. Муха и пчела. *Крылова*. 133
14. Лягушка и Юпитеръ. *Крылова* 133
15. Котъ и поваръ. *Крылова*. 134
16. Ворона и курица. *Крылова* 134
17. Волкъ на псарнѣ. *Крылова*. 135
18. Щука и котъ. *Крылова*. 135
19. Пустынникъ и медвѣдь. *Крылова*. . . . 136
20. Петръ Великій. *Н. Полевого*. 136
21. Петербургъ. *Пушкина* . 137
22. Ассамблея. *Пушкина* . . 138
23. Полтавскій бой. *Пушкина*. 139
24. Царь-работникъ. *Пушкина* 140
25. Погребеніе Петра Великаго. *Майкова* 140
26. Ломоносовъ. *Пушкина*. . 141
27. Его избралъ Господь отъ малыхъ... *Майкова*. . 141
28. Природа. *Козлова* . . . 141
29. Утреннее размышленіе о Божьемъ величіи. *Ломоносова* 141
30. Когда волнуется желтѣющая нива... *Лермонтова* 142
31. Воды. *С. Аксакова*. . . 142
32. Болотные родники. *С. Аксакова* 143

33. Ручьи. *С. Аксакова* . . 143
34. Лѣсныя рѣчки. *С. Аксакова* 143
35. Рыбное мѣстечко. *С. Аксакова* 143
36. Степныя рѣчки. *С. Аксакова* 144
37. Путешествіе рыбы. *С. Аксакова* 144
38. Лебедь. *С. Аксакова* . 145
39. Въ полдень на пруду. *С. Аксакова* 146
40. Большія рѣки. *С. Аксакова* 146
41. Пескарь. *С. Аксакова*. 147
42. Плотица. *С. Аксакова* 147
43. Линь. *С. Аксакова*. . . 147
44. Окунь. *С. Аксакова*. . 148
45. Щука. *С. Аксакова* . . 148
46. Охота съ острогою. *С. Аксакова* 149
47. Гусь. *Аксакова* 151
48. Русскія рѣки. *Ѳ. Миллера* 153
49. Какъ гуляетъ рыба. *С. Аксакова* 154
50. Въ бродъ. *Тургенева* . 154
51. Море. *Жуковскаго* . . . 155
52. Крѣпкій вѣтеръ и качка. *Гончарова*. 156
53. Кубокъ. *Жуковскаго* . . 158
54. Лѣсъ. *С. Аксакова* . . . 159
55. Лѣсъ. *Кольцова* 161
56. Береза и осина. *Тургенева*. 161
57. Рубка лѣса. *Некрасова* . 162
58. Деревомъ убило. *Тургенева* 163
59. Дубовый листокъ. *Лермонтова* 164
60. Жители лѣса. *С. Аксакова* 164
61. Лѣсныя болота. *Мельникова* 164
62. Лѣсныя насѣкомыя. *Мельникова* 165
63. Лѣсной царь. *Жуковскаго*. 166
64. Зимнія работы въ лѣсахъ. *Мельникова* 167
65. Ночевка въ лѣсу въ зимнюю пору. *Мельникова*. 167
66. Голубь. *С. Аксакова* . . 169
67. Проселокъ. *Апухтина* . 170
68. Журавль. *С. Аксакава* . 170
69. Перепелка. *Тургенева*. . 171
70. Заяцъ. *С. Аксакова*. . . 173
71. Фальстафъ. *Достоевскаго*. 174
72. Княжна Катя и Фальстафъ. *Достоевскаго*. 175
73. Пчелы. *Разина*. 176
74. Обезматочившій улей. *Гр. Л. Толстого*. 178
75. Балъ насѣкомыхъ. *Я. Полонскаго*. 179
76. Шелковичный червь. *Гр. Л. Толстого*. 179
77. Похороны мертвой бабочки. *Полонскаго*. . . 182
78. Екатерина Великая (Фелица). *Державина* . . 182
79. Недоросль сдаетъ экзаменъ. *Д. Фонъ-Визина* . . . 183
80. Водопадъ. *Державина*. . 185
81. Суворовъ. *Графа Д. Милютина*. 185
82. Суворовъ. *Н. Полевого* . 186
83. Суворовъ. *Державина* . 187
84. Екатерина Великая и капитанская дочка. *Пушкина* 187
85. Ночь передъ Рождествомъ. *Гоголя* 190
86. Небольшая усадьба. *Тургенева* 197
87. Именины. *Пушкина* . . 198
88. Казачья станица. *Графа Л. Толстого* . . . 199
89. Тундра. *С. В. Максимова* 200
90. Кіевъ. *Хомякова* . . . 201
91. Кіевъ. *Козлова* 202
92. Кіевскія пещеры. *Вад. Пассека*. 202
93. Петербургъ. *Пушкина*. . 203
94. Финляндія. *Баратынскаго* 203
95. Финляндія. *Пушкина*. . 204
96. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. *Жуковскаго* . 204
97. Молебенъ предъ Смоленскою Иконой Божіей Матери на Бородинскомъ полѣ. *Гр. Л. Толстого* 204
98. Бородинское сраженіе. *Ѳ. Глинки* 205
99. Бородино. *Лермонтова*. . 206
100. Москва. *Пушкина* . . . 208
101. Москва. *Ѳ. Глинки*. . . 208
102. Московскій Кремль. *Майкова* 208
103. Кутузовъ. *Жуковскаго* . 209
104. Ко гробу Кутузова. *Пушкина* 209
105. Два великана. *Лермонтова* 209
106. Украинская ночь. *Гоголя*. 209
107. Днѣпръ. *Гоголя* 210
108. Сѣверный Кавказъ. *Пушкина* 210
109. Пятигорскъ. *Гр. Л. Толстого*. 211
110. Кавказъ. *Пушкина* . . . 211
111. Обвалъ. *Пушкина* . . . 211
112. Споръ. *Лермонтова* . . 211
113. Переѣздъ черезъ Кавказскія горы. *Лермонтова*. 212
114. Черкесы. *Пушкина*. . . 214
115. Одесса. *Пушкина* . . . 216
116. Бѣжинъ лугъ. *Тургенева*. 217
117. Плачъ вдовы. *Некрасова* . 224
118. Подъ Севастополемъ. *Гр. Л. Толстого*. 226
119. Молитва за воиновъ. *Ю. Жадовской*. 227
120. Исполненный долгъ. *Гр. Л. Толстого*. 227
121. Пѣсня о Севастополѣ . . *Апухтина*. 228
122. Клеветникамъ Россіи . . *Пушкина* 229
123. Освобожденіе крестьянъ . *Плещеева* 229
124. Освобожденіе крестьянъ . *Майкова* 229
125. Царскій смотръ. *В. Гаршина* 230
126. Въ походѣ. *В. Гаршина*. 231
127. Русь. *Никитина* 232
128. Родина. *Лермонтова*. . 234
129. Опять на родинѣ. *Пушкина* 234
130. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. *Майкова*. . 235
131. О любви къ отечеству и народной гордости. *Карамзина*. 235
132. Подражаніе иностранцамъ. *Грибоѣдова* 239
133. Святая Русь. *Кн. Вяземскаго*. 240
134. Бэда-проповѣдникъ. *Полонскаго* 240
135. Ангелъ. *Лермонтова* . . 240
136. Молитва. *Лермонтова* . 241
137. Молитва. *Жадовской* . . 241
138. Молитва. *Жадовской* . . 241
139. Мальчикъ у Христа на елкѣ. *Достоевскаго*. . 241
140. Великопостная молитва . *Пушкина* 242
141. Изъ Великаго канона. *Апухтина* 244
142. Вѣтка Палестины. *Лермонтова* 244
143. Святая земля. *Л. Мея*. . 244
144. Іерусалимъ. *Норова* . . 245
145. Свѣчка предъ иконой. *А. Майкова* 246
146. На церковное строеніе. *Кн. Вяземскаго* 246
147. Сельская церковь. *Кн. Вяземскаго* 247
148. Кончина бабушки. *Хохановской* 248
149. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. *Пушкина* . . 249
150. Похороны Чернаго. *Хохановской* 249
151. Погребальныя пѣснопѣнія. *Гр. Алексѣя Толстого* 250
152. Выборъ креста. *Жуковскаго* 251
153. Сапожникъ Семенъ. *Гр. Л. Н. Толстого*. . . 252
154. Подъ Краснымъ Крестомъ. *Полонскаго* 256
155. Богъ. *Державина*. . . 256

Въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА.

С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. № 2.

продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Дѣтскія очки. Русско-славянскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Пособіе для учениковъ начальныхъ училищъ и воскресныхъ школъ. Составилъ учитель К. П. Ройскій. Ц. 8 к. Допущенъ *Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ.* къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

Дѣтямъ старшаго возраста. Сборникъ разсказовъ *Елизаветы Фридрихсъ.* Съ картин. Ц. 1 р., въ колен. перепл. 1 р. 50 к. Допущенъ *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученич. библіотеки средне-учебн. заведеній.

Звѣздное небо и его чудеса. *К. Фламмаріона.* Подробное описаніе звѣздъ, видимыхъ простыми глазами и всѣхъ небесныхъ предметовъ, удобныхъ для наблюденія. *Со вступительной статьей автора къ русскому изданію,* его портретомъ, 400 рисунк. въ текстѣ, небесными картинами и раскрашенными таблицами. Переводъ *Е. А. Предтеченскаго.* Ц. 3 р. 50 к., въ коленк. перепл. 4 р. 25 к. *Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Народ. Просв.* для фундаментальн. и ученическ., старш. возраста, библіотекъ гимназій, мужск. и женск., и реальн. училищъ, а также и для выдачи ученик. и ученицамъ въ видѣ *награды.*

Иллюстрированный сборникъ описаній интересныхъ явленій въ области природы, наукъ и искусствъ. Съ рисунк. Изд. 2-е. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 60 к.

Историческій порядокъ евангелія. Сводъ во едино всѣхъ четырехъ евангелій. Изъ подроб. сравнительн. обзора четвероевангелія, составлен. преосв. еписк. Виталіемъ (Гречулевичемъ). Ц. 15 к. *Одобренъ Святѣйш. Синод.* для библ. церковно-приходскихъ школъ.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. *А. Коваленской.* Съ картин. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ переп. съ зол. 2 р. 50 к.

Первое знакомство съ физикой, посредствомъ общедоступн. приборовъ. Руководство для дѣтей средняго возраста. Составилъ *М. Герасимовъ.* Съ 148 рисунк. въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 50 к. Во 2-мъ изданіи *допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученическ. библіотеки среднихъ и низшихъ учебн. заведен, а также *Учеб. Комит. Свят. Синода* для ученическ. библіот. духовн. семинарій, мужск. духовн. и епархіальныхъ женскихъ училищъ.

Разскажите мнѣ что-нибудь и покажите картинки. Состав. *В. Андреевская.* Со множествомъ рисун. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р.

Семь новыхъ сказокъ. *А. Коваленской.* Изд. 2-е, съ карт. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 40 к., въ переп. съ зол.—1 р. 60 к.

Элементарная анатомія, физіологія и гигіена, съ добавленіемъ первой помощи въ несчастн. случаяхъ, ухода за дѣтьми, начальныхъ признаковъ заразныхъ болѣзней въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ, правилъ предупрежденій заноса заразныхъ болѣзней въ учебныя заведенія и ухода за больными. Руководство для городск. и другихъ элементарн. училищъ. Составилъ *М. Герасимовъ.* Съ 98 рисунк. въ текстѣ. Изд. 5-е, исправлен. и дополн. Ц. 75 к. Въ 4-мъ изданіи *одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Эхо родныхъ звуковъ. Избранные русскіе гимны и пѣсни. Пособіе для учениковъ начальныхъ училищъ на урокахъ пѣнія. Собралъ учитель К. П. Ройскій. Ц. 15 к. Допущено *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.,* какъ пособіе для изученія текста пѣсенъ въ народныхъ училищахъ.

Иллюстрированные романы Вальтеръ Скотта.

Полный переводъ:

Томъ I. Вэверлей, или шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Изданіе 2-е. . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
„ II. Гай Маннерингъ . . Ц. 3 „ 50 „
„ III. Антикварій . . . . Ц. 3 „ 50 „
„ IV. Робъ-Рой. Изд. 2-е . . . Ц. 1 „ 50 „
„ V. Айвено. Изданіе 2-е . . Ц. 1 „ 50 „
„ VI. Ламермурская невѣста . Ц. 3 „ 50 „
„ VII. Кенильвортъ. . . . . Ц. 3 „ 50 „
„ VIII. Пуритане . . . . . Ц. 3 „ 50 „
„ IX. Эдинбургская темница, или сердце средняго Лотіана . . . Ц. 3 „ 50 „
„ X. Монастырь . . . . . Ц. 3 „ 50 „
„ XI. Аббатъ . . . . . . Ц. 2 „ 50 „

Въ каждомъ томѣ до 500 страницъ, съ 2 картинами и до 50 политипаж. въ текстѣ. Томъ I. Вэверлей; томъ IV. Робъ-Рой и томъ V. Айвено въ коленкоровыхъ переплетахъ съ зол. по 2 р. 25 к. Томъ IX значится въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ средн. учебн. заведеній Минист. Народн. Просвѣщенія, изд. 1889 г. Остальные всѣ 10 томовъ одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки гимназій (мужскихъ и женскихъ), реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Томъ V — Айвено — рекомендованъ Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ. Томъ XI — Аббатъ допущенъ Учебнымъ Комит. вѣдомства учрежд. Императрицы Маріи для ученическихъ библіот. старшихъ классовъ среднихъ учебн. заведеній.

☞ Незабвенный русскій критикъ Бѣлинскій сказалъ о романахъ Вальтеръ-Скотта слѣдующія слова, и донынѣ не теряющія своего значенія: «Вальтеръ-Скоттъ равно увлекателенъ и назидателенъ. Чтеніе его романовъ проливаетъ въ душу какое-то доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткое, успокоительное чувство; очаровывая фантазію, оно образуетъ сердце и развиваетъ умъ, потому что поэзія Вальтеръ-Скотта не эксцентрическая, не мечтательная и не болѣзненная... Для молодыхъ людей особенно полезны романы Вальтеръ-Скотта; увлекая ихъ въ міръ поэзіи, они не только не отвлекаютъ ихъ отъ науки, но еще воспитываютъ и развиваютъ въ нихъ историческое чувство, безъ котораго изученіе исторіи безплодно».

...азки. Изданіе 3-е, съ 8-ю ...льн. и многими друг. рисунками въ текстѣ ...Н. Кразина и др. Въ это изданіе вошли, ...омѣ наиболѣе удачныхъ пересказовъ про... народ. и иностран. сказокъ изъ сборника: ...учшихъ новыхъ сказокъ, еще три оригин. ...зки: О муравьѣ-богатырѣ, О пчелѣ-мохнаткѣ ...мната говоритъ. Послѣднія двѣ удо...ны каждая первой преміи С.-Петербургскаго ...елевскаго общества. Ц. 1 р. 25 к., въ ...ной папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкоров. ...съ золот. 2 р. Въ первыхъ изданіяхъ *од...ены Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для ...ич. библіотекъ средн. учеб. заведеній и ...родс. училищъ; *Учебн. Комит.* вѣдом. учреж. ...атр. Маріи допущены для пріобрѣтенія в библіотеки училищъ вѣдомства.

...итки изъ дѣтскихъ воспоминаній. ...ъ автобіографическихъ разсказовъ. Съ ...ретомъ автора и 15-ю отдѣльными рисунк. ...агорскаго и Т. Никитина. Изд. 2-е. Ц. 1 р. ...к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. ...еплетѣ 2 р. 25 к. *Одобрены Учен. Ком. Минист. ...одн. Просв. и рекомендованы Учебн. Комит.* ...ом. учрежд. Императрицы Маріи для ...нич. библіотекъ средн. учебн. заведеній, ...авно и для подарковъ.

...асильки и Колосья. Очерки и разсказы ...юношества. Съ 22-мя портретами и рисунк. ... 2-е. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., ...изящн. коленкор. перепл. 2 р. Въ первомъ из...іи допущены *Учен. Ком. Комит. Мин. Народн. ...рсв.* въ ученич. библ. средн. учебн. заведеній *...ебн. Комитет.* при *Свят. Синодѣ* къ пріо...ію въ ученичес. библ. духовн. семина... ...ендованы: *Учебн. Комит.* вѣдом. ...Императрицы Маріи въ ученическ. ...н. учебн. завед., а также для подар... ...*ав. Управ.* военно-учебн. заведеній ...детскихъ корпусовъ.

...троческіе годы Пушкина. Біографи...кая повѣсть. Изданіе 4-е, иллюстрированное ...рисунками и портретомъ Пушкина. Ц. 1 р. ...к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. ...ерепл. 2 р. Во второмъ изданіи рекомендо...ана: *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для ученич. ...библіотекъ средн. учеб. заведеній, мужскихъ и ...енскихъ, *Глав. Управл.* военно-учебн. заведе...ій для библіотекъ кадетск. корпусовъ и *Учеб...ымъ Комит.* вѣдом. Императр. Маріи для чтенія ...въ 3-хъ старш. классахъ, а также для подарковъ. ...опущена *Учебн. Комит. при Свят. Синодѣ.* ...въ ученич. библіот. духовн. семинарій, мужск. духовн. и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Юношескіе годы Пушкина. Біографи...ческая повѣсть. Изданіе 3-е, съ 6-ю портрет. и 3-мя рисунками. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ изящномъ коленкор. перепл. 2 р. 50 к. Рекомендована *Учен. Комит. Мин. Народн. ...осв.* для ученич. библіотекъ средн. учеб. ...деній, мужск. и женск., и *Главн. Управл.* ...-учебн. заведеній для библіотекъ кадетск. ...овъ. *Одобрена Учебн. Ком.* вѣдом. учрежд. ...атр. Маріи для ученич. библіотекъ ...чебн. заведеній. Допущена *Учебн. Ком.* *при Свят. Синодѣ* въ ученич. библіот. духовн. семинарій, мужск. духовн. и женскихъ епархіальн. училищъ, а равно и женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи **«Ученическіе годы Гоголя»**. Издан. 6-е. Съ 8-ю портр. и видами. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ изящн. коленк. перепл. 2 руб.

Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи **«Ученическіе годы Гоголя»**. Изданіе 2-е. Съ 12 портрет. и видами. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленк. переплетѣ 2 р. 25 к.

Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи **„Ученическіе годы Гоголя“**. Съ 15-ю портрет. и рисунками. Ц. **1** р. **75** к., въ папкѣ **2** р., въ изящн. коленк. перепл. **2** р. **50** к.

Всѣ три повѣсти біографической трилогіи *«Ученическіе годы Гоголя» одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.* для ученич. библ. среднихъ и низшихъ учебн. заведеній и допущены въ безплатн. народн. библіот. и читальни и *рекомендованы* Учебн. Комит. вѣдомства учрежд. Императр Маріи для фундаментал. и ученич. библ. средн. учебн. заведеній, а также и для наградъ.

Передъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества, изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Съ 20-ю рисунк. и портретами. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленк. перепл. 2 р. 25 к. *Учен. Комит. Мин. Народн. Просв. одобрена* для ученич., младш. и средн. возраст., библіот. средн. учебн. заведен.; *Учебн. Комит. Вѣдом. учр. Императр. Маріи рекомендована* для ученическ. библіот. средн. и старш. возраста средн. учебн. заведен. и *для подарковъ.*

За тридцать лѣтъ. Образцы новой русской поэзіи. (Выбраны для юношества). Ц. 1 р. 25 к., въ изящн. коленк. переплетѣ 2 р. *Учен. Комит. Мин. Народн. Просв.* допущены въ учител. библіот. низшихъ училищъ и въ безплат. народн. читальни. *Учебн. Комит. Вѣдом. учр. Импер. Маріи рекомендованы* для ученич. библіот., всѣхъ возрастовъ, средн. учебн. заведен. и *для подарковъ.*

Меньшой потѣшный. Историческая повѣсть изъ молодости Петра Великаго. Съ портр. князя А. Д. Меншикова и 7 отдѣльными рисунками. Изд. 2-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к., въ изящ. переплетѣ 80 к. *Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученическія библіотеки средн. и низш. учебныхъ заведеній.

Молодильныя яблоки. Сказка-поэма. Съ рисунками. Ц. 10 к. *Учебн. Комит.* вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки средн. и низш. классовъ средн. учеб. заведеній.

Сказка о муравьѣ-богатырѣ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Изданіе 5-е. Ц. 50 к. *Учебн. Комитетомъ* вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.